

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

Кастрена
VXIII

1938 г.
Кастрена
XVIII

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ Редакціей Правителя Дѣлъ И. И. Серебренникова.

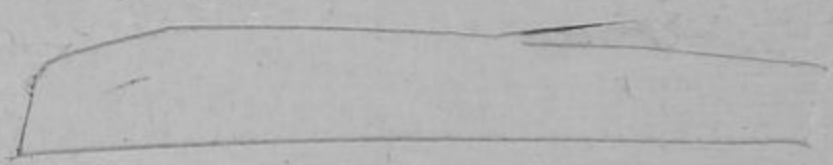
ТОМЪ XLV. 1916 ГОДЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
ДМИТРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
КЛЕМЕНЦА.

ИРКУТСКЪ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.
1917.

Печатается по постановленію Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

Правитель Дѣлъ *И. Серебренниковъ.*

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

Кастрена
VXIII

Кастрена
XVIII

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ Редакціей Правителя Дѣлъ И. И. Серебренникова.

Томъ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.

И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.
1917.

1962 г.

1965 г.

1958

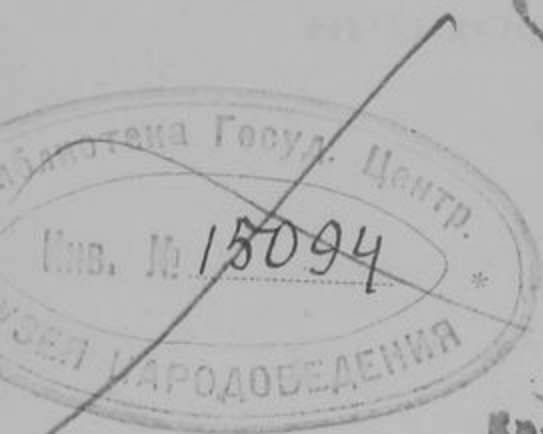
БИБЛИОТЕКА
ИМ. МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Л-2443/6

81

Печатается по [REDACTED] Восточно-
Сибирского Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго
Общества.

Правитель Дѣль И. Серебренниковъ.

Время поступ.

Инвент. №

3 Марта 1924
38453

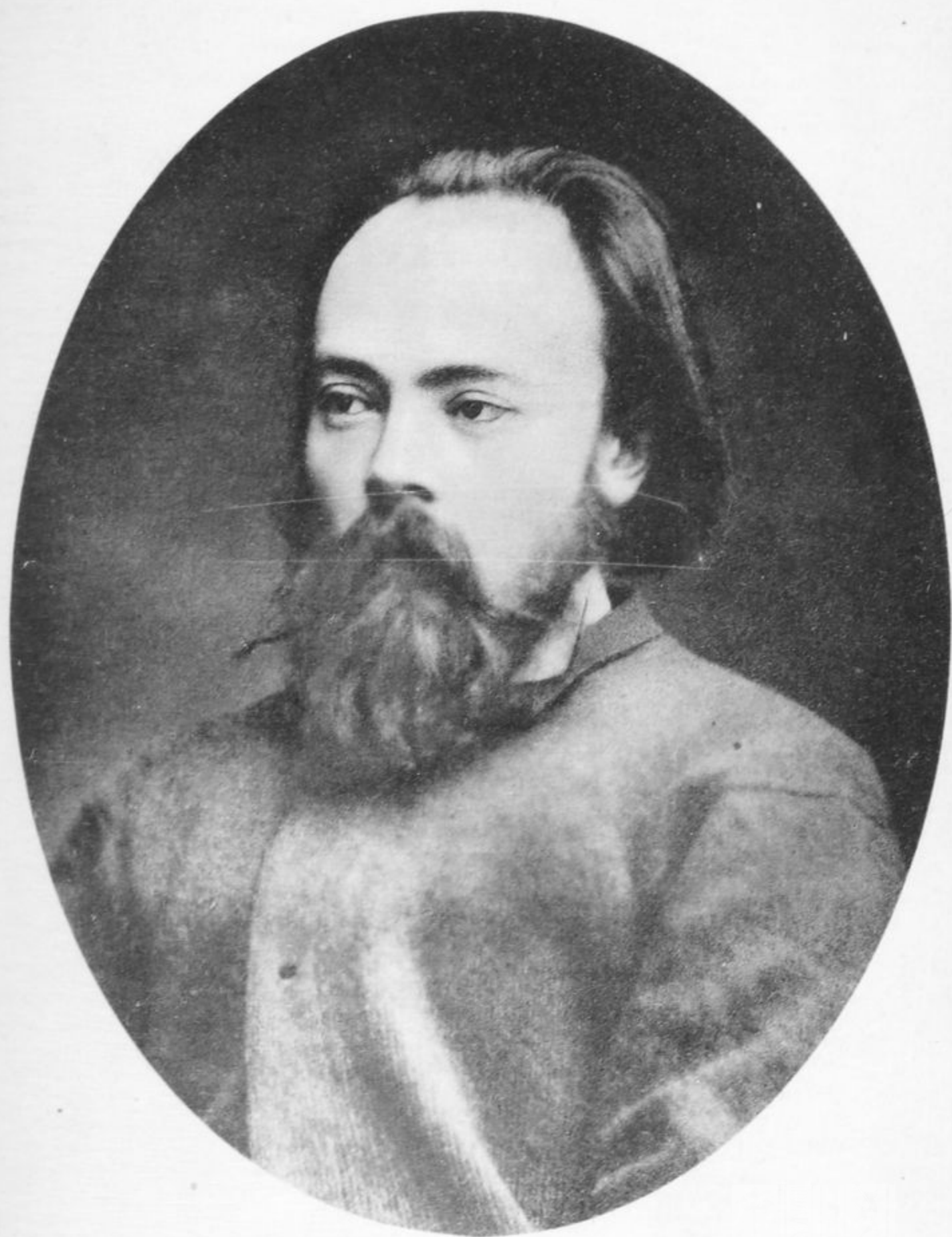
Ш и р р;

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Стр.	Строка	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
36	33	сагоецъ	сагаецъ
39	19—20	строительныхъ	оросительныхъ
—	23	догадокъ	догадокъ“.
—	28	Рагандъ	Рашидъ
41	20	аренцы	арины
42	8	тукинцами	тукинцами“.
44	22	воинахъ	войнахъ
45	14	Цицурика	Цицурина
—	44	стройное	страстное
46	8	аргены	арины
48	18	сѣмабырь	сѣки мадырь
—	27	Алтыкъ	Алтынъ
—	29	коктайша	контайша
48	3	Кострена	Кастрена
49	9	VXIII	XVIII
50	3	бжесары	джесары
51	8	XVII.	XVII в.
52	1	бѣлый	Бѣлый
—	6	межествовавшихъ	смежествовавшихъ
55	6	Prais	Paris
57	27	Хозаровъ	Хазаровъ
59	7	Кузнецъ	Кузнецкъ
61	2	Согайской	Сагайской
63	9	землицъ.	землицъ“.
64	2	великою	великого
81	39	оказывается	оказалось
89	5	осадка	садка
90	31	будеть	будутъ
95	33	случается	случится
125	2	Музея	Кабинета
—	28	Sac.	Sav.
—	25	Vogel	Vögel
126	20	(5. 291 и 293)	(S. 291 и 293)
126	22	bruten	brüten
128	16	pyrrhuta	pyrrhula
129	1	Ferd.	lerd.
—	19	oen	oen.
131	5	Pikus	Picus

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
—	7	journ. f. Ornith. 5	Journ. f. Ornith. S.
133	1	crissoleukos	crissoleucos
—	9	1601	1901
—	22	obscurus (Tschusi 1904)	transriphaeus Buturl. 1915.
135	33	191	19
136	1	Bufuriin	Buturlin
—	5	laczanowskii	taczanowskii
137	7	nikolzkii	nikolskii
—	23	Vogel	Vögel
—	33	Nartert	Hartert
138	12	длиннымъ	самымъ длиннымъ
144	11	Акедеміи	Академіи
146	37	сообщилъ	сообщалъ
163	18	Яворскому	Яворовскому
237	21	iatiforia	latifolia

Дмитрій Александровичъ
Клеменцъ въ 187⁵/₆ г.

Обзоръ путешествій Д. А. Клеменца по внутренней Азіи и ихъ географическихъ и геологическихъ результатовъ.

Дѣятельность Д. А. Клеменца по изслѣдованію Азіи началась въ 1883 г., хотя уже въ концѣ 1881 г., по прибытіи въ мѣсто административной ссылки, г. Минусинскъ, Д. А. сдѣлался сотрудникомъ *Н. М. Мартынова* по описанію коллекцій Минусинскаго музея. Подготовляя описаніе всѣхъ металлическихъ археологическихъ предметовъ музея, онъ познакомился съ географической литературой о Сибири и составилъ географическій очеркъ Минусинскаго края, вошедшій въ составъ обширнаго введенія къ изданію „Древности Минусинскаго музея,“ выпущенному въ 1886 г.

Эта работа съ одной стороны обнаружила Д. А. Клеменцу многочисленныя пробѣлы, имѣвшіеся въ нашихъ свѣдѣніяхъ по географіи, геологіи и археологіи Минусинскаго края, и общую скудость соотвѣтствующей литературы, съ другой стороны подготовила его къ дальнѣйшей изслѣдовательской дѣятельности.

Поэтому, когда весной 1883 г. Д. А. предложилъ свои услуги въ качествѣ сотрудника по путешествію *А. В. Адрианову*, командированному Западно-Сибирскимъ Отдѣломъ *И. Р. Географическаго Общества* для изслѣдованія весьма мало извѣстнаго района въ верховьяхъ рѣчныхъ бассейновъ Томи и Абакана, гдѣ соприкасаются горныя системы Кузнецкаго Алатау, Восточнаго Алтая и Западнаго Саяна, г. *Адриановъ* былъ очень обрадованъ такимъ усиленіемъ состава экспедиціи подготовленнымъ и энергичнымъ человѣкомъ.

Изъ Минусинска *А. В. Адриановъ* и *Д. А. Клеменцъ* направились по долинѣ Абакана до устья р. Уйбать, затѣмъ поднялись по послѣдней и перевалили черезъ бассейнъ Камышты до пріисковъ *Барташева* на Узунжулѣ, откуда экспедиція перебралась на р. Немиръ, маленькій притокъ р. Нени, гдѣ окончательно снаряди-

лась; далѣе ихъ маршрутъ прошелъ вверхъ по системѣ Нени до горы Карлыганъ на гребнѣ Кузнецкаго Алатау, спустился прямо къ вершинамъ Томи и слѣдовалъ долиной этой рѣки до устья р. Балыксы. Здѣсь экспедиція, по предложенію *Д. А. Клеменца*, несмотря на свои скудные средства, раздѣлилась въ цѣляхъ изслѣдованія возможно большаго пространства; *Д. А.* не побоялся пуститься въ путь по глухой и безлюдной тайгѣ безъ палатки, съ одной вьючной лошадыо и однимъ проводникомъ.

Въ то время, какъ *А. В. Адриановъ* занялся изслѣдованіями въ бассейнахъ Томи и Мрассы и затѣмъ вышелъ по Матыру опять на Абаканъ, *Д. А.* направился сразу къ послѣднему, слѣдуя по старинной заброшенной дорогѣ Кузнецкъ—Таштыпъ (черезъ рч. Шор-сукъ, хр. Пайзы-сынъ, рч. Тузак-су и Айангъ, Поклонный хребетъ) къ вершинѣ рч. Аскызъ бассейна Абакана; отсюда онъ прошелъ внизъ по Аскызу до устья рч. Бай, а затѣмъ по этой рѣчкѣ, *М. и Б. Еси*, *Теѣ* и *Имеку* въ Таштыпъ и Абаканскій заводъ. Далѣе *Д. А.* направился къ Матыру по тайгѣ и горамъ праваго берега Абакана черезъ пріиски на Анзасѣ и Кызасѣ и хр. Шаманъ; на Кызасскихъ пріискахъ была сдѣлана остановка для изученія окрестностей. На Матырѣ оказалось, что эта рѣчка и путь съ нея въ Абаканскій заводъ по лѣвому берегу Абакана уже пройдены *А. В. Адриановымъ*, возвращавшимся съ Мрассы, почему *Д. А.* обслѣдовалъ крупный притокъ Матыра—Магазу и затѣмъ сплылъ на лодкѣ по Абакану до завода. Конецъ лѣта былъ посвященъ поѣздкѣ черезъ Таштыпъ на Аскызъ и Узунжулъ, откуда была сдѣлана поѣздка черезъ хр. Поклонный къ вершинѣ р. Тереньсы, бассейна Томи, и обратно и къ утесу Иней-тасъ на Аскызѣ у устья рч. Кюгъ, во время которой была открыта пещера съ слѣдами обитанія человѣка между *Б. Сыромъ* и *Бюзой*; на Узунжулѣ были осмотрѣны пріиски; отсюда *Д. А.* вернулся прямымъ путемъ въ Минусинскъ, но позже осенью совершилъ еще экскурсіи въ соляную котловину Ушь-кюль и на гору Изыхъ съ мѣсторожденіемъ каменнаго угля.

Такимъ образомъ, это первое лѣто путешествій *Д. А.* дало ему возможность изучить мѣстность, почти совершенно неизвѣстную въ геологическомъ отношеніи и очень мало въ географическомъ, расположенную по обоимъ склонамъ самой южной части Кузнецкаго Алатау между р. Мрассой на западѣ и Абаканомъ на востокъ, а также съ райономъ Шаманскаго хребта и пріиска-

ми Кызаса и Анзаса на правомъ берегу Абакана, принадлежащей уже къ западному Саяну. Во всей этой мѣстности, въ виду ея удаленности отъ жилыхъ мѣстъ и труднодоступности, каждое геологическое наблюденіе было уже цѣннымъ приобрѣтеніемъ для науки. Наблюденія, сдѣланныя Д. А. при совмѣстной поѣздкѣ съ *А. В. Адриановымъ*, включены въ отчетъ послѣдняго ¹⁾; о самостоятельной части путешествія Д. А. опубликовалъ предварительный отчетъ съ приложеніями; въ первомъ вкратцѣ изложены путевыя наблюденія, во вторыхъ находимъ: 1) объяснительный списокъ коллекціи горныхъ породъ, въ которомъ не только дано опредѣленіе образчика, но и мѣстонахожденіе его и условія залеганія; породы собраны на маршрутахъ по Томи и Абакану (109 обр.), съ озернаго урочища Уш-кюль (15 обр.), изъ окрестностей Минусинска (8 обр.) и въ горахъ Изыхъ (22 обр.); 2) списокъ растений, опредѣленныхъ *Н. М. Мартыановымъ* (251 видъ въ 700 экз.) ²⁾ Описаніе маршрута вмѣстѣ съ спискомъ горныхъ породъ даетъ возможность составить общее представленіе о геологическомъ строеніи этой почти неизвѣстной мѣстности.

Путешествіе по дикой тайгѣ такъ понравилось Д. А., что въ 1884 г. онъ, по порученію и съ пособіемъ отъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества, присоединился къ экспедиціи золотопромышленника *Должникова* въ верховья Абакана; въ составѣ экспедиціи были еще казакъ *Борзовъ*, близко знакомый съ мѣстностью, и инженеръ-технологъ *А. И. Вениковскій*, взявшійся помогать Клеменцу, преимущественно по части топографическаго описанія мѣстности. Отъ Минусинска до Таштыпа шли безостановочно, затѣмъ экскурсировали въ бассейнѣ Таштыпа, собирая геологическую и ботаническую коллекціи; на хребтѣ Бизе на правомъ берегу Таштыпа былъ открытъ желтый горный макъ, растущій только на высокихъ горахъ, а здѣсь оказавшійся на высотѣ всего 1200 ф. надъ уровнемъ Таштыпа; въ известнякѣ уроч. Курбаджекъ по Таштыпу были найдены окаменѣлости. Далѣе экспедиція должна была идти черезъ Сею въ долину Ма-

¹⁾ Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное лѣтомъ 1883 года по порученію И. Р. Геогр. Общ. и его Зап. Сиб. Отдѣла. Записки Зап. Сиб. Отдѣла, кн. VIII, вып. 2, 144 стр. съ 2 табл. и 2 приложеніями. Омскъ, 1886 г.

²⁾ Краткій предварительный отчетъ объ экскурсіяхъ въ системѣ Абакана, выполненныхъ по порученію г. Адрианова въ 1883 г. членомъ экспедиціи въ Восточный Алтай и западную часть Минусинскаго округа, Дмитріемъ Клеменцемъ. Записки Зап. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. кн. XI. 31+24+36 стр.

тыра и по лѣвымъ притокамъ Абакана на водораздѣлѣ этой рѣки и Мрассы, оттуда къ вершинѣ Абакана и наконецъ на Телецкое озеро, чтобы сомкнуть свой маршрутъ съ маршрутомъ извѣстнаго путешествія *Чихачева* 1844 г. Но, къ сожалѣнію, дойдя 1-го іюля до рч. Слюдянки, лѣваго притока Абакана, экспедиція разстроилась, спутники *Клеменца* отказались слѣдовать далѣе и оставили его въ затруднительномъ положеніи. Продолжая путь одинъ съ двумя татарами Д. А. прошелъ съ Матыра на Красную рѣчку, черезъ хр. Син-дагъ, на рч. Санджулъ, далѣе на Аду и Тойзасъ, затѣмъ черезъ водораздѣлъ на Казасъ, притокъ Мрассы, обратно къ Абакану на Камзасъ, съ послѣдняго перевалилъ мимо горы Кубичекъ, откуда течетъ р. Ак-мрасса, и прошелъ по р. Кульсукъ до ея вершины вдоль подножія хр. Джолинъ водораздѣла Абакана, Мрассы и Лебеда ¹⁾).

О дальнѣйшемъ направленіи маршрута и объ обратномъ пути въ Минусинскъ нѣтъ данныхъ, за исключеніемъ послѣдней части его, во время которой Д. А. проѣхалъ отъ с. Аскызскаго по правому берегу Абакана.

Результаты этого путешествія отчасти видны изъ „списка растеній, собранныхъ членами экспедиціи въ долину верхняго Абакана, съ мая по сентябрь 1884 г. А. И. Венцовскимъ и Д. А. Клеменцъ“, помѣщеннаго вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ отчетомъ за 1883 г. ²⁾ Въ предисловіи къ этому списку очень кратко указанъ маршрутъ, и дана также общая характеристика растительности отъ Минусинска до верхняго Абакана. Кромѣ того Д. А. написалъ „Замѣтку о старомъ руслѣ Енисея“, изъ которой видно, что на обратномъ пути онъ осмотрѣлъ правый берегъ р. Абакана по пути изъ с. Аскызскаго въ Минусинскъ и обнаружилъ на равнинѣ Абаканской степи совершенно обнаженные полосы рѣчной гальки съ преобладаніемъ метаморфическихъ и изверженныхъ породъ, отсутствующихъ на Абаканѣ ниже устья Таштыпа. Сопоставивъ этотъ фактъ съ рассказомъ Мартынова о характерѣ степи лѣваго берега Енисея у с. Означеннаго, Д. А. заподозрилъ присутствіе стараго русла Енисея, направленнаго на NW къ Абакану выше горъ Изыхъ.

¹⁾ Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Западно-Сибирскаго Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1884 г. стр. 3—5 и 11—13. Отчетъ того же Отдѣла за 1884 г. стр. 6—8; то и другое въ Запискахъ Зап. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. VII, вып. 2, 1885 г.

²⁾ Записки Зап. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. кн. XI, 20 стр.

Для выясненія этого интереснаго предположенія, Д. А. во второй половинѣ лѣта 1885 г. сдѣлалъ двѣ экскурсіи изъ Минусинска по Абаканской степи до Енисея у Означенной и подножія Саянъ у с. Бейскаго и собралъ много данныхъ, дѣлающихъ весьма вѣроятнымъ, что Енисей прежде дѣйствительно протекалъ отъ с. Означеннаго на NW по юго западной окраинѣ Абаканской степи, а затѣмъ, слившись съ Абаканомъ ниже устья р. Беи, направлялся на NO лѣвѣе горъ Иzychъ къ своему современному руслу. Изложеніе геологическихъ наблюденій во время этихъ двухъ экскурсій занимаетъ большую часть „Замѣтки о старомъ руслѣ Енисея“¹⁾.

Въ маѣ и іюнѣ того же 1885 г. Д. А. совершилъ поѣздку въ Зап. Саянъ и Урянхайскій край по предложенію одного минусинскаго купца въ качествѣ его спутника; отъ Абаканскаго завода путешественники направились вверхъ по р. Чаханъ къ перевалу Шабин-дабанъ въ Саянѣ, на переходъ котораго имъ пришлось употребить три дня изъ за лежавшаго еще глубокаго снѣга. Спустившись въ долину р. Кантегиръ, они вверхъ по р. Тосла, притоку Кантегира, поднялись на вторую цѣпь Саяна, носящую названіе хр. Сойотскаго, и перевалили въ долину рч. Иш-кемъ, владающей въ р. Кемчикъ, а затѣмъ перешли черезъ третій хребетъ и по рч. Манжурекъ спустились до р. Аккемъ; перейдя послѣднюю вбродъ, добрались, наконецъ, до р. Кемчикъ, переправились черезъ нее при помощи сойотовъ на плоту и достигли факторіи *Сафьянова* въ 6 в. выше впаденія въ Кемчикъ рч. Алашъ. Отсюда въ теченіе двухъ недѣль Д. А. дѣлалъ экскурсіи по верхней части бассейна Кемчика до сліянія этой рѣки съ р. Чу, берущей начало на перевалѣ Чапчалъ въ хр. Танну-ола.

Обратный путь пролегалъ вверхъ по р. Ак-кемъ, откуда путешественники перевалили черезъ Зап. Саянъ къ верховьямъ рч. Аны, впадающей въ Абаканъ западнѣе Чахана; но такъ какъ проѣхать внизъ по р. Анѣ можно только зимой, то они повернули на сѣверовостокъ вдоль по Саяну до верховій рч. Кара-сюбэ, лѣваго притока р. Чаханъ. Два проводника-сойота сдѣлали попытку ограбить путешественниковъ, но такъ какъ послѣдніе дали имъ отпоръ, то сойоты бѣжали, бросивъ русскихъ въ дикой тайгѣ, въ надеждѣ, что они заблудятся и погибнутъ въ горахъ. Но Д. А. и его спутникъ сумѣли пробраться до Абакана, а затѣмъ вернулись въ Минусинскъ.

¹⁾ Записки Зап. Сиб. Отд. II. Р. Геогр. Общ. кн. XI, 10 стр.

Краткія свѣдѣнія какъ объ этомъ, такъ и о всѣхъ послѣдующихъ путешествіяхъ Д. А. въ предѣлахъ Монголіи мы находимъ въ статьѣ, напечатанной только на французскомъ языкѣ (составленной самимъ Д. А. и переведенной *Аитовымъ*)¹⁾; кромѣ маршрутовъ, въ ней имѣются этнографическія, археологическія и географическія данныя о Саянѣ и Хангаѣ.

Въ 1887 г. Д. А. вторично проникъ въ Урянхайскій край; онъ пересѣкъ Саянъ восточнѣе р. Енисея, спустился въ долину р. Улу-кемъ въ точъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка образуется сліяніемъ рѣкъ Бей-кема и Ха-кема, и сплылъ на лодкѣ по Улукему до устья рч. Чачкуль; отсюда направился на Кемчикъ, прошелъ вверхъ по р. Алашъ до ея истока изъ оз. Кара-коль, перевалилъ къ Чульчинскому озеру въ бассейнѣ Чулышмана и далѣе къ верховьямъ Мал. Абакана, а затѣмъ спустился къ Б. Абакану, сопровождаемый только однимъ урянхайцемъ и руководствуясь компасомъ и направлениемъ горныхъ цѣпей. Путешественникамъ пришлось бросить изнуренныхъ лошадей и нести на себѣ всѣ вещи до Б. Абакана, по которому они спустились на плоту, связанномъ изъ семи бревенъ, пренебрегая опасностями, которыя представляли перекаты и подводные камни.

Д. А. былъ первымъ изслѣдователемъ мѣстности между Абаканомъ и Зап. Саяномъ, чрезвычайно дикой и трудно доступной; до него только въ 1843 г., т. е. болѣе сорока лѣтъ ранѣе, Чихачевъ во время своего путешествія на Алтай, сдѣлалъ попытку проникнуть въ эту мѣстность, кончившуюся неудачно. Поэтому данныя *Клеменца*, несмотря на ихъ краткость, имѣютъ большое значеніе для познанія этого уголка Сибири, одного изъ самыхъ неизученныхъ. Мы приводимъ ихъ ниже при изложеніи общихъ результатовъ всѣхъ путешествій Д. А.

Въ 1888 г. *Клеменцъ*, по порученію Восточно Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географ. Общества, совершилъ поѣздку по Ачинскому и Канскому округамъ Енисейской губ., занимаясь сборомъ гербарія; геологическими и этнографическими наблюденіями и раскопкой кургановъ. Проѣхавъ отъ Томска до Маріинска по тракту, Д. А. затѣмъ направился проселкомъ вдоль окраины Кузнецкаго Алатау къ улусу Чебаки, посѣтилъ пріиски по Бѣлому и Черному Юсу и поднялся до гребня Алатау въ верховьяхъ этихъ рѣкъ. На пу-

¹⁾Uayage de Dmitri Klementz en Mongolie occidentale de 1885 à 1897. Bull. de la Soc. de Géographie, Paris, 1899 г., 308—329.

ти въ сѣверную часть Ачинскаго округа онъ осмотрѣлъ бывшія разработки мѣдныхъ рудъ на Печищахъ и на Базырѣ, изучилъ мѣстонахожденіе міоценовой флоры у д. Симоновой на Чулымѣ, открытой *Лопатинымъ* и описанной *Осв. Гееромъ*, и мѣсторожденіе каменнаго угля у с. Назаровскаго по р. Ададыму, собралъ свѣдѣнія о другихъ обнаженіяхъ угля и опредѣлилъ вѣроятный третичный возрастъ угленосной свиты. Изъ Канска Д. А. направился къ Бирюсинскимъ золотымъ пріискамъ вдоль сѣверныхъ предгорій Саянъ черезъ с. Б. Рыбное, Тырбышъ и по пріисковой, никѣмъ ранѣе не описанной дорогѣ; кромѣ осмотра пріисковъ, онъ изучалъ маленькое племя карагасовъ. Во время этого путешествія Д. А. опредѣлилъ границу распространенія девона въ предгоріяхъ Кузнецкаго Алатау, изучилъ третичныя отложенія Ачинскаго округа, мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ, каменнаго угля и золотые пріиски по Юсамъ и Бирюсинскіе, сѣверное подножіе Саянъ у Канскаго Бѣлогорья и сѣверовосточную часть Кузнецкаго Алатау по Юсамъ; были раскопаны курганы и собраны данныя о кизыльцахъ на Бѣломъ Юсѣ и карагасахъ на Бирюсѣ. О своей поѣздкѣ Д. А. далъ предварительный отчетъ въ письмахъ съ пути.¹⁾

Въ 1889 г. Д. А. отправился на золотые пріиски Южной системы Енисейскаго горнаго округа, гдѣ собралъ довольно значительный геологическій, статистическій и экономическій матеріалъ на пріискахъ по рч. Рыбной, Мал. Шааргану, Шалокиту, Талой, Б. Мурожной, В. Подгольцу, Татаркѣ и Удоронгѣ. Геологическій сборъ и записи онъ передалъ для обработки профессору Томскаго Университета *А. М. Зайцеву*, который описалъ его въ небольшой статьѣ ²⁾; многіе выводы послѣдней, впрочемъ, принадлежатъ самому *Клеменцу*, наблюденія котораго явились новыми для многихъ пріисковъ и вообще цѣнными для отдаленнаго района, рѣдко посѣщавшагося геологами; между прочимъ Д. А. осмотрѣлъ первое коренное мѣсторожденіе золота, не задолго передъ тѣмъ открытое въ этой системѣ, и далъ его описаніе съ планомъ и разрѣзами.

Въ началѣ 1890 г. Д. А. переселился въ Иркутскъ и началъ

¹⁾ Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи Д. А. Клеменца въ Ачинскій и Канскій округа. Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XX, в. 1, стр. 43—69

²⁾ *А. М. Зайцевъ*. Къ геологіи южной золотоносной системы Енисейскаго округа. (Матеріалъ, собранный Д. А. Клеменцомъ въ 1889 г.) Съ 2 табл. и картой. Вѣст. Золотопром. 1892 г. № № 7, 8, 9, 10 и 13, Томскъ.

работать въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ И. Р. Геогр. Общ., правителемъ дѣлъ котораго состоялъ съ 1891 по 1894 г. Поѣздки по разнымъ частямъ Сибири и работа въ музеяхъ дали Д. А. солидныя знанія по археологіи и этнографіи и сдѣлали его имя извѣстнымъ въ средѣ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ древнихъ племенъ, населявшихъ внутреннюю Азію. Благодаря этому Д. А. былъ приглашенъ въ составъ экспедиціи, снаряженной Императорской Академіей Наукъ подъ начальствомъ академика *В. В. Радлова* и имѣвшей задачей изслѣдовать развалины Каракорума и другихъ городовъ, открытыя въ 1889 г. *Ядринцевымъ* въ бассейнѣ р. Орхонъ, въ восточной части Хангая въ Монголіи. Экспедиція отправилась въ концѣ іюня 1891 г. изъ Урги въ составѣ *В. В. Радлова, Д. А. Клеменца, Н. М. Ядринцева, Н. П. Левина, С. М. Дудина* и топографа *Щеголева*, посѣтила рядъ развалинъ въ восточномъ Хангаѣ, производила раскопки, съемки, занималась фотографированіемъ и сниманіемъ эстампажей съ надписей. Въ концѣ іюля экспедиція раздѣлилась, и Д. А. отправился на западъ, чтобы установить связь археологическихъ памятниковъ Хангая и Минусинскаго края. Маршрутъ его пролегалъ черезъ Орту-тамиръ и Хойту-тамиръ, вышелъ по Ачину на Селенгу, прошелъ мимо озеръ Сангин-далай и Туне-мулъ, спустился по р. Тесъ въ котловину оз. Убса и пересѣкъ хр. Танну-ола къ р. Улу-кемъ; далѣе путешественникъ сплылъ на плотѣ по Улукему и Енисею до Минусинска.

Кромѣ изученія могилъ, развалинъ и другихъ археологическихъ памятниковъ, Д. А. велъ маршрутную съемку, благодаря которой внесъ исправленія въ карту Хангая, собралъ гербарій и геологическую коллекцію; послѣдняя, повидимому, была передана въ С-Петербургскій Университетъ. Предварительный отчетъ о своей отдѣльной поѣздкѣ Д. А. представилъ въ видѣ письма къ *В. В. Радлову* изъ Минусинска. ¹⁾

Во время Орхонской экспедиціи *В. В. Радлова* имѣлъ возможность оцѣнить знанія и опытность *Д. А. Клеменца*; благодаря этому установилась связь Д. А. съ Академіей Наукъ, которая поручила ему систематическое изученіе археологическихъ памятниковъ по всей внѣшней Монголіи, продолжавшееся съ 1892 по 1896 г. Первые два года, пока производилось обслѣдованіе

¹⁾ Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. I. Предварительный отчетъ *В. В. Радлова*. Приложение 1: письмо *Д. А. Клеменца*, стр. 13—23. С.-Пб. 1892.

болѣе близкихъ къ Иркутску восточныхъ частей Монголіи, Д. А. къ зимѣ возвращался назадъ; но съ 1894 г. онъ уже переселился въ Ургу.

Первое путешествіе въ 1892 г. коснулось сѣверной части Монголіи; маршрутъ прошелъ изъ Иркутска по Тункинской долинь черезъ Монды къ озеру Косоголу, обогнулъ его съ сѣвера и запада, направился къ монастырю Дархатовъ и затѣмъ черезъ горную страну верховій Ха-кема, бассейна Енисея, и Дельгир-мурина, бассейна Селенги, вышелъ къ оз. Тери-норъ; на островкѣ среди этого озера были найдены развалины, по характеру и плану совершенно аналогичныя развалинамъ Каракорума на Орхонѣ. Обратный путь прошелъ южнѣе, мимо южнаго конца оз. Косогола къ рч. Ури бассейна Селенги, затѣмъ пересѣкъ русскую границу и спустился къ Кяхтѣ по долинь р. Джиды.

Въ 1893 г. Д. А. направился отъ Кяхты по правому берегу р. Орхона до Каракорума, затѣмъ перешелъ къ оз. Угей-норъ, поднялся по долинь р. Ортутамиръ, перевалилъ черезъ Хангай и спустился къ оз. Орок-норъ на границѣ Гоби по рч. Туинголъ. Обратный путь прошелъ сначала вверхъ по рч. Таца-голъ, затѣмъ черезъ горы между верховьями этой рѣчки и р. Онгинъ, внизъ по послѣдней до одноименной станціи и отсюда на сѣверо-востокъ къ Ургѣ мимо оз. Ихэ-тукун-норъ, черезъ горы Долон-хара и вверхъ по долинь р. Толы.

Въ началѣ 1894 г., до окончательнаго выѣзда изъ Иркутска въ Ургу, Д. А. совершилъ поѣздку въ отдаленный Якутскъ для организаціи, на средства *И. М. Сибирякова*, экспедиціи по изученію быта, языка и вѣрованій инородцевъ Сѣверо-восточной Сибири; хотя во время этой поѣздки самъ Д. А. наблюденій не производилъ и описанія пути не составилъ, но поѣздка оказалась весьма плодотворной и обнаружила организаторскія способности Клеменца.

Весной и лѣтомъ 1894 г. Д. А. продолжалъ свои изслѣдованія въ Монголіи. ¹⁾ Изъ Урги онъ направился внизъ по р. Толѣ и затѣмъ черезъ Хангай по Улясутайскому, т. н. уртонскому тракту, но на р. Хойту-тамиръ свернулъ съ послѣдняго, прошелъ по этой рѣчкѣ до ея вершины, перевалилъ къ верховьямъ р. Нарын-голъ, по Калганско-улясутайскому почтовому тракту, пе-

¹⁾ Краткій отчетъ о путешествіи Д. Клеменца по Монголіи за 1894 г. Извѣстія И. Ак. Наукъ, т. III 1895 г., № 3, стр. 261—274.

решелъ на западъ къ рч. Байдарикъ и спустился по горамъ ея лѣваго склона до южнаго подножія Хангая; далѣе слѣдовалъ вдоль него до рч. Дзапхынъ и отсюда повернулъ на сѣверъ черезъ горы Цаган-адзиръ въ г. Улясутай. Затѣмъ маршрутъ направился на югозападъ по Кобдинскому тракту и рч. Улясутай до рч. Дзапхынъ, вверхъ по послѣдней на юговостокъ до караванной дороги въ Баркуль, далѣе по этой дорогѣ на югъ, черезъ сѣверную цѣпь Гобійскаго Алтая до р. Халюнъ и затѣмъ на востокъ между обѣими цѣпями Алтая и частью по южной цѣпи до ея восточнаго конца. Обратный путь шелъ черезъ сѣверную цѣпь Алтая Арцы-богдо близъ кумирни Нойон-хутукту-хуре къ оз. Цаган-норъ, далѣе вверхъ по рч. Аргуин-голъ въ Хангаѣ къ бассейну верхняго Онгіина, затѣмъ внизъ по р. Орхону, наискось черезъ рч. Харуха на сѣверовостокъ къ Улясутайскому тракту и по послѣднему въ Ургу на зимовку.

Весной 1895 г. Д. А. совершилъ отдѣльную экскурсію на востокъ отъ г. Урги къ Дзун-курению на верхнемъ теченіи р. Керулэнъ и далѣе до рч. Сенкиръ и обратно другимъ путемъ въ поискахъ рунической надписи на утесѣ.¹⁾ По возвращеніи въ Ургу онъ направился въ Улясутай по т. н. уртонскому тракту, затѣмъ на сѣверозападъ вдоль хр. Ханхухей къ оз. Убса-норъ, г. Уланкомъ и оз. Урю-норъ; отсюда маршрутъ повернулъ на югъ къ оз. Ачит-норъ внизъ по р. Кобдо въ г. Кобдо, далѣе на сѣверовостокъ мимо оз. Кара-усу и черезъ горы Хара-аргалинту къ нижнему Дзапхыну и оз. Айрик-норъ, затѣмъ вверхъ по долинѣ Кунгуй въ Улясутай. Обратный путь въ Ургу прошелъ по Калганскому почтовому тракту до ст. Хоболь, оттуда черезъ верховья рч. Байдарикъ и рч. Хойту-тамиръ къ уртонскому тракту.

Наконецъ въ 1896 г. Д. А. изъ Урги проѣхалъ до Улясутая по уртонскому тракту безъ наблюдений, остановившись только для изслѣдованія района потухшихъ вулкановъ близъ оз. Цаган-терхил-норъ и рч. Сулеин-голъ; изъ Улясутая маршрутъ направился прямо на югозападъ въ Гобійскій Алтай къ оз. Тункуль, откуда была сдѣлана экскурсія къ горной группѣ Цасату-богдо, но подняться на ея вершину помѣшалъ буранъ. Послѣ экскурсіи черезъ южную цѣпь Алтая въ верховья рч. Биджи маршрутъ по-

¹⁾ Отдѣльная экскурсія въ Вост. Монголію. Извѣстія И. Ак. Наукъ, т. IV, 1896 г., № 1, стр. 41—51.

шелъ на сѣверозападъ въ Кобдо въ предѣлахъ Гобійскаго Алтая по пути, никѣмъ ранѣе не пройденному. Близъ Кобдо верблюды были оставлены для отдыха, а Д. А. на лошадяхъ прошелъ на западъ по бассейну р. Кобдо почти до русской границы въ верховьяхъ р. Цаган-голъ; на обратномъ пути, пролегавшемъ отъ рч. Саксай южнѣе прямого, Д. А. пересѣкъ дважды Гобійскій Алтай въ верховьяхъ рч. Желты и прошелъ мимо оз. Тал-норъ. По возвращеніи въ Кобдо маршрутъ направился на югъ къ перевалу Улан-даба черезъ Гобійскій Алтай, затѣмъ внизъ по р. Булгунъ и далѣе на западъ черезъ р. Урунгу и вдоль южнаго подножія Алтая по Черному Иртышу въ г. Зайсанскъ, гдѣ закончилось какъ путешествіе этого года, такъ и вообще изученіе Монголіи, и Д. А. поѣхалъ уже въ Петербургъ.

Но въ 1897 г. *Клеменцъ* опять вернулся въ предѣлы Сибири; онъ принялъ участіе въ статистико-экономическомъ обслѣдованіи Забайкальской области, подъ начальствомъ статсъ-секретаря *Куломзина*, имѣя цѣлью ближе познакомиться съ бурятскимъ населеніемъ и собрать матеріалъ для сравнительнаго изученія кочевыхъ народовъ внутренней Азіи. Въ ноябрѣ того же года Д. А. возвратился въ Петербургъ.

Подводя итоги своимъ странствованіямъ въ странахъ внутренней Азіи, населенныхъ тюрками и монголами, продолжавшимся съ перерывами съ 1885 по 1896 г. включительно, Д. А. говоритъ, ¹⁾ что за это время онъ проложилъ болѣе 15,000 в. маршрутовъ, собралъ коллекцію горныхъ породъ и окаменѣлостей въ нѣсколько тысячъ образчиковъ, велъ въ теченіи пяти послѣдовательныхъ лѣтъ (въ Монголіи) метеорологическій дневникъ, собралъ матеріалы для археологической карты сѣверной Монголіи, снялъ 400 фотографій; супруга Д. А. *Елизавета Николаевна Клеменцъ*, сопровождавшая мужа во всѣхъ его путешествіяхъ по Монголіи, собрала гербарій изъ 40,000 экземпляровъ для Ботаническаго сада. Маршруты Д. А. искрестили сѣверную и сѣверо-западную Монголію въ разныхъ направленіяхъ, отъ Керулэна на востокъ до Чернаго Иртыша на западѣ отъ Урянхайскаго края на сѣверѣ до южнаго подножія Монгольскаго Алтая и великой Гоби на югѣ.

Послѣднее путешествіе во внутреннюю Азію Д. А. совершилъ въ 1898 г. по порученію Академіи Наукъ; изъ Кош-агача на гра-

¹⁾ Voyage de Dmitri Klementz etc., стр. 327.

ницѣ Монголіи онъ проѣхалъ въ сопровожденіи своей жены Е. Н. и переводчика *Андреева* въ Кобдо, оттуда пересѣкъ Монгольскій Алтай по новому пути и прошелъ черезъ Джунгарскую Гоби въ Гучень, откуда сдѣлалъ экскурсію вглубь горной группы Богдо-ула въ Вост. Тяньшанѣ; затѣмъ по большой дорогѣ въ Урумчи и Турфанъ. Задачей экспедиціи было изслѣдованіе развалинъ древнихъ городовъ въ Турфанскомъ округѣ; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Д. А. производилъ раскопки, осмотры развалинъ, пещеръ, снимки надписей и т. п. въ девяти мѣстахъ округа и собралъ значительный матеріалъ. Обратный путь прошелъ черезъ Урумчи и Манасъ кратчайшей дорогой въ Чугучакъ.¹⁾

О результатахъ этого путешествія Д. А. успѣлъ дать только краткій отчетъ, въ которомъ излагаетъ исторію Турфанскаго округа, характеризуетъ его природу и описываетъ изученныя древности: надгробные памятники, грубые скульптурные камни, развалины городовъ и отдѣльных замѣчательныхъ сооружений, подземныя жилища, пещеры и т. п., памятники живописи и остатки древней литературы. Отчетъ иллюстрированъ картой округа, 24 рисунками въ текстѣ и 8 таблицами (виды зданій, могилъ, пещеръ, фресокъ и надписей).²⁾

Но кромѣ своихъ прямыхъ задачъ по археологическимъ изслѣдованіямъ Д. А. и во время этого путешествія, какъ и во время всѣхъ монгольскихъ, велъ маршрутную съемку и геологическія наблюденія на пути туда и обратно и собралъ геологическую коллекцію, а *Елизавета Николаевна* собирала растенія.

Съ 1899 г. Д. А. уже не совершалъ научныхъ путешествій, за исключеніемъ поѣздки на Русскій Алтай лѣтомъ 1904 г., имѣвшей задачей ознакомленіе съ вѣроученіемъ калмыка *Челпанова*³⁾, а всецѣло отдался музейной работѣ, сначала въ этнографическомъ Музеѣ Академіи Наукъ, а съ 1901 г. въ Музеѣ Императора Александра III вплоть до выхода въ 1910 г. въ отставку по разстроенному здоровью. Этой работѣ по устройству двухъ крупныхъ музеевъ, связанной съ перепиской съ разными мѣстами и

¹⁾ Письмо Д. А. Клеменца отъ 30 октября 1898 г. изъ Чугучака, Извѣстія И. Ак. Наукъ, 1899 г. т. X, № 1, стр. II-VI.

²⁾ Nachrichten über die von der K. Akademie d. Wissenschaften zu S. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüsteten Expedition nach Turfan. Heft I, 1899 г., стр. 1—53.

³⁾ Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. 1905 г. т. 41, стр. 155—159.

лицами, поѣздками за границу для осмотра лучшихъ музеевъ Европы, Д. А. отдавалъ все свое время и всѣ свои силы, постоянно откладывая, за недосугомъ, составленіе отчетовъ по сибирскимъ и монгольскимъ путешествіямъ. А когда явился досугъ, послѣ выхода въ отставку, то Д. А. измѣнила его память; такъ какъ онъ во время путешествій подробныхъ дневниковъ не велъ, а ограничивался занесеніемъ краткихъ замѣтокъ въ записныя книжки, то участіе памяти было безусловно необходимо при возстановленіи картины всего видѣннаго на основаніи этихъ записей. Вотъ почему Д. А. не оставилъ ни одного полного отчета о монгольскихъ наблюденіяхъ. Богатый матеріалъ его наблюденій использованъ еще слишкомъ недостаточно.

Сибирскія и Урянхайскія геологическія коллекціи Д. А., вѣроятно, сохранились въ музеяхъ Минусинска, Томска, Иркутска и должны быть извлечены изъ забвенія и описаны. Монгольскіе геологическіе сборы Д. А. передалъ черезъ Геологическое Отдѣленіе Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи въ Москвѣ бывшему приват-доценту Московскаго Университета *А. В. Павлову*, который согласился принять на себя ихъ обработку и описаніе. Нужно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ эта часть матеріаловъ, собранныхъ *Клеменцомъ*, будетъ спасена для науки, и мы получимъ многочисленныя данныя о геологическомъ строеніи всей внѣшней Монголіи.

Въ общемъ за 15 лѣтъ путешествій съ 1883 по 1898 г. Д. А. покрылъ своими маршрутами громадное пространство внутренней Азіи и изучилъ часть Южной Сибири (Ачинскій, Минусинскій и Канскій уѣзды Енисейской губ. и южную часть Забайкальской области), всю прилегающую внѣшнюю Монголію до Великой Гоби и часть Джунгаріи и Китайскаго Туркестана; онъ познакомился съ Кузнецкимъ Алатау, Западнымъ и отчасти Восточнымъ Саяномъ, Хангаемъ, Танну-ола, Монгольскимъ Алтаемъ и Вост. Тянь-шанемъ. Значеніе монгольскихъ изслѣдованій *Клеменца* станетъ понятнымъ, если указать, что онъ былъ первымъ и единственнымъ геологомъ, искрестившимъ всю внѣшнюю Монголію и знавшимъ ее, какъ никто изъ современниковъ; всѣ остальные экспедиціи по этой странѣ или не имѣли въ своемъ составѣ геологовъ, какъ, напр., экспедиціи *Потанина*, *Пьвицова*, *Позднѣева*, *Соболева* и *Бюльтова*, *Сапожникова* и др., или же изслѣдовали только небольшую часть страны-узкую полосу вдоль своего пути.

Предоставляя судить объ археологическихъ и этнографическихъ результатахъ путешествій Клеменца болѣе компетентнымъ лицамъ, я попытаюсь дать обзоръ того, что сдѣлалъ этотъ изслѣдователь для физической географіи и геологіи обширной площади внутренней Азіи, пересѣченной его маршрутами.

Въ предѣлахъ Сибири главнымъ райономъ дѣятельности Д. А. была *западная половина Минусинскаго уѣзда* и преимущественно ея южная часть, принадлежащая къ бассейну р. Абаканъ. и водораздѣлы ея какъ на западъ въ сторону бассейна р. Томи, такъ и на югъ, въ сторону бассейна р. Кемчикъ и р. Кантегиръ, т. е. верхняго Енисея; эти водораздѣлы представляютъ южную часть Кузнецкаго Алатау и западную часть Саяна. Д. А. изучилъ въ этомъ районѣ какъ низменности съ ихъ сухими солончаковыми степями и солеными озерами, такъ и возвышенности, покрытыя болѣе или менѣе сплошной и глухой тайгой. Кромѣ предварительныхъ отчетовъ, указанныхъ выше, онъ далъ объ этомъ районѣ двѣ статьи, въ которыхъ подводитъ итоги своимъ наблюденіямъ; первая, озаглавленная „*Замѣтка о девонскихъ отложеніяхъ Минусинскаго округа* ¹⁾“, написана въ 1885 г., послѣ путешествій 1883 и 1884 г. г. и экскурсіи 1885 г.

Наблюденія Д. А. надъ красноцвѣтными породами Минусинскаго уѣзда имѣли цѣлью выяснитъ отношеніе угленосныхъ песчаниковъ горы Изыхъ съ растительными отпечатками яруса Урса, т. е. нижняго карбона, по *Шмальгаузену*, къ известнякамъ с. Бейскаго съ ихъ девонскими, по *Штукенбергу*, кораллами и моллюсками.

Д. А. описываетъ подробно обнаженія вокругъ с. Бейскаго (въ которыхъ горный инженеръ *Лопатинъ*, по указанію *Мартынова*, собралъ окаменѣлости, опредѣленныя *Штукенбергомъ*, но мѣстности не описалъ), которыя онъ самъ осмотрѣлъ тщательно, а затѣмъ обнаженія на р. Монокъ, въ окрестностяхъ с. Таштыпъ на уроч. Курбидшекъ, на правомъ берегу Абакана, вѣрствъ 15 ниже с. Аскызскаго и наконецъ между Уйбатовъ и Камыштой. Во всѣхъ этихъ пунктахъ были найдены окаменѣлости и изученъ порядокъ напластованія; кромѣ того, Д. А. приводитъ свѣдѣнія еще о четырехъ пунктахъ округа, откуда были доставлены окаменѣлости, а затѣмъ излагаетъ наблюденія въ хр. Изыхъ и его окрестностяхъ, выясняющія характеръ свиты породъ яруса Урса.

¹⁾ Записки Зап. Сиб. Отд. II. Р. Г. Общ., кн. XI, 17 стр.

На основаніи всѣхъ данныхъ Д. А. приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Изыхскіе и Бейскіе пласты принадлежатъ къ одной и той-же формаци; раковинные и коралловые известняки Беи и другихъ мѣстъ подчинены краснобурымъ песчаникамъ и постоянными спутниками окаменѣлостей являются пласты плотной глины яркихъ цвѣтовъ. Изыхскіе угленосные песчаники крупнѣе зерномъ; зеленые пропластки содержатъ глинистыя включенія и часто перемежаются съ конгломератами; ярко окрашенныхъ глинъ нѣтъ. Такимъ образомъ верхніе горизонты красноцвѣтныхъ породъ представляютъ мелководныя и прибрежныя отложенія съ остатками растеній яруса Урса, а нижніе горизонты являются болѣе глубоководными отложеніями съ кораллами и моллюсками девона. Къ послѣднимъ относятся, по мнѣнію Д. А., и громадныя отложенія соленосныхъ глинъ сѣверной части Качинской степи, въ которыхъ *Венцовскій* нашелъ остатки чешуи рыбъ; глины обильно прослоями сѣрыхъ известняковъ, гипса и ангидрита.

Вторая статья *Клеменца* „Соленыя озера Минусинскаго и Ачинскаго округовъ и девонскія отложенія на верхнемъ Енисей“¹⁾, написана уже въ 1892 г. и распадается на двѣ части; въ первой Д. А. излагаетъ результаты послѣднихъ (въ то время) изслѣдованій, произведенныхъ *Савенковымъ* надъ озеромъ Широ и *С. Г. Залѣскимъ* надъ озеромъ Инголь, дополняя ихъ какъ собственными наблюденіями, такъ и болѣе старыми данными, упущенными обоими авторами. Во второй части Д. А. „въ виду связи девонскихъ отложеній съ солеными озерами и громаднаго развитія ихъ въ Сибири“, излагаетъ въ общихъ чертахъ свои наблюденія въ этой мѣстности и даетъ очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о девонѣ Минусинскаго района, указываетъ границы его распространенія, болѣе точно на югѣ и западѣ и приблизительно, въ виду недостатка изслѣдованій, на сѣверѣ и востокѣ, и характеризуетъ петрографически два горизонта (слѣдовало бы сказать—яруса) девонскихъ отложеній, которые можно уже различать—нижній спириферовый и верхній съ отпечатками растеній яруса Урса. Нижний ярусъ состоитъ изъ ярко окрашенныхъ мергелей, глинъ известняка съ кораллами и спириферами, подстилающихъ зеле-

¹⁾ Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. т. XXIII, 1892 г., № 3, стр. 28—83.

новатый песчаникъ; въ болѣе или менѣе полныхъ обнаженіяхъ нижніе слои представляютъ крупные конгломераты; въ этомъ ярусѣ извѣстны выходы изверженныхъ породъ-авгитовыхъ и діабазовыхъ порфиритовъ, безкварцеваго порфира, сіенита (опредѣленія *А. М. Зайцева*). Ярусъ Урса въ нижнихъ горизонтахъ характеризуется мощнымъ развитіемъ шоколадныхъ песчаниковъ, которые выше переслаиваются съ охристыми, желтоватыми, а затѣмъ слѣдуетъ перемежаемость охристыхъ известняковъ, каменнаго угля (далеко не вездѣ) и глинистыхъ сланцевъ; въ послѣднихъ есть отпечатки папортниковъ, а въ известнякахъ и песчаникахъ-кнорріи и циклостигміи; выходы изверженныхъ породъ по сосѣдству съ обнаженіями этого яруса не встрѣчаются.

Перечисливъ мѣстности съ хорошими обнаженіями яруса Урса *Д. А.* отмѣчаетъ неправильное примѣненіе *Савенковымъ* понятія „дислокація“ и говоритъ, что Минусинскій округъ представляетъ живой протестъ противъ всякихъ теорій поднятій и приподнятій изверженными породами. Далѣе онъ возвращается къ наблюденіямъ *Зальтскаго* и *Савенкова* на Широ и Инголѣ, говоритъ о составѣ воды Широ на основаніи анализовъ, о признакахъ усыхания озера, объясняетъ сейшамъ замѣчаемая волненія воды безъ вѣтра и, наконецъ, переходитъ къ изложенію связи между девонскими отложеніями округа и солеными озерами, объясняя также наличность прѣсныхъ озеръ по сосѣдству съ солеными и описывая минеральное Тагарское озеро, лежащее вблизи Минусинска, Бейское соленое озеро, оз. Джалбок-куль у хр. Саксаръ и оз. Уш-куль, при чемъ даетъ анализы воды по Шмидту и указываетъ геологическое строеніе окрестностей ихъ.

Въ заключеніе *Д. А.* перечисляетъ выводы, къ которымъ приводитъ изученіе девона и соленыхъ озеръ округа; озера залегаютъ среди девона, въ изоклинальныхъ долинахъ, питаются продуктами выщелачиванья девонскихъ породъ атмосферными водами, при чемъ поваренная соль, вѣроятно всего, извлекается изъ глинъ или мергелей, а горькія соли изъ нѣкоторыхъ песчаниковъ и известняковъ; присутствіе бромистыхъ соединеній указываетъ на морское происхожденіе солей, девонскія породы Минусинскаго и Ачинскаго округовъ представляютъ мелководныя образованія.

Для другихъ частей Сибири, которыхъ коснулись работы Д. А., онъ не далъ общихъ отчетовъ, подобныхъ выше разсмотрѣннымъ, такъ что намъ приходится указать на результаты, выясняющіеся изъ предварительныхъ отчетовъ.

Въ свѣдѣніяхъ объ экскурсіи 1888 г. въ *Ачинскій и Канскій округа* мы находимъ, напримѣръ, выводы Д. А. объ орographicескомъ характерѣ *Кузнецкаго Алатау*, изученнаго имъ въ бассейнѣ трехъ Юсовъ; Д. А. считаетъ, что Алатау представляетъ не одинъ, а три почти параллельныхъ хребта—Темирдасть, Азыргая и Ханымъ, которые, вопреки сомнѣніямъ *Кропоткина*, имѣютъ меридіональное направленіе; ниже сліянія Чернаго и Сарала-Юсовъ идетъ четвертый хребетъ, совершенно самостоятельный, широтнаго направленія, хотя и сходнаго съ тремя перечисленными петрографическаго состава; онъ состоитъ изъ породъ, простиранія въ общемъ NW—SO. Эти данныя объ Алатау явились новыми, опровергавшими мнѣніе *Кропоткина* о NO—SW омъ простираніи цѣпей этого хребта. ¹⁾

Далѣе Д. А. даетъ краткое описаніе условій залеганія *мѣдныхъ рудъ* на Печищахъ и Базырѣ, описываетъ мѣсторожденіе *угля* у с. Назаровскаго и мѣстонахожденіе *мѣоценовыхъ* растительныхъ отпечатковъ у д. Симоновой на р. Чулымѣ къ сѣверу отъ Ачинска, открытыхъ впервые *Допатинымъ* и опредѣленныхъ *Осв. Гееромъ*. *Клеменцъ* пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ о *третичныхъ отложеніяхъ* въ средней части Енисейской и въ Томской губерніяхъ: они являются очень мощными и достигаютъ такого развитія, какого не подозрѣвали до сихъ поръ; они залегаютъ непосредственно на верхнедевонскихъ и субкарбоновыхъ пластахъ; они содержатъ пласты каменнаго *угля* въ мѣстностяхъ, значительно отдаленныхъ другъ отъ друга. ²⁾

Наконецъ въ той же статьѣ находимъ краткую характеристику мѣстности у *сѣвернаго подножія Канскаго бѣлогорья*, отличительной чертой которой *Клеменцъ* считаетъ громадное развитіе полевошпатовыхъ порфировъ и рѣдкость гранита, и замѣчаніе о громадномъ распространеніи кристаллическихъ известняковъ въ составѣ метаморфическихъ сланцевъ района Бирюсинскихъ пріисковъ и о характерномъ красномъ конгломератѣ

¹⁾ Л. с., стр. 48.

²⁾ Л. с. стр. 48—49— и 59—68.

тѣ, образуемомъ одинъ изъ верхнихъ членовъ формаци глинистыхъ и тальковыхъ сланцевъ, какъ въ Канскомъ районѣ Восточнаго Саяна, такъ и въ Западномъ Саянѣ. ¹⁾

Совершенно обособленной и болѣе сѣверной мѣстности Сибири касаются наблюденія *Клеменца*, произведенныя въ 1889 г. въ юго-восточной части *Южно-Енисейскаго золотоноснаго района*; хотя матеріалъ, собранный Д. А., обработанъ *А. М. Зайцевымъ*, написавшимъ упомянутую выше статью, но въ сущности послѣднему принадлежатъ только опредѣленія горныхъ породъ и отчасти выводы о геологическомъ строеніи мѣстности, характерѣ золотоносныхъ розсыпей и условіяхъ золотоносности. Описанія же мѣстности и обнаженій взяты прямо изъ дневниковъ *Клеменца*, которому принадлежатъ и рисунки, иллюстрирующіе текстъ; въ предисловіи *А. М. Зайцевъ* говоритъ, что выводы сдѣланы отчасти уже самимъ *Клеменцомъ*. Въ этой статьѣ находимъ описаніе долины рч. Рыбной и перваго кореннаго мѣсторожденія золота, открытаго въ Енисейской системѣ, затѣмъ Петропавловскаго прииска по М. Шааргану, Спасо-Преображенскаго прииска по Шалокиту, долины рч. Талой и Верхн. Мурожной съ ихъ приисками, хребта Голецъ, прииска Модесто-Николаевскаго по рч. В. Подгольцу, Ивановскаго по лѣвому притоку Удoronги и долины Индыглы. Въ выводахъ *Зайцевъ* отмѣчаетъ, что Д. А. дѣлитъ розсыпи на мелкія русловыя и глубокія увальныя, что вопросъ о послѣднихъ затрагивается для Енисейской системы, повидимому, имъ первымъ и что онъ кромѣ кварца золотоносной породой признаетъ и глинистый сланецъ. ²⁾

Чтобы закончить обзоръ сдѣланнаго *Клеменцомъ* въ предѣлахъ Сибири, нужно разсмотрѣть еще его изслѣдованія въ южной части Кузнецкаго Алатау и въ сосѣднемъ Западномъ Саянѣ, примыкающемъ уже къ главной области изслѣдованій Д. А.—сѣверной Монголіи.

О результатахъ своихъ наблюденій въ южной части Кузнецкаго Алатау въ 1883 и 1884 г. г., во время путешествій съ *Адріановымъ* и *Венцковскимъ*, Д. А. общей сводки не даетъ, но его предварительный отчетъ за 1883 г., списокъ собранныхъ горныхъ породъ и свѣдѣнія о поѣздкѣ 1884 г. содержатъ кое-какой матеріалъ объ орографическомъ характерѣ и геологиче-

¹⁾ Ibid. стр. 52—53.

²⁾ Л. с. стр. 9 и 10.

скомъ составѣ этой дикой, труднодоступной и почти неизвѣстной мѣстности между верховьями Томи и Мрассы на западѣ и лѣвыми притоками верхняго Абакана на востокѣ; приходится отмѣтить съ особеннымъ сожалѣніемъ, что о наиболѣе интересной части поѣздки 1884 г. Д. А. не далъ даже предварительнаго отчета и списка собранныхъ горныхъ породъ. Въ общемъ же, для этого района южной части Кузнецкаго Алатау матеріалы, собранные Д. А., должны еще подвергнуться обработкѣ и сопоставленію съ данными, добытыми другими изслѣдователями.

Западнаго Саяна, именно его сѣвернаго склона въ бассейнахъ рѣчекъ Аны и Кызаса, правыхъ притоковъ Абакана, маршруты Д. А. коснулись уже въ 1883 г. и въ его предварительномъ отчетѣ за этотъ годъ мы находимъ первыя болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ интересномъ кряжѣ Таскылшаманъ и о текущихъ съ его NW-аго склона рѣчкахъ бассейна Б. Кызаса, по которымъ работали богатѣйшіе прииски.¹⁾ Послѣ поѣздокъ 1885 и 1887 г. въ Урянхайскій край Д. А. имѣлъ уже данныя о *всемъ Саянѣ*, главнымъ образомъ къ западу отъ Енисея, и даетъ такую его характеристику²⁾. Саянъ представляетъ двѣ большія складки. Сѣверная состоитъ изъ тальковыхъ сланцевъ съ жилами кварца, покрытыхъ хлоритовыми и глинистыми сланцами, выше которыхъ слѣдуетъ известнякъ; въ южной складкѣ замѣчается глинистый конгломератъ и сланцы съ окаменѣlostями, найденными на берегу рч. Алашъ, доказывающими древне-палеозойскій, вѣроятно, кембріискій возрастъ породы. Въ этихъ формаціяхъ пролегаютъ мощныя жилы гранита, иногда шлирнаго. Въ долинахъ Кемчика и Улукема встрѣчаются изверженныя породы, похожія на мелафиры; эти долины ограничены съ сѣвера Саяномъ, а съ юга хр. Танну-ола; въ послѣднемъ встрѣчаются архейскіе роговообманковые и слюдяные сланцы; по рч. Торхаликъ они покрыты красными глинами съ гипсомъ и каменной солью. Та же красноцвѣтная свита породъ встрѣчается и въ глубинѣ Танну-ола въ видѣ известковистыхъ песчаниковъ. Долина Улукема и Кемчика въ районѣ изслѣдованій Д. А. тянется отъ 20 до 100 верстъ (въ ширину.) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она содержитъ мощныя толщи охристыхъ песчаниковъ, конгломератовъ и глинъ съ пластами каменнаго угля (на рѣчкахъ Элегать и Ирбекъ, при-

¹⁾ Записки Зап-Сиб. Отдѣла, кн. XI, стр. 13—19.

²⁾ Voyages de Dm. Klemenzen, pp. 310-311.

токахъ Улукема). Отпечатки растенія *Czekanowskia rigida* позволяютъ опредѣлить ихъ юрскій возрастъ. Третичныя отложенія отсутствуютъ; на днѣ прежнихъ озеръ и въ руслахъ рѣкъ встрѣчаются аллювіальныя отложенія. По притокамъ Улукема и Кемчика эти отложенія располагаются двумя террасами и часто содержатъ много золота, иногда сопутствуемаго платиной. При разработкѣ приисковъ на глубинѣ 2 мет. были найдены бронзовые орудія, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Сибири. Растительность страны представляетъ переходъ отъ лѣсной сибирской къ степной монгольской; лѣса состоятъ главнымъ образомъ изъ лиственницы, рѣдко изъ сосны и кедра, а рядомъ встрѣчается много новыхъ видовъ рода *Caragana*, свойственныхъ Монголіи.

Изъ этой характеристики ясно, что Д. А. подъ терминомъ «Саянъ» понималъ не только хребетъ Саянъ, но и весь Урянхайскій край вмѣстѣ съ хр. Танну-ола, отдѣляющимъ его отъ Монголіи. Въ этомъ районѣ развиты, такимъ образомъ, породы архейскія, метаморфическія, древнепалеозойскія (кембріи? и красноцвѣтная, можетъ быть, девонская свита), угленосныя юрскія и золотоносный аллювій; изверженные граниты и мелафиры. О рельефѣ и тектоникѣ, къ сожалѣнію, Д. А. не даетъ указаній.

Изученію *собственной Монголіи*, такъ называемой *Внѣшней*, Д. А. посвятилъ шесть лѣтъ и искрестилъ ее, какъ уже указано, въ разныхъ направленіяхъ съ 1891 по 1896 г. включительно. Общаго отчета о путешествіяхъ онъ не успѣлъ составить, и изъ нѣсколькихъ предварительныхъ отчетовъ и писемъ съ дороги приходится извлекать его данныя, характеризующія посѣщенныя страны.

Значительную часть Внѣшней Монголіи составляетъ горная страна *Хангай*, расположенная между р. Орхономъ на востокъ и р. Тесъ на западѣ, а на югѣ доходящая до такъ называемой «Долины озеръ», отдѣляющей ее отъ Монгольскаго Алтая. Хангай коснулась значительная часть маршрутовъ *Клеменца*, который даетъ такую характеристику этой страны¹⁾. Это очень возвышенная горная страна, въ которой нѣтъ переваловъ ниже 7000 ф. абс. высоты; нѣкоторые, какъ Бомботу,

¹⁾ Voyages de Dm. Klemeniz, стр. 317—320. Мы приводимъ изъ этой статьи все существенное, такъ какъ на русскомъ языкѣ она не была опубликована.

Цаганъ-дабанъ, достигаютъ 10000 ф. Высшая гора называется Отхон-хаирхан-тенгри и находится около 80 клм. отъ г. Улясутай. Д. А. совершилъ восхожденіе на эту гору лѣтомъ 1896 г.; она совершенно лишена лѣса, считается священной, почему склоны ея покрыты буддійскими обонами, она имѣетъ коническую форму, основаніе ея состоитъ изъ гранита, а вершина изъ мелафира. На ея юговосточномъ склонѣ есть небольшой ледникъ, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Буин-голъ или Дзапхынъ. За исключеніемъ горы Отхон-тенгри въ Хангаѣ нѣтъ выдающихся значительныхъ вершинъ; горы не поднимаются больше, чѣмъ на 1000 м. надъ перевалами, и большая часть ихъ представляетъ ровныя поверхности, обрамленныя высотами; рѣдкія представляютъ видъ гребней. Рѣки текутъ въ узкихъ руслахъ.

Съ геологической точки зрѣнія Хангай состоитъ изъ ряда складокъ, разрѣжающихся къ сѣверу и оканчивающихся крутымъ обрывомъ къ югу. Долина между Алтаемъ и Хангаемъ имѣетъ типичный видъ грабена. Хангай главнымъ образомъ сложенъ изъ кристаллическихъ и полукристаллическихъ сланцевъ; изъ палеозойскихъ формацій, повидимому, присутствуетъ каменноугольная съ выходами продуктивныхъ слоевъ; но это только предположеніе, такъ какъ до сихъ поръ органическіе остатки не найдены.

Изверженныя породы въ Хангаѣ очень распространены; древнѣйшимъ является шлировый гранитъ, залегающій огромными массами въ центральной и южной частяхъ страны. Встрѣчается также много мелкозернистаго гранита. Второе мѣсто принадлежитъ порфирамъ (фельзитамъ), заполняющимъ трещины въ предполагаемой нами каменноугольной формаціи. Порфириты и трахитовыя породы развиты мало; Д. А. не имѣлъ ни разу случая увидѣть трахитъ, тогда какъ мелафиры и порфиры встрѣчаются въ изобиліи. Мелафиры тянутся на протяженіи болѣе 10 клм. по долинѣ Ханын-гола. Базальты также весьма часты.

Необходимо упомянуть о цѣлой вулканической области, расположенной между верховьями рѣчекъ Онгіинъ и Орхонъ; здѣсь находится цѣлый рядъ озеръ, окаймленныхъ лавовыми берегами. Оба берега Онгіина покрыты базальтомъ, а берега верховій Орхона и обѣихъ рѣчекъ, ее составляющихъ, именно Тамчинъ и Улясутай, представляютъ потоки затвердѣвшей лавы,

расположенные на метаморфических сланцахъ; русло Орхона на протяженіи болѣе 50 клм. внизъ отъ истоковъ врѣзано въ базальтовой лавѣ. Среднее и нижнее теченіе рѣкъ Таца-голѣ и Туинѣ-голѣ окаймлено берегами изъ послѣтретичныхъ глинъ, повсюду покрытыхъ базальтовыми потоками. Рч. Чулутей течетъ по базальтовымъ тѣснинамъ на протяженіи болѣе 100 клм. Въ бассейнѣ этой рѣчки Д. А. нашелъ настоящіе погасшіе стратовулканы, первые, обнаруженные въ Монголіи. Они имѣютъ форму усѣченного конуса, состоящаго изъ перемежающихся покрововъ базальта, пемзы и шлаковъ; вершина имѣетъ впадину, заполненную водой и представляющую маленькое озеро. Второй вулканъ разрѣзанъ рѣкой, такъ что строеніе его обнаружено самой природой; основаніе состоитъ изъ базальта, покрытаго цѣлой серіей послѣдовательныхъ слоевъ различныхъ продуктовъ вулканическихъ изверженій. Подобныхъ слоистыхъ вулкановъ Д. А. больше нигдѣ не встрѣчалъ; въ другихъ частяхъ Хангая продукты базальтовыхъ изверженій расположены обыкновенно вдоль трещинъ.

Въ Хангаѣ Д. А. не нашелъ третичныхъ отложеній, но въ долину верхняго теченія р. Онгінъ онъ открылъ на большомъ протяженіи пласты конгломерата, принадлежащаго къ мезозойскимъ формациямъ.

По характеру растительности Хангай можетъ быть раздѣленъ на двѣ части—сѣверную и южную; первая обилуетъ лѣсами лиственницы, но иногда встрѣчаются кедры, ели и сосны. На южномъ склонѣ лѣса рѣдки, и здѣсь распространены растенія, свойственныя Гоби, много разновидностей караганы, не встрѣчающейся въ сѣверной части. О потухшихъ вулканахъ Хангая имѣется еще отдѣльная замѣтка Д. А., которую я извлекъ изъ письма его ко мнѣ изъ Улясутая отъ 27 іюня 1896 г. и помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла ¹⁾; въ этой замѣткѣ Д. А. точно указываетъ мѣстоположеніе обоихъ вулкановъ, списываетъ ихъ форму, разрѣзы и составъ и даетъ на маленькомъ чертежѣ планъ и профиль второго изъ нихъ, который отчасти размытъ рѣкой.

По поводу этихъ вулкановъ считаю долгомъ замѣтить, что въ своемъ письмѣ Д. А. писалъ, что хочетъ назвать одинъ

¹⁾ Замѣтка о потухшихъ вулканахъ въ Хангаѣ. Съ табл. Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XXVIII № 2, 1897, 3 стр.

вулканъ—именемъ профессора *Мушкетова*, а другой—моимъ именемъ и мотивировалъ это намѣреніе тѣмъ, что мы двое одни только и писали о вулканическихъ породахъ и признакахъ вулканизма въ Монголіи. Это намѣреніе Д. А. я, по понятнымъ причинамъ, не включилъ въ замѣтку о вулканахъ, извлеченную изъ его письма, и предполагалъ, что въ полномъ отчетѣ о Монголіи или хотя бы въ предварительномъ отчетѣ за 1896 г. Д. А. вернется къ вопросу о наименованіи вулкановъ, на которое онъ имѣлъ право, какъ открыватель ихъ. Но такого отчета, ни полного, ни предварительнаго, за 1896 г. Д. А. не далъ, если не считать статейку на французскомъ языкѣ.

Теперь можно воспользоваться случаемъ и окрестить вулканы Хангая, открытые Д. А. *Клеменцомъ*; первый, находящійся верстахъ въ 10 къ сѣверовостоку отъ озера Цаган-терхил-норъ и верстахъ въ восьми отъ рч. Сулеин-голъ, отдѣляющійся отъ хр. Шабартай, назвать, согласно желанію Д. А., *вулканомъ Мушкетова*. Второй, расположенный верстахъ въ восьми отъ перваго къ югу и верстахъ въ двухъ отъ оз. Цаган-терхил-норъ на берегу рч. Кичигеин-голъ, назвать *вулканомъ Клемента*, чтобы увѣковѣчить на картѣ Монголіи имя изслѣдователя, который разъяснилъ геологическую исторію и изучилъ всѣ памятники древности этой страны.

Свѣдѣнія о вулканическомъ районѣ Хангая мы находимъ еще въ небольшой статьѣ Д. А. «Замѣтки къ маршруту Чанъ-чуня»¹⁾; онъ говоритъ, что базальтовое плато Хангая одно изъ значительнѣйшихъ въ старомъ континентѣ и достигаетъ на югѣ побережья Орок-нора подъ 45°, а на сѣверѣ 49° с. ш.; на востокѣ мы встрѣчаемся съ базальтомъ за Харухой, а на западѣ около оз. Цаган-терхил-норъ, т. е. оно простирается на 4° по широтѣ съ сѣвера на югъ и на 4,5° по долготѣ по 48° параллели (занимая площадь въ 140—150 тыс. кв. верстъ приблизительно). Р. Орхонъ въ верховьяхъ и р. Чулуту часто текутъ въ базальтовыхъ корридорахъ, заставляющихъ путника дѣлать громадныя обходы, чтобы найти мѣстечко, гдѣ можно спуститься къ броду черезъ рѣчку. Упоминаетъ Д. А. и о слоистыхъ вулканахъ, состоящихъ изъ разноцвѣтныхъ слоевъ и давшихъ Чанъ-чуню поводъ говорить о «горѣ пяти цвѣтовъ».

¹⁾ Сборникъ въ честь 70—лѣтія Г. Н. Потанина. Записки И. Р. Георг. Общ. по этнографіи, т. XXXIV, стр. 445—464.

каковое выраженіе прежними переводчиками толковалось совершенно странно: „хребетъ, имѣвшій видъ длинной радуги“, или „гора, какъ изгибъ радуги“.

Въ отчетѣ о путешествіи 1894 г. Д. А. также даетъ свѣдѣнія о рельефѣ и составѣ Хангая, частью дополняя вышеприведенныя нами; такъ, мѣстность по Толѣ ниже Урги до поворота рѣки на NW состоитъ изъ метаморфическихъ сланцевъ однообразнаго простиранія NO—SW. По южному склону Хангая между Ологоемъ и Байдарикомъ есть золотые прииски, разрабатываемые тайкомъ, и вообще признаки золота. ¹⁾

Данныя объ этой горной странѣ Д. А. помѣстилъ еще въ письмѣ къ правителю дѣлъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., изъ котораго была извлечена небольшая статья ²⁾; въ послѣдней Д. А. опредѣляетъ границы Хангая и даетъ краткую орографическую и геологическую его характеристику; изъ послѣдней мы узнаемъ, что центральный Хангай сложенъ изъ кристаллическихъ сланцевъ, гнейсовъ и метаморфическихъ глинистыхъ сланцевъ съ преобладаніемъ, особенно въ южной части, простиранія O—W при крутомъ паденіи на сѣверъ. Мѣстами, особенно часто на востокъ, замѣчается уклоненіе простиранія къ N—O. Изъ массивныхъ породъ на сѣверѣ преобладаютъ граниты, а на югѣ между гранитами узкими полосами проходятъ порфириды и порфиры, встрѣчаются афанитовыя, вѣроятно роговообманковыя породы. Въ юго-восточной части Хангая имѣются громадныя выходы базальта, то покровами, то потоками налегающаго на древніе сланцы. Долина верхняго Орхона вся заполнена лавовыми потоками; такіе же потоки прорѣзываютъ новѣйшія, третичныя, вѣроятно, отложенія на югѣ Хангая, напр. по рѣкамъ Тую и Таца.

Далѣе Д. А. говоритъ объ абразіонномъ характерѣ южнаго Хангая, о дѣятельности проточныхъ водъ, о характерѣ долинъ въ этой горной странѣ и объ ея населеніи. Между прочимъ онъ замѣчаетъ, что въ долинахъ Орту-и Хойту-тамиръ

¹⁾ Краткій отчетъ о путешествіи Д. А. Клеменца по Монголіи. Изв. И. Ак. Наукъ, т. III, № 3, 1895 г. стр. 261—274.

²⁾ Протоколъ обыкн. общ. собр. Троицкос. Кяхт. Отд. Приамурск. Отд. И. Р. Г. О., № 3, 23 ноября 1894 г. Приложение III „Замѣтка о Хангаѣ“ Д. А. Клеменца, стр. 25—32.

есть слѣды моренъ, и что въ Хангаѣ прежде были ледники, но едва ли имѣли широкое развитіе. Конецъ замѣтки Д. А. даетъ обзоръ послѣднихъ путешествій по Хангаю, въ томъ числѣ и маршруты своихъ поѣздокъ 1893 и 1894 гг.

Вопроса о ледникахъ въ Монголіи Д. А. Клеменцъ касается еще разъ въ докладѣ, сдѣланномъ 2 апрѣля 1896 г. въ общемъ собраніи Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ.¹⁾ Въ этомъ докладѣ онъ перечисляетъ данныя, имѣющіяся о ледникахъ горы Мунку-Сардыкъ на границѣ Иркутской губ. и горъ Тюргунъ и Харкира въ С. З. Монголіи (по наблюденіямъ Г. Н. Потанина и А. В. Адрианова), а затѣмъ излагаетъ собственныя наблюденія относительно ледниковъ горы Отхон-хаирханъ-тенгри въ Хангаѣ, высшей точки Монголіи; одинъ ледникъ на этой горѣ, который удалось видѣть только издали, имѣетъ версты 3 длины и около 1 в. ширины при мощности не менѣе 200 ф.; второй небольшой висячій ледникъ, до котораго Д. А. добрался, расположенъ на сосѣдней вершинѣ Бага-богда. Оба эти ледника открыты Д. А., до него никто не зналъ о существованіи ледниковъ въ Хангаѣ, и будетъ вполне справедливо, если главному леднику на горѣ Отхон-хаирхан-тенгри (или Ихэ-богдо) будетъ присвоено имя Клеменца. Въ томъ же докладѣ Д. А. описываетъ также рядъ горячихъ минеральныхъ ключей на рч. Аршанейголь, пользующихся извѣстностью въ Монголіи; они вытекаютъ изъ біотитовыхъ гранитовъ и гранито-гнейсовъ съ полосами роговообманковаго сланца съ обильными кристаллами сѣрнаго колчедана, которые Д. А. считаетъ источникомъ минерализаціи воды.

О Хангаѣ мы находимъ еще свѣдѣнія въ письмѣ Д. А. за тотъ же 1894 г.,²⁾ поглощаемыя указанными выше статьями и французскимъ очеркомъ; въ послѣднемъ же (на стр. 314—315) есть данныя, изъ наблюденій Орхонской экспедиціи 1891 г., также касающіяся Хангая: на маршрутѣ отъ Орхона до Селенги горная страна сложена главнымъ образомъ изъ глинистыхъ сланцевъ и біотитоваго гранита; сланцеватость первыхъ направ-

¹⁾ Проток. №4 обыкн. общ. собр. Троицк. Кяхт. Отд. Приамурск. Отд. И. Р. Г. О. 2/iv 1896 г., стр. 5—16 (Приложеніе I).

²⁾ Свѣдѣнія объ экспедиціи Д. А. Клеменца по Монголіи въ 1894 г. изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XXV № 2—3, стр. 126—129 и Отчетъ В. Сиб. Отдѣла за 1894 г. *ibid.* т. XXVII № 2, стр. 15—18.

лена по NNW—SSO. На берегахъ Ачина, притока Селенги, часто встрѣчаются мелафиры и базальты, вытянутые поясами преимущественно NO—SW. Озера Сангин-далай Тунэ-муль прежде несомнѣнно были прѣсными.

Съ юга Хангай окаймлень такъ называемой „долиной озеръ“, отдѣляющей его отъ Гобійскаго Алтая и названной такъ потому, что въ ней находится цѣлый рядъ озеръ, образуемыхъ сбѣгающими съ Хангая рѣчками. Въ той же французской статьѣ мы находимъ краткую характеристику этой страны, которую даетъ Д. А. Эта пустынная страна съ рѣдкимъ населеніемъ составляетъ переходъ къ великой пустынѣ Гоби. Горы сложены изъ метаморфическихъ известняковъ и сланцевъ, покрытыхъ мѣстами песчаникомъ и конгломератомъ, состоящимъ изъ обломковъ метаморфическихъ породъ; эти болѣе юныя породы образуютъ иногда обрывы (возрастъ ихъ остается неизвѣстнымъ въ виду отсутствія окаменѣлостей), но вообще рѣдко обнажаются потому, что онѣ или замаскированы наносами, или перекрыты еще болѣе юными песчаными отложеніями гобійской формаціи; нижняя часть послѣднихъ состоитъ изъ желтыхъ и красныхъ желѣзистыхъ глинъ, а верхняя изъ грубыхъ песчаниковъ и конгломератовъ абразіи; всѣ эти отложенія рыхлыя.

Страна эта орошена скудно; водные потоки довольно многочисленны въ горныхъ ущельяхъ, но, какъ только они выходятъ изъ послѣднихъ, они теряются въ пескѣ и галькѣ. Иногда, если почва камениста и глиниста, они продолжаютъ течь еще нѣкоторое время, но въ концѣ концовъ пески ихъ засыпаютъ, превращая въ впадины и болота, сохраняющія холодную воду и никогда не пересыхающія, даже въ самые сильные жары, благодаря густому растительному покрову. Близость высокихъ горъ является причиной частыхъ грозъ въ іюлѣ и августѣ, въ періодъ наибольшихъ дождей въ Монголіи. Временные бурные потоки уносятъ рыхлые матеріалы и создаютъ огромные овраги, подобные уади Сахары и каньонамъ Америки; эти овраги, представляющіе сухія русла, бороздятъ повсюду поверхность пустыни, и направленіе ихъ ясно указываетъ уклонъ почвы.¹⁾

Къ югу отъ долины озеръ тянется длинная цѣпь *Гобійскаго* или *Монгольскаго Алтая*, о которой Д. А. также собралъ свѣдѣнія

и первымъ посѣтилъ многія части этого хребта. По его даннымъ Гобійскій Алтай состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ высокихъ цѣпей, раздѣленныхъ широкой, отъ 30 до 120 в., междугорной волнистой долиной, кое гдѣ съ остатками низкихъ смытыхъ и сглаженныхъ хребтовъ, разсѣченныхъ потомъ въ разныхъ направленіяхъ долинами размыва. Горы состоятъ изъ древнѣйшихъ осадочныхъ и метаморфическихъ породъ съ преобладаніемъ широтнаго простиранія и крутымъ паденіемъ на сѣверъ. На склонахъ горъ и въ долинѣ мощно развиты новѣйшія песчанистыя отложенія, легко поглощающія влагу, подстилаемая красными плотными глинами, задерживающими воду, почему можно было бы имѣть много колодцевъ. Долина, какъ и главные хребты, понижается къ востоку, но западнѣе меридіана ставки Дзасакту-хана существуетъ небольшой уклонъ на западъ. Къ востоку отъ хребта Тайширь горы абсолютно безлѣсны и только на восточной вѣтви Алтая, Арцы-Богдо, попадаетъ можжевельникъ. Мѣстность мало орошена—въ узкихъ поперечныхъ долинахъ встрѣчаются небольшіе ручьи, изсякающіе при выходѣ изъ горъ; ключи и ручейки большею частью заросли кочками и покрыты зыбуномъ; колодцевъ не много, но могло бы быть больше, какъ указано выше. Населеніе рѣдкое, но не бѣдное. ¹⁾

Въ другомъ мѣстѣ отчета за 1894 г. Д. А. говоритъ, что въ сущности весь Гобійскій Алтай состоитъ изъ ряда параллельныхъ гребней разной высоты, раздѣленныхъ высокими долинами. Къ югу отъ той точки, гдѣ къ Бага-Богдо подходитъ съ юга Арцы-Богдо, разстилается степь Галбын-гоби, среди которой возвышается высокій уединенный утесъ Хатун-сутуль (сѣдалище госпожи), состоящій изъ столбчатаго базальта ²⁾.

Западная часть Гобійскаго Алтая, судя по наблюденіямъ Д. А. въ 1896 г. въ районѣ Кобдо, состоитъ изъ ряда складокъ, опрокинутыхъ на югъ и круто обрѣзанныхъ къ Джунгарской Гоби; этотъ южный обрывъ Алтая иногда такъ крутъ, что верховья нѣсколькихъ рѣкъ совершенно недоступны. Горы состоятъ изъ древнихъ кристаллическихъ сланцевъ и изъ сланцевъ тальковыхъ и кремнистыхъ; эти породы пересѣчены

¹⁾ Изв. В. Сиб. Отд. т. XXV, № 2—3, стр. 128 и Изв. Ак. Наукъ, 1. с. стр. 268.

²⁾ Изв. Ак. Наукъ, 1. с., стр. 269.

многочисленными жилами гранита; иногда многочисленныя жилы свѣтлаго гранита кажутся перемежающимися съ темными сланцами. ¹⁾ Далѣе Д. А. указываетъ на ошибку нѣкоторыхъ русскихъ путешественниковъ, упоминавшихъ о нахожденіи лесса въ долинахъ Чернаго Иртыша и Булгуна; по его наблюденіямъ это аллювій, состоящій изъ гравія съ глинистой грязью; типичнаго эоловаго лесса нѣтъ, но за то въ долинѣ Чернаго Иртыша много сыпучихъ песковъ; напримѣръ, противъ устья рч. Каба цѣлая горная цѣпь совершенно засыпана песками, такъ что нѣтъ возможности опредѣлить, изъ какихъ горныхъ породъ состоитъ ея основаніе. ²⁾

Между Хангаемъ на востокъ, Танну-ола на сѣверъ и западной половиной Гобійскаго Алтая на югъ расположенъ замкнутый самостоятельный бассейнъ—*Долина озеръ сѣверо-западной Монголіи*, о которомъ Д. А. также сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія: этотъ бассейнъ созданъ громаднымъ ступенчатымъ сбросомъ, лежащимъ между меридіанами Кобдо и Улясутая; на верхней ступени расположены озера Хара-усу и Хара-нуръ и г. Кобдо, на второй—озера Киргиз—норъ и Дзерен-норъ и на нижней—озеро Убса-норъ; хребетъ Хан-хухей раздѣляетъ вторую ступень отъ нижней и круто обрывается къ послѣдней.

Въ Букон-беринской степи, низшее мѣсто которой образуетъ котловина Ачит-нора, Д. А. нашелъ широкораспространенныя отложенія, содержащія каменный уголь и отпечатки хвойныхъ растений; коллекція ихъ была отправлена имъ въ Академію Наукъ (но до сихъ поръ не описана). Вся степь когда то была покрыта моремъ, которое простиралось далеко къ югу за Кобдо. На отрогахъ Алтая между Кобдо и Ачит-норомъ лежатъ толщи безсвязной гальки—отложенія бывшаго здѣсь когда то бассейна ³⁾.

Наконецъ, въ 1895 г. во время отдѣльной экскурсіи на востокъ отъ Урги *Клеменцъ* имѣлъ возможность познакомиться съ южнымъ склономъ *горной системы Кентея* въ бассейнахъ верхняго теченія рѣкъ Толы и Керулена; объ этой части Восточ-

¹⁾ Voyages de Dm. Klemenetz, I. c., p. 325.

²⁾ Ibid., стр. 325 (По другимъ даннымъ, эта цѣпь не засыпана песками, а вся состоитъ изъ сыпучаго песка).

³⁾ Отчетъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. за 1895 г. Извѣстія В. Сиб. Отд. т. XXVII 1896 г., стр. 60.

ной Монголіи онъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія ¹⁾: Восточная часть Гентейскаго нагорья, высокія точки котораго приблизительно доходятъ до 6—7 и 7500 ф., а долины нигдѣ не ниже 3800, 4000 и 4500 ф., отличается хорошими просторными пастбищами, гдѣ степная флора уступаетъ мѣсто луговой. Рядомъ съ этимъ склоны горъ, обращенные къ западу и сѣверу, облѣсены лиственницей, а берега такихъ рѣкъ, какъ Тола и Торильджа, обросли тополемъ. Монголы увѣрили Д. А., что нѣкоторыя вершины и горные проходы освобождаются отъ снѣга только съ половины іюля до первыхъ чиселъ сентября. По системѣ верхняго Керулена и его притоковъ степной характеръ мѣстности выраженъ гораздо рѣзче. За Керуленомъ Гентей сильно понижается, долины становятся шире и суше, лѣсъ сохраняется только въ видѣ отдѣльныхъ, небольшихъ рощицъ на сѣверозападныхъ склонахъ болѣе высокихъ хребтовъ. Мѣстность эта, принадлежащая уже къ аймаку Сецен-хана, носитъ характеръ неровной травяной степи или, если такъ можно выразиться, гористой степи. Отъ другихъ степей Монголіи Керуленскія отличаются малымъ развитіемъ солончаковъ. Климатъ здѣсь довольно суровый, нѣкоторыя явленія указываютъ на существованіе вѣчной мерзлоты почвы.

Рч. Сенкир-голъ находится верстахъ въ 40 отъ верхняго Керулена на востокъ; горы, раздѣляющія долины обѣихъ рѣкъ, значительно ниже водораздѣла Толы и Керулена (достигающаго болѣе 5500 ф. абс. высоты); цѣлый рядъ широкихъ долинъ идетъ въ направленіи съ ОНО, сливаясь съ широкой долиной Керулена. Изъ горныхъ породъ, встрѣчающихся здѣсь, Д. А. упоминаетъ только шлировый гранитъ, слагающій между прочимъ гору Адун-чолонъ (табунъ камней), которая вся усѣяна разбросанными утесами гранита. Вопреки картѣ, Сенкирь, по разспросамъ, впадаетъ въ Керуленъ; общее направленіе ея съ NNW на SSO. Она беретъ начало на размытомъ невысокомъ плоскогорьѣ, недалеко отъ вершинъ рѣчекъ Дельгиз муренъ, (лѣвый притокъ Керулена), Джиргаланту и Хурху (системы р. Онона). Древнія породы—гранито-гнейсъ, слюдистый гнейсъ, глинистый и кремнисто-глинистый сланцы, иногда шлировый гранитъ, подверглись абразіи, а затѣмъ сильному размыву. Высота горныхъ равнинъ, уцѣлѣвшихъ отъ размыва, не болѣе

¹⁾ Отдѣльная экскурсія въ Восточную Монголію. Изв. И. Ак. Наукъ, т. IV, № 1, стр. 42 и 47.

5000 ф. Широкия долины, невысокия горы, растительность травяных степей представляют большія удобства для скотоводства; въ глубокихъ падахъ на сѣверныхъ склонахъ имѣются листовичныя роши.

Наконецъ, въ 1898 г., по дорогѣ изъ Кобдо въ Турфанъ Д. А. имѣлъ возможность пересѣчь еще разъ Монгольскій Алтай и Гоби въ ея Джунгарской вѣтви и посѣтить группу Богдо-ола, высшую часть Вост. Тяньшаня. Въ отчетѣ объ этой экспедиціи, изданномъ Импер. Академіей Наукъ ¹⁾, нѣтъ свѣдѣній о наблюденіяхъ путешественниковъ на пути въ Турфанъ и обратно (черезъ Урумчи и Чугучакъ); онъ содержитъ только, кромѣ описанія древностей, краткій очеркъ орошенія, климата и населенія Люкчунско-Токсунской впадины (стр. 14—21). Карта, приложенная къ отчету, составлена по даннымъ Грумъ-Гржимайло, Козлова и Роборовскаго съ дополненіями самого Клеменца. Другого отчета или очерка пути съ данными о характерѣ мѣстности Д. А. не опубликовалъ, и единственное, что стало общеизвѣстнымъ—это открытіе Клеменцомъ въ Джунгарской Гоби отложеній съ артинской (пермокарбоновой) фауной. Покойный академикъ *Θ. Н. Чернышевъ*, опредѣлившій эту фауну, говоритъ въ своемъ сообщеніи (въ собраніи С.-П.-Б. Минералогическаго Общества 24 октября 1900 г.) объ этой находкѣ слѣдующее:

„По словамъ Д. А. Клеменца мѣстность, гдѣ найдены окаменѣлости, лежитъ къ востоку отъ маршрута *Пивцова* изъ Кобдо въ Гученъ (1876 г.) и къ югу отъ возвышенностей Нейш-найман-шуду, приблизительно въ 25 в. къ востоку отъ Гашиуна и въ 10 в. къ сѣверо-западу отъ Нюрсу. Здѣсь выступаютъ на поверхность небольшими грядами рыхлые пепельно-сѣрые песчаники и конгломераты, падающіе на сѣверо-востокъ, а къ югу развиты мергели и песчаники съ прослоями углей, на которыхъ стоитъ и урочище Нюрсу. Дислоцированные песчаники и конгломераты оказались переполненными ископаемыми.... Кромѣ плохо сохранныхъ мшанокъ (*Polypora*, *Fenestella*) и отчетливо различимыхъ полипняковъ *stenopora columnaris* Schloth. var. *ramosa multigemmata* Waag., въ привезенныхъ кускахъ породы находятся раковины: *Productus Pardonii* Dav., *Productus*

¹⁾ Nachrichten über die von der Kais. Akad. d. Wissenschaften zu S. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüsteten Expedition nach Turfan. Heft. I. S. Pet. 1899.

asperulus (?) Waag. *Productus mexicanus* Schum. (?), *Chonetes transitionis* Krot., *Rhynchopora Nikitini* Tschern, *Keticularia lineata* Mart., *Martina semiglobosa* Tschern., *Spirifer cameratus* Mart., *Bairdia curta* M. Coy и обломки другихъ неопредѣленныхъ формъ. Характеръ этой фауны ближе всего напоминаетъ Уральскую артинскую фауну и притомъ въ несравненно болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ описанныя *Лочи* изъ Яркало въ долинѣ Ланъ-Ванъ-кианга, изъ Цзе-де въ провинціи Сы-Чуань и изъ Чжунъ-тьена и Тали-шао въ провинціи Юн-нань. Любопытно, что и петрографически описанные песчаники и конгломераты около Нюрсу представляютъ полнѣйшее сходство съ типичными артинскими песчаниками и конгломератами Приуралья. 1)“

Наконецъ, о своей послѣдней поѣздкѣ на Алтай лѣтомъ 1904 г. Д. А. опубликовалъ только небольшую статейку, содержащую свѣдѣнія о личности калмыка *Челпанова*, о смыслѣ его новаго вѣроученія и о вліяніи такового на алтайскихъ калмыковъ. 2) Кромѣ этой статейки и вышеупомянутыхъ „Замѣтокъ къ маршруту Чан-чуня“, Д. А. *Клеменцъ* за послѣдніе 12—13 лѣтъ своей жизни, насколько намъ извѣстно, никакихъ научныхъ работъ географическаго содержанія не опубликовалъ. Это обстоятельство является чрезвычайно прискорбнымъ, потому что и въ случаѣ обработки всѣхъ коллекцій, собранныхъ Д. А. *Клеменцомъ*, едва ли удастся использовать весь богатый матеріалъ наблюдений, содержащійся въ оставленныхъ имъ записныхъ книжкахъ; многія записи нельзя будетъ разобрать, другія нельзя будетъ точно приурочить къ мѣстности, и вообще не будетъ восстановлено все то, что хранилось въ памяти Д. А. и могло бы воскреснуть въ связи съ дешифровкой записей при его личномъ участіи.

Къ счастью, кое что наиболѣе существенное, такъ сказать, самые крупные итоги путешествій по Монголіи, были зафиксированы президентомъ Вѣнской Академіи Наукъ, извѣстнымъ геологомъ *Эдуардомъ Зюссомъ* въ его книгѣ. «*Antlitz der Erde* (Ликъ земли)» томъ III, часть 1 (Вѣна, 1901) при помощи самого Д. А. *Клеменца*; послѣдній передалъ *Зюссу* письменно и устно, проѣздомъ черезъ Вѣну, свои взгляды на основные черты строенія Монголіи и данныя о существенномъ составѣ ея

1) Записки И. С.-Пб. Минералогич. Общ. 2-ая серія, т. XXXVIII вып. 2, стр. 44—45 протоколовъ.

2) Извѣстія И. Русск. Геогр. Общ. 1905 г., т. 41, стр. 155—159.

горныхъ системъ и объ условіяхъ залеганія горныхъ породъ. *Зюссъ* упоминаетъ объ этомъ на стр. 76 своего труда, а на стр. 141 въ примѣчаніи №76 указываетъ, „что Д. А. съ чрезвычайной предупредительностью предоставилъ ему для пользованія записи и эскизы, касающіеся слѣдующихъ мѣстностей: 1) Области верховій рѣкъ Кемчикъ и Алашъ вмѣстѣ съ НО-ыми склонами] Сайлюгема. 2). Долины Чуи и части долины Катуни ¹⁾. 3) Области между рѣками Саксай и Цаган-голъ (верховье бассейна Кобдо) въ Монголіи (записи 1896 г.). 4) Улан-дабанъ, Барменъ дабанъ, озера Урю-норъ и Ачит-норъ (1895 г.). 5) Перевалъ Шабин-дабанъ въ Зап. Саянѣ. 6) Условія залеганія девона у с. Бейскаго на Абаканѣ. 7) Горный массивъ Саксаръ на нижнемъ Абаканѣ.

Благодаря этимъ даннымъ, сообщеннымъ Д. А., и остальнымъ его наблюденіямъ, разсѣяннымъ въ упомянутыхъ выше различныхъ отчетахъ, а также личнымъ указаніямъ во время свиданія въ Вѣнѣ, *Эд. Зюссъ* и былъ въ состояніи нарисовать общую картину строенія Сѣверной Монголіи и хребтовъ Зап. Саяна и Сайлюгема, ограничивающихъ ее съ сѣверо-запада. Главные выводы Д. А. *Клеменца*, которые *Зюссъ* призналъ правильными, и къ которымъ онъ присоединился, слѣдующіе: 1) восточная и южная части Хангая окаймлены поясомъ сланцевъ, отчасти палеозойскихъ, приходящихъ съ востока, съ р. Шилки, и связывающихъ Хангай съ древнимъ теменемъ Азіи (*Зюссъ* доказалъ, что Хангай представляетъ часть этого темени); 2) Долина озеръ въ С. З. Монголіи представляетъ область опусканія, и опусканіе происходило уступами; 3) Гобійскій Алтай представляетъ горсть между Долиной озеръ и Джунгарской впадиной (*Зюссъ* считаетъ, что Гобійскій Алтай также принадлежитъ къ древнему теменю Азіи и отрѣзанъ отъ Хангая грабеномъ).

Въ общемъ, путешествія Д. А. *Клеменца* по Сибири и Монголіи, продолжавшіяся съ 1883 г. по 1898 г., въ геологическомъ и обще—географическомъ отношеніи доставило много матеріаловъ, частью использованныхъ самимъ Д. А. въ краткихъ отчетахъ и замѣткахъ, частью ожидающихъ еще окончательной обработки. Наблюденія Д. А. касаются слѣдующихъ районовъ и вопросовъ:

¹⁾ Замѣтки изъ путешествія 1898 г. въ Турфанъ, когда Д. А. проѣхалъ черезъ Бійскъ и Русскій Алтай въ Кобдо.

1) Строенія южной части Кузнецкаго Алатау между верховьями Томи, Мрассы и Лебеди на западѣ и лѣвыхъ притоковъ верхняго Абакана на востокѣ (матеріалъ не обработанъ).

2) Характера и распространенія девонскихъ отложений въ Минусинскомъ уездѣ, преимущественно въ западной его половинѣ [отчетъ данъ самимъ Д. А.].

3) Состава и характера соляныхъ озеръ въ Минусинскомъ уездѣ (то-же).

4) Древняго русла Енисея между с. Означеннымъ и с. Бейскимъ на Абаканѣ (то-же).

5) Характера и распространенія третичныхъ осадочныхъ отложений въ Ачинскомъ уездѣ (то-же).

6) Части приисковъ Южно-енисейскаго золотоноснаго района (Матеріалъ описанъ А. М. Зайцевымъ).

7) Приисковъ Бирюсинскаго района и мѣстности сѣвернаго подножія Канскаго Бѣлогорья (данъ краткій отчетъ, матеріалъ не обработанъ).

8) Бассейна верхняго Енисея (Урянхайскаго края) съ прилежащими хребтами, особенно Западнымъ Саяномъ, Сайлюгемомъ и Танну-ола, а также сѣвернаго склона Зап. Саяна до Абакана (частичные краткіе отчеты, матеріалъ не обработанъ).

9) Горной страны Хангая (Сѣв. Монголіи) между Ургой на востокѣ, Долиной озеръ на западѣ и югѣ и бассейномъ р. Ха-кемъ на сѣверѣ (частичные краткіе отчеты, матеріалъ не обработанъ).

10) Долины озеръ (С. З. Монголіи) между Русскимъ Алтаемъ на западѣ, Хангаемъ на востокѣ и Танну-ола на сѣверѣ (частичные очень краткіе отчеты, матеріалъ не обработанъ).

11) Монгольскаго (Гобійскаго) Алтая почти на всемъ его протяженіи отъ верховій р. Цаган-голъ на западѣ до меридіана оз. Цаган-норъ на востокѣ. (частичные очень краткіе отчеты, матеріалъ не обработанъ).

12) Части бассейновъ верхней Толы и верхняго Керулена къ востоку отъ Урги (предварительный отчетъ; матеріалъ не обработанъ).

13) Джунгарской Гоби, группы Богдо-ола въ Вост. Тянь-шанѣ и мѣстности между Урумчи и Турфаномъ (предварительный отчетъ только о Турфанскомъ округѣ, замѣтка О. Н.

Чернышева о Джунгарской Гоби; матеріаль не обработанъ, за исключеніемъ окаменѣлостей, описанныхъ *Θ. Н. Чернышевымъ*).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что среди путешественниковъ—ислѣдователей материка Азіи *Д. А. Клеменцъ* по праву занимаетъ видное мѣсто; значеніе его изслѣдованій, къ сожалѣнію, уменьшается тѣмъ, что большая часть его наблюдений использована для географіи и геологіи Азіи слишкомъ недостаточно. Остается выразить надежду, что будутъ приняты всѣ мѣры для спасенія и обработки матеріаловъ, собранныхъ *Д. А.*, и что послѣ этого значеніе его работъ получить всеобщее признаніе; но тѣми, кто спеціально занимается географіей и геологіей внутренней Азіи, работы *Клеменца* давно уже оцѣнены по достоинству.

В. А. Обручевъ.

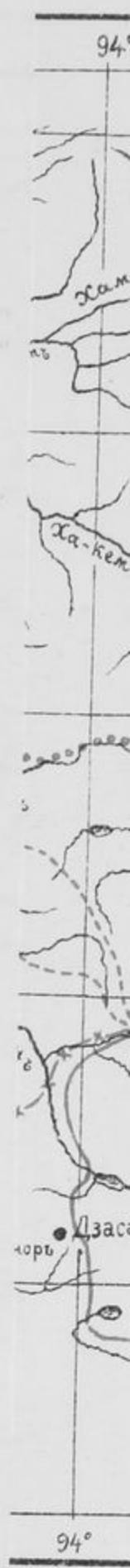
Москва, 18/xii 1914 г.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музееведения

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Д. А. Клеменцъ и историко-этнографическія изслѣдованія въ Минусинскомъ краѣ.

Заканчивая свою извѣстную работу «Древности Минусинскаго музея», Клеменцъ высказывалъ надежду, что критика поможетъ ему избѣжать ошибокъ въ послѣдующихъ работахъ, такъ какъ, судя по обстоятельствамъ, добавилъ онъ, — намъ врядъ ли придется ограничиться настоящимъ трудомъ». Къ большому огорченію для изслѣдователей Минусинскаго края, но, быть можетъ, съ тѣмъ большей непосредственной выгодой для археологовъ оріенталистовъ, Клеменцъ продолжилъ свои изученія въ области древностей уже за предѣлами Минусинскаго края.

Одинъ изъ біографовъ Клеменца, Кравчинскій-Степнякъ, писалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, обладавшемъ «ненасытной жаждой знанія». Тотъ же біографъ отмѣчалъ его рѣдкую наблюдательность, искрящееся остроуміе, находчивость и умѣніе завоевывать расположеніе и довѣріе людей, которые приходили съ нимъ въ столкновеніе. Въ одну изъ первыхъ моихъ побѣздокъ въ лѣво-бережную часть Минусинскаго уѣзда, мнѣ пришлось заѣхать въ золотопромышленную резиденцію. Хозяйка познакомила меня съ своимъ гостемъ, тоже золотопромышленникомъ. При этомъ она шутя рассказала о забавной и характерной выходкѣ покойнаго Клеменца. Въ Минусинскѣ, ночью, компанія интеллигенціи не рѣшалась выйти на улицы, такъ какъ стояло буйное, разгульное веселье; опасались непріятныхъ инцидентовъ. «Погодите, воскликнулъ Клеменцъ, — я сейчасъ вамъ доставлю не человѣка, а стѣнобитное орудіе». «Вотъ этотъ «не человѣкъ, а стѣнобитное орудіе» — Вашъ новый знакомый», смѣясь, сказала хозяйка дома. Когда я всмотрѣлся въ фигуру объекта остроумія Клеменца, я невольно согласился мысленно съ мѣткостью даннаго ему опредѣленія. Высокій, широкоплечій, съ небольшой загорѣлой головой, онъ обладалъ могучими руками,

снабженными тяжеловѣсными кулаками. И это остроуміе Клеменцъ щедро разсыпалъ не только въ обыденной жизни, но и въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, въ газетныхъ статьяхъ. Это остроуміе и находчивость являлись къ нему на помощь и во время производства изслѣдованій. Кравчинскій-Степнякъ писалъ о немъ, что Клеменцъ «никогда не пытался и не желалъ насиловать чужой воли. Это было ему просто противно». Съ другой стороны, по словамъ того-же автора, «повидимому, природа одарила его сердцемъ, физически не способнымъ испытывать страхъ. Среди величайшей опасности Клеменцъ никогда не теряетъ самообладанія. Онъ остается совершенно хладнокровнымъ, смѣется и шутитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Этимъ объясняется его необычайное присутствіе духа. Изъ самыхъ трудныхъ положеній онъ выпутывается съ изумительной находчивостью и подчасъ съ такимъ юморомъ, который ясно показываетъ, что онъ все время нимало не думалъ объ опасности, а только забавлялся нѣкоторыми смѣшными положеніями и моментами».

Покойный Г. П. Сафьяновъ рассказывалъ мнѣ, что онъ одинъ разъ только видѣлъ, какъ веселое, неунывающее настроеніе покинуло Клеменца. Они вдвоемъ ѣхали въ Саянахъ. Было холодное время. Лежалъ снѣгъ. Дулъ вѣтеръ. Оба путника расположились на ночлегъ. Клеменцъ былъ одѣтъ легко, такъ какъ или не имѣлъ теплой одежды, или не запасся ею. Онъ простылъ, и ему сильно недомогалось. Сафьяновъ передавалъ, что сильно боялся, какъ бы его спутникъ совсѣмъ не расхворался. И среди этой дикой, горной тайги Клеменцъ, надо думать, остро долженъ былъ сознавать свое безсиліе... Но тамъ, гдѣ было мѣсто для быстрой работы мысли и физическаго усилія, Клеменцъ чувствовалъ себя бодро.

Вотъ онъ ѣдетъ «горными таежными тропинками» въ западныхъ, пограничныхъ съ Томской губерніей, мѣстностяхъ Минусинскаго уѣзда. Къ нему присоединяется сагоецъ. Вечерѣтъ. Спутники ведутъ бесѣду. «Есть въ Россіи хорошіе шаманщики?» спрашиваетъ татаринъ. Клеменцъ даетъ серьезно отрицательный отвѣтъ.—«Значить, у васъ шайтановъ нѣтъ?» продолжаетъ бесѣду его спутникъ.—«Не знаю, прежде, говорятъ, были; теперь что-то не слыхать».—«Нѣтъ, и у васъ есть шайтаны, только, должно быть, смирные. Русскій-хитрый

народъ, бойкій народъ, самъ хуже шайтана. Татары-смирный народъ, простой: оттого и шайтаны у насъ сердитые». Далѣе уже сагай сообщалъ, что шайтановъ много: въ тайгѣ-одни, въ горахъ-другіе. Вездѣ шайтаны. Безъ шамана нельзя. И незамѣтно Клеменцъ извлекаетъ изъ своего случайнаго спутника, увлеченнаго дружеской бесѣдой, цѣнныя для этнографа свѣдѣнія о томъ, какой стажъ проходятъ шаманы, какъ человѣкъ становится шаманомъ и т. д.

Надъ притокомъ Аскыса-Кюгомъ виситъ утесъ Иней-тасъ. Издали онъ имѣетъ сходство съ закутанной съ головы до ногъ человѣческой фигурой. Этотъ камень («бабушка-камень» буквальный переводъ «Иней-тасъ») внушаетъ религіозный страхъ татарамъ. Ни одинъ изъ нихъ не осмѣливается изъ празднаго любопытства приблизиться къ утесу. Страшная кара ожидаетъ его, если онъ приведетъ къ утесу человѣка не «татарской вѣры». Иней-тасъ является духомъ—покровителемъ стадъ и скотоводства. На площадкѣ передъ утесомъ поставлены сдѣланныя изъ камня фигурки лошадей, коровъ, козъ. Если фигурки стоятъ, хорошо и скоту. Упали—быть бѣдѣ: скотскій падежъ угрожаетъ татарамъ.

Къ этому священному утесу пробирается Клеменцъ, взявъ въ проводники русскаго рабочаго, но ни однимъ намекомъ не выдавъ цѣли путешествія. Они ѣдутъ верхами. Наступаетъ ночь. Луна выходитъ. Дѣлается свѣжо. Показывается улусъ. «Холодно, не заѣхать ли чайку попить?» спрашиваетъ спутникъ Клеменца. «Остановиться среди поля,—быстро соображаетъ Клеменцъ,—никуда не заѣзжая, будетъ подозрительнѣе, лучше заѣхать выпить чашку чая да и сказать, что пойдемъ ночевать съ лошадьми въ поле». Холодная ночь, пронизывающій вѣтеръ мѣшаютъ спать, да и есть рискъ проспать. Подъ утро, передъ заходомъ луны, Клеменцъ, сказавъ спутнику, что пора сдѣлать лошадей, отправляется якобы поискать камней. Самъ же, одинъ, среди ночи, пробирается къ завѣтному утесу. Удачно прячется отъ замѣтившей его на дорогѣ и залаявшей собаки и достигаетъ цѣли. Опытный глазъ запоминаетъ обстановку. Нѣсколько штукъ каменнаго скота Иней-тасъ попадаетъ въ карманъ изслѣдователя. Но Клеменцъ съ свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ оказываетъ услугу и татарамъ. Нѣсколько фигурокъ упало. Онъ ихъ старательно поднялъ и поглубже затискалъ въ песокъ, чтобы не упали снова. Когда первые сол-

нечные лучи окрасили Иней-тасъ, Клеменцъ уже благодушно освѣдомлялъ спутника, что искалъ вѣтку черной березы и нашелъ таки ее.

Этотъ безпокойный, непосѣдливый человѣкъ успѣлъ изъѣздить много мѣстностей и въ Саянскихъ горахъ, и въ Кузнецкомъ Алатау, побывалъ и въ вершинахъ Абакана. Извѣстно, какимъ почетомъ пользуется Абаканъ у инородцевъ, особенно вершины его. Надъ міромъ, въ предѣлахъ кругозора алтайскихъ и минусинскихъ тюрковъ, царствуютъ семнадцать благожелательныхъ для человѣчества духовъ-хановъ (йэрсу); однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ хановъ является Мордо-ханъ, или Абаканъ-ханъ, мѣстопробываніе коего у истоковъ рѣки Абакана. Клеменцъ писалъ, что онъ пользовался немалой популярностью среди минусинскихъ татаръ, какъ человѣкъ, побывавшій на вершинахъ Абакана.

Съ этимъ умѣніемъ понимать чужое міросозерцаніе, подходитъ къ простому человѣку съ понятнымъ для него языкомъ и добродушной фамильярностью, уживавшейся съ способностью импонировать, у Клеменца соединялась опиравшаяся на широкую эрудицію способность обобщенія. Подмѣченный фактъ у него быстро ассоціируется съ ранѣе наблюденными, съ данными, извлеченными изъ прочитанной литературы, и изъ этой мозаики фактовъ составляетъ цѣлая картина.

Во время одной экскурсіи Клеменцъ зашелъ въ юрту, въ которой лежалъ больной, дряхлый старикъ-татаринъ, котораго пріютилъ хозяинъ юрты. Онъ бредилъ и въ бреду твердилъ: «мултыхъ, биръ мултыхъ» («ружье, дай ружье»). Хозяинъ пояснилъ, что, когда наступаетъ охотничій сезонъ, время снаряженія въ тайгу, старикъ начинаетъ мучительно безпокоиться, бредитъ и проситъ ружье. Прежде это былъ одинъ изъ лучшихъ охотниковъ, «звѣровщиковъ». И Клеменцъ по этому поводу замѣчаетъ, что ему сталъ понятенъ послѣ этого непреоборимый инстинктъ мигрирующихъ животныхъ, пересиливающий даже могучій инстинктъ материнской привязанности, заставляющій птицъ покидать гнѣзда съ птенцами, не оперившимися до эпохи перелета.

Эти быстрыя обобщенія поражаютъ иногда своею талантливостью. Одной изъ блестящихъ гипотезъ Клеменца было его предположеніе объ измѣненіи русла Енисея ниже д. Означен-

ной. Енисей въ степи дѣлалъ поворотъ на западъ, и русломъ ему служило нынѣшнее русло р. Абакана отъ мѣстности выше г. Изыха *). Гидротехническія изысканія и нивелировки послѣдняго пятилѣтія дали богатый матеріалъ, подтверждающій правильность высказаннаго Клеменцемъ предположенія.

Характерно для ученаго облика Клеменца, что, изслѣдуя минусинскія степи, онъ взбирается на одну изъ высокихъ Саянскихъ вершинъ лѣваго берега Енисея и оттуда окидываетъ насколько позволяетъ глазъ, лежащія внизу степныя пространства. А затѣмъ набрасываетъ общую картину степей. То же самое онъ дѣлаетъ и въ «Древностяхъ Минусинскаго Музея». Только здѣсь онъ пользуется не горной вершиной, а историческими матеріалами, чтобы набросать историческую перспективу, въ которую бы можно было уложить подвергнутый имъ изученію археологическій матеріалъ.

Какой народности принадлежали безчисленные и богатые памятники древней культуры Минусинскаго края — всѣ эти курганы съ находимыми въ нихъ бронзовыми, серебряными, золотыми предметами, камни съ надписями, остатки крѣпостей, строительныхъ сооружений? Клеменць осторожно говоритъ не о народности, а о народахъ, и отмѣчаетъ, что „компетентные ученые, глубокіе знатоки литературы и древностей востока не высказали по этому вопросу ничего, кромѣ догадокъ. Тѣмъ не менѣе, и не найдя ничего опредѣленнаго и устойчиваго въ литературѣ, Клеменць съ обычной настойчивостью и смѣлостью пробирается въ дебри матеріаловъ, даваемыхъ „Свѣдѣніями о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи“, „Исторіей четырехъ хановъ“ о. Іакинфа, „Исторіей Монголовъ“ Рагандъ-Эддина, „Ethnologische Vorlesungen“ Кастрена и др. Изъ народовъ, упоминаемыхъ названными сочиненіями, онъ выдѣляетъ хагасовъ для Минусинскаго края и тую для Алтая. Сопоставляя свѣдѣнія о матеріальной культурѣ туюэсцевъ съ позднѣйшими данными о черневыхъ татарахъ, сагаяхъ, Клеменць, видимо, пытается установить культурную, если не этническую, преемственность этихъ народностей. Онъ допускаетъ возможность смѣшенія представителей различныхъ расъ (енисейско-остяцкой и тюркской), но процессъ этого смѣшенія отодвигаетъ въ далекую древность. Остроумная аналогія у него нашла мѣсто по поводу извѣстія о развитіи

*) Замѣтка о древнемъ руслѣ Енисея въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. Геогр.-Общ.

руднаго дѣла у тукю. Послѣдніе, по китайскимъ источникамъ, были кочевниками. Это, по мнѣнію Клеменца, наводитъ на мысль, что руднымъ дѣломъ занимались они не сами, а подчиненные имъ аборигены Алтая, кыштымы ихъ. И онъ прямо обращается къ даннымъ «Памятниковъ Сибирской Исторіи XVIII в.», по которымъ русскіе собирали ясакъ не столько съ киргизовъ, сколько съ кыштымовъ послѣднихъ. Нѣтъ извѣстій, чтобы кочевники-киргизы занимались руднымъ дѣломъ; напротивъ, они брали дань желѣзными издѣліями или просто отбирали ножи, котлы и т. п. у другихъ племенъ.

Еще болѣе, чѣмъ тукю, интересуютъ Клеменца хагасы, о которыхъ впервые упоминаютъ китайскіе источники подъ 95 г. до Р. Х. Китайскій полководецъ Ли-Линь, потерпѣвъ пораженіе отъ Хунну, сдался послѣднимъ и получилъ во владѣніе страну Хагасъ. Клеменцъ довольно подробно останавливается на извѣстіяхъ о внутреннемъ бытѣ этого народа. Его интересуетъ высокая матеріальная культура этого народа и чрезвычайно развитый общественный и государственный строй. По поводу упоминанія китайскихъ источниковъ, что у хагасовъ были «какіе-то ясачные, съ которыхъ подать собиралась бѣлками и соболями», онъ дѣлаетъ опять смѣлое сопоставленіе. По его мнѣнію, «это были остатки покоренныхъ первобытныхъ насельниковъ страны, извѣстные впослѣдствіи у киргизовъ Минусинскаго округа подъ названіемъ кыштымовъ». Далѣе онъ останавливается на извѣстіи, что у хагасовъ существовало письмо, сходное съ уйгурскимъ, и оно употреблялось въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Ему приходитъ на мысль «paize» Клапрота, но онъ еще не рѣшается говорить о тождествѣ этого письма и надписей на скалахъ и могильныхъ камняхъ Минусинскаго края. «Повторимъ здѣсь,—говоритъ онъ,—по поводу этихъ невѣдомыхъ писменъ, что кто бы ни были наши аборигены: арійцы, тюрки или финны алфавиты у западныхъ народовъ и у нашихъ сѣверо-азіатцевъ ведутъ начало отъ одного корня; иначе сходство ихъ становится совершенно необъяснимымъ. Изъ сходства писменъ нельзя, конечно, дѣлать заключеніе о сродствѣ языковъ, и вопросъ этотъ остается открытымъ до сихъ поръ, не смотря на всѣ новыя попытки прочесть наши руны». Излѣдователей смущало извѣстіе китайскихъ источниковъ, что у хагасовъ были рыжіе волосы и голубые глаза; это говоритъ о принадлежности къ финскому или индоевропейскому племени. Но Клеменцъ

подчеркиваетъ, что хагасскія названія „нѣкоторыхъ предметовъ и мѣсяцевъ, сохранившіяся въ китайскихъ источникахъ, указываютъ на тюркскій языкъ“. Послѣ IX в. у китайцевъ нѣтъ извѣстій о Хагасахъ; упоминаются Кили-ки-дзе. Клеменць уже не колеблется отождествить хагасовъ и Кили-ки-дзе (китайское произношеніе имени киргизъ). Послѣдніе, а также сагаи (сагаитъ) добровольно подчинились Чингисъ хану. „Съ тѣхъ поръ нашъ край, вплоть до русскаго завоеванія, переходилъ въ руки то Алтынъ-хановъ халхаскихъ, то возросшаго быстро союза ойратовъ. Есть свѣдѣнія, что въ XVII в. здѣсь было сильно джунгарское вліяніе“. Такимъ образомъ, Клеменць довольно близко подходилъ къ разрѣшенію вопроса о тождествѣ первоначальныхъ обитателей Минусинскаго края, о которыхъ только сохранились историческія извѣстія, съ позднѣйшими насельниками вплоть до эпохи русскаго завоеванія.

Въ какомъ же отношеніи упоминаемыя народности стоятъ къ современнымъ, такъ называемымъ минусинскимъ татарамъ? „Русскіе,—писалъ Клеменць,—не застали уже и слѣдовъ высокой культуры хагасовъ. *Енисейскіе киргизы, алтырцы, сагаи, ассаны и арены*, которыхъ русскіе завоеватели застали здѣсь, были полудикіе кочевники и звѣроловы. *О тубинцахъ или нынѣшнихъ сойотахъ* и говорить нечего. Они и во время перваго появленія русскихъ и нынѣ оставались на той же культурной стадіи развитія, на которой ихъ нашли въ VII и VIII столѣтіяхъ китайскіе историки, описавшіе ихъ подъ именемъ народа *Дубо**.) Это были и остались такіе же бѣдные звѣроловы, питающіеся кореньями сараны и промышлявшіе, кромѣ того, грабежами у хагасовъ. Послѣдніе ловили ихъ и обращали въ рабство. Въ имени Дубо нельзя не признать тождества съ Туба или Тува, какъ до сихъ поръ называютъ себя сойоты. Какъ извѣстно, большая часть тубинцевъ, вмѣстѣ съ киргизами, въ началѣ XVIII в. покинули Минусинскій край, убоявшись возрастающаго вліянія русскихъ, и поселились за Саянскимъ хребтомъ“.

Для объясненія причинъ паденія цивилизаціи хагасовъ—киргизъ, Клеменць предлагаетъ слѣдующую гипотезу. „Мы знаемъ, говоритъ онъ, тактику Чингисъ-хана и его преемниковъ. Вѣроятно, и по отношенію къ киликидзе они ея не измѣнили, т. е. забирали вліятельныхъ представителей покоренной страны къ

*) Это мнѣніе акад. Радлова—см. Aus Sibirien т. I, стр. 207.

себѣ, если нужно, истребляли ихъ, уводили съ собой художниковъ и ремесленниковъ вглубь Монголіи и лишали край его лучшихъ силъ. Исторія Азіи представляетъ не мало примѣровъ, какъ, послѣ сильнаго погрома, цѣлыя культурныя націи превращались въ разрозненныя родовыя группы полудикихъ пастуховъ. Такъ было, *впрямую*, и съ предками Киргизовъ енисейскихъ, хагасами, такъ было и съ болѣе могущественными ихъ сосѣдями, тукинцами. „Грандіозные оросительные каналы были запущены, и мѣстности, кормившія сотни и тысячи лицъ, лежатъ втуне“. Это объясненіе, не смотря на его раціоналистичность и шаткость, не лишено покоряющей опредѣленности и оригинальности. И здѣсь Клеменць остался самимъ собою. Онъ искалъ для себя опредѣленнаго отвѣта на широко поставленный вопросъ, и смѣло его формулировалъ. Необходимо опредѣлить то мѣсто, которое занимаютъ соображенія Клеменца въ исторической литературѣ.

Прежде всего-тождество хагасовъ съ киргизами и положеніе страны, въ которой они обитали.

По этому вопросу существуетъ довольно обширная литература. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и притомъ въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Писатели XVIII и первой половины XIX вѣка пользовались, преимущественно, извѣстіями мусульманскихъ писателей (Абулгази). Въ оцѣнкѣ, что понимать подъ рѣкой Икранъ-муранъ или Уйгуръ-муранъ, гдѣ помѣщались киргизы, было крупное расхожденіе между изслѣдователями. Миллеръ (Описаніе Сибирскаго царства“. Спб. 1750, стр. 13 и сл.) полагалъ, что Икранъ-Муранъ-это Амуръ; Фишеръ приводилъ многочисленныя данныя въ пользу Гоанго („Сибирская исторія“. Спб. 1774, стр. 25—30 54 и сл.); Степановъ („Енисейская губернія“. Спб. 1835, стр. 130—133,) вслѣдъ за Клапротомъ, полагалъ, что киргизы жили тамъ, гдѣ ихъ застали русскіе (около Юсовъ,) и что Уйгуръ-муранъ-это Енисей. Запоздалое продолженіе этотъ споръ имѣлъ уже въ XX вѣкѣ. Мѣстный изслѣдователь, И. П. Кузнецовъ, въ небольшой брошюрѣ „Замѣтка о древнихъ обитателяхъ южныхъ частей Енисейской губерніи“ (Томскъ, 1902) подвергъ рѣзкой критикѣ мнѣніе Клапрота. По мнѣнію г. Кузнецова, „кромѣ р. Чернаго Иртыша, нельзя приурочить къ р. Уйгуръ-мурану другой рѣки“ (н. с., стр. 26).

Этотъ споръ могъ продолжаться, можетъ быть, бесконечно, такъ какъ спорящіе располагали однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, и разница заключалась лишь въ томъ или иномъ остроумномъ его истолкованіи. По почину покойнаго Н. М. Ядринцева, дѣло приняло совершенно иной оборотъ, и разрѣшеніе вопроса было поставлено на прочную почву аутентичныхъ памятниковъ.

Какъ извѣстно, Н. М. Ядринцевъ въ 1889 году отправился въ Восточную Монголію разыскивать развалины столицы чингисханидовъ—Каракорума. Его открытія произвели огромное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Онъ нашелъ знаменитые „драгоценные памятники Орхонской долины“*,) надписи, аналогичныя письмамъ енисейскимъ. При этомъ были найдены двуязычныя надписи, на китайскомъ и „уйгурскомъ“ языкахъ. Послѣдовавшія экспедиціи Финскаго ученаго Гейкеля и академика Радлова дали богатое собраніе этихъ надписей (изд. въ Гельсингфорсѣ *Inscriptions de l'Orkhon*, 1892; франц.—*Inscriptions de l'Iénisséi* изд. русск. акад. наукъ; *Atlas der Alterthumer der Mongolei*, 1892). Дешифровкой ихъ занялись первоклассные тюркологи В. В. Радловъ и датскій ученый Томсенъ, пока послѣднему въ 1893 году не удалось найти ключъ къ чтенію орхонскихъ писменъ и занять почетное мѣсто рядомъ съ знаменитымъ египтологомъ Шампольономъ и ассириологомъ Гротефендомъ („*Déchiement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisséi*“ въ Бюллет. Датск. Корол. Акад. Наукъ).

Орхонскія надписи оказались принадлежащими тому народу, который въ китайскихъ источникахъ называется *тукю*, а себя въ надписяхъ называлъ *түрк* (тюркъ),—т. н. восточнымъ тюркамъ (западнымъ принадлежалъ Алтай). Онѣ охватываютъ первыя три десятилѣтія VІІІ в. по Р. Х. Въ нихъ упоминаются и *кыргысы*. Каганъ тюрковъ, Бильге-ханъ съ своимъ братомъ Кюль-Тегинѣмъ совершили зимою 710—711 г. походъ за горы Кюгменъ (Саяны) и въ „черни“ (йышъ) Сунга разбили кыргысовъ, вождь коихъ Барсъ-бегъ палъ въ битвѣ. Кыргысамъ принадлежали енисейскія надписи. Послѣднія носятъ болѣе архаическій характеръ. Алфавитъ и орфографія здѣсь не разработаны такъ, какъ орхонскія. Содержаніе ихъ не столь раз-

*) Бар. Розенъ, *Summ cuique*. Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. VІІІ, стр. 325; Н. М. Ядринцевъ, *Предварительный отчетъ о поѣздкѣ съ археологич. и этногр. цѣлью въ сѣв. Монголію и вершины Орхона*, 1889.

нообразно. Но и онѣ даютъ цѣнныя указанія на бытъ кыргызовъ.*)

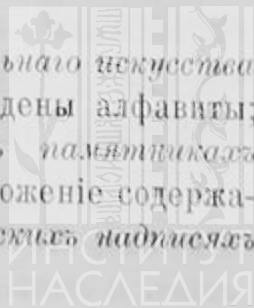
Очень большое значеніе имѣлъ открытый женою Д. А. Клеменца—Е. Н. въ Баинъ-Цзокто, въ районѣ Урги, большой памятникъ—надпись, принадлежавшая нѣкому сановнику Тонью-куку, тестю Бильге-хана. Изслѣдованія были распространены на з. Монголію и Ср. Азію, и въ нихъ дѣятельное участіе принялъ Клеменцъ.

Такимъ образомъ построеніе, принятое Клеменцемъ, какъ въ отношеніи отождествленія хагасовъ и киргизовъ, такъ и въ отношеніи обитанія ихъ въ долины верхняго Енисея, было правильно.

Далѣе слѣдуетъ вопросъ, что изъ себя представляли т. н. *Енисейскіе киргизы*, которыхъ застали въ началѣ XVІІ в. русскіе въ предѣлахъ нынѣшняго Минусинскаго края и южной части Ачинскаго уѣзда, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ современнымъ „минусинскимъ татарамъ“.

Ранніе писатели были склонны смѣшивать киргизовъ енисейскихъ съ западными, т. е. киргизъ-касаками и кара—киргизами. У Георги („Описаніе всѣхъ въ Россійск. госуд. обитающихъ народовъ“, ч. II, стр. 115—116) полное отсутствіе отчетливаго представленія о географическомъ положеніи киргизскихъ племенъ. Онъ говоритъ объ ихъ войнахъ съ Туркестаномъ (что относится къ западнымъ киргизамъ), о подчиненіи чжунгарамъ (что относится къ енисейскимъ), объ уходѣ съ Енисея на Обь и т. д. Миллеръ и Фишеръ обладали обширнымъ матеріаломъ, чтобы не смѣшивать енисейскихъ киргизовъ и киргизовъ бассейна Иртыша и Туркестана. По Миллеру, енисейскіе киргизы, тѣснимые русскими, ушли къ калмыкамъ, у которыхъ въ его время были «они подъ именемъ *Бурутъ* извѣстны». Фишеръ говоритъ еще болѣе опредѣленно, что енисейскіе киргизы въ началѣ XVІІІ в., будучи „по дружелюбнымъ договорамъ уступлены калмыкамъ“, „внутри Калмыцкой земли отступили“, и что послѣ этого русскіе предѣлы были отъ нихъ „совершенно очищены“. (стр. 57).

*) Ср. Савенковъ. *О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисей*. М. 1910, стр. 281 и 324, въ приложен. приведены алфавиты; Меліоранскій, *Объ орхонскихъ и енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898, июнь; весьма интересное изложеніе содержанія надписей); Бартольдъ, *Новыя изслѣдованія объ орхонскихъ надписяхъ* (Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, октябрь).

Фишеръ правильно полагалъ, что „всѣ поколѣнія, которыя именуются киргизами, одного происхожденія“ (стр. 59), но оговаривался, что „не должно думать, чтобъ... вся орда и все киргизское имя вышли и, такъ сказать, въ одно мѣсто стѣснены были“. Поэтому обвиненіе Словцовымъ („Историческое обозрѣніе Сибири“. Сиб. 1886, т. II, стр. 73—74) Фишера въ смѣшиваньи киргизовъ западныхъ и восточныхъ совершенно неосновательно. Самъ Словцовъ, подчеркивая различіе отъ западныхъ киргизовъ киргизовъ восточныхъ, выводилъ послѣднихъ изъ Забайкалья, гдѣ находятся могильные памятники, приписываемые какимъ-то кергетамъ. „Потомки кергетовъ,—предполагалъ Словцовъ,—въ эпоху русскую, распространились до Катунѣ, пройдя черезъ Верхолѣнскій уѣздъ. Въ 1704 г. эти киргизы потерпѣли пораженіе отъ казачьяго головы Цицурика и „убрались на юго-западъ“ (стр. 272—273 и XI; стр. 310—311).

Кастренъ считалъ киргизъ прямыми потомками хагасовъ. Имъ онъ приписываетъ происхожденіе безчисленныхъ кургановъ. Изъ сибирскихъ степей, по мнѣнію Кастрена, киргизы продвинулись въ мѣстности, лежащія между Ташкентомъ и Коканомъ, В. Иртышомъ и Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Они смѣшались съ монгольскими племенами, но сохранили чистый тюркскій языкъ) *Ethnologische Vorlesungen*, S.-Petersb. 1857, стр. 69). Мнѣнію Кастрена слѣдовалъ акад. Радловъ и, конечно, Клеменцъ. Уходъ киргизовъ изъ Минусинскаго края Радловымъ отнесенъ къ концу XVII в. Оцѣнка послѣдствій этого событія данная авторитетнымъ академикомъ, имѣла исключительное вліяніе въ этнографической литературѣ.

„Когда,—говоритъ онъ*),— киргизы въ концѣ XVII вѣка

*) *Aus Sibirien*. Leipzig. 1884. I, стр. 209—210 (2-е изд. 1893, стр. тѣ же). Этотъ взглядъ получилъ общее признаніе. Въ изданномъ въ Томскѣ переводѣ части труда ак. Радлова («Этнографическій обзоръ тюркскихъ племенъ ю. Сибири и Джунгаріи». Т. 1887, стр. 3) цитир. мѣсто передано еще рѣзче: «когда большинство киргизовъ въ концѣ XVII в. выселилось изъ долины верхняго Енисея и Абакана, два колѣна сагаевъ осталось отъ нихъ въ долинѣ Аскыса. Послѣдніе и понынѣ помнятъ свое происхожденіе». Ср. цит. мѣсто изъ «Древностей» Клеменца о переселеніи части тубинцевъ съ киргизами; *Адріановъ, Очерки Минусинскаго края*. Т. 1904, стр. 8—9; *Яковлевъ, Этнографич. обзоръ инородч. населенія долины Южнаго Енисея*. Мин. 1909, стр. 4—5; даже въ недавно вышедшей книгѣ *Ватина, Минусинскій край въ XVIII в.*, Минус., 1913, стр. 89, повторяется, что мѣста, покинутыя киргизами, были заняты двинувшимися съ разныхъ сторонъ инородческими племенами. Преувеличенное выраженіе это мнѣніе нашло въ книгѣ *Кулакова и Кузнецовой, Минусинскіе и Ачинскіе инородцы*. Краснояр. 1898, стр. 3, 4, 14 и др. Послѣдняя книга вызвала стройное возраженіе со стороны *Ярилова, Въ защиту науки и приговоренныхъ къ смерти*. Юрьевъ 1900.

въ главной массѣ покинули абаканскія и енисейскія степи, лишь очень немногія родовыя группы остались на прежнихъ мѣстахъ. Но обширныя степныя пространства только короткое время *оставались безъ населенія*; сюда двинулись со всѣхъ сторонъ обитавшія въ сосѣднихъ тайгахъ (Waldgebirgen) племена, привлекаемые плодоносными равнинами. Съ юга, въ широкую долину Абакана, потянулись бельтиры, съ юго-востока—койбалы и маторы, съ сѣверо-запада—аргены и населили вмѣстѣ съ нѣкоторыми предвинувшимися съ Алтая на востокъ тюркскими поколѣніями южную часть долины Абакана до Аскыса; сѣверная же часть стала мѣстомъ обитанія качинцевъ“.

Рѣзко разошелся съ установившимся взглядомъ И. П. Кузнецовъ въ уже цитированной брошюрѣ „Замѣтки о древнихъ обитателяхъ южныхъ частей Енисейской губерніи“. Г. Кузнецовъ совершенно отрицаетъ существованіе енисейскихъ киргизовъ. По его мнѣнію, такой народности не было, а были разные тюрко-монгольскіе роды и колѣна, коихъ томскіе казаки, по невѣжеству, называли киргизами; часть этихъ племенъ въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. перекочевала за Саянскій хребетъ, а часть и теперь живетъ на прежнихъ мѣстахъ, напр. тубинцы, сагайское колѣно кыргысъ, езерцы (ызыръ). Сами эти племена отнюдь себя не называли киргизами (н. с., стр. 26, 28).

Еще акад. Радловъ въ своихъ «Aus Sibirien» сдѣлалъ цѣнное замѣчаніе въ отношеніи южно-сибирскихъ тюрковъ. „Die Geschlechtsnamen,—писалъ онъ,—dieser Türkstämme sind für uns der einzige Fingerzeig für ihre *Abstammung*“. Мы думаемъ, что, не смотря на допущенные г. Кузнецовымъ промахи, его заслуга должна заключаться въ томъ, что онъ попытался, хотя и неудачно, сопоставить историческія извѣстія о народностяхъ, жившихъ въ краѣ во время прихода русскихъ, съ родовыми названіями современныхъ инородцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Кузнецовъ основательно подвергъ сомнѣнію правильность мнѣнія о выселеніи изъ края цѣлой народности и заполненіи образовавшагося какъ бы пустого мѣста пришедшими со стороны племенами.

Какъ и въ вопросѣ о хагасахъ-киргизахъ, мы обратимся къ первоисточникамъ, чтобы не витать въ области чистыхъ гипотезъ. Но прежде надо оговориться, что, когда приходится обращаться къ родовымъ названіямъ, то нужно имѣть въ виду не названія административныхъ единицъ, носившихъ названія

„родъ“. Это продуктъ чисто административнаго творчества, результатъ попытокъ примирить территориальное дѣленіе съ племеннымъ. Въ этомъ, между прочимъ, одна изъ ошибокъ г. Кузнецова, когда онъ колѣно кыргысъ называетъ сагайскимъ. Нужно имѣть въ виду не эти родовыя подраздѣленія, а т. н. *кости*, *сѣк'и* (или *сѣоки*, какъ часто пишутъ).

Подраздѣленіе на *сѣк'и* еще сохраняется (неофициально) у минусинскихъ инородцевъ, но они уже утрачиваютъ реальное значеніе. Сравнительно недавно, въ предыдущемъ поколѣніи, не допускались брачные союзы внутри *сѣк'а*. Это былъ остатокъ экзогаміи. Теперь сохранились пока общественныя жертвоприношенія у представителей одного *сѣк'а*; сохранились посвященныя духу-покровителю *сѣк'а* лошади (изых), символы этого духа-покровителя *тѣс* или *түсь* (ихъ нерѣдко называютъ идолами).*)

Въ литературѣ обычно высказывается мнѣніе, что „кость“ — это кровный союзъ, группа семей, ведущихъ происхожденіе отъ одного предка. Этотъ кровный союзъ, путемъ внѣдренія посторонняго элемента, могъ расширяться до союза, объединеннаго хозяйственными интересами и неопредѣленными представленіями объ обще-родовой связи. **)

Мы думаемъ, что *сѣк'ъ* это остатокъ племени или народности, потерявшей самостоятельность и сведенной до значенія „рода“. Исторія тюрковъ даетъ намъ многочисленные примѣры, когда небольшое племя усиливалось, поглощало или подчиняло другія и превращалось въ сильный народъ, и, наоборотъ, народъ послѣ перенесеннаго разгрома низводился до размѣровъ небольшого племени, входилъ въ составъ болѣе сильной народности на правахъ рода (напр. найманъ-сѣкъ киргизовъ; во времена Чингисхана было государство найманъ; тоже самое было съ кираитами и т. д.; напротивъ, сахаларъ-якуты превратились въ особый народъ на нашихъ, можно сказать, глазахъ).

*) Ср. Клеменцъ, *Минусинская Швейцарія и боги пустыни*. В. О. 1884, № 7, стр. 14: „У каждаго племени и даже у каждаго рода есть свои любимые (*sic*) идолы. Божества эти невзрачны и непрезентабельны на видъ: березовая рогулька, и на ней навѣшено нѣсколько тряпочекъ, кусковъ мѣха, иногда звѣриныя жилы или конскій волосъ. Каждый идолъ есть представитель извѣстнаго божества, пената, а отчасти и само божество“. Ср. Клеменца же *поѣздку въ Качинскую степь*. В. О. 1886, № 47. „Түсь“ имѣетъ аналога въ „онгонѣ“ бурятъ.

**) Приблизительно такое мнѣніе было высказано о „костяхъ“ минусинскихъ инородцевъ М. Н. Богдановымъ въ одномъ изъ его докладовъ въ Красноярскомъ подѣлѣ Русскаго Геогр. Общества.

Исчерпывающей записи существующихъ у минусинскихъ инородцевъ соковъ не сдѣлано ни однимъ изъ изслѣдователей. Наиболѣе точная записъ имѣется у Кострена („Reiseberichte und Briefe“. S. Petersb. 1856), Радлова („Aus Sibirien“) и Яковлева („Этнографическій обзоръ“); записи А. П. Адрианова и проф. Кананова). Въ настоящее время въ правобережной части Минусинскаго края, гдѣ жили тубинцы, уже не осталось не обрусѣлыхъ инородцевъ. Сокъ „туба“ мы находимъ лишь въ средней части лѣвобережной половины (примѣрно Кокса-Уйбатъ). Наиболѣе распространенные соки это—кыргызы, сокы (мн. сохаларъ), кашха (мн. каштаръ) и ызырь. Представители этихъ соковъ имѣются вездѣ, отъ Абакана до Юсовъ. Сокъ ара, преимущественно, въ сѣверной части; на Абаканѣ араларъ—рѣдки. Соки тинъ, частыхъ (или ястыхъ)—только въ средней части. Бюрютъ (бүрүт), больше всего, въ западныхъ частяхъ.

У койбаловъ, остатки племени коихъ сохранились въ южной части треугольника, заключеннаго между Енисеемъ и Абаканомъ, имѣются сомабырь, байгода, бөгөчжи и др. У кизильскихъ инородцевъ имѣются соки басагаръ, ачъ, камларъ, буга; у аскысскихъ инородцевъ—сагай, иргить, сайонъ, сарыгъ (желтый) и др.

Теперь посмотримъ, какія племена русскіе застали въ бассейнѣ верхняго Енисея и Юсовъ-Чулыма. Источниками, откуда мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія объ этихъ племенахъ, являются „отписки“ (по современному: рапорты) служилыхъ людей-воеводъ, начальниковъ казачьихъ отрядовъ, донесенія пословъ XVII-XVIII в. в., ѣздившихъ черезъ „киргизскую землю“ къ Алтыкъ-хану и ведшихъ переговоры съ киргизскими князьями, представителями Чжунгарскаго коктайши и т. д. Эти т. н. „историческіе акты“ опубликованы, главнымъ образомъ, Императорской Археографической Комиссіей („Акты Историческіе“, „Дополненія къ А. И.“, „Русская Историческая Библіотека“); два цѣнныхъ тома изданы упомянутымъ выше И. П. Кузнецовымъ („Историческіе Акты“); затѣмъ много документовъ разбросано по разнымъ историческимъ изданіямъ („Временникъ“ Общества любителей исторіи и древн. росс. слов., „Сѣверный Архивъ“, „Сибирскій Вѣстникъ“ Спасскаго и т. д.), и еще болѣе остается документовъ не изданныхъ. Для XVIII в. мы имѣемъ прекрасныя собранія документовъ Г. Н. Потанина „Матеріалы къ исторіи Сибири“

(М 1865) и „Памятники Сибирской исторіи XVIII в.“ (С.-п.б. 1882, два тома *).

До сихъ поръ ни одинъ этнографъ не обратилъ вниманія на эту богатую сокровищницу свѣдѣній о племенахъ, жившихъ во время прихода русскихъ. Обычно изслѣдователи пользуются лишь свѣдѣніями Фишера, Миллера, Словцова, чтобы указать нѣкоторыя событія, сраженія, войны, названія племенъ. Между тѣмъ, это единственный источникъ для изученія прошлаго сибирскихъ племенъ, ихъ внутренняго быта въ XVII и XVIII в. в. Пользоваться этими документами нужно очень осторожно. Составители ихъ были люди мало развитые. Они часто путаютъ собственныя имена съ названіями должностей, названія племенъ съ топографическими и т. д. Цѣль составленія документа—официальный отчетъ, должностное донесеніе или приказаніе. Поэтому въ документѣ мало мѣста для всего, что прямо къ дѣлу не относилось. Но казаки часто бывали внимательными наблюдателями—регистраторами. Ими иногда заносились въ служебныя бумаги драгоцѣннѣйшія для этнографа свѣдѣнія. Напр., въ одномъ документѣ говорится, что одинъ изъ князей послалъ „посланцевъ своихъ *кыргызского* алтырца Шерешачка да съ нимъ чернаго калмыка Башучку“. Орфографія—кыргызъ, кыргызскій—настолько характерна, настолько говоритъ о томъ, что она „взята съ натуры“, что одной этой фразы было бы достаточно, чтобы опровергнуть мнѣніе И. П. Кузнецова, что названіе „киргизы“ было принесено томскими казаками и ошибочно дано „енисейскимъ тюрко-монголамъ“, которые себя такъ не называли.

Томскіе казаки различали киргизовъ отъ не киргизовъ. Ошибки могли носить лишь частный характеръ. Отличали они этихъ киргизовъ и отъ киргизовъ западныхъ, которые назывались ими „Казацкой ордой“.

Перечисляемые томскими служилыми людьми народности были довольно многочисленны. Это были „киргискіе и иныхъ ордъ многіе люди“. Въ другомъ документѣ болѣе подробно перечисляются эти „орды великія многія“, которыя отъ Томска „неподалеку кочуютъ“: „черные и бѣлые колмаки, и киргизскіе люди, и маты, и браты, и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и басагары,

*) На послѣднее ссылается въ приведенной выше цитатѣ Клеменцъ; изъ нихъ же онъ извлекъ „указаніе“ на чжунгарское вліяніе.

и кизылы, и кузнецкіе люди“; еще имѣются документы, въ которыхъ упоминаются маторы, (мадырь-койбаловъ), алтырцы, бжесары, алтысары, езерцы (ызырь), байкотовцы (байгода), точи, мунгаты, сагаи, бохтинцы (буга-тинъ? у Палласа бухъ-тійнъ), иргиты, желтые саяне (сарыгъ?) и др.

Изъ этого перечисленія видно, что упоминаются чаще всего имена, которыя носятъ приведенныя выше „кости“ (сѣки) абаканскихъ, аскысскихъ и кизыльскихъ инородцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ „киргизскіе люди“ отличаются отъ братьевъ, калмыковъ, саянцевъ и пр.

Документы опредѣленно ставятъ на первое мѣсто среди другихъ племенъ киргизовъ. Но послѣдніе не составляли одного цѣлаго. Они раздѣлялись на самостоятельные „улусы“ съ особыми князьями, которые другъ друга „не слушали“. Въ 1609 г. князь Номча согласился уплачивать „ясакъ“ со „своихъ людей“, а князья Кочербай, Ноянъ и Кашка платить ясакъ отказались, но они называются киргизскими же князьями. Въ 1680 г. князь Иренакъ, сынъ Ишея и внукъ Номчи, выступаетъ въ походъ противъ русскихъ „со многими киргизскими и тубинскими и алтырскими и езерскими и съ маторскими и съ байкотовскими людьми“. Въ другомъ документѣ говорится точнѣе и опредѣленнѣе: „хотятъ киргизскіе люди Алтысарскаго и Исарскаго улусовъ, да съ ними же и Алтырскаго улуса киргизы *всею своею киргизскою землею* приходятъ подъ острогъ“.

Еще въ одномъ документѣ говорится, что „по другую сторону Енисея и по Упсѣ рѣкѣ (нын. Тубѣ) живутъ *киргизы же*, имя имъ тубинцы, а съ ними *иныхъ многихъ земель дальные люди*“. Отсюда мы видимъ, что „киргизская земля“ раздѣлялась, по свѣдѣніямъ служилыхъ людей, на четыре „улуса“: алтырскій, алтысарскій, исарскій и тубинскій. Это были киргизскія группы племенъ. Ни одно другое племя киргизскимъ не называется, хотя и употребляются выраженія въ родѣ „киргизскіе люди“ въ смыслѣ подчиненности киргизамъ,—какъ *киргизскіе подданные* (употребляются также выраженія: „киргизскій татаринъ“, „тубинскіе татаровя“,—т. е. киргизскіе и тубинскіе киштымы, ясачные, подданные).

Тубинскій улусъ, или княжество, располагался на правой сторонѣ Енисея. Центромъ его была р. Упса, впослѣдствіи названная русскими, по жившей на ней господствующей народно-

сти,— Тубою. Тубинцы, или тубаларъ, были скотоводы. Съ ними жили и имъ подчинялись «иныхъ многихъ земель далные люди». «Далные (т. е. дальніе) люди»—это, очевидно, переводъ киргизскаго названія «джесары» (джекъ—край, окраина, сары—сторона,—т. е. «окраинные», «дальніе»). Иначе еще они называются «тубинскіе татаровя кыштымы». Среди послѣднихъ первое мѣсто занимали маторы и байкотовцы. Послѣ поражений, понесенныхъ тубинцами отъ русскихъ, въ концѣ XVII., въ Канскомъ уѣздѣ, центральная власть ослабѣла въ княжествѣ, и байкотовцы и маторы отказывались повиноваться. Даже упоминаются маторскіе и байкотовскіе князцы, т. е. племенные родоначальники приобрѣтають самостоятельность. Кромѣ этихъ племенъ, въ составъ Тубинскаго княжества входили койбалы, бѣгѣчжи (или «бугачевъ улусъ», какъ называли ихъ русскіе), кайдынцы и др.

Сосѣдями тубинцевъ по лѣвую сторону Енисея были езерцы (ызырь), составлявшіе Езерское княжество, или *Езерскій улусъ*. Это княжество занимало территорію отъ нижняго теченія р. Абакана къ сѣверу, приблизительно, до широты нынѣшняго села Батеней. Племена, входившія въ составъ этого княжества, назывались очень часто «исары», а самый улусъ «Исарскимъ», т. к. княжество занимало среднюю часть киргизскаго края («исъ»—середина, сары—сторона; исары—средняя сторона, средняя часть). Повидимому, ранѣе езерцы входили въ составъ Тубинскаго княжества. Еще въ 1652 году, когда племянникъ Алтынъ—хана, Мергенъ—тайша, бѣжалъ, преслѣдуемый войскомъ дяди, онъ, по донесенію служилыхъ людей, „сталъ на Тубинской землѣ на Ербинскомъ устьѣ“; а рѣчка Ерба, лѣвый притокъ Енисея, протекаетъ по сѣверной части очерченной выше езерской территоріи. Но въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. езерскій князь Шорло—Мергенъ—замѣтно могущественнѣе тубинскихъ князей и даже заявляетъ претензіи на нѣкоторыя тубинскія владѣнія. Въ это время езерскіе князья, вѣроятно, распространяли власть и на междурѣчье между Енисеемъ и Абаканомъ. Племена тинъ, буга, часть кайдинцевъ и др. были ихъ кыштымы.

Къ западу лежало *Алтырское княжество*. Его административный центръ былъ на рч. Нинѣ, впадающей въ лѣвый притокъ р. Абакана—Уйбать. На сѣверѣ границы княжества зах-

ватывали бѣлый Юсь, а на югѣ терялись въ Саянскихъ горахъ. Алтырское княжество сосѣдило съ княжествомъ телеутовъ, или Бѣлыхъ Калмыковъ, на Алтаѣ. Можно предполагать, что господствующимъ племенемъ здѣсь были бюрютъ (бүрүт). По словамъ проф. Катанова,*) „бүрүт“—это каракиргизы У алтайскихъ племенъ, междоусобица съ алтырцами, дѣйствительно, преобладаютъ соки, общіе съ кара—киргизами. Между тѣмъ у другихъ племенъ болѣе общихъ соковъ съ киргизъ—касаками. Въ Алтырское княжество входили, прежде всего, сагаи, затѣмъ белтиры, саяны, желтые саяны и др. Сагаи теперь подраздѣляются на три части: сагай, томъ—сагай и юсь—сагай. Тоже подраздѣленіе мы видимъ и въ XVII в. („юсь—сагайского ясашнаго татарина“, «до первыя (т. е. отъ Томска) сагайскіе волости», въ «сагайскую волость и въ Алтырцы»). Алтырское княжество считалось весьма значительнымъ. Въ чертежной книгѣ Ремезова оно показано занимающимъ обширную территорію, несоразмѣрную съ нынѣшними картографическими данными. Алтырскій князь пользовался большимъ авторитетомъ. Послѣдній князь, Тангутъ—Батуръ—тайчжи, въ послѣдствіи даже припоминается съ титуломъ хана. Посланникъ чжунгарскаго контайши живетъ обычно въ ставкѣ («ургѣ») алтырскаго князя на Нинѣ.

Наконецъ, четвертое, *Алтысарское княжество*, образовали «низовскіе», «понизовые» киргизы (алты—низъ, сары—сторона, «нижняя сторона»). Алтысары занимали всю сѣверную часть нынѣшняго Минусинскаго уѣзда и южную Ачинскаго уѣзда. Центромъ ихъ области могли считаться Божье озеро и Юсы. Ихъ стойбища были на Сержѣ, Бѣломъ озерѣ, Урюпѣ. Съ другой стороны, и правобережный сѣверо-восточный уголъ Минусинскаго уѣзда и юго-восточный Ачинскаго, занятый въ то время, по даннымъ чертежей Ремезова, «Кашинской ордой» входилъ также въ составъ Алтысарскаго улуса. Русскіе этихъ низовскихъ киргизъ называли, по преимуществу, просто киргизами, не прибавляя: „алтысарскіе“. Въ составъ господствующей народности входили здѣсь, надо думать, прежде всего, кыргыс, затѣмъ сохаларъ, каштаръ (кашха, «кашинцы»—русскихъ историческихъ актовъ), аргынъ (сѣкъ нынѣшнихъ кизильскихъ инородцевъ и киргизъ—касаковъ). Ара, камларъ, басагаръ, бугъ—тинъ, ястыхъ («ястынцы», теперь частыхъ), ачъ (ачинцы, «ачъ—кыш-

*) Преданія присаянскихъ племенъ о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ.

тымы») были звѣроловческія племена, входившія въ составъ княжества въ качествѣ кыштымовъ. Вплоть до паденія киргизскихъ княжествъ здѣсь господствовалъ домъ князя Номчи.

Номча

|
Ишей

Иренакъ Абалакъ

Итпола

Корчунъ Чагунъ Шипъ Лоузанъ

Есть многочисленныя данныя въ пользу утвержденія, что князья всѣхъ четырехъ княжествъ были въ близкомъ родствѣ между собою. Весьма возможно, что это былъ одинъ владѣтельный родъ киргизскихъ князей. Въ предѣлахъ cadaго изъ четырехъ княжествъ мы встрѣчаемъ иногда нѣсколько именъ князей. Очевидно, государственный укладъ въ XVII в. продолжалъ разваливаться. «Удѣльное» начало неуклонно развивалось, пока не привело къ окончательной гибели киргизскую политическую организацію.

Русскіе застали здѣсь не слагавшееся государство, а дотянувшія до XVIII вѣка руины когда-то могущественнаго и культурно-оригинальнаго государства хагасовъ—кыргызовъ.

И тѣмъ не менѣе эти руины были еще значительныя и чрезвычайно интересныя.

Власть князя, помимо его происхожденія, имѣла, въ значительной мѣрѣ, основой его хозяйственное положеніе. Это былъ богатый хозяинъ—скотоводъ, обладавшій значительнымъ капиталомъ. „Кыштымы“ были не только его подданные, но и люди, связанные съ нимъ долговыми обязательствами. Одинъ изъ киргизскихъ князей говорилъ русскимъ посланцамъ, что сами киргизы соболей не ловятъ, а получаютъ ихъ „за долги“ съ своихъ кыштымовъ. Такимъ образомъ, какъ и русскій князь удѣльнаго періода, киргизскій князь являлся хозяиномъ своей „вотчины“, и частно-правовыя и публично-правовыя отношенія перекрещивались и смѣшивались.

Раздробленіе киргизской земли не шло однако же до распыленія на мелкіе независимые улусы или родовыя группы. Группы мелкихъ улусовъ, племена, какъ мы видѣли, соединялись въ «земли», „землицы“, какъ выражались русскіе того времени, или «улусы», княжества. Такихъ княжествъ мы нашли четыре: Алтысарское, Алтырское, Исарское и Тубинское. Въ основѣ ихъ раздѣленія

лежали, съ одной стороны, племенные различія, а съ другой— хозяйственныя. Сами киргизы дѣлились на племенные группы. Нѣкоторыя племена были, такъ сказать, окиргижены, въ результатѣ долгаго сожителства. Отдѣльныя территоріи имѣли обособленные центры хозяйственнаго тяготѣнія. Напр., во владѣніи тубинскихъ князей находились знаменитыя соболиныя ухажія верховій Кизира, Казыра, Амыла, Кана и Уды; Алтырское княжество держало въ своихъ рукахъ пути на Алтай, въ Монголію, а слѣдовательно, въ Китай. *)

Были ли киргизскіе князья въ опредѣленномъ и постоянномъ іерархическомъ подчиненіи одинъ другому, мы не можемъ увѣренно сказать по недостаточности имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ съ русскими вели переговоры одни и тѣ-же князья. Они же становились во главѣ военныхъ силъ. Съ одной стороны, вотчинный характеръ княжеской власти ведетъ къ постоянному раздробленію, и сыновья, напр., князья Иренака становятся во главѣ обособленныхъ улусовъ („Корчуновъ улусъ“, „Шипъ улусъ“); съ другой же, какъ мы видѣли, есть данныя за то, что киргизской землей владѣлъ одинъ княжескій родъ. Во время переговоровъ съ русскими езерскій князь Шорло—Мергенъ говоритъ о своемъ племянникѣ Зансаѣ, что онъ «Ишею Мергеню внукъ», а Ишей былъ алтысарскій князь. О погибшихъ, благодаря вѣроломству красоярскаго воеводы, тубинскихъ князьяхъ говорится, что это были лучшіе князья, которые „владѣли всею Тубинскою землею“; при этомъ князья Тубинской земли называются «киргизскими». Киргизскіе князья имѣли репутацію родовитости. Чжунгарскіе контайши указываютъ на свое родство съ ними; жена контайши Багатира дѣлаетъ визитъ киргизскимъ родственникамъ въ сопровожденіи свиты въ 300 всадниковъ.

Отсутствіе іерархическаго подчиненія не исключаетъ единства дѣйствій и имѣетъ историческія аналогіи. Словцовъ въ своемъ «Историческомъ Обзорѣніи» (стр. 310-311) приводитъ свѣдѣнія капитана Андреева о т. н. Закаменной ордѣ киргизовъ. Орда дѣлилась (1770 г.) на 10 волостей подъ управленіемъ биевъ. Въ случаѣ войны бии дѣйствовали *единодушно*. У филистимлянъ, знаменитыхъ войнами съ евреями, было пять областей—кня-

*) О путяхъ на Алтай есть интересная замѣтка Клеменца «Братскій отчетъ объ экскурсіи въ системѣ Абакана» въ „Запискахъ Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ.“ кн. XI.

жествъ; во главѣ каждого изъ нихъ стоялъ т. н. серень съ наследственной иногда властью. Всѣ пять „сарнимъ“ собирались и составляли совѣтъ для обсужденія дѣлъ филистимской федераціи; въ походъ отправлялись они вмѣстѣ, каждый во главѣ своего войска («Maspéro, Histoire ancienne des peuples de l'Orient.» Prais 1912, p. 370). Вспомнимъ съѣзды русскихъ князей и ихъ объединеніе для борьбы, напр., съ половцами, во имя единства «русской земли» и родства князей—рюриковичей. Но, конечно, такой личный элементъ объединенія свидѣтельствовалъ о приниженности государственнаго начала, о государственной слабости.

Во всякомъ случаѣ киргизскій князь не былъ родовымъ главой, родоначальникомъ, однимъ изъ тѣхъ «князцовъ», которые стояли во главѣ бродячихъ семейно-родовыхъ группъ. Такое положеніе исключалось уже разноплеменнымъ составомъ «улуса». Затѣмъ мы видимъ около него значительную группу «многихъ знатныхъ улусныхъ людей», или «лучшихъ людей», какъ называли эту киргизскую аристократію русскіе служилые люди. За ними стояли просто «улусные люди», или „киргизскіе мужики“, лично свободное населеніе. Наконецъ, были «киштымы». Послѣдніе раздѣлялись надвѣ группы. Были «улусы киштымовъ», имѣвшіе своихъ князьковъ, но платившіе албанъ (или по алтайскому произношенію: алманъ), т. е. дань (мѣхами) киргизамъ, и были лично зависимые киштымы, кабальные люди («работники», по терминологіи служилыхъ людей) киргизскихъ князей и лучшихъ людей.

Кромѣ того, въ Киргизской землѣ жило много иноземцевъ преимущественно купцовъ. Прежде всего это были бухарскіе купцы, имѣвшіе здѣсь торговля факторіи. Они распространяли свои торговля операціи и на русскіе уѣзды. Ихъ караваны вывозили изъ Сибири въ Китай «мягкой рухляди множество». Были и русскіе купцы, греки, даже турецкіе подданные. Особенно ихъ было много къ концу XVII в., когда протекторатъ чжунгарскаго контайши далъ сильную защиту противъ разорительныхъ набѣговъ подданныхъ Алтынъ—хана и русскихъ.

Торговля сношенія, связанныя съ кредитными, долговыми обязательствами, и условія скотоводческаго хозяйства, связанныя съ необходимостью регулированія выпаса и кочевокъ, требовали довольно сложной административно—полицейской и судебной ор-

ганизации. И мы даже въ «отпискахъ» русскихъ служилыхъ людей находимъ упоминанія о цѣломъ рядѣ должностныхъ лицъ. Прежде всего, въ каждомъ княжествѣ, повидимому, былъ особый, главный судья,—ожо. (Упоминается езерскій судья; у алтысаровъ—упоминается *Батъяжо*, т. е. *Баты ожо*). Упоминаются «яргучи», т. е. члены того административнаго и судебного учрежденія при князѣ, которое существовало у монголовъ и калмыковъ, подъ названіемъ «зарга», откуда монгольскіе «заргучи»; по произношенію алтайскихъ и енисейскихъ тюрковъ, вмѣсто „зарга“, будетъ «яргы» (см. *Словарь алтайскихъ нарѣчій* Вербицкаго). Затѣмъ слѣдуютъ ясаулы, на которыхъ возлагалось, между прочимъ, продовольствіе и снабженіе перевозочными средствами пословъ; были «алманские сборщики», казначеи. Князь Иренакъ велъ сношенія съ воеводами письменно на калмыцкомъ, т. е. монгольскомъ, языкѣ. Слѣдовательно, при немъ должны были быть секретари, знавшіе калмыцкую письменность. Последняя, надо думать, была довольно хорошо знакома, по крайней мѣрѣ, князьямъ и знатнымъ улуснымъ людямъ. Когда калмыцкое (чжунгарское) вліяніе упрочилось въ Киргизской землѣ, организовавшій одно время въ предѣлахъ ея борьбу противъ своихъ враговъ знаменитый контайша Галданъ (русскіе документы чаще называютъ его: Бошухту—ханъ, или Кегень, т. е. Гэгэнъ; Галданъ, какъ извѣстно, имѣлъ священные титулы) свои договоры съ мѣстными князьями и манифесты, начертанные на скалахъ, излагалъ на калмыцкомъ языкѣ.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть ошибочность мнѣнія Клеменца, что енисейскіе киргизы и алтырцы были «полудикіе кочевники».

Ошибочнымъ представляется и данное Клеменцемъ объясненіе причинъ паденія государства и культуры хагасовъ—кыргысъ. Онъ самъ указываетъ на извѣстія, что киргизы добровольно подчинились, какъ и сагаи, Чингисъ—хану. Не было данныхъ для насильственнаго переворота. Упадокъ не былъ слѣдствіемъ катастрофы. Онъ былъ результатомъ длительного процесса и развивался постепенно и неуклонно. Его факторы лежали не въ мѣстныхъ событіяхъ, а въ положеніи края относительно мировыхъ транзитныхъ торговыхъ путей.

Въ эпоху процвѣтанія государства хагасовъ въ Средней Азіи, въ Туркестанѣ, существовалъ цѣлый рядъ тюркскихъ го-

сударствъ, замыкавшихся на западъ приволжскими государствами тюрковъ—Хазарскимъ каганатомъ и В. Булгарами. Среднеазиатскіе и сѣверные торговые пути всѣ были въ рукахъ тюркскихъ государствъ, являвшихся ихъ охранителями и посредниками между Западомъ и Востокомъ (конечно, главнымъ образомъ, Китаемъ). Енисейскіе и алтайскіе тюрки могли принимать живое участіе въ торговомъ обмѣнѣ. Теперь это изолированные районы съ выючными тропами, ведущими на югъ. Живыя торговля сношенія исключаютъ изолированность. Черезъ Урянхай проходитъ, оканчиваясь на устьѣ Кемчика, знаменитый легендарный чингисхановъ трактъ,—остатки огромныхъ дорожныхъ сооружений, пробитыхъ иногда въ скалахъ. Вдоль Енисея сохраняются развалины крѣпостей, очевидно, охранявшихъ пути сообщенія. Страна кыргызовъ много вывозила и ввозила, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ предметы, находимые въ могилахъ или просто въ землѣ. Но затѣмъ Византійская имперія съ ея рынками была поколеблена сначала междуусобицами, войнами съ персами, потомъ подверглась разгрому со стороны арабовъ. Прошли десятилѣтія и столѣтія, пока арабскія государства были въ состояніи продолжить византійскую торгово—культурную миссію. Возникаютъ торговые флоты Венеціи и Генуи. На сѣверѣ создается ганзейскій союзъ. Вырастаетъ торговое значеніе Великаго Новгорода и варяго—русскихъ приднѣпровскихъ княжествъ. Все это разстраивало значеніе среднеазиатскихъ торгово-политическихъ организацій. Населеніе ихъ бѣднѣетъ. Появляются голодные банды наѣздниковъ, начинается передвиженіе кочевыхъ ордъ. Падаютъ государства Хозаровъ и Булгаръ. Затѣмъ открываются морскіе пути въ Индію и Китай. Жизнь на сѣверѣ замираетъ. Интенсивная культура падаетъ: оросительные каналы забрасываются. Хозяйство принимаетъ экстенсивныя формы. Скотоводство мало даетъ предметовъ для вывоза. Начинается усиленная погоня за единственнымъ не утрачивающимъ никогда значенія и весьма легкимъ, удобнымъ для транспортированія, товаромъ—«мягкой рухлядью», т. е. дорогими мѣхами. Отсюда погоня за поставщиками мѣховъ—«кыштымами». Изъ киргизской земли начинается отливъ не находящаго для себя достатка населенія. Такъ уходитъ, вѣроятно, значительнѣйшая часть сохаларовъ. Они продвигаются со своими стадами на сѣверо—востокъ и занимаютъ балаганскія, кудинскія и верхоленскія степи; за ними продвигаются кашха—каштаръ, осѣ-

дая въ долину Изыр-су (теперь Качи, получившей, какъ и Упса, названіе отъ обитавшей на ней народности), Бирюсы, Уды, быть можетъ, до Оки. Еще въ эпоху прихода русскихъ этотъ процессъ продолжаетъ развиваться, и въ систему Кана идетъ эмиграція тубинцевъ, маторовъ. Широкое развитіе этого процесса было прервано вторженіемъ съ юго-востока монгольской народности—бурятъ. Буряты послѣ жестокой борьбы, воспоминанія о которой сохранились въ легендахъ сохаларъ—якутовъ, *) отбросили послѣднихъ внизъ по Ленѣ. Та часть каша, которая продвинулась далѣе на востокъ (кара—кашъ, нын. «карагасы»), была отброшена на западъ, и отчасти была подчинена бурятами и низведена на степень ихъ кыштымовъ.

Оставшееся населеніе въ киргизской землѣ, или вѣрнѣе доставляющіе драгоцѣнные мѣха кыштымы киргизскіе дѣлаются предметомъ вождельній монголовъ, калмыковъ, а затѣмъ и русскихъ. Весь XVII и начало XVIII в. наполнены жестокой борьбой, во время которой нѣсколько разъ вторгаются съ войсками монгольскіе ханы и калмыцкіе тайши. Русскіе отряды, дѣлающіе нечаянные набѣги, часто вырѣзаютъ поголовно населеніе цѣлыхъ улусовъ, въ погонѣ за добычей.

Въ этой обстановкѣ тѣ остатки культуры, государственности, которые мы нашли въ Киргизской землѣ, способны вызывать наше удивленіе и—я бы сказалъ—уваженіе.

Намъ остается заняться еще однимъ вопросомъ,—а именно вопросомъ объ историко-этнографическомъ значеніи факта переселенія киргизовъ и тубинцевъ за Саяны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достовѣрности самыхъ извѣстій объ этомъ фактѣ. Мы указывали, что въ этнографической литературѣ этому событію усваивается исключительное значеніе. Вмѣсто ушедшихъ племенъ, согласно установившемуся взгляду, водворились совершенно иныя, пришедшія съ разныхъ сторонъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ возраженія И. П. Кузнецова, который считаетъ, что мнѣніе о выселеніи енисейскихъ киргизовъ «основано на старыхъ, неочиненныхъ критикою, изслѣдованіяхъ, которыя противорѣчатъ актамъ сибирской исторіи» (н. с., стр. 28), что о переселеніи енисейскихъ киргизовъ «нѣтъ никакихъ указаній въ актахъ сибирской исторіи», а если въ «Памятникахъ Сибирской Исто-

*) Якуты себя называютъ сохаларъ; «якуты»—данное имъ тунгусами названіе, русскіе заимствовали это имя.

ріи» (т. I, стр. 232), подъ 1703 г., и имѣется извѣстіе, что калмыки выгнали всѣхъ киргизовъ изъ киргизской земли, то это извѣстіе „неопредѣленно и противорѣчитъ другимъ актамъ“ (стр. 37).

Какъ и ранѣе, мы обратимся къ первоисточникамъ.

Въ 1701 году, послѣ упорной борьбы, сибирскіе города, Томскъ, Кузнецъ и Красноярскъ, начали мирные переговоры съ киргизскими князьями. Послы и знатные улусные люди, въ княжескихъ ставкахъ, при участіи самихъ князей и посла контайши, вели длительные переговоры. Послѣдніе привели къ кое-какимъ результатамъ. Между прочимъ, киргизскіе князья согласились, чтобы съ 300 ихъ кыштымовъ ясакъ шелъ русскимъ. Въ уплатѣ этого ясака вышла задержка, и въ Красноярскѣ начали объ этомъ беспокоиться. А у томскихъ служилыхъ людей въ это время начались новыя вооруженныя столкновенія съ киргизскими людьми.

Извѣстіе, упомянутое г. Кузнецовымъ, заключается въ слѣдующемъ.

15 октября 1703 года въ Караульный Острогъ (теперь село того же названія на полпути между Красноярскомъ и Минусинскомъ, на лѣвомъ берегу Енисея) явился кизыльскій ясачный татаринъ и «въ вѣстяхъ сказывалъ: пріѣхали де 2500 калмыковъ въ Киргизскую землю и киргизъ де къ себѣ загнали всѣхъ, и нынѣ де въ киргизской землицѣ Киргизъ никого нѣтъ». Послѣ этого пріѣхали бохтинцы, киргизскіе кыштымы, внесли ясакъ и каялись, что воевали противъ русскихъ, но это они дѣлали, по ихъ словамъ, «по велѣнію киргизскихъ князьцовъ». Это послѣднее обстоятельство, несомнѣнно, подтверждало правильность сообщенія кизыльскаго татарина. Но въ Красноярскѣ эти вѣсти показались мало вѣроятными. Оттуда былъ посланъ конный казакъ развѣдать, гдѣ стоятъ киргизскіе князья, и сколько людей у каждого, а также не имѣется ли въ Киргизской землѣ калмыцкаго войска. *) Въ концѣ года въ Киргизскую землю командированъ сынъ боярскій Иванъ Злобинъ съ товарищи. Ему поручено было сказать киргизскимъ князьямъ и улуснымъ людямъ „милостивое слово“ и напомнить, что они „съ кыштымовъ своихъ ясаку не дали.“

*) Пам. Сиб. Ист. т. I, № 58.

Уже въ январѣ 1704 г. Злобинъ доносилъ, что онъ съ товарищи «изъ Красноярска въ Киргизскую землю ѣздили и *киргизскихъ князцовъ никого не изъѣхали*, а изъѣхали прежде *осталцовъ* Тубинцовъ семи человекъ». Далѣе Злобинъ пишетъ, что радѣньемъ своимъ пріискалъ въ ясакъ „киргизскихъ и тубинскихъ *разныхъ улусовъ кичимовъ*.“ *)

Приведенныя извѣстія, нужно думать, совершенно опредѣленны и сомнѣній вызывать не могутъ. Въ дальнѣйшемъ они находятъ подтвержденіе. Въ апрѣлѣ 1720 г. въ Красноярскѣ получено было извѣстіе, что подгородные качинскіе, аринскіе и ястынскіе татары снялись со своихъ мѣстъ съ семьями и скотомъ, ушли вверхъ по Енисею и поселились „въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ *прежѣ сею жили киргизы*“. **) Это сообщеніе очень встревожило красноярскихъ властей, такъ какъ одновременно въ Томскѣ было получено извѣстіе изъ Кумандинской земли (на Алтаѣ), что сынъ контайши, Галданъ Церенъ, подошелъ къ русскимъ границамъ съ 20000-мъ войскомъ и отрядами бѣлыхъ калмыковъ (телеутовъ) и *киргизовъ*.

Но есть какъ бы и противорѣчащія данныя. Въ октябрѣ въ Красноярскѣ узнаютъ, что „въ киргизской землицѣ киргизъ *никого нѣтъ*“; между тѣмъ 12 декабря того же 1703 года изъ Томска отправляется, подѣ начальствомъ сына боярскаго Михайла Лаврова, большой отрядъ изъ 500 человекъ «на лыжахъ съ нартами и со всею полною службою» въ Киргизскую землю. Этотъ отрядъ на р. Базырѣ разгромилъ юрты «киргизскихъ людей и шускихъ татаръ». ***)

Но это противорѣчіе кажущееся.

Въ 1746—1747 г.г. въ Усть—Каменогорскѣ и на Чарышѣ стали появляться какіе-то «бѣглые люди», нѣкоторые съ семьями.

Двое, захваченные на Чарышѣ, на допросахъ показали, что «природы они *Киргизъ—Калмыцкой*,****) нынѣ владѣнія Зенгор-

*) Пам. Сиб. Ист. т. I, № 59

**) Пам. Сиб. Ист. т. II, № 68. Ср. Г. Н. Потанинъ, *Матеріалы къ исторіи Сибири*. М. 1867, стр. 115 с. „черезъ сагайскія волости, гдѣ *прежде жительство имѣли Зенгорскаго владѣнія киргизы*“.

***) Пам. Сиб. Ист. т. I, № 38.

****) Интересная попытка классификаціи народности: киргизы т. в. енисейскіе были подѣ протекторатомъ, а потомъ и въ подданствѣ у калмыковъ, и подѣ сильнымъ ихъ вліяніемъ.

скаго владѣльца, а въ прошлыхъ давнихъ лѣтахъ *отцы ихъ кочевали на Сагайской степи*, между Кузнецкаго и Красноярскаго городовъ». „А нынѣ въ помянутой Сагайской волости *кочуютъ ихъ два дяди родные*“. „А когда отецъ ихъ сошелъ въ Зенгорскую землицу, не знаютъ; а жили они въ томъ владѣніи *внизъ по рѣкѣ Или*, на урочищѣ Шаробѣ, у ноена Зенго Бутуя въ холопствѣ“. *) Другіе показывали, что „жительство имѣли съ прочими киргизъ—калмыками во владѣніи хана Тангынъ—Батыря—Датжи, **) въ здѣшнемъ сибирскомъ краѣ, между Томскимъ и Енисейскимъ городами, противъ города Красноярска, въ степи, на рѣчкѣ, называемой Бѣломъ Юсѣ, отъ котораго де ихъ жилища до помянутаго Красноярска разстояніемъ тихой ѣздой дня съ три... а нынѣ слышно имъ, что *изъ ихъ родственниковъ и прочихъ киргизъ—калмыкъ* тамо въ томъ же ясакѣ состоятъ. И тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ и болѣе, а подлинно де объявить они не помнятъ, приходили къ нимъ изъ землицы Контайши три зайсана, Духаръ, Сандыкъ, Чинбиль, въ 3500 человекѣхъ; а стояли они особливимъ кочевымъ, всего мужеска и женска полу тысячи съ три дымовъ; и захватили оныя зайсаны войскомъ своимъ незапно, увезли въ Зенгорскую землю сильно, токмо безъ бою. И жили они тамъ въ Зенгорской землицѣ въ Большой Ургѣ и платили они Галданъ—Чирину алманъ“***).

Изъ приведенныхъ документовъ видно, что далеко не всѣ киргизы были «загнаны» въ Чжунгарскую землю. Уведено было всего около двухъ съ половиной тысячъ семей. Киргизы выставляли противъ русскихъ военные отряды въ нѣсколько тысячъ человекъ. Потеря 2½ тысячъ семей была огромная, но не могли создавать «пустоты». Томскіе служилые люди еще находятъ, кого громить и грабить. Откуда же могло создаться впечатлѣніе, что «въ киргизской землицѣ киргизъ никого нѣтъ»?

*) Г. Н. Потанинъ, *Матеріалы*, стр. 62.

**) Это былъ упоминавшійся уже нами алтырскій князь Тангутъ—Батуръ—тайчжи.

***) Г. Н. Потанинъ, *Матеріалы*, стр. 80 и 128. Въ другомъ документѣ дата опредѣляется точнѣе: „назадъ тому 40 лѣтъ“ (въ дѣйствительности, слѣдовательно, 43—44). Нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ показали, что «сынъ прежняго хана Танбы—Батыря—Датжи, Чайлышъ» „и нынѣ живетъ въ Ургѣ“ (н. с., стр. 127). Одинъ изъ инородцевъ Бирскаго рода рассказывалъ намъ лѣтомъ 1912 г. на о. Шира о существующемъ среди инородцевъ преданіи, что они имѣли нѣкогда своихъ князей, но послѣдніе были переселены за Алтай царемъ Кунтайчжи. (Контайша).

Необходимо оцѣнить историческое значеніе развернувшегося событія и его послѣдствій.

Донесеніе Ивана Злобина, цитированное уже выше, даетъ для этого по своей протокольной объективности весьма цѣнный матеріалъ. Прежде всего, Злобинъ не пишетъ, что не нашли никого изъ киргизъ, а пишетъ, что „киргизскихъ князцовъ“ никого не извѣхали“. Изъ киргизской земли исчезли киргизскіе князья и знатные улусные люди, киргизская аристократія. Вотъ почему и «бохтинскіе киштымы» сваливаютъ свои вѣны на «велѣнія» киргизскихъ князей. Злобинъ на этомъ фактѣ огромной важности не останавливается. Это типичный служилый человѣкъ, заботящійся лишь объ исполненіи данного порученія. Онъ ясачный сборщикъ; посланъ за ясакомъ. Ушли чужіе подданные изъ чужой земли. Дѣло это его не касалось. Но тутъ же ему сообщаютъ, что передъ его пріѣздомъ ушли за Камень (т. е. за Саянскій хребетъ) 60 чел. кыштымовъ, и Злобинъ немедленно, оставивъ для охраны собранной «ясачной казны» товарищей, самъ съ однимъ только проводникомъ бросается розыскивать „тѣхъ бѣглецовъ“, затрачивая на это около трехъ недѣль.

У киргизъ, по сообщеніямъ служилыхъ людей, было общимъ правиломъ, при вторженіи непріятеля, «прятать» семьи въ горныхъ мѣстностяхъ,*) а затѣмъ встрѣчать враговъ «съ боемъ». Такъ было, несомнѣнно, и въ данномъ случаѣ. Когда зайсаны контайши появились «внезапно» въ киргизской землѣ, они успѣли захватить 2½ тысячъ семей, стоявшихъ «особливымъ кочевьемъ». Остальное населеніе, по обыкновенію, разбѣжалось „въ камень и черные лѣса“, какъ выражались въ XVII

*) Здѣсь еще можно отмѣтить одинъ примѣръ проницательности Клеменца. Послѣ изслѣдованій пещеръ, Минусинскаго края онъ сдѣлалъ два вывода, что эти пещеры съ давнихъ поръ были обитаемы и перестали быть мѣстомъ обитанія сравнительно недавно. Затѣмъ онъ оговаривается, что дѣлаетъ уже не выводъ, а *предположеніе*. «Минусинскій округъ не разъ служилъ мѣстомъ столкновенія враждебныхъ народностей, послѣдній такой казусъ-вытѣсненіе киргизовъ русскими. Не служили ли эти пещеры убежищемъ для какого-нибудь племени, загнаннаго своимъ сильнымъ противникомъ въ лѣса изъ привольныхъ степныхъ пастбищъ въ недавнее время?» Изъ изложеннаго выше видно, какъ близко къ истинѣ это «предположеніе». Въ одной пещерѣ Клеменць нашелъ дѣтскую колыбель одного типа съ употребляемой нынѣшними инородцами. (*Минусинская Швейцарія и боги пустыни*. В. О. 1884. № 9, стр. 11).

в. служилые люди. Злобину киштымы объясняютъ, что не могутъ уплатить полностью ясака, «затѣмъ, что были въ бѣгахъ.» Они даютъ обѣщаніе сыскать своихъ скрывшихся сородичей, но предупреждаютъ, что имъ самимъ придется скрываться. „И о томъ договоръ былъ съ ними, что мнѣ Ивану съ товарищи впредь ихъ гдѣ сыскать, договорились, что по тѣмъ мѣстамъ ставить имъ мѣты, и по тѣмъ мѣтамъ вы де насъ найдете; а мы де будемъ жить въ прикрытѣ, для того, что опасны отъ иныхъ землицъ“.

Изъ изложеннаго выясняется смыслъ и значеніе развернувшихся событій, имѣвшихъ, несомнѣнно, огромное моральное и политическое значеніе для населенія страны.

Какъ ни былъ слабъ государственный порядокъ въ Киргизской землѣ и смутны внѣшнія обстоятельства, политическая организація киргизовъ давала извѣстную охрану общественной жизни, обезпечивала жизнь и имущество частныхъ лицъ. Не надо забывать, что, съ нашей современной точки зрѣнія, государственный порядокъ, установленный въ Сибири московскими начальными людьми, былъ не высокаго качества и едва ли многимъ былъ выше киргизскаго. И вотъ представители этого государственнаго порядка, эти носители охраны личности, имущества и труда, внезапно исчезли. Явились вооруженныя силы «изъ иныхъ землицъ» и «киргизъ къ себѣ загнали»... Какая паника должна была воцариться въ киргизской землѣ!.. Люди почувствовали, что они лишены элементарной безопасности. Они укрывались въ пещерахъ, которыми изобилуетъ край, въ скалахъ, въ тайгахъ, живя «въ прикрытѣ» и испытывая страхъ передъ возможностью повторенія нашествія «изъ иныхъ землицъ», противопоставить которому уже нельзя было никакой туземной силы. И киштымы, съ которыми велъ переговоры Иванъ Злобинъ, «били челомъ великому государю, чтобъ указалъ великій государь въ киргизской землѣ построить острогъ, для обережи отъ иныхъ землицъ».

Такимъ образомъ замѣна киргизской государственной власти русской являлась очевидной и неотвратимой необходимостью. Русскіе должны были принести государственный порядокъ и возстановить нормальныя условія жизни въ странѣ. «А какъ де,—просили киштымы,—острогъ построенъ будетъ, и они де

въ казну великаго государя станутъ платить со всякаго чело-
вѣка по шести соболей, *чтобъ имъ жить подъ великою госуда-
ря державою безопасно.* *)

Вотъ почему, послѣ присоединенія киргизской земли, не
было ни возстаній ни возмущеній. Выдержавшіе вѣковую борьбу,
люди киргизской земли сразу притихли, смирились, глубоко
потрясенные разразившейся надъ ними катастрофой.

Итакъ, событіе имѣло, такъ сказать, не этнографическое,
а *политическое значеніе*. Когда сознаніе безопасности окрѣпло,
въ степяхъ изъ „прикрытій“ появились снова и кашха, и соха-
ларъ, и бюрютъ, и кыргызъ,—племенной составъ остался въ
странѣ почти тотъ же, но не возвратилась съ ними киргизская
государственность.

Судьбы киргизскаго государства очень поучительны какъ
въ научномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи. Высокій
научный интересъ представляетъ самый матеріалъ для историко-
этнографическихъ изученій, представляемый историческими до-
кументами и до сихъ поръ не вводившійся въ разработку
при помощи строгихъ научныхъ методовъ. Поэтому является
невольно сожалѣніе, что такой талантливый изслѣдователь, какъ,
Клеменць, преждевременно отошелъ отъ него. При его разносторон-
ней эрудиціи и склонности къ смѣлымъ сближеніямъ и построені-
ямъ, мы могли бы разсчитывать на оригинальныя и остроум-
ныя работы въ этой области.

Если эта замѣтка привлечетъ вниманіе изслѣдователей
къ затронутымъ темамъ, мы считали бы выполненной нашу за-
дачу воздать дань признательности памяти покойнаго изслѣ-
дователя.

Н. Козьминъ.

*) Пам. Сиб. Ист. т. I, № 63.

Дмитрій Александровичъ Клеменць.

(Біографическій очеркъ).

Велики и многоцѣнны заслуги Д. А. Клеменца въ области науки и географическихъ изслѣдованій; значительна была его роль въ исторіи Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества; глубокій слѣдъ онъ оставилъ въ Сибири и сопредѣльной съ ней Монголіи. Но научная дѣятельность Д. А. не исчерпываетъ его жизни. Д. А. былъ и крупнымъ общественнымъ и политическимъ дѣятелемъ, сыгравшимъ исключительно выдающуюся роль въ движеніи 70-хъ годовъ. Этой сторонѣ своей жизни онъ придавалъ большое значеніе, никогда не отдавая себя всего цѣликомъ научнымъ работамъ. Въ самый разгаръ научной дѣятельности Д. А. не разрывалъ связи съ русской общественностью, какъ и въ періоды интенсивной политической работы онъ не отрекался отъ науки.

Въ лицѣ Д. А. Клеменца замѣчательно счастливо совмѣстились отважный изслѣдователь-географъ, вдумчивый ученый, блестящій ораторъ, яркій публицистъ, художникъ, талантливый полный юмора фельетонистъ, легко владѣвшій стихотворной формой, общественный дѣятель изумительной энергіи и пропагандистъ, подчинявшій себѣ народныя массы. Жизнь Клеменца была многообразна, крайне содержательна и блестяла яркими красками. Мы не ошибемся, если скажемъ, что на протяженіи почти полувѣка русской жизни Д. А. былъ одной изъ наиболѣе крупныхъ фигуръ. Въ немъ все было характерно: и нѣсколько калмыцкое лицо съ высокимъ философскимъ лбомъ и съ чудными темными глазами, въ которыхъ свѣтилась безконечная доброта, и искрились блески юмора, и правильно очерченный красивый ротъ съ иронической улыбкой, и крѣпкая, угловатая, дышащая силой фигура, и веселый безусловно соціабельный ха-

рактёръ, дѣлающій изъ него «компанейскаго» человѣка, несмотря на всю индивидуальность его міросозерцанія, рѣзко отличающую его отъ окружающихъ.

Люди разнообразныхъ общественныхъ профессій и политическихъ взглядовъ сходятся въ оцѣнкѣ Клеменца. Его товарищъ, революціонеръ Шишко, считалъ Клеменца мудрецомъ-мыслителемъ, котораго природа надѣлила головой, напоминающей голову Сократа. Кравчинскій—Степнякъ въ своей «Подпольной Россіи», давая художественную характеристику Клеменца, говоритъ, «что Д. А. былъ блестящимъ образчикомъ *мыслителя* со всѣми его достоинствами и недостатками». Академикъ В. В. Радловъ приглашая Клеменца участвовать въ экспедиціи въ Каракорумъ полагалъ, что Д. А., какъ мыслитель, дастъ философское освѣщеніе открытымъ древностямъ. Такимъ же мыслителемъ-философомъ считали Д. А. его товарищи семидесятники и всѣ его многочисленные біографы, признавая въ немъ человѣка исключительныхъ дарованій и таланта. Не только жизнь, но и самая кончина Д. А. произошла при исключительныхъ обстоятельствахъ, напоминающихъ намъ кончину супруговъ Елисеѣвыхъ и Милютиныхъ.

Д. А. скончался на другой день послѣ похоронъ своей жены Елизаветы Николаевны, дѣлившей съ мужемъ въ теченіе 30-ти лѣтъ труды и превратности ихъ скитальческой жизни. Д. А. скончался, не подозревая, что его подруги уже нѣтъ.

Д. А. горѣлъ яркимъ огнемъ всю жизнь и не зналъ покоя. Нѣкоторые біографы говорятъ, что Д. А. не нашелъ себя и не далъ того, что могъ онъ дать, благодаря своему таланту, изумительной энергіи и оригинальному, вполне опредѣленному индивидуальному міросозерцанію. Одни думаютъ, что изъ него при иныхъ условіяхъ русской общественности долженъ былъ выйти народный трибунъ, политическій дѣятель, такой же яркій, какимъ былъ во Франціи его современникъ Жоресъ; другіе на-ходятъ, что, если бы Д. А. избралъ профессорскую карьеру, то онъ былъ бы по своему вліянію вторымъ Грановскимъ. Но не будемъ гадать, чѣмъ могъ бы быть Клеменць при иныхъ условіяхъ русской жизни. Клеменць для насъ дорогъ такимъ, какимъ мы знали его, какимъ мы любили его: его жизнь представляетъ большую цѣнность; борозда проведенная имъ въ русской жизни, глубока, вліяніе его на окружающую среду бы-

ло велико. Онъ жилъ и умеръ большимъ человѣкомъ, крупной величиной и въ общественномъ и въ научномъ отношеніи. Онъ не отцвѣлъ безслѣдно, какъ многіе его товарищи и современники, жизнь которыхъ слагалась болѣе благопріятно, чѣмъ скитальческая, полная тревоженій и лишеній жизнь Клеменца. Въ эпоху 70-хъ годовъ, въ разгаръ народническаго движенія, Клеменць былъ самой крупной фигурой въ этомъ движеніи; съ нимъ считались, его цѣнили, ему подчинялись.

Эпоха народническаго движенія наложила неизгладимыя черты на все міросозерцаніе Клеменца, и онъ донесъ до могилы неприкосновенными идеалы этой эпохи, считая 70-е годы самой значительной эпохой своей жизни. Вотъ почему, несмотря на ученые заслуги, на многогранную жизнь и офиціальнѣйшій почетъ, Д. А. никогда не отходилъ отъ своихъ старыхъ товарищей и пользовался ихъ симпатіями. И эти «старики», когда умеръ Д. А., бывший уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, выражали свою глубокую скорбь въ телеграммахъ и некрологахъ, вспоминая съ любовью «безпокойнаго Дмитрія Клеменца».

Въ основѣ всѣхъ исканій Д. А., въ основѣ его революціонной, общественной и научной дѣятельности лежала общечеловѣческая правда и жажда познанія. «Обладая ненасытной жаждой знанія», говоритъ Кравчинскій про Клеменца, «онъ изучалъ все, не заботясь о томъ, сможетъ ли онъ извлечь изъ этого непосредственную пользу или нѣтъ»... «Клеменць любитъ весь міръ и не упускаетъ ни одного случая принять участіе въ его жизни». Но Клеменць любилъ міръ, потому что въ центрѣ его стоялъ человѣкъ, за счастье котораго Д. А. рисковалъ собственной жизнью. Общечеловѣческая правда, стремленіе найти тотъ рычагъ, который поднималъ бы человѣчество на высоты счастья—вотъ мотивы, которыми онъ руководствовался въ своей жизни, въ общественной и научной дѣятельности и которые дали содержаніе его революціонному мышленію и сдѣлали изъ него художника—пропагандиста. Его образной рѣчью, пересыпанной богатыми сравненіями, перлами народнаго языка, который онъ зналъ въ совершенствѣ, рѣчью, сверкающей остроуміемъ и юморомъ, увлекались его товарищи, забывая, что онъ говорилъ рабочимъ или народу. Всѣ его друзья говорятъ о Д. А., какъ о самомъ талантливомъ идеальномъ пропагандистѣ на всемъ про-

тяженіи 70-хъ г.г. Обладая большимъ ораторскимъ талантомъ, Д. А. былъ и блестящимъ публицистомъ, выдающимся фельетонистомъ, не лишеннымъ поэтического дарованія. Оригинальный стиль, обширная эрудиція, яркое перо заставляли зачитываться его статьями. Если его мало знаютъ, какъ писателя, это объясняется только тѣмъ, что Д. А. рѣдко писалъ подъ своей фамиліей, а больше подъ псевдонимами. Революціонная печать 70-хъ г.г. полна его статьями. Но онъ и тогда писалъ больше въ легальныхъ журналахъ, чѣмъ въ нелегальной прессѣ, «потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Кравчинскій», нуждался въ болѣе обширной аудиторіи, чѣмъ та, которую могла доставить ему подпольная литература». Д. А. писалъ также и во французскихъ и англійскихъ журналахъ. Его статьи въ «Le Travailleur» обращали на себя вниманіе французскихъ читателей, несмотря на то, что тамъ же печатались статьи братьевъ Реклю, Лефранса, Гомбона, Мечникова, Драгоманова и др. выдающихся ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Отъ всей жизни, какъ и отъ самой фигуры Клеменца, вѣетъ какой то особенной ширью. Огромный размахъ чувствовался въ каждомъ дѣлѣ, въ которое онъ влагалъ свою душу. Эту ширь, этотъ размахъ, по свидѣтельству Кравчинскаго Клеменць получилъ отъ «первобытнаго, пастушескаго, населенія волжскихъ степей», среди которыхъ, въ деревнѣ Горяиновой Самарской губерніи родился 14 декабря 1848 г. Д. А. Клеменць, «Деревня Горяинова», «14 декабря» и «1848 годъ», съ которыми связанъ моментъ рожденія Клеменца, какъ бы символизировали будущую дѣятельность новорожденного, и впоследствии товарищи указывали Д. А., что Провидѣніе не просто избрало дату рожденія и названіе мѣста, гдѣ онъ родился, связавъ его рожденіе съ народнымъ горемъ и съ тѣми, кто стремился облегчить это горе.

Отецъ Клеменца былъ нѣмецъ и служилъ управляющимъ въ одномъ крупномъ имѣніи, а мать происходила изъ мелкопомѣстнаго дворянства. Въ раннемъ дѣтствѣ Д. А. пришлось пережить, какъ онъ самъ говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «картины мелкаго тиранства надъ горстью крѣпостныхъ». Палки, розги и др. «картины тиранства» оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ ребенка и заложили въ немъ основы будущаго народническаго міросозерцанія. Отъ этихъ «картинъ тиранства» страдалъ и его отецъ, отличавшійся гуманностью, и особенно мать, имѣвшая

большое вліяніе на ребенка. Та мягкость характера, которой отличался Д. А., выработалась въ немъ подъ вліяніемъ матери. Къ своимъ родителямъ Д. А. относился съ большой нѣжностью и любовью. Этой любовью проникнуты его «воспоминанія», и особенно ярко она проявилась въ его стихотвореніи «Отрѣзанный ломоть», найденномъ нами въ его записной книжкѣ. Клеменць, ѣдущій въ ссылку, откуда онъ не ждетъ возврата, просить родителей забыть его, чтобы имъ не страдать.

Пробывъ недолго въ Хвалынскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ Самарской гимназіи, Д. А., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ переведенъ на казенный счетъ въ Казанскую гимназію, отличавшуюся своими дореформенными порядками и поркой гимназистовъ до истязанія. Здѣсь Клеменць пережилъ объявленіе воли, волненія крестьянъ въ Безднѣ, демонстраціи по этому поводу, панихиду по убитымъ крестьянамъ и рѣчь Щапова.

На панихиду гимназисты попали случайно: они хоронили своего товарища и вмѣшались въ толпу студентовъ. Д. А. рассказывалъ, что самыми сильными впечатлѣніями его дѣтства были: порка крестьянъ, революціонныя пѣсни студентовъ, возвращавшихся съ панихиды по убитымъ крестьянамъ, и казнь участниковъ казанскаго заговора: Иваницкаго, Чепняка и др.

Общественное міросозерцаніе Клеменца сложилось въ гимназіи подъ вліяніемъ чтенія Некрасова, Добролюбова, Чернышевскаго, Бюхнера и др., а также «Современника» и Герценовскаго «Колокола». Кончая гимназію, Д. А. твердо рѣшилъ посвятить свои силы на служеніе народу. Передъ нимъ, какъ и передъ другими его современниками-интеллигентами, стоялъ вопросъ о неоплатномъ долгѣ русскаго общества и русской интеллигенціи передъ народомъ. Политическія убѣжденія его на рубежѣ 60-70 г.г. близко подходили къ программѣ „молодой Россіи“. Работа въ деревнѣ, куда онъ поѣхалъ по окончаніи курса въ гимназіи, чтобы добыть денегъ для поступленія въ университетъ, полевая работа, въ которыхъ онъ принималъ близкое участіе, окончательно сблизили Клеменца съ народомъ и дали направленіе его будущей дѣятельности.

Работая въ деревнѣ, а потомъ зимой продавая на городскихъ базарахъ посѣянную имъ совместно съ однимъ помещикомъ пшеницу, Д. А. продолжалъ читать и учиться. Годъ меж-

ду гимназіей и университетомъ для Клеменца не пропалъ даромъ: онъ вполне сознательно выбралъ физико-математическій факультетъ, желая заняться изученіемъ философіи. Уже на первомъ курсѣ Казанскаго университета Д. А. основываетъ кружокъ «позитивистовъ», пріобрѣтаетъ большое вліяніе на студентовъ. За три года своего пребыванія въ Казанскомъ университетѣ, Клеменць организовалъ изъ студентовъ нѣсколько кружковъ для саморазвитія и создалъ студенческую кассу.

Жизнь въ Казани не удовлетворяла Д. А.; его дѣятельная натура искала болѣе широкаго примѣненія энергіи, а сознание необходимости уплаты „неоплатнаго долга“ народу толкала Клеменца на путь активной борьбы за интересы народа. Докатившіеся до Казани слухи о нечаевскомъ дѣлѣ, преувеличенное представленіе о нечаевской организаціи окончательно рѣшаютъ судьбу Клеменца: онъ бросаетъ Казанскій университетъ и работу въ газетахъ и ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ поступаетъ на четвертый курсъ физико-математическаго факультета, сразу занимая, благодаря своему развитію, импонирующее положеніе среди студентовъ.

Ореолъ, какимъ въ глазахъ Клеменца былъ окруженъ въ Казани Нечаевъ и его единомышленники, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, быстро померкъ... Клеменць, не присоединяясь къ существующимъ организаціямъ, самъ организуетъ кружки саморазвитія среди студентовъ. На этомъ пути онъ встрѣчается съ Рогачевымъ и Чарушинымъ, и они уже совмѣстно принимаются за организацію рабочихъ, открываютъ первую бібліотеку для рабочихъ и устраиваютъ для нихъ популярныя лекціи. Въ Петербургѣ Клеменць сближается съ либеральными кружками русской интеллигенціи, принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ между «либералами» и „народниками“ и входитъ вплотную въ журнальную работу. Къ 1872 г. имя Клеменца уже становится популярнымъ въ радикальныхъ и либеральныхъ кружкахъ столицы и среди студенчества. Въ 1872 г. окончательно сформировался кружокъ чайковцевъ-одна изъ наиболѣе выдающихся организацій 70-хъ годовъ. Клеменць входитъ въ составъ этого кружка и пріобрѣтаетъ тамъ большое вліяніе, несмотря на то, что составъ чайковцевъ по моральнымъ и интеллектуальнымъ качествамъ его членовъ былъ исключительнымъ. Съ этого момента Д. А. становится самой яркой фигурой въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ. Это признаютъ кн. Кра-

поткинъ, Кравчинскій (Степнякъ), Феликсъ Волховской, Чарушинъ и др. чайковцы. Во всѣхъ воспоминаніяхъ, которыя появлялись въ 70-е годы и особенно за послѣдніе 10 лѣтъ, всѣ авторы даютъ самые восторженные отзывы о Клеменцѣ. Это тѣмъ болѣе дорого, что Клеменцъ никогда не поступался своей индивидуальностью и часто шелъ противъ мнѣній всѣхъ товарищей. Являясь отличнымъ организаторомъ, пропагандистомъ, которому не было равнаго, смѣлымъ до дерзости исполнителемъ различныхъ революціонныхъ предпріятій, Д. А. былъ и главной литературной силой, какъ у чайковцевъ, такъ и въ послѣдующей организаціи «Земля и Воля». Имъ былъ написанъ рядъ стихотвореній: «Дубинушка» („Наша барка на мель сѣла“), гимнъ— „Братья впередъ“, крестьянская пѣснь— «Ахъ ты доля, моя доля» и др. Перу Клеменца принадлежитъ нѣсколько брошюръ и между ними наиболѣе талантливая „Хитрая механика“. Онъ много писалъ въ Лавровскомъ журналѣ „Впередъ“, «Община», «Земля и Воля» и др.

«Общину» и „Землю и Волю“ онъ редактировалъ. Но главные литературныя работы Клеменца были не въ нелегальной и заграничной печати, а въ журналахъ «Слово», «Знаніе», «Отечеств. Записки» и др., а также газетахъ. Многія его статьи производили большое впечатлѣніе и возбуждали всеобщій интересъ. Статья же его по поводу «Бѣсовъ» Достоевскаго считается наиболѣе блестящей и талантливой критикой изъ всего, что было написано по поводу этого романа-памфлета.

Клеменцъ занимался и переводами англійскихъ и французскихъ поэтовъ. Въ легальной и нелегальной печати въ 70-е годы Клеменцомъ написано очень много, но, къ сожалѣнію, всѣ эти статьи, брошюры и стихотворенія были или анонимными, или подписывались псевдонимами.

Съ 1873 г. Клеменцъ переходитъ на нелегальное положеніе. Нелегальнымъ онъ исколесилъ всю Россію въ качествѣ богомольца, раскольника, рабочаго на полевые работы, нищаго и т. п. Живалъ онъ въ деревняхъ писаремъ, кучеромъ у помѣщиковъ и т. д.. Отъ деревни и агитаціонной дѣятельности среди народа Клеменцу приходится отрываться и заѣзжать въ столицы, чтобы помочь товарищамъ въ организаціонной работѣ, наладить какое-нибудь предпріятіе или остановить болѣе горячихъ и молодыхъ товарищей отъ рискованныхъ неисполнимыхъ пред-

пріятій. Клеменць былъ крайне остороженъ и въ то же время отваженъ. Онъ никогда не поручалъ другимъ опасныхъ дѣлъ, предпочитая выполнять ихъ самъ. Онъ никогда не терялся, игралъ опасностью и въ самые критическіе моменты шутилъ. Про него рассказываютъ легенды. Онъ пытался взять на поруки А. Сендюкова, велъ по этому поводу переговоры съ властями несмотря на то, что его самого разыскивали. Подъ именемъ инженера Штурма онъ пріѣхалъ въ Петрозаводскъ, гдѣ обворожилъ губернатора и все общество, а потомъ, почти у всѣхъ на глазахъ, въ собственной повозкѣ увезъ ссыльнаго Тельсіева. Въ имѣньѣ Свѣчиныхъ, куда нагрянула полиція для ареста Клеменца, Д. А. переодѣвается нищимъ и проситъ милостыню у жандармовъ и урядника. Позднѣе, когда шли процессы 193, къ которымъ были привлечены и Клеменць и Вѣра Засуличъ, онъ, нелегальный, проникалъ въ залъ засѣданій суда, а потомъ принималъ участіе въ организациі побѣга Вѣры Засуличъ.

Несмотря на кипучую, полную тревоги и опасностей жизнь, Клеменць много читаетъ, учится, переводитъ съ иностранныхъ языковъ и пишетъ. Въ 1875 г., по настоятельной просьбѣ товарищей, Клеменць уѣзжаетъ за-границу. Въ Берлинѣ онъ сближается съ вожаками социаль демократовъ, но интересуется не только политической и общественной дѣятельностью, но и увлекается лекціями Гельмгольца, дебатируетъ съ Дюрингомъ; въ Парижѣ онъ работаетъ по математикѣ, сближается съ Бертрамомъ и Жамене, изучаетъ естественныя науки, увлекается философіей. По словамъ Кравчинскаго, письма Клеменца изъ Берлина и Парижа были полны отчетами о научныхъ новостяхъ, лекціяхъ, засѣданіяхъ и открытіяхъ. Д. А. всегда стоялъ на высотѣ знаній европейскаго интеллигента и былъ чуждъ сектантства. Онъ любилъ жизнь и весь міръ и стремился познать его. Его пытливый умъ и всестороннее образованіе воспитали въ немъ жажду знаній. Передъ Русско-Турецкой войной Д. А. возвращается въ Россію, и снова начинается жизнь, полная опасностей во время его поѣздокъ по Россіи. На Уралѣ его застаютъ извѣстіе о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ. Наскоро ликвидировавъ дѣла, Клеменць спѣшитъ въ Сербію, чтобы принять участіе въ борьбѣ съ турками. Въ Бѣлградѣ онъ быстро завоевываетъ всеобщее уваженіе; ему предлагаютъ командованіе отрядомъ добровольцевъ. Но добровольцы на Клеменца производятъ неблагоприятное впечатлѣніе. Онъ оставляетъ Бѣлградъ и вмѣстѣ съ

Грачевымъ, рискуя жизнью, пѣшкомъ пробирается въ Черногорию. Но заключается перемиріе, и Клеменць безъ гроша денегъ ѣдетъ въ Женеву, а потомъ въ Парижъ съ его Сорбонной, зоологическимъ садомъ, музеями, гдѣ работаетъ въ лабораторіяхъ и ведетъ дебаты по научнымъ вопросамъ, пишетъ въ журналахъ и газетахъ не только на политическія и общественныя темы, но и по спеціально научнымъ вопросамъ. Въ международной эмиграціи Клеменць занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ: съ нимъ считались, его слушали, съ нимъ совѣтовались.

Народившаяся партія «Земля и Воля», изданіе партійнаго органа вызвали Клеменца опять въ Россію. Онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и беретъ въ свои руки веденіе печатнаго органа этой партіи. Въ столицѣ приходится вести скитальческую жизнь, жить по чужимъ квартирамъ. Въ мартѣ 1879 г. его арестуютъ на квартирѣ Александрова: Клеменць держитъ себя съ изумительнымъ хладнокровіемъ. Обыскъ не даетъ результатовъ, и жандармы уже начинаютъ сомнѣваться въ томъ, что обыскиваемый ими человекъ есть Клеменць. Но въ диванѣ находятъ нелегальныя изданія и архивъ «Земли и Воли».

— Что это значитъ? спрашиваютъ Клеменца.—Переменяли валъ въ органѣ, спокойно отвѣчаетъ Д. А.

Петропавловская крѣпость... Допросы, которые ведетъ самъ Плеве... Товарищи и единомышленники Клеменца въ большой тревогѣ и за судьбу и за жизнь Клеменца. Но онъ самъ спокоенъ, шутитъ съ прокуроромъ и жандармами, много читаетъ, занимается; на допросахъ излагаетъ цѣлыя научныя теоріи и гипотезы, поражая допрашивающихъ своими широкими познаніями и всесторонностью своего образованія.

Долгіе мѣсяцы заключенія Клеменца благопріятно отразились на слѣдствіи. Пропагандистская и агитаціонная работа Д. А. поблѣднѣли передъ послѣдующими революціонными фактами. Въ то же время изъ дѣла Клеменца, благодаря Клѣточникову, служившему въ III отдѣленіи, исчезли вещественныя и документальныя доказательства—весь портфель съ архивомъ «Земли и Воли», служившей главной уликой противъ Клеменца. Несомнѣнно огромный умъ, широкія познанія, талантливость и терпимость Д. А. немало способствовали тому, что даже самъ Плеве сталъ относиться съ уваженіемъ къ Д. А., сожалея, что такой яркій и глубокий человекъ «сбился съ пути». Всѣ эти обстоятельства,

вмѣстѣ взятыя, повліяли на дѣло Клеменца такъ, что его не судили, а выслали административнымъ порядкомъ въ Сибирь, въ Минусинскъ.

Здѣсь, начавъ работать въ Мартыановскомъ музеѣ, онъ быстро выдвигается въ первые ряды общественныхъ и научныхъ дѣятелей Сибири. Дѣятельная натура Клеменца не знала покоя, а обширныя знанія и эрудиція дали Сибири вполнѣ подготовленнаго къ научнымъ изслѣдованіямъ человѣка. Съ первыхъ же шаговъ своей сибирской жизни Д. А. задался цѣлью приспособить къ изученію Сибири невольную сибирскую интеллигенцію, среди которой было не мало товарищей Д. А.

Оцѣнка научныхъ работъ Клеменца и его дѣятельности въ Сибири не входитъ въ задачу моей статьи. Объ ученыхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ Клеменца нужно писать много: всѣ біографы, статьи въ энциклопедическихъ словаряхъ, Д. Н. Анучинъ, В. А. Обручевъ, Г. Н. Потанинъ и мн. др. высоко цѣнятъ эти труды и работы, отмѣчая, что Д. А. никогда не былъ шаблоннымъ изслѣдователемъ и бытописателемъ.

Въ Минусинскѣ Д. А. женился на Елизаветѣ Николаевнѣ Звѣревой, *) явившейся цѣнной сотрудницей всѣхъ его экспедицій и другомъ въ жизни. Получивъ право разъѣздовъ, Клеменецъ выѣхалъ въ Томскъ и тамъ сдѣлался душой редакціи «Сибирской газеты», гдѣ впервые появились его знаменитые фельетоны подъ псевдонимомъ „Нургали“. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ писалъ и въ «Восточномъ Обозрѣніи», которое редактировалъ въ теченіе года. За все время пребыванія въ Сибири, среди многообразной и продуктивной работы Д. А. никогда не порывалъ связи съ своими товарищами по ссылкѣ и всегда у нихъ былъ желаннымъ гостемъ. Въ бесѣдахъ съ товарищами

*) Родилась въ 1854 г., воспитывалась въ Казанскомъ институтѣ, учительствовала въ Томской женской гимназіи, а потомъ поступила на высшіе женскіе Бестужевскіе курсы (естественно-историческое отдѣленіе), которые окончила въ 1884 г.; въ Петербургѣ сблизилась съ Ядринцевыми и Потаниными. Въ Минусинскѣ она занимала мѣсто начальницы женской прогимназіи, снискала всеобщую любовь и уваженіе, работала въ Минусинскомъ музеѣ, преимущественно въ отдѣлѣ ботаники и гербаризаціи растений; писала въ «Восточномъ Обозрѣніи» и др., сибирскихъ газетахъ, участвовала во всѣхъ экспедиціяхъ мужа, заведующа отдѣломъ ботаники. Ея гербаріи поступили въ Томскій университетъ и высоко цѣнятся специалистами. Помогала мужу во всѣхъ его работахъ. Умерла 4 января 1914 г., пораженная ударомъ подъ впечатлѣніемъ болѣзни мужа.

Клеменцъ любилъ вспоминать прошлое, но мало говорилъ о себѣ, а больше о другихъ. Онъ живо реагировалъ въ 1889 г. на Якутскую исторію и Карійскую трагедію, въ теченіи долгаго времени скорбѣлъ истиннымъ горемъ. Какъ литературная сила, Клеменцъ въ сибирской печати занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди сибирскихъ журналистовъ; онъ завоевалъ въ Сибири широкую популярность не только, какъ изслѣдователь и ученый, и общественный дѣятель, но и какъ талантливый публицистъ и фельетонистъ.

Ученыя заслуги Д. А. Клеменца извѣстны ученому міру. Благодаря этимъ заслугамъ, Д. А. получаетъ въ концѣ 90-хъ годовъ должность сначала хранителя, а затѣмъ старшаго этнографа при академическомъ музеѣ антропологии и этнографіи въ Петербургѣ. Тамъ онъ сближается съ редакціей «Русскаго Богатства», съ кружкомъ Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко, принимаетъ дѣятельное участіе въ общественно-литературной жизни Петербурга, много пишетъ въ газетахъ и журналахъ, сотрудничаетъ въ „Сибирскихъ Вопросахъ“, дѣлается дѣятельнымъ членомъ сибирскаго общества.

Сибирь, ставшая для Клеменца второй родиной, постоянно притягивала его къ себѣ; онъ и изъ Петербурга успѣлъ съѣздить къ монголамъ и затѣмъ къ бурятамъ; въ 1898 г. состоялась его поѣздка въ Турфанъ, давшая блестящіе результаты. Эта экспедиція дала толчекъ къ германской экспедиціи проф. Грюнведела. Открытія Клеменца и Грюнведела и работы ихъ о Турфанѣ послужили поводомъ къ учрежденію международнаго союза для изученія Средней и Восточной Азіи, преимущественно для изученія Восточнаго Туркестана. Такъ цѣнны были открытія, сдѣланныя Клеменцомъ въ Турфанѣ. Также цѣнны были его работы по миѳологіи сибирскихъ инородцевъ, по ихъ быту и др. Клеменцъ любилъ инородца дѣятельной любовью: когда надъ проповѣдниками „бѣлой вѣры“ среди Алтайскихъ инородцевъ повисъ мечъ правосудія, и ихъ обвиняли въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, Клеменцъ бросаетъ и науку, и общественную дѣятельность, и друзей и спѣшитъ на Алтай, чтобы защитить инородцевъ отъ клеветы. Его горячая, страстная рѣчь, проникнутая гуманностью и глубокимъ знаніемъ психологіи и быта инородцевъ произвела сильное впечатлѣніе на судей и способствовала оправдательному приговору суда.

Авторитетъ Клеменца, какъ знатока инородцевъ и ихъ быта, утвердился за нимъ прочно. Такъ, когда въ 1900 году при Русскомъ музеѣ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III рѣшено было организовать этнографическій музей, то Клеменць былъ приглашенъ завѣдующимъ этимъ музеемъ. Въ теченіе 10 лѣтъ, не покладая рукъ, работалъ Д. А. для созданія этого музея, который, по богатству коллекцій, ихъ систематической обработкѣ, является однимъ изъ значительныхъ міровыхъ учреждений по народовѣдѣнію. Работа въ музеѣ подорвала здоровье Д. А., и ему не разъ приходилось ѣздить за границу лечиться. Въ Швейцаріи онъ встрѣтился со многими старыми товарищами и жилъ въ ихъ кругу, отдаваясь воспоминаніямъ молодости. Въ 1905 году Клеменць принимаетъ участіе въ различныхъ собраніяхъ, а послѣ амнистіи собираетъ деньги для возвращающихся ссыльныхъ. Д. А. никогда не замыкался въ сферу чистой науки; онъ постоянно горѣлъ общественнымъ огнемъ и былъ дѣятельнымъ членомъ прогрессивныхъ и демократическихъ кружковъ. Это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на его служебной карьерѣ. Въ 1910 г. онъ неожиданно для себя получаетъ отставку и награждается чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пенсіей въ 2 т. руб.

Клеменцы переѣхали въ Москву. Д. А. продолжалъ работать для лондонской экспедиціи, писалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ печатались его воспоминанія «изъ прошлаго», составилъ для американскаго издательства въ Бостонѣ двѣ большія статьи о религіозныхъ воззрѣніяхъ инородцевъ. Но онъ постепенно слабѣлъ и угасалъ. Послѣдній годъ своей жизни Д. А. почти уже не выѣзжалъ. Положеніе его съ каждымъ днемъ ухудшалось, а въ новый годъ (1914 г.) съ нимъ сдѣлался острый припадокъ, и онъ потерялъ сознание. Консилиумъ врачей съ П. С. Усовымъ уже не могъ помочь ему. Онъ въ бреду звалъ „Лизу“, которой уже не было.

8 января въ 9 ч. вечера, окруженный друзьями, Д. А. тихо скончался. Кончина эта острой болью отозвалась въ Сибиріи, Европейской Россіи и заграницей; отовсюду стали поступать телеграммы. Газеты были полны статьями о Клеменцѣ. Въ многочисленныхъ вѣнкахъ и цвѣтахъ утопалъ гробъ.

Похоронили Д. А. на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ одной могилѣ съ женой, въ присутствіи учащейся молодежи, ученыхъ,

друзей, бывшихъ ссыльныхъ и многочисленной публики. На могилѣ были произнесены рѣчи: академикомъ С. Ф. Ольденбургомъ отъ лица Академіи наукъ, И. И. Поповымъ отъ Сибири, географическихъ отдѣловъ и товарищей покойнаго, кн. Д. Θ. Ухтомскимъ отъ лица музея АЛЕКСАНДРА III и А. А. Макаренко отъ Общества изученія Сибири. Рѣчь студента отъ лица учащихся сибиряковъ не была допущена представителемъ полиціи.

Въ рѣчахъ Клеменцъ былъ обрисованъ, какъ человѣкъ съ великой душой, благороднымъ сердцемъ, давшій намъ образецъ блестящаго мыслителя, разносторонняго вдумчиваго ученаго, талантливаго писателя и отважнаго общественнаго дѣятеля, оставившаго глубокой слѣдъ въ жизни не только 70 г. г., но и въ послѣдующіе періоды, когда онъ служилъ Сибири и наукѣ не за страхъ, а за совѣсть, оставаясь вѣрнымъ идеаламъ юности. Въ этой оцѣнкѣ личности покойнаго нѣтъ ничего преувеличеннаго: Клеменцъ дѣйствительно былъ одной изъ наиболѣе крупныхъ и яркихъ фигуръ на фонѣ исторіи послѣднихъ 45 лѣтъ.

Москва.

И. И. Поповъ.

Повѣдка въ соленосный районъ р. Кемпендяя Якутской области.

(Статья горнаго инженера К. Егорова).

Лѣтомъ 1911 года мнѣ было поручено Иркутскимъ Горнымъ Управленіемъ осмотрѣть соляныя залежи по рѣчкѣ Кемпендяй и дать хоть приблизительное представленіе о степени благонадежности этого мѣсторожденія.

Такая командировка вызывалась необходимостью получить дополнительныя свѣдѣнія о соляныхъ богатствахъ Вилюйскаго округа, которыми стали интересоваться разные предприниматели, желавшіе взять ихъ въ аренду.

Открытіе этихъ залежей восходитъ къ серединѣ 18 ст., а по нѣкоторымъ источникамъ даже еще раньше. *)

Въ Горномъ Журналѣ за 1828 г. въ статьѣ «О сибирскихъ соляныхъ источникахъ», сообщ. Чайковского, говорится о двухъ ключахъ: одинъ найденъ въ 1747 году, а другой въ 1819 году. Первый находится «въ Верхневилуйскомъ Коммисарствѣ при р. Вилюѣ разстояніемъ отъ Иркутска 2827 в.; отъ Якутска въ 1165 в.; отъ Сунтарской слободы въ 57 в.» Источникъ представляетъ изъ себя «водоветъ», который въ очень сильныя морозы выбрасываетъ воду «съ шумомъ, на подобіе фонтана, до 1¹/₂ сажень высоты». Лѣтомъ же «водоветъ» не дѣйствуетъ.

Добыча соли производилась лѣтомъ тремя казаками, сгребавшими ее въ амбаръ; при чемъ каждый могъ въ лѣтній день собрать до 20 пудовъ.

*) Такъ, напримѣръ, въ «Памятникахъ Сибирской исторіи» XVIII в. (кн. 2, 1885 г. стр. 22—23) имѣется:

„1713 г. іюля 3 отписка Ясачнаго сборщика Кычкина въ Якутскъ полковнику Ельчину объ осмотрѣ соли по рѣчкѣ Кемпендеѣ“.

Настоящій источникъ указанъ мнѣ И. И. Серебренниковымъ, которому приношу за это свою глубокую благодарность. К. Е.

«По отдаленности населенныхъ мѣстъ, а паче по неудобству пути, соль отправлялась отсюда только въ находящуюся въ Верхневиллюйскомъ Коммисарствѣ стойку количествомъ отъ 300-600 пуд. Перевозка отъ ключа соли въ сію стойку стоила казенѣ 3 р. 20 к. за каждый пудъ. Прочая соль при ключѣ въ весьма большомъ изобиліи и количествомъ на зиму при одномъ надзорѣ караульныхъ безъ всякаго отъ дождя и снѣгу предохраненія; почему значительное количество оной истреблялось и уносимо было въ близъ лежащія озера и рч. Кемпендай.»

Про второй ключъ сказано, что онъ находился «въ вершинѣ рч. Кемпендая разстояніемъ отъ Верхневиллюйскаго Коммисарства до 300 в.»

Описаніе его сводится къ тому, что «онъ вытекаетъ, по разнымъ мѣстамъ, изъ подошвы горъ съ восточной стороны на полдень по одной небольшой, межъ горами, ложбинѣ. Въ протяженіи своемъ около 5-ти верстъ; имѣетъ въ серединѣ весьма мелкія озера съ соленой водою, изъ которыхъ въ зимнее время выкидываетъ ежегодно по обѣ стороны ключа соли около 1000 пудовъ и болѣе.»

Въ этой же статьѣ мы читаемъ слѣдующее: «сверхъ сихъ ключей въ 1747 г. найдена вверхъ отъ устья Кемпендая въ 20 в. (?) каменная горная соль, извѣстная тамъ подъ названіемъ *Соколей*. Снаружи виденъ слой ея въ длину 150 с., а въ ширину 40 с. Соль сія прозрачна, какъ чистый кристаллъ, цвѣтомъ иногда бываетъ розовая и желтоватая.»

Я сдѣлалъ эти выписки потому, что, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, современное состояніе соленоснаго района за 150 лѣтъ сильно измѣнилось.

Я не стану здѣсь описывать свое путешествіе отъ Иркутска до мѣста назначенія и обратно, такъ какъ, несмотря на многія интересныя наблюденія и путевыя впечатлѣнія, это не подходитъ къ характеру моей статьи, которая, спѣшу оговориться, ничуть не претендуетъ на исчерпывающую полноту. Мнѣ только желательно изложить въ связи съ прежними изслѣдованіями свои наблюденія и нѣкоторыя заключенія. Интересующимся путешествіями по Якутской области могу рекомендовать сочиненія довольно многочисленныхъ авторовъ, изъ которыхъ особенно интересными являются: Сѣрошевскій—«Якуты»; Діонео—Описаніе путешествія по Ленѣ, изъ сборника „Азіатская Россія“,

сост. А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановскимъ, —Москва, 1905 г., а также цѣлыя главы изъ сочиненія Маака «Вилүйскій округъ Якутской области». *)

Добрался я до рч. Кемпендяя слѣдующимъ образомъ: отъ Иркутска до Жигалова (на Ленѣ) на почтовыхъ лошадяхъ; затѣмъ отъ Жигалова до Усть-Кута на шитикѣ (крытая лодка, иногда съ каютой). Въ Усть-Кутѣ удалось попасть на комфортабельную баржу Ленскаго Т-ва, на которой доѣхалъ до Витима, а тамъ снова пересѣлъ на почтовый пароходъ Т-ва Гловыхъ и доѣхалъ на немъ до селенія Мухтуя на Ленѣ.

Въ этомъ селеніи я взялъ лошадей, рабочихъ и проводника и сталъ пробираться верхомъ на сѣверъ къ Вилую по такъ называемому зимнему вилүйскому тракту. Этотъ трактъ, видимо вполне сносный зимой, судя по рассказамъ мѣстныхъ жителей, лѣтомъ представляетъ изъ себя рядъ таежныхъ тропинокъ, въ которыхъ путаются сами проводники; трудность пути увеличивается отъ массы наваленныхъ поперекъ дороги деревьевъ; густо переплетшихся толстыхъ корневищъ съ безчисленными ямками между переплетами корней, заполненными грязевой жижей, въ которыхъ лошади вязнутъ по колѣно, рискуя на каждомъ шагу сломать себѣ ногу, и наконецъ отъ знаменитыхъ якутскихъ «бадарановъ», что значитъ по русски—топи или грязи. Чтобы составить себѣ понятіе о «бадаранахъ», надо самому испытать это удовольствіе, да еще въ такое время, когда они полны водою. Я не берусь судить, сколько ихъ на протяженіи тѣхъ 240—250 верстъ, которыя раздѣляютъ берега Лены и Вилую, но борьба съ ними происходила у насъ безъ малаго черезъ каждыя 5 верстъ. Нѣкоторые изъ бадарановъ почти непроходимы, имѣя только опредѣленный фарватеръ, потеря котораго можетъ грозить гибелью. И не смотря на то, что по этому «тракту» ежегодно лѣтомъ съ Вилую на Лену гонятся многія сотни головъ скота (главнымъ образомъ однимъ скупщикомъ), никакихъ улучшеній дороги не дѣлается; каждый разъ въ этихъ бадаранахъ погибаютъ нѣсколько головъ; не разъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей предлагали въ складчину улучшить этотъ путь, но благія попытки разбились объ косность стараго монополиста, который не только

*) Главнѣйшая литература, касающаяся посѣщеннаго солончоснаго района, приведена въ концѣ этой статьи.

губить животныхъ и мучить людей, но и самъ нерѣдко вязнетъ въ этихъ пучинахъ, проѣзжая не менѣе 2—3 разъ въ годъ по этой дорогѣ.

Мой караванъ страдалъ отъ этихъ бадарановъ только на прямомъ пути, когда они еще были полны водою; на обратномъ же пути, благодаря сильной засухѣ, всѣ бадараны высохли, за исключеніемъ двухъ самыхъ большихъ, сдѣлавшихся еще болѣе опасными, такъ какъ мерзлота на днѣ ихъ подтаяла. Но зато на обратномъ пути мы испытывали не мало лишеній отъ недостатка воды: бывало, сдѣлаешь 25—30 верстъ въ сильный зной, лошади изнемогаютъ, а воды въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидалъ встрѣтить ее нашъ проводникъ, нѣтъ ни капли, или набирается одно ведро какой-то мутной жидкости, которая сейчасъ же и расходуется рабочими на питье и вареву.

Затѣмъ громаднымъ бичемъ обратнаго путешествія по этому тракту, какъ мѣстами и по Кемпендяю, явились лѣсные пожары. Эти палы заняли обширныя пространства и не только мѣшали нашему путешествію, а временами даже угрожали нашей жизни.

Весь этотъ „Вилюйскій трактъ“ равняется приблизительно 240 в. (Якуты считаютъ 300 верстъ по якутскія версты меньше нашихъ). Онъ подходитъ непосредственно къ Вилюю въ мѣстности, называемой Тянька. Здѣсь находится лавка якутскаго купца Крюкова, у котораго мой караванъ нашелъ себѣ пріютъ и самый радушный пріемъ. Какъ разъ въ то время, когда я тамъ былъ, туда пришли пароходы съ баржами—магазинами, привезшими необходимый для якутовъ товаръ: муку, чай, табакъ и разную мануфактуру и галантерею.

Въ Тянькѣ мнѣ пришлось взять новаго проводника, знающаго дорогу на Кемпендяйскій соляной источникъ и каменную соль.

На пути лежало селеніе Сунтаръ въ 70-ти верстахъ отъ Тяньки ниже по Вилюю. Сунтаръ представляетъ изъ себя небольшое село со смѣшаннымъ населеніемъ, состоящимъ изъ русскихъ, якутовъ и татаръ, а также небольшой группы политическихъ ссыльныхъ, которыхъ постоянно передвигаютъ съ одного мѣста на другое. Здѣсь я познакомился между прочимъ съ Г. С. Доценко, арендаторомъ Кемпендяйскаго и Багинскаго источниковъ, который, какъ оказывается, поджидалъ меня,

чтобы вмѣстѣ со мною проѣхать по соленосному району. Эта встрѣча была весьма кстати, потому что, благодаря г. Доценко мнѣ удалось побывать въ мѣстахъ, куда бы не могли проводить меня никакіе проводники, такъ какъ якуты рѣдко знаютъ мѣстность дальше 20—40 верстъ отъ своего жилья. Съ г. Доценко мы скоротали не мало сутокъ, дѣля невзгоды путешествія; отъ него я получилъ много интересныхъ свѣдѣній и съ нимъ же вмѣстѣ удалось составить подробное кроки соленоснаго района, на которое нанесенъ весь пройденный путь и всѣ тропинки, могущія сбить съ дороги, а также всѣ главные бадараны.

Р. Кемпендйй впадаетъ въ Вилую на второй верстѣ ниже Сунтара. Мы пересѣкли впервые рѣку Кемпендйй въ 25 в. отъ Сунтара, а затѣмъ эта рѣка сопровождала насъ до самаго Багинскаго источника, конечнаго пункта нашего путешествія, то приближаясь, то удаляясь, дѣлая многочисленныя петли и зигзаги.

Если прослѣдить весь маршрутъ по р. Кемпендйю, то онъ обрисовывается въ такомъ видѣ (см. по кроки):

Отъ Сунтара до первой переправы черезъ р. Кемпендйй 25 верстъ (версты нормальныя, не якутскія); затѣмъ правымъ берегомъ Кемпендйя до обнаженія бураго угля, находящагося на лѣвомъ берегу въ 65 в. отъ Сунтара; отсюда по правому берегу до Кемпендййскаго источника, два раза пересѣкая рѣчку. Потомъ снова правымъ берегомъ до перваго обнаженія каменной соли, находящейся на правомъ же берегу Кемпендйя (такъ называемая Кемпендййская каменная соль или по старинному назв. Соколя);* здѣсь пришлось пересѣкать рѣчку въ трехъ мѣстахъ; лѣсная чаща настолько густа, что мы едва пробрались черезъ нее до обнаженія соли. Затѣмъ, пройдя по лѣвому берегу Кемпендйя около 10-12 в. на востокъ, мы круто повернули на сѣверо-востокъ и прошли верстъ 15-18 до мѣстности Юскюля, оттуда свернули на юго-востокъ, пересѣкли рѣчку Кюндйй и правымъ берегомъ этой рѣки, подвигаясь на востокъ, дошли до другаго обнаженія каменной соли, находящейся на правомъ берегу рч. Кюндйй. Это обнаженіе, не менѣе интересное, чѣмъ первое (подробнѣе останавливаюсь дальше), такъ скрыто въ тайгѣ, что его невозможно найти, не зная хорошо

*) Въ этомъ мѣстѣ между прочимъ находится озеро, которому г. Дравертъ далъ названіе „Эскулапа“, но оно имѣетъ старое Якутское названіе «Мохсоголохъ», что значитъ «Соколиное озеро».

мѣстности. Изъ якутовъ знаютъ это обнаженіе очень немногіе охотники да рыболовы: первые высѣживаютъ лосей, собирающихся въ огромныхъ количествахъ лизать соль обнаженія, а вторые пользуются неисчерпаемыми рыбными богатствами рч. Кюндяй, имѣющей здѣсь ширину равную 1—3 саж., но очень богатой крупной рыбой, которой также богато и сосѣднее озеро Сикйя-сянъ. Отъ Кюндяйской соли мы двинулись дальше на востокъ и юго-востокъ правымъ берегомъ рч. Кюндяя; черезъ 30 верстъ пересѣкли эту рѣчку и, подвигаясь въ юго-восточномъ направленіи, черезъ 15 верстъ дошли до р. Кемпендая, до мѣста впаденія въ нее рч. Алень-Сала; перешли Кемпендай и лѣвымъ берегомъ рч. Алень-Сала дошли до Багинскаго источника, находящагося въ $1\frac{1}{2}$ в. на юго-востокъ отъ пересѣченія этихъ двухъ рѣчекъ. Немного выше Багинскаго источника въ рѣчку Алень-Сала впадаетъ безымянный соляной ручеекъ. Начиная отъ устья Алень-Сала до самаго впаденія въ Вилую, рѣка Кемпендай несетъ соленую воду; настолько соленую, что она совершенно непригодна для питья (лошади же пили ее съ такимъ упоеніемъ, что трудно было ихъ оторвать отъ воды; кромѣ того, по всему протяженію рѣки каждый день удавалось видѣть слѣды либо лосей, либо медвѣдей, приходящихъ пить эту воду); для варки же обѣда эта вода вполне годна.

Къ сожалѣнію, мои намѣренія произвести подробныя измѣренія крѣпости разсола Кемпендая и Багинскаго источника, а также различныхъ озеръ не осуществились, такъ какъ ареометры, взятые съ собой, разбились при паденіи лошади въ одномъ изъ большихъ бадарановъ; пополнить же этотъ недочетъ на мѣстѣ, конечно, не представилось возможности. По моемъ возвращеніи въ Иркутскъ я выслалъ г. Доценко ареометръ и черезъ годъ получилъ отъ него нѣкоторыя данныя, которыя и привожу здѣсь:

Измѣренія производились 6—10 июня 1912 года.

Названіе источниковъ.	До дождя.	Послѣ дождя.
Кемпендайскій источникъ	26,5	25
Багинскій (изъ рч. Алень-Сала)	23	Измѣреній
Озеро Мангарылахъ	14	не
Озеро Тусъ-кель	16,5	произво-
Озеро Эскулапа: у истока въ рѣчку	22	дилось.
близъ источника	24,5	13

Отъ Багинскаго источника мы повернули обратно: сперва прошли снова лѣвымъ берегомъ рч. Аленъ-Сала, снова пересѣкли р. Кемпендяй, дошли до Олекминскаго «тракта» (версты $1\frac{1}{2}$ —2 отъ устья Аленъ-Сала) и повернули на юго-западъ по этому „тракту“, идя правымъ берегомъ рѣки Кемпендяя; пересѣкли его приблизительно черезъ 35 верстъ, при чемъ Олекминскій трактъ пошелъ на югъ, а мы продолжали свой путь по лѣвой сторонѣ Кемпендяя на юго-западъ, дошли до горы Хо-муру-Хая, (всего отъ Багинскаго источника приблизительно 55-60 в.) и повернули на сѣверо-западъ, гдѣ вскорѣ (верстъ черезъ 7) вышли на свою старую уже пройденную дорогу, по которой и повернули обратно, пройдя снова мимо Кемпендяйской соли и Кемпендяйскаго источника; при чемъ у послѣдняго мы не стали переходить р. Кемпендяй, какъ это сдѣлали на прямомъ пути, а остались на томъ же правомъ берегу и прошли до мѣстности Хотынгнахъ, гдѣ и вышли снова на прежнюю дорогу. Затѣмъ старой дорогой дошли до Сунтара, отъ него до мѣстности Тянька, свернули къ югу и вернулись на Лену въ Мухтуйское селеніе. А отсюда уже частью на пароходѣ, частью на шитикѣ и въ почтовомъ экипажѣ я добрался не безъ значительныхъ осложненій и приключеній до Иркутска.

Весь путь отъ Сунтара до Багинскаго источника приходится считать равнымъ приблизительно 175-185 верстамъ; при чемъ отъ Сунтара до Кемпендяйскаго источника около 70 верстъ; отъ Кемпендяйскаго источника до Кемпендяйской каменной соли верстъ 30; затѣмъ отъ этой соли до Кюндяйской соли (той дорогой, по которой мы ѣхали) верстъ 45-50; отъ Кемпендяйской же соли до Багинскаго источника верстъ 75-80; отъ Багинскаго источника до Кюндяйской соли—верстъ 30.

На прилагаемой картѣ, между прочимъ, указано направленіе той дороги, которую проектируетъ провести г. Доценко отъ мѣстности Юскюля до мѣстности Каку для выпрямленія пути (онъ уже проѣзжалъ верхомъ по этому направленію и не встрѣтилъ особенныхъ препятствій.)

Рѣчка Кюндяй вытекаетъ изъ довольно большого озера Мо(х)соха, имѣющаго направленіе на сѣверо-востокъ; на картѣ Маака это мѣсто не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Что касается рѣчки Кемпендяя, то истоки его намъ неизвѣстны; но выше впаденія въ него соленой рѣчки Аленъ-Сала,

Кемпендай теряет свой соленый вкусъ и представляетъ изъ себя обыкновенную прѣсную рѣчку (какимъ является и Кюндяй); изъ этого можно заключить, что выше Аленъ-Сала въ него не впадаетъ никакихъ соленыхъ рѣчекъ и ключей.

На всемъ своемъ протяженіи рѣчка Кемпендай имѣетъ ширину отъ 10-20 саж; она очень извилиста, дѣлаетъ массу петель; берега мѣстами достигаютъ высоты 60 с. (у обнаженій каменной соли), но большею частью очень низменны и песчаны; не рѣдко встрѣчаются отмели и рукава; теченіе не сильное, увеличивающееся мѣстами, на перекатахъ; глубина небольшая, рѣдко доходящая до 1 сажени, а чаще гораздо мельче; но бродъ иногда найти трудновато, такъ какъ во многихъ мѣстахъ дно вязкое, засасывающее; ни на плотахъ, ни на лодкѣ по этой рѣкѣ путешествовать немыслимо. Рѣчка Кюндяй—неширокая (отъ 1-3 саж; при впаденіи въ Вилюй доходитъ саж. до 10); довольно быстрая съ совершенно прѣсною водою, вся заросшая и зароможденная упавшими деревьями и корневищами. Она впадаетъ въ Вилюй нѣсколько ниже Кемпендая. Въ общемъ обѣ эти рѣки текутъ почти параллельно другъ ко другу съ востока на западъ, приближаясь мѣстами до 10 верстъ. Селенія очень рѣдки, и для путешествія приходится все забирать съ собою. Несмотря на то, что почти все время идешь около воды, приходится нерѣдко страдать отъ жажды, такъ какъ пить Кемпендайскую воду невозможно; одинъ разъ мы попробовали, за неимѣніемъ другой, сварить изъ нея чай, стараясь отбить соленый вкусъ огромнымъ количествомъ клюквеннаго экстракта, но это намъ причинило потомъ не малые мученія, такъ какъ мы пить больше не могли, а жажда насъ мучила.

Затѣмъ нельзя обойти молчаніемъ двухъ обстоятельствъ, о которыхъ необходимо знать отправляющимся въ тѣ края.

Какъ это ни странно, но легче всего заблудиться не тамъ гдѣ нѣтъ жилья, или гдѣ селенія рѣдки, а тамъ, гдѣ якутскія усадьбы непосредственно примыкаютъ другъ къ другу. Въ такомъ мѣстѣ безъ опытнаго проводника (а мѣстнаго населенія лѣтомъ не найдешь) не скоро выберешься, потому что у якутовъ все загорожено и перегорожено изгородью на отдѣльные участки, и такъ всѣ они похожи другъ на друга, что получается какой то заколдованный лабиринтъ, въ которомъ очень легко сбиться съ дороги. Даже нашъ проводникъ-якутъ, посто-

янный житель этого мѣстечка, гдѣ у него своя юрта, однажды совершенно запутался въ этихъ изгородахъ и съ трудомъ нашелъ необходимую „улицу“.

А потомъ обращаю вниманіе еще на обычай охотниковъ-якутовъ разставлять въ тѣхъ мѣстахъ, куда часто ходятъ лоси, особаго рода западни (я не знаю ихъ названія), которыя состоятъ въ слѣдующемъ: черезъ тропу, по которой проходятъ звѣри, протягивается конскій волосъ на высотѣ $\frac{1}{2}$ —1 арш. отъ земли, разрывъ котораго ведетъ либо къ выстрѣлу спрятаннаго по близости ружья, либо къ спусканію тетивы лука; пуля или стрѣла направлены такъ, чтобы они угодили какъ разъ въ грудь животнаго. Особенно часто это практикуется на тропинкѣ, ведущей къ Кюндяйскому обнаженію каменной соли, куда сходится, судя по слѣдамъ, очень много лосей. Мы пробирались съ большою осторожностью, осматривая внимательно каждую пядь земли, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ. Нельзя сказать, чтобы это удовольствіе было пріятное. Въ одномъ мѣстѣ дѣйствительно мы нашли слѣдъ отъ такой западни, но, къ счастью, она не была налажена; я говорю „къ счастью“, ибо конскій волосъ не легко отличить среди листвы деревьевъ и травы. И хотя этотъ способъ охоты на звѣрей строго запрещенъ, но якуты пользуются имъ въ глухихъ мѣстахъ до сихъ поръ довольно широко.

Приступая къ описанію отдѣльныхъ мѣстъ пройденнаго района, я буду держаться порядка ихъ мѣстоположенія, какъ они были встрѣчены мною во время путешествія.

Сперва мы заѣхали на обнаженіе (?) ископаемаго угля, находящееся на правомъ берегу рѣки Кемпендяя, приблизительно въ верстахъ въ 8—10 на юго-западъ отъ Кемпендяйскаго источника. Здѣсь правый берегъ рѣки Кемпендяя поднимается надъ водою сажень на 20 и выше и круто опускается къ рѣкѣ. Моимъ глазамъ представилась картина полного разрушенія этого берега, его сползанія въ воду; рыхлая порода, состоящая изъ песку, глины и кусочковъ листоватаго бураго угля, являла собою типичные оползни и обвалы. Никакого обнаженія я уже не нашелъ: все, что было видно раньше въ этомъ мѣстѣ (а, судя по описаніямъ, здѣсь были видны мощные пласты, бураго угля), два года тому назадъ сгорѣло и обвалилось. Я съ большимъ трудомъ поднялся на вершину этого бывшаго обнаженія и увидалъ, что берегъ рѣки отдѣленъ отъ остальной ча-

сти материка глубокими ямами и провалами; всюду видна зола, смѣшанная съ пескомъ и глиной; всюду видны большія оригинальныя скопленія льда, благодаря которому, можетъ быть, и держатся всѣ эти разъединенныя другъ отъ друга части рыхлой породы; всюду рѣзко слышенъ запахъ горѣлаго угля и сѣроводорода. Однимъ словомъ, отъ прежняго обнаженія бураго угля осталось жалкое воспоминаніе. Судя же по тѣмъ кускамъ, которые мнѣ удалось достать, уголь этотъ очень плохъ: листоватый, легко разсыпавшійся, свѣтло-бурый. По возрасту онъ причисляется къ юрской формациі.

Здѣсь же недалеко (въ верстѣ или полуторахъ) находится еще горѣлая сопка (по мнѣнію мѣстныхъ жителей-вулканъ), у подножья которой большими и малыми кусками лежатъ сплавленныя породы, напоминающія до нѣкоторой степени лаву; эта „лава“ во время своего застыванія склеивалась съ кусками встрѣчныхъ породъ, и получился какой то конгломератъ разныхъ цвѣтовъ. Отдѣльные кусочки уносятся далеко водою, обкатываются, шлифуются и вводятъ въ сомнѣніе относительно своей природы. По всѣмъ вѣроятіямъ, и на этой сопкѣ было большое скопленіе угля, которое когда то сгорѣло и дало начало легендѣ о „вулканѣ“.

Слѣдующимъ мѣстомъ, заслуживающимъ вниманія, является Кемпендѣйскій источникъ. Головка источника заключена въ неглубокій срубъ, въ которомъ замѣтно нѣсколько грифоновъ, при чемъ, по крайней мѣрѣ, два выбиваются за срубомъ. Разсолъ стекаетъ въ рѣчку Кемпендѣй по вновь прорытому руслу. Кругомъ источника все пространство, огороженное заборомъ, покрыто частью осѣвшей солью чисто бѣлаго цвѣта, частью же солеными лужицами, окаймленными кристаллами соли; немного западнѣе лежитъ неглубокое соленое озерко, образовавшееся изъ разсола Кемпендѣйскаго источника; берега и дно этого озера покрыты какою то черною грязью, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, цѣлебна. Такъ, напр., этими грязями пользовался мѣстный исправникъ Поповъ съ сыномъ и рассказывалъ мнѣ, что на днѣ эта грязь гораздо теплѣе, нежели на берегу; говорилъ, что она хорошо помогаетъ отъ ревматизма. Никакихъ, конечно, систематическихъ клиническихъ наблюденій надъ этими грязями и водами не производилось, и даже замѣтка г. Драверта, что на Кемпендѣйскомъ источникѣ бывають пріѣзжіе

больные, пользуются ими и берутъ эту грязь съ собою, основана, мнѣ думается, на какомъ нибудь недоразумѣніи или на невѣрномъ разсказѣ аборигеновъ края, такъ какъ, насколько извѣстно г. Доценко, который интересуется источникомъ давно, такихъ случаевъ не было; правда, лѣтъ 10 тому назадъ лечился на этомъ источникѣ еще мѣстный исправникъ Качеровскій, но этимъ и ограничивается списокъ больныхъ посѣтителей. *)

Берегъ Кемпендяя защищенъ до нѣкоторой степени отъ размыва весеннею водою деревянною дамбой, которую бы слѣдовало немного продолжить, на что въ свое время указывалъ еще г. Малявкинъ.

На Кемпендяйскомъ источникѣ имѣется 4 амбара для соли, казармы (?) для рабочихъ, старый заброшенный домъ и новый хорошій жилой домъ, выстроенный нынѣшнимъ арендаторомъ. Хозяевъ у этого источника было за время его существованія нѣсколько: сначала соль сгребалась казною (говорить о правильной добычѣ и вообще эксплоатаціи—не приходится, потому что какъ раньше, такъ и до сихъ поръ сгребается лопатами лишь то количество, которое даетъ сама природа при помощи мороза); потомъ арендовалъ этотъ источникъ Иркутскій купецъ Самсоновъ; затѣмъ Сѣдалищевъ; послѣ него общество Нерюхтейскаго наслега Хачинскаго улуса; а съ 1910 года аренда перешла къ г. Доценко на торгахъ, произведенныхъ по порученію Иркутскаго Горнаго Управленія въ Олекминскомъ полицейскомъ управленіи; полугодовой и годовой отчетъ по добычѣ соли представляется окружному инженеру Олекминскаго **) горнаго округа, а ежемѣсячный—мѣстному исправнику. Годовая добыча соли на Кемпендяйскомъ источникѣ равняется 20—24 тысячамъ пудовъ. Цѣна на мѣстѣ 25 коп. за пудъ; въ Сунтарѣ—40 коп.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ источникѣ приведены въ брошюрѣ г. Драверта, въ которой помѣщена и карта, составленная г. Малявкинымъ.

Я уже говорилъ, что здѣсь находится озеро Мохсоголохъ; кромѣ этого озера, имѣется еще рядомъ небольшое прѣсное озеро (безъ названія), а затѣмъ въ 2—3 верстахъ на сѣверо-востокъ озеро Тусъ-Кель, озеро самосадочное, на днѣ котораго

*) Эту поправку я дѣлаю со словъ г. Доценко.

**) Нынѣ Левскаго.

давно уже лежатъ запасы соли, но въ какомъ количествѣ, трудно сказать, такъ какъ глубины озера никто не измѣрялъ. Сѣвшая соль хорошаго качества, посрединѣ бѣлаго цвѣта, къ берегамъ нѣсколько желтоватая и розоватая.

Будетъ ли здѣсь ежегодная осадка соли или нѣтъ, покажетъ недалекое будущее, такъ какъ это озеро, можетъ быть, скоро будетъ эксплуатироваться; находятся желающіе взять его въ аренду.

Слѣдующимъ пунктомъ, на которомъ приходится остановиться нѣсколько подробнѣе, является обнаженіе Кемпендѣйской соли. Повидимому, эта соль и называлась раньше *Соколей*. Рисунокъ отъ руки этихъ выходовъ соли, приведенный у Маака, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, даже если мы вообразимъ себѣ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ обнаженіе измѣнилось. Тѣ фотографіи, которыя я здѣсь помѣщаю, даютъ все же лучшее понятіе объ этихъ обнаженіяхъ.

Если на эти обнаженія смотрѣть издали, то выходы соли кажутся свѣтлыми пятнами разной величины на темномъ коричневомъ фонѣ горы. Такихъ пятенъ, самыхъ крупныхъ, насчитывается десять. Тянутся они другъ за другомъ съ запада на востокъ по южному склону горы на протяженіи 150—200 саж. Высота горы достигаетъ до 50—60 с. Пятна эти, какъ бы въ планѣ, занимаютъ (каждая въ отдѣльности) нѣсколько сотъ квадратныхъ сажень. Когда же взберешься на гору къ одному отдѣльному „пятну“, то картина рѣзко мѣняется: то, что казалось плоскимъ, пріобрѣтаетъ самыя причудливыя очертанія; передъ глазами вырастаютъ отдѣльные утесы, глыбы и скалы каменной соли, достигающія большихъ размѣровъ. Приводимыя фотографіи опять таки даютъ объ этомъ нѣкоторое представленіе. Всѣ эти утесы покрыты бѣлыми и разноцвѣтными, въ зависимости отъ механической примѣси, вторичными образованіями соли, большей частью въ видѣ толстой корки или даже въ родѣ сталактитовъ; мѣстами въ трещинахъ попадаются, опять таки вторичнаго образованія, кубическіе кристаллы соли, цѣлыми друзами, очень красивыми, но бесконечно хрупкими. Эти утесы мѣстами закрыты наплывшею желтой глиной, мѣстами прорѣзаны глубокими бороздами, но, видимо, денудаціонные агенты дѣйствуютъ не такъ ужъ сильно, какъ бы это могло показаться съ перваго раза: глина и вторичныя образованія со-

ли достаточно хорошо защищают основную массу соли от размыванія. Подтвержденіемъ этого можетъ до нѣкоторой степени служить слѣдующее: во первыхъ, у подошвы горы нѣтъ отдѣльныхъ глыбъ соли, оторвавшихся отъ обнаженія, а во вторыхъ, то озерко, которое лежитъ какъ разъ у подошвы, не соленое, а прѣсное, чего бы, пожалуй, не было, если бы ежегодно въ него попадало много растворенной соли. Это же озеро является показателемъ того, что оно совершенно не соприкасается съ каменной солью, которой, значитъ, внизу въ этомъ мѣстѣ не имѣется.

И вообще всѣ эти утесы произвели на меня такое впечатлѣніе, что они здѣсь не залегаютъ въ видѣ какихъ нибудь штоковъ (нѣкоторые изъ нихъ подмыты, и внизу нѣтъ каменной соли), а идутъ скорѣе въ глубину горы въ направленіи, близкомъ къ горизонтальному; но, конечно, это наблюденіе слишкомъ поверхностно, чтобы на немъ можно было основываться. Необходимо еще обратить вниманіе и на то, что соль эта сильно дислоцирована, мѣстами какъ бы смята, правильное напластованіе нарушено; мѣстами при отбиваніи кусковъ соли получаютъ штуфы съ плоскостями спайности, идущими другъ ко другу подъ самыми разнообразными углами; попадаетъ радіальная спайность.

Каменная соль снаружи грязноватая, нерѣдко содержитъ внутри глину, ту самую глину, въ которой залегаютъ эта соль. Но, по мѣрѣ прониканія въ гору, соль становится чище и прозрачнѣе.

То, что видно въ этихъ обнаженіяхъ, всѣ упомянутыя 10 „пятенъ“, по самому грубому подсчету, принимая въ среднемъ площадь cadaго „пятна“ равной 200 к. с. (10×20) при глубинѣ, допустимъ, только 10 с. въ гору, и принимая въ сѣ кубической сажени соли—1200 пуд., будетъ содержать 24.000.000 пуд. ($200 \times 10 \times 1200 \times 10$).

Перехожу теперь къ другому обнаженію каменной соли по рч. Кюндяю. Собственно говоря, это обнаженіе находится не на берегу рѣчки Кюндяй, а въ сторонѣ: въ в. 2 къ сѣверу отъ берега рѣчки, на берегу прѣснаго озера Кара-Соболохъ.

Найти эти выходы соли не легко, такъ какъ они ниоткуда не видны, и про нихъ мало знаютъ мѣстные жители. Мною около зимовья вблизи Кюндяя по дорогѣ на деревъ была прибита доска съ надписью „Кюндяйская соль“ и показано стрѣлой направленіе на обнаженіе, на сѣверъ. Приходится пройти едва замѣтной тропой на сѣверъ, на сѣверо-западъ, снова на сѣверъ, сдѣлать въ общемъ около $1\frac{1}{2}$ верстъ, обогнуть такимъ образомъ гору съ юго-запада и запада и выйти къ ея сѣверо-западному склону, гдѣ и находится Кюндяйское обнаженіе.

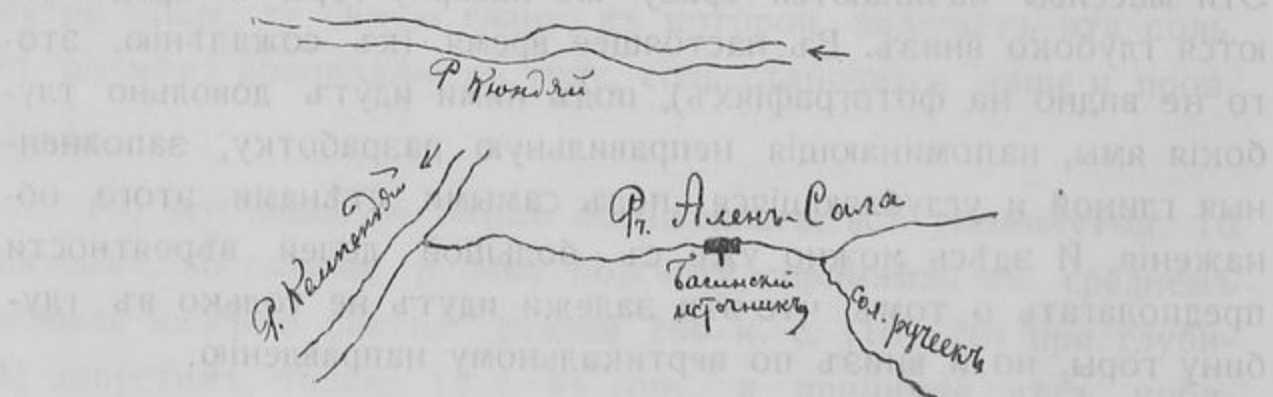
Это обнаженіе совершенно другого характера, нежели Кемпендяйская соль. Прежде всего здѣсь нѣтъ того перваго впечатлѣнія „пятень“, какъ тамъ: здѣсь сразу открывается передъ глазами два громаднхъ выступа соли; кромѣ того, здѣсь нѣтъ отдѣльныхъ утесовъ, а просто въ почти отвѣсномъ склонѣ горы выступаютъ два массива (одинъ побольше, другой поменьше), раздѣленные все той же буро-красной глиной. Эти массивы начинаются сразу же наверху горы и продолжаются глубоко внизъ. Въ настоящее время (къ сожалѣнію, этого не видно на фотографіяхъ), подъ ними идутъ довольно глубокія ямы, напоминающія неправильную разработку, заполненные глиной и углубляющіяся подъ самыми стѣнами этого обнаженія. И здѣсь можно уже съ большою долей вѣроятности предполагать о томъ, что эти залежи идутъ не только въ глубину горы, но и внизъ по вертикальному направленію.

Такъ же, какъ и на Кемпендяйской соли, здѣсь эти массивы покрыты вторичными образованіями, но безъ примѣси глины, почему обнаженія выглядятъ какъ то чище и наряднѣе; да и самая соль, несмотря на ту же окружающую породу, чище и прозрачнѣе, нежели на Кемпендяйскихъ обнаженіяхъ (я, конечно, говорю о соли наружной); по внѣшнему виду соль точно такая же; такъ же, какъ и тамъ, она нерѣдко смята и

какъ бы деформирована; также въ пещерахъ и трещинахъ образовались вторичные кристаллы соли, соединившіеся въ нарядныя нѣжныя друзы. Высота этихъ массивовъ равна приблизительно 25 саж.; по длинѣ они занимаютъ сажень 40. Если опять таки считать только видимую соль, принимая толщину ея равной 10 с. (я останавливаюсь на этой цифрѣ совершенно произвольно, считая, что она много меньше дѣйствительной), ширину обоихъ массивовъ въ 40 саж., высоту въ 25 саж., мы получимъ слѣдующую цифру: $40 \times 25 \times 10 \times 1200 = 12.000.000$ пуд. соли. А съ обоихъ обнаженій въ общемъ 36.000.000 пуд., т. е. такое количество, къ эксплуатаціи котораго можно приступать сразу, безъ предварительной развѣдки, такъ какъ это сдѣлано самой природой. Даже мои грубые подсчеты показываютъ, что въ данномъ случаѣ сама природа позаботилась о развѣдкѣ и показала столько соли, что ея хватитъ на нѣсколько лѣтъ.

Детальную же развѣдку для практическихъ цѣлей рациональнѣе было бы вести одновременно съ началомъ эксплуатаціи даннаго мѣсторожденія, чтобы не затрачивать крупныхъ суммъ на отдаленную экспедицію, тѣмъ болѣе, что одна доставка на мѣсто бурового снаряда обойдется очень недешево.

Багинскій источникъ лежитъ на лѣвомъ берегу (собственно даже въ руслѣ) рѣчки Аленъ-Сала въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ впаденія этой рѣчки въ рѣку Кемпендѣй (отъ Багинскаго источника до города Вилюйска 250 в.)

Багинскій ключъ дѣйствуетъ только зимой, а лѣтомъ его, строго говоря, не существуетъ. Начинаетъ онъ дѣйствовать съ октября и въ продолженіи зимы даетъ такую же „накипь“, какъ и на Кемпендѣйскомъ источникѣ.

Рѣчка Аленъ-Сала едва пробирается по своему руслу, неся свою соленую воду въ р. Кемпендѣй. Оба берега рч. Аленъ-Са-

ла покрыты бѣлымъ налетомъ соли, и получается впечатлѣніе, что рѣчка течетъ въ снѣжныхъ берегахъ.

Ниже и выше Багинскаго ключа есть еще выходы соленой воды, но весьма незначительные.

„Накипь“ даетъ до 6000 пудовъ соли ежегодно; соль чистая, бѣлая и мелкая.

На Багинскомъ источникѣ имѣются соляные амбары и старый домъ для жилья.

Весь Кемпендѣйскій районъ вообще не отличается особенно пышной растительностью, но окрестности Багинскаго источника представляютъ въ этомъ отношеніи еще большее оскудѣніе: здѣсь самой главной представительницей крупной растительности является низкорослая корявая береза, переходящая въ кустарникъ; ни сосны, ни лиственницы, ни ели уже нѣтъ.

Итакъ, мы видѣли въ пройденномъ районѣ огромные выходы на поверхность каменной соли, соляные ключи, соляныя рѣчки и соляныя озера. Трудно, конечно, сказать на основаніи одного только этого осмотра, насколько богато и мощно мѣсторожденіе каменной соли (Кемпендѣйская и Кюндѣйская соль, по моему, выходы одного мѣсторожденія), но принимая во вниманіе обнаженія этой соли, а главное—питаніе солью многочисленныхъ ключей на огромномъ разстояніи, мы можемъ уже съ нѣкоторою долею вѣроятности предполагать, что тутъ мы имѣемъ дѣло, должно быть, съ громадными залежами каменной соли, дающей о себѣ знать такими обнаженіями, въ которыхъ запасы соли исчисляются милліонами пудовъ.

Кромѣ того, не имѣя возможности отвѣтить на вопросъ, къ какому возрасту относятся эти отложенія каменной соли, мы все же на основаніи окружающихъ породъ заключаемъ, что соль и того и другого обнаженія должна быть отнесена къ одному и тому же неизвѣстному намъ возрасту. Очень можетъ быть, что эти обнаженія появились на поверхности земли, благодаря дислокаціи, о которой судимъ по нарушенному напластованію соли, по сдвинутымъ участкамъ обнаженія и отчасти по взаимоотношенію соли и гипса, который попадаетъ иногда участками, а иногда точно втиснуть въ каменную соль.

Допуская роль дислокаціи въ появленіи на поверхности этихъ обнаженій, мы тѣмъ самымъ должны невольно признать,

что гдѣ то въ нѣдрахъ земли и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не особенно глубоко, находятся мощныя залежи каменной соли, которыя связываютъ между собою эти поверхностныя обнаженія. Но, конечно, всѣ подобныя разсужденія будутъ апріорными, пока не начнется эксплуатація этихъ залежей.

На Ленѣ и вообще въ Якутской области почти всегда соляной голодъ; соль поднимается въ цѣнѣ до 2-хъ рублей за пудъ и выше. А между тѣмъ даже тѣ 30 000 пуд. соли, которые снимаетъ арендаторъ Кемпендяйскаго и Багинскаго источниковъ, некуда дѣвать. *) Если же начать правильно эксплуатировать всѣ источники, рѣчки и озера, не трогая даже каменной соли, то получится тогда соли гораздо больше 30 тысячъ пудовъ (сколько,—это вопросъ открытый, такъ какъ мы многого не можемъ учесть); но фактъ тотъ, что имѣется на лицо сырой матеріалъ, котораго еще никто не эксплуатировалъ, какъ слѣдуетъ. А затѣмъ нельзя обойти молчаніемъ того, что на Ленѣ во многихъ мѣстахъ есть соляные ключи, которые давно уже всѣмъ извѣстны; многіе изъ нихъ эксплуатируются примитивными способами мѣстными жителями, но на нихъ почему то не обращаютъ должнаго вниманія, если не считать Усть-Кутскаго завода. Оставляя даже въ сторонѣ соляные источники Кемпендяйскаго района, а также нѣкоторые другіе, попадавшіеся мнѣ во время путешествія (напр., по р. Нюѣ), какъ сильно удаленные отъ путей сообщенія, я укажу только на самые крупные соляные ключи по Ленѣ, на которые слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе. Кромѣ Усть-Кута, соляные ключи находятся близъ сел. Маркова, Туруки, Макарова, Пеледуя и въ окрестностяхъ Мухтуя. Нечего и говорить, что при правильной постановкѣ дѣла приленскій край никогда бы не испытывалъ соляного голода.

Трудно и даже невозможно сказать сейчасъ, сколько будетъ добываться соли изъ всѣхъ этихъ источниковъ, но, судя по богатству нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ, около Пеледуя) надо думать, что соляной голодъ отойдетъ въ область преданій.

Резюмируя все вышесказанное, мы увидимъ, что соляныя богатства Вилюйскаго округа не ограничиваются залежами ка-

*) Въ настоящее время добыча соли поднялась до 60.000 пудовъ, но цѣликомъ не расходуется.

менной соли, громадныя обнаженія которой извѣстны въ двухъ мѣстахъ (Кемпендйская и Кюндйская), а состоятъ также изъ соляныхъ источниковъ, самосадочныхъ озеръ и соляныхъ рѣчекъ. Въ настоящее время эксплуатируется два источника: Кемпендйскій и Багинскій, при чемъ вся эксплуатація сводится къ тому, что просто лопатами сгребаютъ весною ту соленую «накипь», которая получается въ продолженіи зимы отъ морозовъ; собирается такимъ путемъ съ обоихъ источниковъ около 25—30 тысячъ пудовъ соли *). А остальная масса разсола стекаетъ въ рѣчки и пропадаетъ безцѣльно. Ни этотъ разсолъ источниковъ, ни самосадочныя озера, ни соленая вода рѣчекъ совершенно не эксплуатируются; между тѣмъ все это въ совокупности давало бы не 30 тысячъ пудовъ, а гораздо больше. Кромѣ того, если обратить вниманіе еще на многочисленныя соляныя источники по берегамъ Лены ниже Усть-Кута и приняться за ихъ эксплуатацію, тогда безусловно приленскій край не будетъ испытывать соляного голода, и цѣна на соль не станетъ доходить до 2-хъ рублей за пудъ. Однимъ словомъ, не трогая каменной соли, Вилюйскій округъ и приленскій районъ дадутъ такое количество соли, которое безусловно не будетъ расходоваться полностью въ названныхъ районахъ, и предпринимателямъ придется искать новыя мѣста для сбыта добытой соли.

Каменная же соль, отличаясь своею чистотою, соперничая по качеству съ солью самыхъ знаменитыхъ соляныхъ мѣсторожденій Европы и, видимо, не уступая имъ даже своею мощностью, съ другой же стороны, удаленная пока еще отъ путей сообщенія,—эта соль является такимъ достояніемъ страны, къ которому приходится относиться съ полнѣйшимъ вниманіемъ и осторожностью, чтобы какъ нибудь не ослабить того великаго значенія, какое несомнѣнно будетъ имѣть эта соль въ будущемъ, можетъ быть уже недалекомъ, когда улучшатся пути сообщенія, когда эта соль дѣйствительно принесетъ пользу не однимъ только предпринимателямъ, какъ это безусловно случается въ настоящее время, а станетъ обслуживать громаднѣйшую область вплоть до Дальняго Востока, который, какъ извѣстно, пользуется исключительно привозною иностранною солью.

Иначе говоря и выражаясь образно, эксплуатація каменной соли въ настоящее время, въ особенности предпринимателями,

*) Нынѣ, какъ уже указывалось, около 60 т. пудовъ.

не могущими затратить громадныхъ средствъ на постановку дѣла, сведется къ израсходованію основнаго капитала въ такое время, когда некуда дѣвать процентовъ съ этого капитала. Всякій предприниматель, съ какими бы благими намѣреніями ни подходилъ къ этому дѣлу, невольно поведетъ его хищнически, такъ какъ ему придется конкурировать съ дешевою и очень хорошею солью источниковъ и озеръ; на большія затраты, какъ того заслуживаетъ самое мѣсторожденіе, врядъ ли кто пока рѣшится, все будетъ вестись примитивнымъ способомъ, и богатѣйшему мѣсторожденію будетъ нанесенъ, быть можетъ, непоправимый вредъ, въ особенности, если еще какимъ нибудь образомъ эксплуатація будетъ вестись безъ контроля свѣдущихъ лицъ или учреждений.

Сначала можетъ показаться страннымъ, какъ это можно желать, чтобы богатства страны оставались неразработанными въ то время, когда соль такъ нужна, когда она такъ дорога и пр. Но это можетъ показаться страннымъ только съ перваго взгляда, потому что, какъ я уже сказалъ, выбирать драгоцѣнное полезное ископаемое изъ нѣдръ земли и не знать, куда его дѣвать, по меньшей мѣрѣ безразсудно. Сначала надо до конца использовать рассолы источниковъ и рѣчекъ, и соль озеръ, израсходовать до конца добытую соль и ужъ потомъ начать разговоръ о каменной соли, ужъ потомъ затронуть основной капиталъ, но никакъ не наоборотъ. И никакіе доводы ни частныхъ лицъ, желающихъ, конечно, нажить на этомъ деньги, ни даже предположенія мѣстной администраціи не могутъ имѣть мѣста, доколѣ не будутъ использованы сполна проценты съ капитала.

Въ дополненіе ко всему сказанному привожу цифровыя данныя за 1913 годъ по добычѣ соли въ описанномъ районѣ.

На *Кемпендѣйскомъ* и *Багинскомъ* источникахъ добыто 63500 пуд. соли, при чемъ 44100 пудовъ—естественно вымороженной (38000 п. на Кемпендѣйскомъ и 6100 п. на Багинскомъ) и 19400 п. вываренной на Кемпендѣйскомъ источникѣ.

Не лишнимъ считаю отмѣтить ту «золотую горячку», которая наблюдалась на Вилюѣ, когда я тамъ былъ, по поводу найденнаго по берегамъ Вилюя золота: Это золото было открыто лѣтомъ 1910 года мѣстными татарами, живущими вблизи

Сунтара. А въ 1911 году, отъ имени одного изъ золотопромышленниковъ, вначалѣ дѣлая изъ этого большой секретъ, усиленно столбилъ мѣстность г. Л., старавшійся захватить возможно большее пространство; но мѣстные жители тоже не зѣвали, нѣкоторые ударились даже вверхъ по рѣчкамъ, и въ концѣ концовъ пришлось наблюдать настоящій ажіотажъ. Золото найдено было въ пескахъ берега главнымъ образомъ около Сунтара (выше и ниже его). Оно очень мелкое, часто пылеобразное, съ трудомъ уловимое, но высокопробное; сопровождается какимъ то бѣлымъ металломъ, похожимъ на платину, иридій или осмій, во всякомъ случаѣ металломъ изъ платиновой группы. Содержаніе золота въ пескахъ довольно богатое, судя по хорошимъ намывкамъ примитивнымъ способомъ, но сколько отходить на 100 пудовъ—я не знаю. Можетъ быть его удастся эксплуатировать дражнымъ способомъ. Это открытіе, и даже наблюдавшійся ажіотажъ, нельзя не привѣтствовать, такъ какъ все это вмѣстѣ взятое можетъ послужить только на пользу некультурному и дикому краю.

ПЕРЕВОДЪ

нѣкоторыхъ Якутскихъ названій.

Кучугай-Харья	Малая Еловая.
Улаханъ-Харья	Большая Еловая.
Хаялахъ	Горностаево мѣсто.
Хаханайдахъ	назв. мелкой рыбы.
Хатынгнахъ	березовая.
Тымъ-Тайдахъ	Назв. посуды для масла.
Ларчикъ-Аяна	(прозвище) ручеекъ.
Сорданнахъ	щучье.
Сакрыратаръ	истеченіе, ручеекъ.
Джокоръ	(прозвище).
Хомуру-Хая	извилистый (гора).
Курунъ-юряхъ	выгорѣвшая рѣчка.
Мосана	(прозвище).
Алень-Сала	блеклое сѣно.
Мохсоголохъ	соколиное.
Юскюля	три маленькихъ озерка.
Кыра-Соболохъ	мелкое-карасье.
Сикяй-Сянь	сырое мѣсто.

Какы	худое мѣсто.
Бытыктахъ-штана	вшивые штаны.
Баттыхтахъ	длинноволосый.
Наллырь	(прозвище).
Мяккерыя	(прозвище)
Тянька	Трущоба.
Тасъ-Юряхъ	каменная рѣчка.
Аранастахъ	четыре столба, на кото- рыхъ раньше хоронили инородцевъ.
Куяцъ-Кель	жаркое озеро.
Кысбалаганахъ	жилище человѣка.
Жерба	(прозвище).
Дьарманъ-Тита	остановка ярмарщиковъ.
Кѣлляхъ	много озеръ.
Арбангда	(прозвище).
Адбастахъ	лошадиная голова.
Кутана	трясина.
Сарынгъ	плечо.
Тора-юряхъ	сторонняя рѣчка.
Джеллѣхаппыть	совсѣмъ провалился.
Улаханкурунгкутуя	сильно выорѣвшая лож- бина.
Оргулбага	(прозвище отъ слова «ки- пѣть».
Той-дахъ	бѣлая глина.
Юлягирь	(прозвище).
Артыкъ	подъемъ.
Нюя	имя.
Майтуруктахъ	ошейникъ, боа.

Главнѣйшая литература.

1. Philipp Iohann von Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreifet Stockholm. 1730.

2. *Сибирская Исторія* съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли Россійскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмец-

комъ языкѣ и въ собраніи Академическомъ читанная членомъ Санктпетербургской Академіи наукъ и профессоромъ древностей и исторіи, такъ же членомъ Геттингенскаго собранія Іоганномъ Эбергардомъ Фишеромъ. Съ 2 гравированными ландкартами. СПБ. 1774. г.

(«Удивительный соляной ключъ у рѣки Каптендеи», стр. 387—388).

3. Путешествіе академика П. С. Палласа по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи въ 1768—69—70—71—72 и 73 г. г. Перев. съ нѣм. 3 части въ 5 кн. СПБ. 1773—1778 г. (Часть третія. Половина первая, стр. 133).

4. Начальныя основанія естественной исторіи, содержащія царство животныхъ, произрастеній и ископаемыхъ. Царство ископаемыхъ.

Издано адъюнктомъ Васильемъ Севергинымъ. СПБ 1791.

5. Словарь Географическій Російскаго Государства, ... собранный Афанасіемъ Щекатовымъ. Часть третья. К—М. Москва. 1804. (Статья «Кемтендой»).

6. Подробный словарь минералогическій.... изданный Академикомъ Васильемъ Севергинымъ. Томъ второй. СПБ. 1807.

7. В. Севергинъ. Опытъ минералогическаго землеописанія Російскаго государства. 2 части. С.-П.-Б. 1809.

8. Статистическое обозрѣніе Сибири. СПБ. 1810.

9. Новѣйшія повѣствованія о Восточной Сибири. Соч. Н. Семивскаго. СПБ. 1817. (Приложен. 46, стр. 146—147).

10. Н. В. Сушковъ. О сибирскихъ соляныхъ промыслахъ. «Сибирскій Вѣстникъ» Спасскаго. 1821 г. ч. XIV и XV.

11. О сибирскихъ соляныхъ источникахъ. (Собщ. Чайковскаго). «Горный Журналъ», 1828 г. V.

12. Вилуйскіе соляные промыслы. Н. Щ. Энциклопедическій Лексиконъ. Томъ X. СПБ 1837.

13. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in die jahren 1828, 1829 und 1830 ausgeföhrt von Adolf Erman. Berlin. 1838. (Band II, S. 211, 239).

14. П. А. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. СПБ. 1844.

15. С. Щукинъ. Достопамятности нашего отчества. «С-Петербургскія Вѣдомости», 1849 г. № 247—Вилуйскіе соляные промыслы.

16. Вилуіскіе соляныя промыслы. «Журналъ для чтенія воспит. воен. учебн. заведеній» 1850 г. т. 83, № 329.

17. Статистическое Обозрѣніе Сибири, составленное Гагемейстеромъ. Часть I. СПБ. 1854.

18. Вейцель. Кемпендйскіе и Багинскіе соляныя источники. «Записки Сибирскаго отд. Русскаго Географ. Общ.» С.-П.-Б. 1857. Кн. III.

19. Статистическіе труды Ивана Федоровича Штукенберга Томъ 2. Статья XI. СПБ. 1860.

20. П. Кларкъ. Вилуіскъ и его округъ. «Зап. Сиб. отд. Имп. Русск. Географ. Общ.» кн. 7., 1864 г.

21. Географо-статистическій словарь Россійской Имперіи. Составилъ П. Семеновъ. Томъ II. СПБ. 1865. (Статья Кампендзѣй).

22. А. Миддендорфъ. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири. СПБ. 1867.

23. А. Павловскій. Запѣтки о Вилуіскомъ краѣ. «Изв. Сиб. отд. И. Р. Г. Общ.» 1873 г. Томъ 4, №№ 1 и 2.

24. Сообщение изъ Иркутской золотосплавочной лабораторіи. (Статья Савицкаго и Шамарина). „Изв. Сиб. отд. И. Р. Г. О.“ 1873 г. т. IV, № 1.

25. Эпохи послѣдовательнаго геологическаго образованія площади, заключающейся между р. Енисеемъ и р. Леной. (Статья А. А. Чекановскаго.) «Изв. Сиб. отд. И. Р. Г. О.» 1873 г. Т. 4, № 5.

26. Германъ Креднеръ. Руководство къ геологіи. Перев. съ нѣмецк. Томъ I. СПБ. 1875.

27. И. Боголюбскій. Опытъ горной статистики Русской Имперіи. СПБ. 1878. (Стр. 173 и XXXIX).

28. Соль. Изслѣдованіе русскаго богатства солью и употребленіе этого вещества. Составилъ Василій Гомилевскій. СПБ. 1881 г.

29. А. Шамаринъ. Анализы поваренной соли, соляныхъ и маточныхъ разсоловъ и чренныхъ камней съ Сибирскихъ солеваренныхъ заводовъ. «Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.» 1885. Т. 16, № 4—5.

30. Р. Маакъ. Вилуіскій округъ Якутской области. Томъ II. СПБ. 1886.

31. Сборникъ главн. свѣдѣній по управленію Восточной Сибири. Т. VII, вып. 2.

32. Багинскій соляной ключъ. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. 1891 г. П. А.
33. В. З. О полезныхъ ископаемыхъ Якутской области. Памятная книжка Якутской обл. на 1891 г. Якутскъ 1891.
34. Кемпендай. Энциклоп. словарь Бр. и Ефр. Томъ XIV. СПБ. 1895.
35. М. В. Гирбасовъ. Горнозаводская промышленность Сибири и краткія справочныя свѣдѣнія для горнозаводчиковъ и золотопромышленниковъ. Томскъ. 1895.
36. Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 годъ. «Горный отдѣлъ». — Статья горн. инж. М. В. Гирбасова. Томскъ. 1895.
37. Памятная книжка Якутской области на 1896 годъ. Выпускъ I. Якутскъ. 1895. Статья «Очерки физической географіи Якутск. обл.»
38. Общее обозрѣніе Якутской области. Памятная книжка Якутск. обл. на 1902 годъ. Изд. Як. Статист. Комитета. Выпускъ II. Якутскъ. 1902.
39. Реутовскій. Полезныя ископаемыя Сибири. СПБ. 1905.
40. Труды Якутскаго Областного Статистическаго Комитета. Выпускъ I. П. Дравертъ. Экспедиція въ Сунтарскій соленосный районъ. (Предварительный отчетъ). Якутскъ. 1908.
41. Б. К. Полѣновъ. Объ образованіи гидрата хлористаго натрія въ Кемпендайскомъ соляномъ ключѣ Якутской области. Казань. 1909. Приложение къ прот. засѣд. Общества Естествоиспытателей при Имп. Каз. Университетѣ, № 246.
42. Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologie und Paläontologie. 1909. II. Band, 12—13.
43. Докладъ Б. К. Полѣнова. «Къ вопросу о періодическихъ минералахъ». I/¹ 1910 г. на XII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Дневникъ Съѣзда № 8, стр. 327.
44. П. Дравертъ. Списокъ минераловъ Якутской области, представленныхъ въ коллекціи Якутскаго городского музея, съ указаніемъ ихъ мѣсторожденій. Казань, 1910. Прил. къ прот. засѣд. общ. Естествоиспыт. при Имп. Казанск. Унив. № 254.
45. Олекминскій горный округъ. (Полезныя ископаемыя). Ивана Садовникова. «Горныя и золотопромышленныя Извѣстія». №№ 2, 3—4. Томскъ. 1910.

46. П. Дравертъ. Изъ жизни Якутскаго края «Сиб. Ж.». № 198, 1910 г.
47. Dr. Carl Hintze. Handbuch der Mineralogie Erster Band. Leipzig. 1911. (S. 2231) *).
48. С. Ф. Малявкинъ. Кемпендйскій соляной источникъ. Предварительный отчетъ Иркутскому Горному Управленію. 1907 годъ. Рукопись.
49. Памятники Сибирской Исторіи XVIII в. (кн. 2, 1885 г., стр. 22—23).
50. И. Ф. Шредеръ. Соль въ Восточной Сибири. Матеріалы по изслѣдованію соляной промышленности Сибири. СПб. 1911. Изданіе Горнаго Департамента.
51. П. Л. Дравертъ. Матеріалы къ этнографіи и географіи Якутской области. Казань. 1912 г.
52. L. de Lannay. Gîtes minéraux et métallifères.. II. 187, 1913 г.

*). Вся эта литература (до 47 № включительно) приведена у П. Драверта въ его статьѣ «Матеріалы къ этнографіи и географіи Якутской области», откуда и перепечатана.

МАРШРУТНА

отъ Сунтара до Б

составл

Г.С.Доценко и К.

1911

ара-С

1. Р. Вилюй.

2. Р. Кемпендэй.

Б
НИ

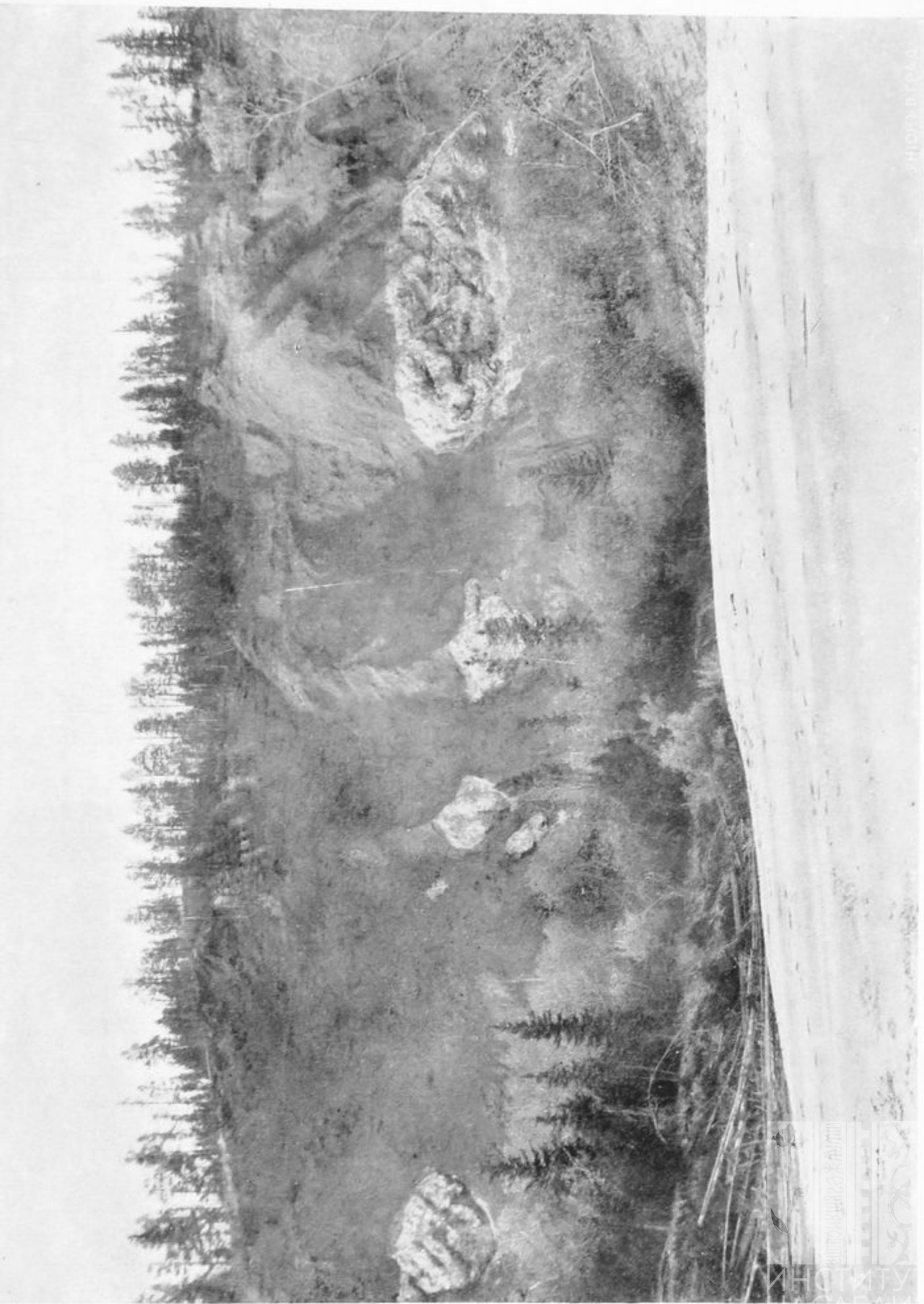
А
2Я

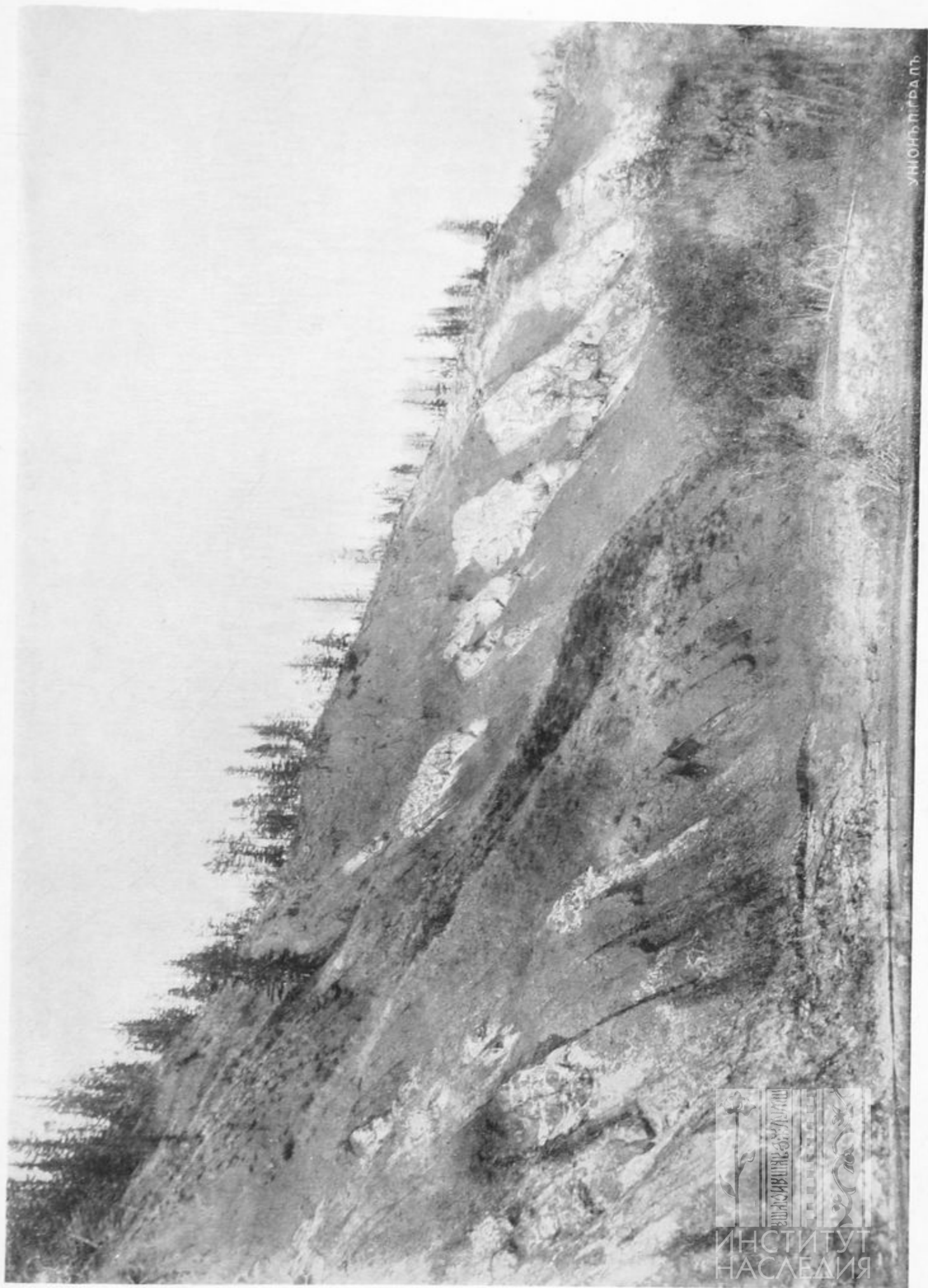
3. Головка Кемпендйяйского источника.

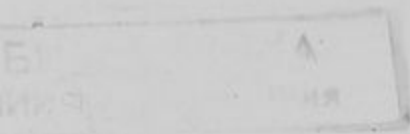

4. Соленое озеро Кемпендйяйского источника.

5. Кемпендзайская каменная соль. Западная часть обнажения.
(Видь издали).

7. Кемпендэйская каменная соль. (Вблизи).

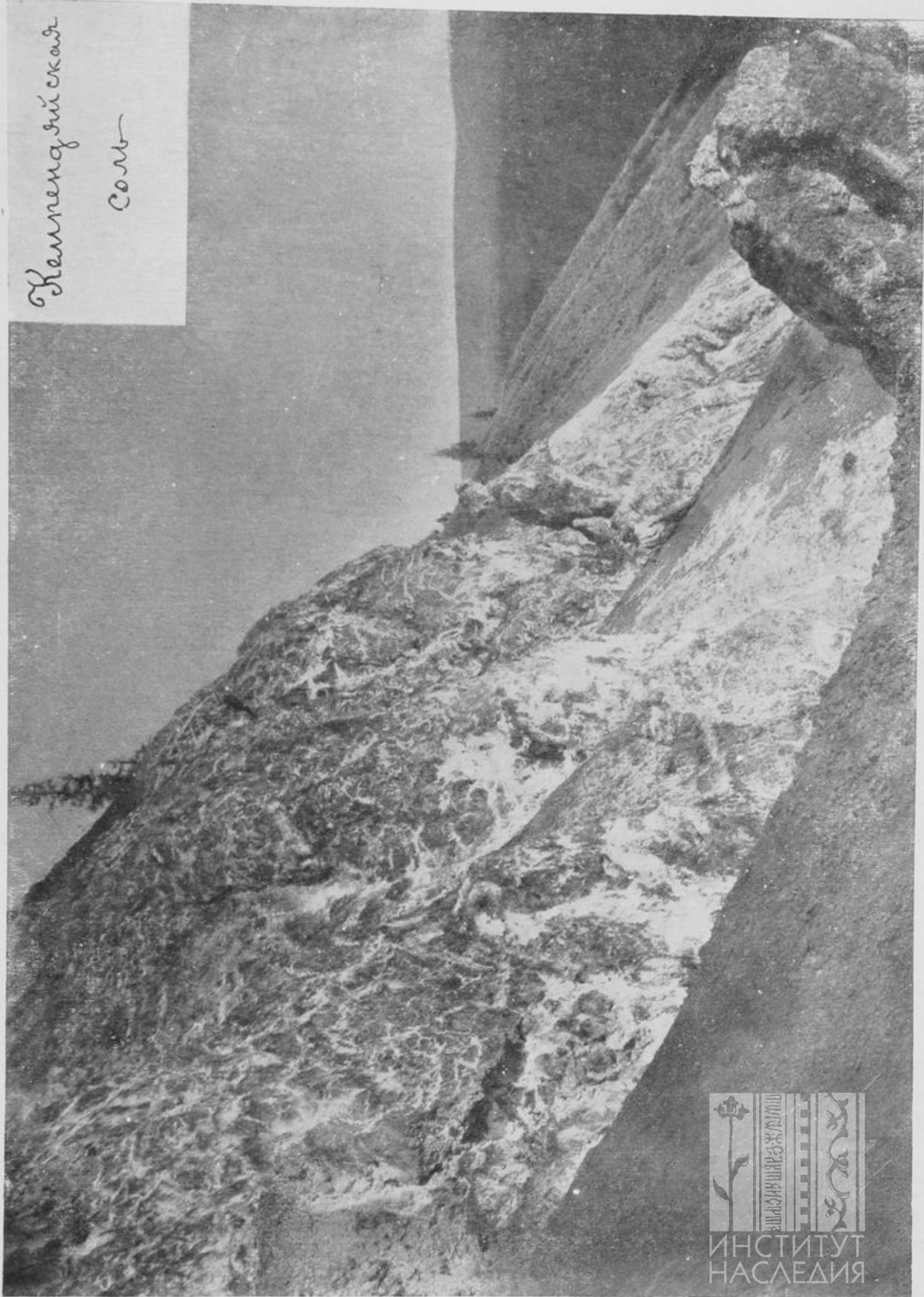
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музеев

Кененгуйская

гора

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музееведения

9. Кюндяйская Каменная соль. (Издали).

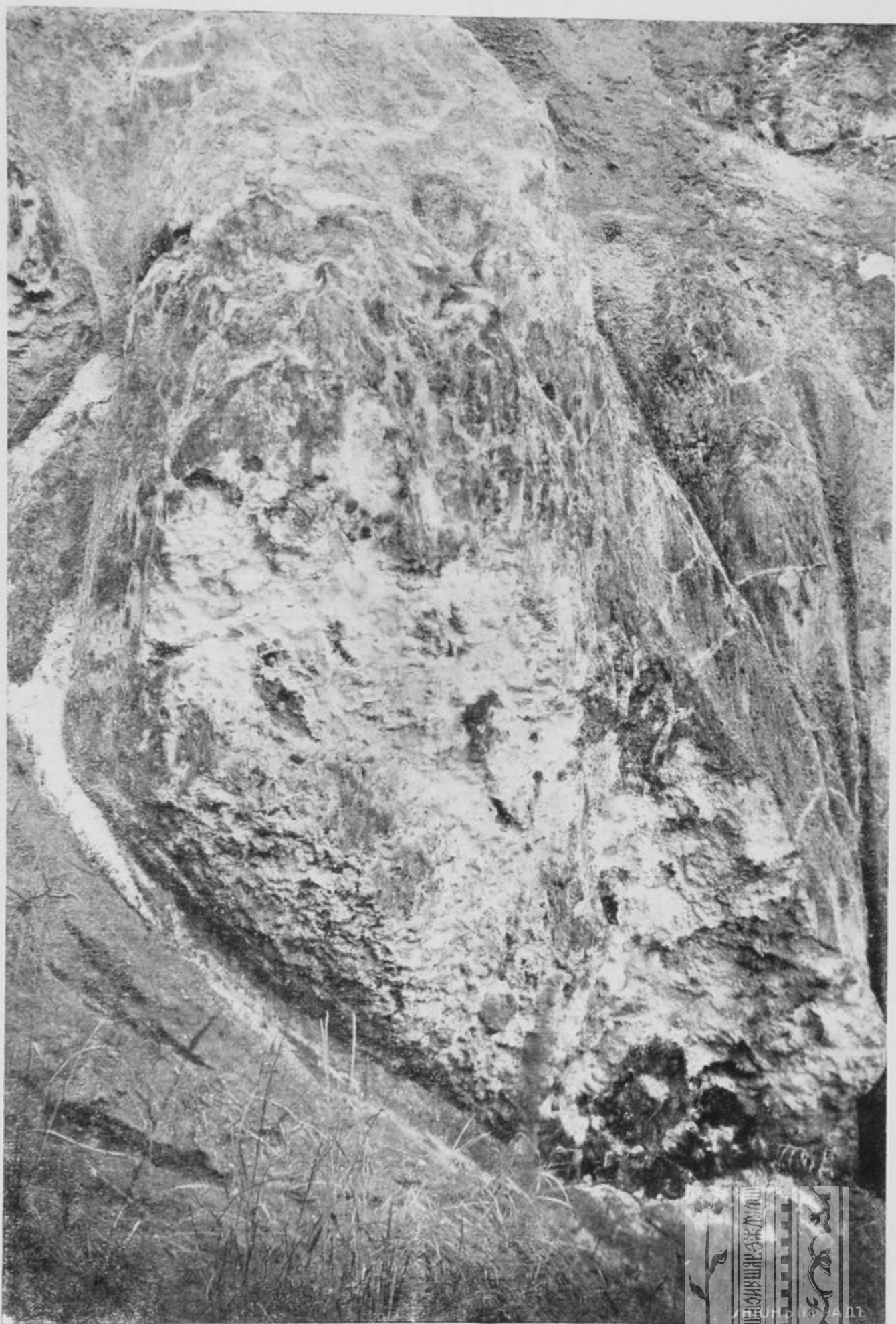
10. Рѣчка Алѣнь-Сала.

11. Кюндяйская каменная соль. (Вблизи).

БИБЛИОТЕКА
НИИ МУЗЕИ
ИД

12. Кюндяйская каменная соль. (Вблизи).

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Памяти супругов Клеменць.

Человѣкъ, памяти котораго Комитетъ Минусинскаго Музея постановилъ посвятить настоящее*) собраніе, былъ большимъ человѣкомъ не только для Минусинска, а и вообще для Сибири, въ которой онъ провелъ 15 лучшихъ лѣтъ своей жизни, и для Россіи, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, областяхъ гдѣ ему пришлось развивать свою дѣятельность.

Такая сложная,—я бы сказалъ —многогранная,—и оригинальная фигура, какою былъ Дмитрій Александровичъ, требуетъ пристальнаго изученія и не только по матеріаламъ, имѣющимся въ литературѣ—наслѣдство имъ оставленное здѣсь не такъ велико,—а по той, главнымъ образомъ, работѣ его, которая совершалась среди живыхъ людей, среди многочисленныхъ друзей его, среди того людского общества, душой котораго онъ всегда и вездѣ былъ. Это большое значеніе Клеменца, не учитываемое въ его литературныхъ произведеніяхъ, отмѣчаетъ въ статьѣ, посвященной ему, маститый сибирскій патріотъ и ученый Гр. Н. Потанинъ, который не обинуясь называетъ Дм. Ал-ча «учителемъ сибирскихъ поколѣній», а именно онъ говоритъ:

«Продолжительная жизнь въ Сибири, участіе въ мѣстной жизни, знакомство съ сибирскими общественными вопросами и культурныя услуги этой странѣ дали ему право на званіе учителя сибирскихъ поколѣній. Когда онъ жилъ въ столицѣ, въ его квартирѣ постоянно толкалась сибирская

*) Настоящая статья представляетъ изъ себя въ нѣсколько дополненномъ видѣ докладъ, который А. В. Адриановъ предполагалъ прочесть въ январѣ мѣсяцѣ 1914 года на публичномъ засѣданіи Комитета Минусинскаго Музея, и который, по полицейскимъ причинамъ, не былъ допущенъ къ прочтенію.

молодежь. Молодые сибиряки, стремившіеся въ высшую школу, ѣхали съ рекомендательными письмами къ Клеменцу. Его журфи́ксы въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія замѣнили сибирскіе журфи́ксы Ядринцева семидесятихъ годовъ. Они были продолженіемъ Ядринцевскихъ вечеровъ и по своему духу и направленію...»*)

Принимая во вниманіе трудность изображенія предъ вами во весь ростъ такой фигуры, какъ Клеменць, изображенія, достойнаго его памяти, я ограничусь выборкой того немногаго лучшаго, что есть о Клеменцѣ въ нашей литературѣ, и тѣми личными воспоминаніями и разказами, которые необходимы для полноты біографическаго очерка.

Если мнѣ удастся изъ этихъ кусочковъ набросать передъ вами болѣе или менѣе цѣльный образъ Дмитрія Александровича и закрѣпить въ вашей памяти воспоминаніе о немъ, какъ о высоко-одаренной, свѣтлой личности, я буду считать задачу свою выполненной. Для той же большой задачи, о которой я упомянулъ раньше,—объ изображеніи Д. А. Клеменца во весь его ростъ, я думаю, не настало еще время. Но я не сомнѣваюсь, что среди его многочисленныхъ друзей найдутся талантливые люди, которые выполнятъ эту трудную задачу.

Въ самомъ дѣлѣ, поставленный правительствомъ въ ряды его наиболѣе опасныхъ враговъ въ свои юношескіе годы, преслѣдуемый за свою революціонную дѣятельность прерванную ссылкой въ Сибирь, Клеменць съ головой уходитъ въ разностороннюю культурную работу на пользу страны, ставшей второй его родиной, а затѣмъ призывается министерствомъ Двора встать во главѣ вновь учреждаемаго въ Петербургѣ грандіознаго Этнографическаго Музея въ память Императора Александра III, гдѣ ему приходится время отъ времени давать личныя объясненія Государю о ходѣ организаціонныхъ работъ и демонстрировать поступающія коллекціи. Какая удивительная гамма чисто внѣшнихъ переменъ въ обстановкѣ и положеніи! А между тѣмъ, Клеменць, какъ монолитъ, оставался цѣльнымъ человѣкомъ въ своихъ убѣж-

*) «Сибирская Жизнь», 1914 г., № 10. Статья Г. Н. Потанина:—«Д. А. Клеменць».-

деніяхъ и взглядахъ и неспособнымъ ни на какіе компромиссы.

Лучшая характеристика Клеменца сдѣлана однимъ изъ его друзей, С. Степнякомъ. Эта извѣстная характеристика — единственная въ литературѣ, и всѣми, близко знавшими Дмитрія Александровича, она признается не только вѣрной, но и блестящей.*)

Отсылая слушателей къ этой книгѣ Степняка, я приведу нѣкоторыя свѣдѣнія изъ біографіи Д. А. Клеменца. Хотя его фамилія звучитъ французскимъ словомъ, указывая на какого-то отдаленнаго предка изъ этой страны, но въ лицѣ его сохранились характерныя черты калмыцкаго типа, аборигена тѣхъ степей, среди которыхъ жилъ и множился родъ Клеменцевъ. Сынъ управляющаго имѣніемъ въ Самарской губерніи, Дм. А. Клеменць родился въ 1848 г. въ Самарѣ и, по окончаніи здѣсь гимназіи, поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Казанскаго университета, изъ котораго перебрался затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ пульсъ научной жизни, уже тогда увлекавшей Клеменца, бился сильнѣе и полнѣе могъ удовлетворить пытливый умъ ея молодого адепта. Особенно онъ интересовался геологіей, которая и впослѣдствіи заняла такое видное мѣсто въ его работахъ.

Но университета ему не пришлось окончить. Войдя въ ряды молодежи, выступившей на борьбу съ усиливавшейся тогда реакціей, онъ отдался пропагандѣ среди народа и перешелъ на нелегальное положеніе. Участвуя въ различныхъ кружкахъ и организаціяхъ, онъ занималъ тамъ вліятельное положеніе, благодаря своему уму, особенностямъ дарованія и высокимъ качествамъ души. Основательныя знанія и начитанность обезпечили ему видное участіе въ журналѣ «Впередъ» Лаврова и др. революціонныхъ изданій, а еще больше — въ нашихъ легальныхъ журналахъ. Указанныя свойства ума и качества души съ еще большею яркостью и силою проявлялись имъ и во время «хожденія въ народъ», при путешествіяхъ изъ деревни въ деревню, гдѣ онъ былъ

*)С. Степнякъ. «Подпольная Россія» 2 изд., вышедшее въ Россіи. С. П. Б. 1906 г., стр. 45-54. Библіотека «Свѣточа» подъ ред. С. А. Бенгеровъ. Серія «Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія» № 2.

окруженъ общими и неизмѣнными симпатіями, превосходно выполняя взятую на себя роль. Объ этой полосѣ жизни Клеменца не появилось еще въ литературѣ связнаго разсказа, но, надо полагать, его смерть вызоветъ воспомина- нія, которыя будутъ служить украшеніемъ для памяти о немъ. Въ декабрьской книжкѣ «Голоса Минувшаго» за 1913 г. есть нѣсколько интересныхъ штриховъ изъ этой полосы жизни Клеменца въ воспоминаніяхъ его друга Н. А. Моро- зова, озаглавленныхъ «Во имя братства». А въ воспомина- ніяхъ одного изъ самыхъ близкихъ его друзей, А. И. Ива- нчина-Писарева, печатавшихся въ «Завѣтахъ», Клеменцу от- ведено болѣе значительное мѣсто.

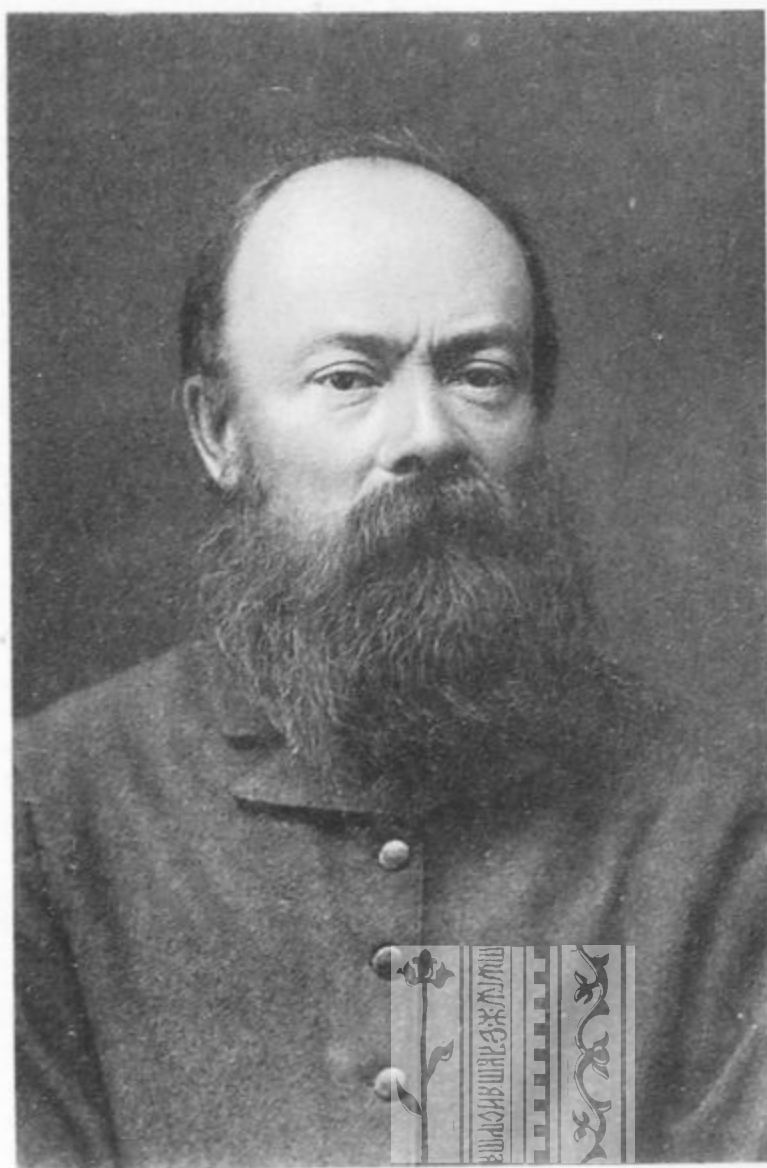
Въ концѣ семидесятыхъ годовъ оба друга работали од- но время вмѣстѣ—А. И. Писаревъ: въ качествѣ волостного пи- саря, а Д. А. Клеменць—въ качествѣ его работника. Раз- сказывали мнѣ, что когда инкогнито ихъ обоихъ было раскрыто и ихъ готовились арестовать, Клеменць убрал- ся въ имѣніе одного помѣщика, дочь котораго, дѣвочка увела Дм. Ал-ча въ поле и спрятала въ высоко колосившемся хлѣбѣ; здѣсь онъ пролежалъ цѣлый день, до сумерекъ, а затѣмъ его переодѣли нищимъ, отправили на поѣздъ и по- могли скрыться за границу. Здѣсь Дм. Ал-чъ, уже владѣв- шій языками и имѣвшій друзей среди ученыхъ, отдался научнымъ интересамъ и занялся пополненіемъ своихъ знаній.

Это нелегальное положеніе, начавшееся въ 1873 г., дли- лось до марта 1879 г., когда вернувшійся изъ-за границы Дм. Ал-чъ былъ арестованъ.

Осенью 1881 г. пароходъ «Коссаговскій» тащилъ за собою по Иртышу и Оби, отъ Тюмени до Томска, арестант- скую баржу, на которой находились три друга, отличавшіеся удивительной бодростью духа и веселымъ нравомъ. То бы- ли докторъ Веймаръ, А. И. Иванчинъ-Писаревъ и Д. А. Клеменць. Первый ссылался въ Нерчинскіе рудники, а по- слѣдніе двое направлялись въ Минусинскъ, куда они при- были въ октябрѣ 1881 г. Съ этого момента для Дмитрія Александровича началась новая полоса его жизни, цѣли- комъ посвященная культурной работѣ на благо страны, которой онъ отдалъ 15 зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни.

Елизавета Николаевна
Клеменць.

Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 1891 г.

По приѣздѣ въ Минусинскъ, онъ сразу познакомился и быстро сблизился съ Ник. Мих. Мартьяновымъ и сталъ его лучшимъ другомъ и помощникомъ въ устройствѣ Музея, этого дѣтища Мартьянова, ставшаго гордостью не только Минусинска, а и всей Сибири и прославившаго Минусинскъ далеко за предѣлами нашего отечества. Въ этой славѣ Минусинска виднѣйшую роль сыгралъ Дм. Ал. Клеменцъ своимъ трудомъ, именно—литературной разработкой сырыхъ матеріаловъ Музея и широкимъ опубликованіемъ ихъ, чего не доставало самому Мартьянову.

Образцовый, изумительный коллекторъ и организаторъ Музея, Мартьяновъ въ Клеменцѣ получилъ необходимое дополненіе для того, чтобъ создать то «чудо», которое приобрѣло извѣстность въ умственныхъ центрахъ не только Европейской Россіи, а и Западной Европы, вызвавъ командировки въ Минусинскъ и его уѣздъ, для изученія древностей-отдѣльныхъ ученыхъ и цѣлая экспедиція.

Классическая страна памятниковъ древности,—по обилію, оригинальности и разнообразію—Минусинскій уѣздъ естественно долженъ былъ дать мѣстному музею обильный и оригинальный матеріалъ по отдѣлу археологіи, опредѣлившему выдающуюся научную цѣнность всего Музея. И на этотъ-то отдѣлъ прежде всего обратилъ вниманіе Д. А. Клеменцъ. Онъ сдѣлалъ кропотливую и продолжительную работу, составивъ подробное описаніе, со многими измѣреніями, многихъ сотенъ накопленныхъ въ Музеѣ предметовъ металлическихъ эпохъ, а въ обширномъ введеніи къ этому труду далъ блестящій очеркъ прошлаго края, на основаніи цѣлаго ряда проштудированныхъ имъ источниковъ.

«Древности Минусинскаго Музея», какъ называлась написанная Д. А. Клеменцемъ книга, дѣйствительно составила «выдающееся событіе въ жизни Минусинскаго Музея», какъ выразился составитель *). Историческаго очерка Минусинскаго Музея за 25 лѣтъ»*)

«Авторъ блестяще выполнилъ взятую на себя роль,—говоритъ г. Конъ,—отказавшись отъ научно-критической обработки матеріала. Онъ описалъ матеріалъ и доставилъ читателю всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны при раз-

*) Ф. Конъ. «Историч. очеркъ Минусинскаго Музея за 25 лѣтъ.» Стр. 83.

смотрѣніи Минусинскихъ древностей. Для этой цѣли авторъ во введеніи помѣстилъ подробный топографическій очеркъ долины верхняго Енисея, описаніе археологическихъ памятниковъ этой мѣстности по личнымъ наблюденіямъ и отчасти по литературнымъ источникамъ, свѣдѣнія о попыткахъ научнаго изслѣдованія древностей и свѣдѣнія о народахъ, въ древнія времена населявшихъ нынѣшній Минусинскій округъ».

Но это—отзывъ некомпетентнаго человѣка, писавшаго съ чужого голоса. А вотъ уже вполне компетентныя мнѣнія о названномъ трудѣ. Завѣдующій музеемъ Н. М. Мартыяновъ въ отчетѣ по музею за 1886 г. по поводу выпуска «Древностей» пишетъ:

«Ученый міръ еще больше заинтересовался Музеемъ; похвалы чередуются съ запросами, благодарности съ приношеніями. Завязалась оживленная переписка съ специалистами, учеными обществами и учрежденіями. Всѣ получившіе изданіе спѣшатъ подѣлиться съ Музеемъ своими печатными трудами, и число дорогихъ вкладовъ въ нашу Минусинскую бібліотеку увеличивается. Благодаря этой книгѣ посѣтитель Музея, успѣвшій предварительно ознакомиться съ ея содержаніемъ, будетъ въ состояніи лучше омыслить тотъ интересъ, какой представляетъ осмотръ любопытныхъ предметовъ нашего археологическаго отдѣла. Такимъ образомъ, работа Д. А. Клеменца имѣетъ тройкую цѣнность: для науки, музея и общества».*)

Но вотъ отзывъ со стороны, отъ компетентнѣйшаго учрежденія въ Имперіи. 6 декабря 1886 г. Непремѣнный Секретарь Имп. Академіи Наукъ пишетъ завѣдующему музеемъ: «Не могу Вамъ выразить, какъ я порадовался успѣху, достигнутому Вашими стараніями въ дѣлѣ розысканія и описанія интересныхъ памятниковъ старины Минусинскаго края. Изданіе Ваше—превосходно и по ученому тексту г. Клеменца, и по отличному исполненію фотогравюры Шерера и Набгольца; а обстоятельный каталогъ металлическихъ древностей Музея открываетъ для археологовъ такое богатство коллекцій любопытныхъ и поучительныхъ предметовъ, что

*) Ibid. Стр. 84.

можетъ съ честью выдержать сравненіе съ лучшими изданіями этого рода у насъ и за границей».*)

Подобные же отзывы, тотчасъ по ознакомленіи съ трудомъ Клеменца, дали Музею Имп. Археологическая Комиссія, предсѣдатель Московскаго Археологическаго общества гр. П. С. Уварова, В. Г. Тизенгаузенъ, М. Венюковъ, консерваторъ Эстляндскаго провинц. Музея р. Jordan и др. археологи. Сюда же нужно присоединить и восторженный отзывъ Martine'a, шведскаго археолога, сдѣланный имъ о трудѣ Клеменца въ позднѣйшее время, на основаніи личнаго ознакомленія съ древностями Музея. Приѣхавъ въ Минусинскъ ради изученія собранныхъ въ Музеѣ древностей бронзовой культуры, Мартинъ въ предисловіи къ своему труду пишетъ:

«Не одна столица Европы можетъ завидовать Минусинскому Музею; онъ является единственнымъ въ мірѣ во всемъ, что относится къ сибирскимъ древностямъ».

Въ періодической печати, какъ мѣстной, сибирской, такъ и столичной, появились столь-же восторженные отзывы, встрѣтившіе появленіе «Древностей» Клеменца. Такъ напр., въ майской книжкѣ «Историч. Вѣстника» за 1887 г. появилась такого содержанія замѣтка: «Читатель очень бы ошибся, если бъ по заглавію представилъ себѣ, что тутъ идетъ дѣло о какомъ нибудь каталогѣ, о скучномъ и подробномъ перечнѣ предметовъ, собранныхъ въ мѣстномъ Минусинскомъ Музеѣ. Передъ нами—весьма почтенная попытка создать на основаніи собранныхъ въ Минусинскомъ музеѣ предметовъ древности цѣлый очеркъ археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій, произведенныхъ во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Минусинскомъ округѣ и въ областяхъ сопредѣльныхъ. Попытка весьма почтенная и со стороны г. Клеменца, составившаго каталогъ Музея и предпославшаго каталогу подробную описательную статью, и со стороны г. Кузнецова, не пожалѣвшаго средствъ и умѣнья на то, чтобы превосходно (я не могу отозваться иначе) издать и текстъ къ атласу древностей музея, и самый атласъ, рисунки котораго выполнены несравненно лучше множества подобныхъ

*) «Историч. Вѣстн.» 1887 г., № 5 стр., 744, статья подъ заглавіемъ «Минусинскій мѣстный публичный музей».

же археологическихъ чертежей и рисунковъ, прилагаемыхъ къ столичнымъ изданіямъ. И это все въ Сибири, за тысячи верстъ отъ главныхъ центровъ интеллигенціи, отъ всякихъ рисовальныхъ школъ и училищъ технического рисованія,— фактъ въ высшей степени утѣшительный...» И если Н. М. Мартьянову принадлежитъ честь основанія Музея, сосредоточенія въ немъ замѣчательныхъ археологическихъ коллекцій края, то честь выясненія значенія этихъ коллекцій, ихъ популяризація, честь привлеченія къ нимъ вниманія ученаго міра Европы принадлежитъ Д. А. Клеменцу. «Древности» были первымъ капитальнымъ трудомъ и изданіемъ Музея и въ тоже время самымъ капитальнымъ среди литературныхъ трудовъ самого Клеменца. «Древностями» открывался рядъ дальнѣйшихъ его работъ по изученію Сибири. Вотъ почему я позволилъ себѣ такъ долго остановить вниманіе читателя на этой первой въ Сибири работѣ Дм. Алекс-ча.

Но онъ отнюдь не ограничился одной этой работой за время своего пребыванія въ Минусинскѣ. Постоянно участвуя въ научномъ опредѣленіи притекающаго музейнаго матеріала и помогая Н. М. Мартьянову трудомъ и совѣтами, Дмитрій Александровичъ явился еще однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ собирателей коллекцій и матеріаловъ для музея и изслѣдователей. Такъ, въ 1883 г., узнавъ о моемъ снаряженіи въ экспедицію на Алтай и за Саяны, онъ выразилъ желаніе принять въ ней участіе и, получивъ мое согласіе, такъ дѣятельно принялся готовиться, штудировать сочиненія на разныхъ языкахъ объ этомъ районѣ, что положительно сталъ, я готовъ въ этомъ признаться, головой и душой экспедиціи. Занятый ежедневной журнальной работой въ «Сибирской Газетѣ», редакторомъ которой я состоялъ тогда, я не имѣлъ достаточно досуга готовиться къ экспедиціи, а ко всему этому я не обладалъ ни знаніями, ни дарованіемъ, чѣмъ такъ щедро надѣленъ былъ Дмитрій Александровичъ. Въ этомъ путешествіи, начатомъ изъ Минусинска лѣтомъ 1883 г., Дм. Ал-чу принадлежитъ самостоятельный маршрутъ по западной части Минусинскаго уѣзда; ему же принадлежитъ и мысль о цѣлесообразности раздѣленія экспедиціи на двѣ части, когда мы прошли съ нимъ

верхнюю Томь до устья р. Балыксы. Отсюда я пошелъ по заранѣе намѣченному маршруту, онъ—по вновь разработанному—дорогой по р. Шор-су на Таштыпъ, Абаканскій заводъ и Абаканъ.

Въ 1884 г. онъ совместно съ приглашеннымъ имъ инженеромъ-технологомъ А. И. Венцовскимъ, также отбывавшимъ политическую ссылку въ Минусинскѣ, совершаетъ на средства Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества трудную экскурсію въ верховья Абакана. Его манилъ къ себѣ недоступный и неизслѣдованный до сихъ поръ уголокъ Алтая съ водораздѣломъ между вершинами Абакана, Мрассы (лѣваго притока Томи) и Лебеди (праваго притока р. Бии) и Телецкимъ озеромъ, куда я такъ безуспѣшно пытался проникнуть въ 1883 г. съ верхней Мрассы. Клеменецъ сдѣлалъ попытку пробраться сюда по Абакану, черезъ его вершину, но путь оказался до того труднымъ и рискованнымъ, что его спутники, дойдя до впаденія въ Абаканъ р. Слюдянки, отказались съ нимъ слѣдовать, и онъ одинъ рѣшилъ продолжать, путь. Но, дойдя до подножія Джалика, водораздѣльнаго хребта между Абаканомъ, Мрассой и Лебедью, вынужденъ былъ вернуться назадъ, чтобъ не погибнуть здѣсь голодной смертью.

Но эти экскурсіи Клеменца въ 1883-4 гг. по Минусинскому краю и его занятія въ мѣстномъ музеѣ, вмѣстѣ съ его капитальной работой по археологіи, законченной въ 1885 г., есть лишь первые шаги въ томъ мѣстномъ изученіи, въ которое онъ затѣмъ съ головой окунулся, сдѣлавшись идейнымъ руководителемъ мѣстнаго изученія и болѣе чѣмъ кто-либо—фактическимъ работникомъ въ различныхъ областяхъ знанія. По энергіи и изумительной работоспособности это былъ второй Мартыановъ, только съ болѣе обширными и глубокими знаніями, съ болѣе сильными умомъ и дарованіями, въ противоположность Мартыанову, направленными въ сторону синтетическаго мышленія, съ извѣстной долей провидѣнія въ разрѣшеніи встававшихъ передъ нимъ проблемъ.

Обозрѣвая кипучую трудовую дѣятельность Дм. Ал. Клеменца въ теченіе пятнадцати проведенныхъ имъ въ Сибири лѣтъ, я не знаю никого, кто бы столько, какъ онъ, сдѣлалъ

для мѣстнаго изученія, кто бы былъ, не на словахъ только, а на дѣлѣ, такимъ ревнивымъ апологетомъ настоящей необходимости этихъ изученій. Не сибиряки по рожденію, воспитанію и образованію, Мартыановъ, а въ особенности Клеменцъ, невольный житель Сибири, приведенный сюда изгнаніемъ, дали намъ, сибирякамъ, такіе образцы дѣятельности на почвѣ культурнаго развитія огромной страны, которые мы должны вѣчно помнить съ благодарностью, поучаться у нихъ, вдохновляться ими...

Изъ году въ годъ совершая экскурсіи и путешествія, въ которыхъ на первомъ планѣ стояли столь несходныя между собою дисциплины, какъ геологія и археологія, Клеменцъ не устаетъ попутно собирать самый разнородный матеріалъ. тотчасъ же знакомя съ нимъ въ предварительныхъ отчетахъ и сообщеніяхъ въ ученыхъ обществахъ, въ разныхъ органахъ періодической печати, въ публичныхъ лекціяхъ, всюду внося, на ряду съ живымъ, образнымъ изложеніемъ, ясность мысли, силу убѣжденія и бездну начитанности, укладывавшейся въ его головѣ какъ-то такъ, что онъ свободно черпалъ изъ этого склада массу сближеній, сопоставленій и иллюстрацій. Казалось, что этотъ умъ не зналъ усталости, обнаруживая постоянную жадность къ знанію и постоянную жажду дѣлиться этими знаніями и приобщать къ нимъ другихъ, убѣждая всѣхъ къ участию въ общей культурной работѣ, доказывая, что она не (сѣть) достояніе, привиллегія избранныхъ, что въ той или иной мѣрѣ она всѣмъ доступна, что горшки обжигаютъ не боги, а самые обыкновенные люди.

За эти полтора десятка лѣтъ Клеменцъ съ необычайной легкостью переносится изъ Минусинска въ Томскъ, изъ Томска въ Ачинскъ, Красноярскъ и Канскъ, оттуда въ Кяхту и Ургу и, колеся по Монголіи, возвращается съ вершины Енисея снова въ Минусинскъ, чтобъ осмотрѣть тамъ новыя матеріалы въ музеѣ. Съѣздивъ куда-нибудь для осмотра обнаженія и написавъ предварительный отчетъ о конечномъ путешествіи, онъ снова летитъ въ Иркутскъ и, проработавъ тамъ мѣсяць-другой надъ докладами и по организаціи музейныхъ коллекцій Отдѣла, гдѣ онъ исполнялъ обязанности правителя дѣлъ, уѣзжаетъ въ Забайкалье для

изученія свадебныхъ обрядовъ бурятъ, или въ Якутскъ, для организаціи на сибиряковскія средства громаднѣйшей экспедиціи для изученія быта якутовъ.

Въ высшей степени общительный, искренній и благожелательный, чрезвычайно терпимый къ людямъ и неупускающій случая выдвинуть и подчеркнуть все въ нихъ хорошее, Клеменць, по водвореніи въ Минусинскъ, скоро сдружился съ мѣстнымъ обществомъ и сдѣлался желаннымъ гостемъ во многихъ семьяхъ. Его любили за веселый нравъ, остроуміе, безграничную доброту и неизмѣнную готовность помочь каждому. Въ семьяхъ Мартянова, Малинина, Сафьянова, Барташова, кн. А. А. Крапоткина и др. онъ былъ своимъ человѣкомъ, близкимъ.

Общимъ любимцемъ онъ скоро становился и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ ему случалось задерживаться хотя бы и на непродолжительное время, какъ, напр., въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Якутскѣ, Кяхтѣ и проч.

Здѣсь я долженъ прервать свой рассказъ о Клеменцѣ, чтобъ дальше говорить о Клеменцахъ.

Лѣтомъ 1884 г. въ Минусинскъ пріѣхала новая начальница мѣстной женской прогимназіи Елизавета Николаевна Звѣрева.

Дочь мелкаго красноярскаго золотопромышленника, Николая Матвѣевича Звѣрева и Людмилы Александровны Гленъ, иркутской институтки (кажется, изъ перваго выпуска этого института), она родилась въ 1853 г. въ Красноярскѣ.*) Первоначальное воспитаніе и образованіе она получила въ Казани, въ Родіоновскомъ Институтѣ. По окончаніи Института годъ прожила она у своей бабушки въ

*) Г. Н. Потанинъ въ цитированномъ выше некрологѣ о Д. А. Клеменцѣ называетъ Е. Н. Звѣреву уроженкою береговъ р. Лены. «Сиб. Жизнь», 1914 г. № 10). Это утвержденіе находится въ противорѣчій съ настоящимъ указаніемъ А. В. Адріанова. Въ одномъ изъ печатаемыхъ въ настоящей книгѣ писемъ Д. А. Клеменца къ И. М. Сибирякову имѣется указаніе на то, что мать Е. Н. Звѣревой въ 1894 г. жила въ г. Верхотенскѣ. Запрошенная нами по этому поводу Е. К. Мартянова сообщила намъ, что отецъ Е. Н. Клеменць служилъ много лѣтъ на ленскихъ приискахъ, гдѣ и умеръ, и что вѣрнѣе всего предположить, что Е. Н. родилась на Ленѣ.

Москвѣ, а затѣмъ два года въ Красноярскѣ у своей тетки Ал. Ал. Баженовой, съ дѣтьми которой занималась. Отецъ Елиз. Ник-ны рано умеръ и никакихъ средствъ, такъ какъ разорился съ пріисками, не оставилъ, а потому она сама своимъ трудомъ должна была добывать средства къ жизни.

Изъ Красноярска она затѣмъ переѣхала въ Томскъ, гдѣ одновременно занималась преподаваніемъ ариѳметики въ младшихъ классахъ женской гимназіи и состояла гувернанткой при дѣтяхъ губернатора Супруненко.

Скопивъ здѣсь денегъ, она уѣхала въ 1880 г. въ Петербургъ и поступила на Бестужевскіе курсы, а по окончаніи ихъ тотчасъ же была назначена въ Минусинскъ на открывшуюся вакансію начальницей прогимназіи. Съ этимъ учрежденіемъ у нея уже въ Петербургѣ возникли кое-какія связи... Годъ спустя послѣ поступленія Елизаветы Николаевны на курсы сюда же пріѣхала минусинка М. П. Барташова, дочь мѣстнаго не крупнаго золотопромышленника. Окончившая семь классовъ Красноярской гимназіи съ золотой медалью, она была назначена учительницей приготовительнаго класса Минусинской прогимназіи. Прозанимавшись годъ, она въ августѣ 1881 г. уѣхала на Бестужевскіе курсы и здѣсь вступила въ сибирское землячество. Тутъ, на почвѣ общихъ и близкихъ имъ интересовъ, Звѣрева познакомилась съ Барташовой, а затѣмъ и сдружилась, а по окончаніи курсовъ въ 1885 г. вновь поступила учительницей въ Минусинскую прогимназію, гдѣ подруга ея уже годъ состояла начальницей.

Въ жизни этого учебнаго заведенія новая начальница открыла новую эру, снискавъ любовь и уваженіе ученицъ, сохранившихъ о ней свѣтлыя воспоминанія.

Ея предшественница, первая начальница гимназіи, г-жа Ѳедорова, ни по своему образованію, ни по своимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ качествамъ не соотвѣтствовала своему назначенію, что особенно ярко выразилось въ часто произносимой ею фразѣ, засѣвшей въ головѣ ея ученицъ: «хоть день, да буду дамой». И вотъ эта «дама» все свое пониманіе педагогическихъ обязанностей сводила къ непрестанной муштрѣ ученицъ. «У-у, безмозглая дура», «голова соломой набита», только и слышалось въ классахъ. Безъ на-

казаній рѣдкій день проходилъ. Она ставила къ стѣнѣ на ноги чуть не по цѣлому классу, нисколько не считаясь съ тѣмъ, что въ то время въ первомъ классѣ прогимназіи были дѣвицы по 16—17 лѣтъ. На дежурную ученицу возлагалась обязанность слѣдить за своими товарками, записывать замѣченные за ними проступки и докладывать о нихъ начальницѣ для наложенія наказанія.

Прямой противоположностью этой „дамѣ“ явилась Ел. Н. Звѣрева. Серьезная и нѣсколько суровая съ виду, она отличалась справедливымъ, ко всѣмъ равнымъ отношеніемъ и добротой; она входила во всѣ интересы своихъ ученицъ, любовно, какъ старшій товарищъ, разбираясь въ нихъ. Преподавая исторію и естествознаніе, Ел. Ник-на широко пользовалась музейными коллекціями, какъ нагляднымъ пособіемъ, и каждое воскресенье, каждый праздникъ водила своихъ ученицъ въ Музей, рассказывая имъ здѣсь очередной урокъ по естественной исторіи и иллюстрируя его музейнымъ матеріаломъ. По отзывамъ ея бывшихъ ученицъ, теперь уже матерей семейства, она была образцовымъ, добросовѣстнымъ педагогомъ, преданнымъ своему дѣлу. Рассказывая и разъясняя урокъ, она оставляла въ ученицахъ большое впечатлѣніе.

Она первая начала устраивать въ прогимназіи елки, которыми внесла въ жизнь дѣтей надолго памятные развлечения. Она учила дѣтей декламации и была въ то время единственнымъ въ Минусинскѣ человѣкомъ, способнымъ за это взяться. Учила говорить на елкѣ стихи, учила танцамъ и играмъ. Собирая на устройство елки деньги, она стремилась одѣлать всѣхъ ученицъ, кромѣ сластей, хорошими подарками. На елкахъ въ прогимназіи она всегда собирала родителей и родственниковъ учащихся и знакомыхъ, такъ что праздникъ выходилъ интересный, веселый, доставлявшій присутствовавшимъ на немъ большое удовлетвореніе. Съ тѣхъ поръ елки въ Минусинской женской прогимназіи стали праздникомъ постояннымъ, безъ котораго не обходилось ни одно Рождество. Въ любительскихъ спектакляхъ, которые и тогда устраивались время отъ времени, Е. Н. Звѣрева была лучшей любительницей, особенно при постановкѣ бытовыхъ пьесъ Островскаго, и своей умной, продуманной игрой производила впечатлѣніе.

При всемъ томъ Ел. Н. Звѣрева веселой, оживленной никогда не бывала, но она всегда вносила въ общество что-то новое и остроумное; всегда общество ея было интереснымъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, вспоминаютъ ее и теперь знавшіе ее Минусинцы.

Обозрѣватель исторіи Минусинскаго Музея за 25 лѣтъ Ф. Конъ говоритъ (на стр. 232) объ Елизаветѣ Николаевнѣ, что она была «членомъ комитета по постройкѣ зданія Музея, принимала участіе въ работахъ музея, завѣдывала метеорологическою станціей, доставляла растенія, а по выѣздѣ изъ Минусинска выслала гербарій, китайскіе и японскіе предметы.» Къ этому мы можемъ прибавить, что на торжествѣ закладки музея Е. Н. выступила съ довольно большою содержательною рѣчью, явивъ тѣмъ самымъ, можетъ быть, первый для Минусинска примѣръ выступленія женщины въ подобной обстановкѣ.

Часто посѣщая Музей со своими ученицами, Елизавета Николаевна здѣсь познакомилась съ работавшимъ тогда въ музей Дм. Ал. Клеменцомъ, которымъ потомъ и увлеклась. Нравилась, въ свою очередь, и она ему по своимъ душевнымъ качествамъ, по характеру.

Въ 1886 г. они были помолвлены, но такъ, что объ этомъ знали лишь самые близкіе люди.

Въ этомъ же году Клеменць, получивъ разрѣшеніе, уѣхалъ въ Томскъ, чтобы принять болѣе близкое дѣятельное участіе въ „Сибирской Газетѣ“, около которой тогда стояли Ф. В. Волховской, С. Л. Чудновскій, кн. Ал. Ал. Кропоткинъ, К. М. Станюковичъ и группа мѣстныхъ работниковъ, какъ И. Г. Муромовъ, А. И. Войцеховскій, И. Ф. Красиковъ и др. Клеменцу поручено было, поочередно съ Волховскимъ и Станюковичемъ, писать фельетоны. Весной слѣдующаго года, послѣ работы по устройству этнографической выставки въ Томскѣ, Клеменць уѣхалъ снова въ Минусинскъ, гдѣ, кажется, производилъ раскопку Уйбатскаго кургана, а кромѣ того, сдѣлалъ поѣздку въ Урянхайскій край. Оттуда онъ вернулся прямо на Узунжулъ, на пріискъ Барташевыхъ, гдѣ гостила во время каникулъ у своей подруги Елизавета Николаевна, и повѣнчался съ нею въ ближайшей церкви въ с. Аскызскомъ, центрѣ управленія сагайскими и др. инородцами.

Съ тѣхъ поръ началась эта дружная жизнь двухъ сердецъ, бившихся въ унисонъ. Оба они дополняли другъ друга, вмѣстѣ работая, одинъ другому помогая, дѣля горе и радости.

Пропутешествовавъ въ теченіе мѣсяца послѣ свадьбы по татарской (Абаканской) степи, Клеменцы поздней осенью пріѣхали въ Томскъ и поселились на одной квартирѣ съ пріѣхавшей также сюда изъ Минусинска М. П. Барташовой и новымъ сотрудникомъ «Сибирской Газеты», П. А. Голубевымъ, административно высланнымъ изъ Вятки земскимъ дѣятелемъ. Съ тѣхъ поръ эта квартира часто являлась сборнымъ пунктомъ для сотрудниковъ „Сибирской Газеты“.

Неистощимое остроуміе Клеменца, его мастерскіе рассказы, о чемъ бы онъ ни заговорилъ, подкупающее простодушіе Петра Александровича Голубева, живая подвижность неугомонной Марьи Петровны Барташовой и теплота, которой согрѣвала всѣхъ Елизавета Николаевна, связали въ такой клубокъ эту малую группу, что къ ней всѣхъ тянуло отъ повседневной работы и заставляло засиживаться далеко за полночь. Какъ ни былъ саркастически настроенъ и заваленъ литературной работой вѣчно нуждавшійся К. М. Станюковичъ, но и онъ всегда тянулся къ этой компаніи и ее тянулъ сыграть въ винтъ, который онъ до страсти любилъ, подыскивая себѣ партнера въ лицѣ также страстной любительницы винта М. П. Барташовой, Д. А. Клеменца и меня. Я рѣдко могъ отдаваться этому удовольствію, занятый, помимо веденія сибирскихъ отдѣловъ газеты, корректурой, экспедиціей газеты, управленіемъ типографіей, до приѣма заказовъ и ихъ корректуры включительно, и вообще завѣдываніемъ всей хозяйственной частью газеты и типографіи. Но, должно быть, забавное зрѣлище со стороны представляла эта компанія за винтомъ, когда постоянно кипятившійся Станюковичъ журилъ своихъ партнеровъ, величая ихъ „сапожниками“ за неудачно сдѣланный ходъ. Доставалось отъ него добродушно отшучивавшемуся Клеменцу, но больше всѣхъ, кажется, мнѣ. «Въ бабки вамъ играть, а не въ винтъ», корилъ онъ меня, собирая карты для новой игры, причемъ глазъ его начиналъ подергиваться сильнѣе обык-

новеннаго, обнаруживая его волненіе. Страсть Конст. Мих-ча «сразиться» въ винтъ была до того велика, что, не находя партнеровъ, онъ утащить, бывало, къ себѣ Клеменца и дуется съ нимъ въ „бисмарка“ (игра въ винтъ вдвоемъ). Случалось, подходитъ время набирать очередной фельетонъ Клеменца, а рукописи нѣтъ. Бѣгу къ нему на квартиру, спрашиваю Елизавету Николаевну, гдѣ Клеменць, гдѣ его рукопись, но она ничего не знаетъ. «Кажется, онъ ничего не писалъ, да онъ и дома сегодня не ночевалъ». Обхожу кой-кого изъ общихъ знакомыхъ и, наконецъ, нахожу Дмитрія Александровича у Станюковича—они со вчерашняго вечера дуются въ бисмарка, забравшись въ укромный уголокъ квартиры. „Ахъ, штобъ васъ тутъ, а фельетонъ гдѣ?“ спрашиваю. Дмитрій Александровичъ, набравъ воздуха, медленно проводитъ широкимъ жестомъ по лысинѣ, наклоняя голову подъ рукой и молчитъ съ виноватымъ видомъ, наконецъ, пока Станюковичъ подыскиваетъ тотъ или другой способъ „заткнуть дыру“ въ выпускаемомъ номерѣ газеты, говоритъ: «такъ я чтожъ, тотъ какъ ево, я сейчасъ напишу.....».

Конечно, въ этихъ нашихъ увлеченіяхъ денежная сторона не играла никакой роли. Это былъ просто своего рода отдыхъ, отвлеченіе отъ умственной работы.

Не оставляя обработки добытыхъ во время лѣтнихъ экскурсій матеріаловъ, Клеменць во время своего пребыванія въ Томскѣ все-таки работалъ и въ газетѣ.

Ранней весной 1888 г. Клеменцы отправились въ путешествіе «въ Ачинскій и Канскій округа», а когда снова вернулись поздней осенью въ Томскъ, „Сибирской газеты“ уже не было—правительство, „въ составѣ четырехъ Министровъ“, закрыло ее навсегда, по особому ходатайству попечителя учебнаго округа В. М. Флоринскаго, только что отпраздновавшаго открытіе Томскаго Университета и разрисовавшаго своему министерству вредоносное вліяніе газеты на будущую студенческую массу.

Клеменцы тогда перекочевали въ Иркутскъ, который надолго сдѣлался центромъ дѣятельности Дм. Алекс-ча въ послѣдній періодъ его жизни въ Сибири, періодъ едва ли не наиболѣе усиленной и продуктивной дѣятельности и во

всей его жизни. Здѣсь вполнѣ развернулись его дарованія въ приложеніи ихъ къ мѣстнымъ изслѣдованіямъ, сначала въ качествѣ правителя дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, а затѣмъ въ качествѣ изслѣдователя, исколесившаго Монголію съ цѣлью изученія ея преимущественно въ отношеніяхъ археологическомъ и геологическомъ.

„Послѣдніе годы своего пребыванія на Востокѣ“, говоритъ Г. Н. Потанинъ въ цитированной уже нами статьѣ, «Клеменцу пришлось провести въ Монголіи. Когда Ядринцевымъ были открыты на Орхонѣ руноподобныя письма, наша академія наукъ снарядила на Орхонѣ экспедицію подъ начальствомъ академика Гадлова. Академикъ пригласилъ въ составъ своей экспедиціи Ядринцева и Клеменца. На перваго онъ смотрѣлъ, какъ на легкую кавалерію, несущую развѣдочную службу, а на Клеменца, какъ на тяжело-вооруженное войско. Ядринцевъ долженъ былъ дѣлать быстрые набѣги въ разные углы Монголіи и разузнавать, гдѣ есть писаницы и каменные бабы, а затѣмъ въ тѣ же мѣста долженъ былъ отправляться Клеменць составлять точныя описанія, дѣлать раскопки по всѣмъ правиламъ науки и пр. По окончаніи экспедиціи, Академія Наукъ предложила Клеменцу остаться въ Монголіи и продолжить розыски памятниковъ древности. За это время Клеменць извѣздилъ всю Сѣверную Монголію отъ Урги до Хобдо. Его дневники, кажется, до сихъ поръ остаются неизданными; въ нихъ, кромѣ замѣтокъ по археологіи, содержится много и геологическихъ наблюденій. Послѣдняя его поѣздка въ Центральную Азію была совершена въ окрестности города Турфана для описанія найденныхъ тамъ развалинъ буддійскихъ храмовъ. Эта работа была напечатана Академіей Наукъ на нѣмецкомъ языкѣ».*)

Всѣ поѣздки Дмитрія Александровича по Монголіи раздѣлялъ съ нимъ и его вѣрный другъ, Елизавета Николаевна, путешествуя верхомъ, подобно тому, какъ Александра Викторовна Потанина всегда и всюду сопровождала своего супруга. Одну изъ поѣздокъ на р. Керуленъ для археологическихъ изысканій она совершила самостоятельно,

*) „Сибир. Жизнь“, 1914 г., № 10. Ст. Г. Н. Потанинъ—„Д. А. Клеменць“.

а во время совмѣстныхъ поѣздокъ собирала флористическій матеріалъ, вела метеорологическія наблюденія и проч.

На этомъ и заканчивается сибирская полоса жизни и дѣятельности Клеменца.

Гр. Н. Потанинъ, въ цитированной мною статьѣ его, нѣсколько переоцѣниваетъ объемъ и значеніе участія Клеменца въ сибирской печати—оно не было такъ велико и продолжительно, но за то онъ вѣрно отмѣтилъ и оцѣнилъ внутреннее содержаніе всей работы Дм. Алекс—ча во время пребыванія его въ Сибири.

Какъ богато одаренная натура, онъ, дѣйствительно, не принадлежалъ къ той категоріи узкихъ политическихъ дѣятелей, которые гнушаются культурной работы, и вращеніе его въ революціонной средѣ не сузило его широкихъ взглядовъ. Очутившись въ Сибири, онъ отдался разносторонней культурной дѣятельности—ученаго изслѣдователя, собирателя коллекцій, публициста, лектора. Вѣрно, что онъ широко понималъ задачи мѣстнаго печатнаго органа и не стремился превратить его въ орудіе пропаганды, а выдвигалъ на первый планъ мѣстные вопросы и разрѣшеніе проблемъ культурной жизни Сибири, которая навсегда осталась ему дорога, всегда привлекая къ себѣ его вниманіе, особенно въ лицѣ ея многочисленныхъ народностей, обездоленныхъ и обрекаемыхъ на вымираніе. Сибирскіе инородцы имѣли въ Клеменцѣ самаго вѣрнаго друга—гуманиста, душой болѣвшаго за ихъ судьбу и мечтавшаго о способахъ улучшенія ихъ участи.

Когда въ 1904 г. на Алтай возникло религіозное движеніе, именуемое бурханизмомъ, съ проповѣдью алтайца Чета Челпанова, возставшаго противъ дѣятельности шамановъ и кровавыхъ жертвъ, и когда невѣжество миссіонеровъ и полиціи повело къ дикому разгрому инородцевъ и аресту нѣсколькихъ десятковъ изъ нихъ, Клеменцъ пріѣхалъ изъ Петербуга на Алтай и, собравъ матеріалъ объ этомъ движеніи въ глубинѣ стойбищъ калмыковъ, онъ оцѣнилъ это движеніе, какъ «нарастающіе запросы больной души бѣднаго народа, исканіе болѣе чистаго и широкаго источника для удовлетворенія своихъ высшихъ потребностей», и по возвращеніи въ Петербургъ выступилъ въ Географическомъ

Обществѣ съ особымъ докладомъ на эту тему. А впоследствии, когда въ Окружномъ Судѣ назначенъ былъ разборъ дѣла объ инородцахъ, сидѣвшихъ въ Бійскомъ острогѣ, онъ снова пріѣхалъ сюда изъ Петербурга и выступилъ на судѣ въ качествѣ защитника, подобно тому, какъ это сдѣлалъ В. Г. Короленко въ Мультанскомъ дѣлѣ о вотякахъ, и обезпечилъ алтайцамъ оправдательный приговоръ.

Г. Н. Потанинъ очень тужилъ о томъ, что у насъ до сихъ поръ не появилось труда, въ которомъ было бы отведено сибирскому шаманству особое мѣсто, съ указаніемъ присущихъ ему характерныхъ чертъ, коими оно отличается отъ другихъ первобытныхъ религій, и обрадовался, когда узналъ, что одна просвѣтительная фирма въ Бостонѣ, въ Америкѣ, предложила Дм. А. Клеменцу составить монографію о сибирскомъ шаманствѣ, и онъ согласился выполнить эту работу.*) Обрадовался потому, что считалъ Клеменца наиболѣе подходящимъ редакторомъ такой монографіи. Взявшись за эту работу, Клеменць привлекъ къ участию въ ней и самого Потанина, привлекъ и своего неизмѣннаго сотрудника, Елизавету Николаевну, и свою племянницу, которымъ поручилъ собираніе литературнаго матеріала по шаманству и составленіе ему свода. Къ сожалѣнію, смерть Клеменцовъ положила конецъ этому предпріятію.

Сближеніе съ академикомъ В. В. Радловымъ еще въ 1891 г., во время его экспедиціи на Орхонъ для изслѣдованій Каракорума, древней столицы монгольскихъ хановъ, въ которой Д. А. Клеменцу принадлежит такая видная роль въ области археологическихъ изслѣдованій, повело къ тому, что во второй половинѣ девяностыхъ годовъ Клеменць былъ приглашенъ консерваторомъ въ этнографическій Музей Академіи Наукъ, который тогда былъ выдѣленъ изъ Петровской кунсткамеры и заново устраивался подъ руководствомъ его энергичнаго директора, В. В. Радлова, а въ 1904 г. превратился въ громадный государственный Музей антропологии, этнографіи и археологіи имени Петра Великаго.

*) Г. Н. Потанинъ „Шаманизмъ у енисейскихъ остяковъ“, статьи въ № 217 „Сибир. Жизни“ за 1914 г.

Съ этого времени для Клеменца началась новая, Петербургская полоса жизни, продолжавшаяся также, какъ и Сибирская, около 15 лѣтъ.

Но Клеменцъ не остался въ Академіи ждать конца работы по устройству Музея Петра Великаго.

Возникшая мысль объ организаціи грандіознаго Русскаго Музея, какъ памятника въ честь скончавшагося Императора Александра III, именно мысль объ организаціи этнографическаго отдѣла этого музея, охватывавшаго всѣ народности, входящія въ составъ многоплеменной и многоязычной имперіи, и народности сопредѣльныхъ съ нею странъ, была настолько заманчивой, что Клеменцъ принялъ сдѣланное ему предложеніе встать во главѣ этнографическаго отдѣла Музея, въ качествѣ его завѣдующаго.

Около 10 лѣтъ онъ находился здѣсь, организуя сборы коллекцій и руководя работами по ихъ описанію и регистраціи. Его литературная дѣятельность за этотъ періодъ весьма не велика и ограничивается по преимуществу его участіемъ въ еженедѣльныхъ редакціонныхъ собраніяхъ „Русскаго Богатства“, членомъ редакціи котораго онъ состоялъ вмѣстѣ со своимъ старымъ другомъ А. И. Иванчинымъ-Писаревымъ. Но за то мало кому видная организаціонная его дѣятельность была весьма значительной. Памятниками ея останутся весьма хорошо разработанная (хоть и не полная) «программа для собиранія этнографическихъ предметовъ», составляющая книжку около 50 страницъ, и та обширная переписка, которую онъ велъ съ коллекторами.

Въ концѣ концовъ силы начали ему измѣнять, и для возстановленія ихъ приходилось дѣлать нерѣдкія лоѣздки за границу. Въ 1910 г. онъ ушелъ въ отставку съ пенсіей въ 2000 рублей и съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Послѣдніе годы онъ жилъ съ Елизаветой Николаевной въ тихомъ уголкѣ Москвы, въ Замоскворѣчьи, рѣдко гдѣ бывая и уже не выступая въ печати.

Въ эти послѣдніе годы, какъ въ Петербургскій періодъ жизни, роль и значеніе Елизаветы Николаевны для Клеменца выступили съ особенною яркостью. Онъ въ прежнее время, смолоду, отличался разсѣянностью и недостаточной вни-

мательностью по отношенію къ себѣ. То онъ затеряетъ записную книжку, то калоши забудетъ надѣть, то, какъ я выше рассказывалъ, забудетъ срочную статью написать и т. п. А съ годами онъ нуждался въ уходѣ за собой. И этотъ уходъ дала ему Елизавета Николаевна, ставшая его ангеломъ-хранителемъ. Она постоянно окружала его своимъ вниманіемъ, теплотой и заботой, но такъ, что онъ этого и не замѣчалъ! За самые послѣдніе годы она избѣгала оставлять его одного, рѣдко выходя изъ дому и въ случаѣ своихъ отлучекъ поручая вниманію кого-либо изъ пришедшихъ къ нимъ родственниковъ, или вызванныхъ по телефону знакомыхъ, или, наконецъ, пользуясь приходомъ учительницы англійскаго языка, которымъ Клеменць вздумалъ заниматься незадолго до смерти.

Занятіе англійскимъ языкомъ по существу было фантазіей Клеменца, къ тому же довольно дорого обходившейся, но Елизавета Николаевна, не желая лишать своего друга этого удовольствія, сама начала давать уроки французскаго языка, чтобъ имѣть лишніе средства къ жизни.

Жившіе у Клеменца дѣти его племянницы (своихъ дѣтей у Клеменца не было) также доставляли Елизаветѣ Николаевнѣ огромную работу. Особенно много было хлопотъ съ любимцемъ Клеменца, мальчикомъ очень избалованнымъ, съ которымъ ей приходилось заниматься. И тѣмъ не менѣе Елизавета Николаевна должна была придумать способы внушеній мальчику такіе, чтобъ не огорчать Дмитрія Александровича. И это не было крестомъ, который несла Елизавета Николаевна. Напротивъ, она была нѣжна съ дѣтьми, любила ихъ, всю себя отдавая имъ и своему другу.

Въ послѣдніе годы жизни она была положительно нянькой и для самого Клеменца, и для дѣтей. Съ наступленіемъ 1914 г. Дмитрій Александровичъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, и когда для Елизаветы Николаевны выяснилась безнадежность его положенія, ея сердце не выдержало вида ея вѣрнаго друга, лежавшаго безъ сознанія, и она скончалась 4 января отъ удара. А вслѣдъ за нею скончался 8 января и Дмитрій Александровичъ.

«Оба друга одновременно, какъ будто взявшись за руки, ушли изъ реальнаго міра», говоритъ Потанинъ.

Я закончу свой очеркъ трогательными словами Г. Н. Потанина, которыми онъ заканчиваетъ свою памятку о Клеменцахъ: „Хотя, ослабленный продолжительною болѣзнью, Клеменць подъ конецъ жизни слабо заявлялъ себя въ литературѣ и общественной жизни, но было тепло на душѣ отъ одного сознанія, что еще существуетъ на свѣтѣ это чудесное сердце, и потому смерть „слоняваго гуманиста,“ по неприличному выраженію Маркова 2, почувствовалась и отдаленными друзьями покойнаго, какъ тяжелая обида. Перестало биться сердце, воспитанное евангельскимъ ученіемъ непосредственно изъ чистаго первоисточника, а не казенною гомилетикою; затихло сердце, наученное евангельскою проповѣдью служить духовнымъ прибѣжищемъ разнымъ обездоленнымъ и обойденнымъ инородцамъ, приговореннымъ желѣзными социальными законами къ вымиранію, дѣвушкамъ, лишеннымъ красоты и осужденнымъ на жизнь безъ семейнаго счастья, и всякимъ другимъ.

Елизавета Николаевна была прекрасный, добрый, любящій человѣкъ, имѣла все права, чтобы стать матерью и воспитательницею новаго поколѣнія, но она не была красивою женщиною, и, можетъ быть, эта глубокая несправедливость природы прежде всего вызвала въ гуманномъ сердцѣ сосланнаго крамольника протестъ, который потомъ перешелъ въ прочное теплое чувство.“ *)

А. В. Адриановъ.

ИНСТИТУТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*) Г. Н. Потанинъ. Ст. „Д. А. Клеменць“. «Сиб. Жизнь» за 1914 г. № 10.

Замѣтки о птицахъ Иркутской губерніи.

Старшаго ассистента Зоологическаго Музея Г. Юганзена.

(Изъ Зоологическаго Кабинета Императорскаго Томскаго Университета, № 4).

Въ Зоологическій Музей Императорскаго Томскаго Университета поступила въ видѣ дара отъ братьевъ *Мих.* и *Ал-дра Семеновичей Сапожниковыхъ* въ 1906 г. небольшая коллекція птичьихъ шкурокъ изъ Восточной Сибири, собранная ими въ 1900, 1901, 1902 и 1906 г.г. въ окрестностяхъ гор. Иркутска (1 экз.), въ Верхоленскомъ уѣздѣ (45 экз.) и въ Киренскомъ уѣздѣ (7 экз.) Иркутской губ.

Къ изученію этихъ орнитологическихъ сборовъ я приступилъ въ 1912 г., причемъ при опредѣленіи пользовался слѣдующей литературой:

1. 1860. *L. v. Schrenck.* Vögel des Amurlandes. St. Petersburg.
2. 1863. *G. Radde.* Reisen im Süden von Ost-Sibirien. St. Petersburg.
3. 1891. *L. Taczanowski.* Faune ornithologique de la Sibirie orientale. St. Petersburg.
4. 1901. *С. А. Бутурлинъ.* Синоптическія таблицы охотничьихъ птицъ Россійской Имперіи. С.-Петербургъ.
5. 1902. *С. А. Бутурлинъ.* Кулики Россійской Имперіи. Вып. I. Тула.
6. 1903. *E. Hartert.* Die Vogel der paläarktischen Fauna. Berlin. Heft I—VIII.
7. 1907. *S. A. Buturlin.* Die paläarktischen Formen von *Syrnium* *Sac.* Journ. f. Ornith.

8. 1908. *S. A. Buturlin*. Bemerkungen über die geographische Verbreitung der Vögel im nordöstlichen Sibirien. Journ. f. Ornith.

9. 1909. *Einar Lönnberg*. Notes on Birds collected by Mr. Otto Bamberg in Southern Transbaicalia and Northern Mongolia. Arkiv för Zoologi Bd. 5 № 9 Uppsala & Stockholm.

10. 1910. *Г. Э. Иоганзенъ*. Таблица для опредѣленія центрально-азиатскихъ оляпокъ р. *Cinclus*. Орнитологич. Вѣстникъ стр. 283—286.

11. 1911. *А. Я. Тугариновъ* и *С. А. Бутурлинъ*. Матеріалы по птицамъ Енисейской губ. Красноярскъ.

Описываемая коллекція бр. *Сапожниковыхъ* содержитъ всего только 42 вида пернатыхъ (въ количествѣ лишь 53 экз.), но представляетъ значительный интересъ не только для Зоологическаго Музея Императорскаго Томскаго Университета, въ которомъ орнитофауна Восточной Сибири представлена очень слабо, но и потому, что она происходитъ изъ почти неизслѣдованной въ орнитологическомъ отношеніи мѣстности.

Насколько интересенъ для орнитолога районъ верховьевъ Лены, можно видѣть изъ словъ *С. А. Бутурлина*, который въ Journ. f. Ornith. 1908 (5. 291 и 293) такъ говоритъ: «ausserdem mangelt es an Mitteilungen über die Vögel, die an der oberen Lena bruten» и далѣе: «ich darf hinzufügen, dass die Vögel der unteren Lena fast eben so unvollkommen bekannt sind, wie die der oberen Lena».

Читатель увидить, что коллекція эта позволяетъ установить присутствіе въ Иркутской губ. новаго для Россійской Имперіи подвида (*Phoenicurus aureus filchneri*), найденнаго до сихъ поръ въ горахъ Сѣвернаго Китая, и что она дала мнѣ возможность отличить иркутскаго чеглока въ качествѣ особаго подвида.

Очень и очень приходится сожалѣть, что коллекція эта не велика, и виды представлены лишь однимъ, рѣдко двумя и болѣе экземплярами.

Томскъ, 17 января 1914 г.

Passeriformes.

1. *Corvus corone orientalis* Eversm. 1841.

Въ коллекціи одинъ экз. [♂] черной вороны отъ 15/x 1900 изъ окр. с. Залогъ Верхоленскаго у. Длина клюва отъ начала лобнаго оперенія 52 мм., отъ угла рта 53 мм., длина сложенного крыла 340, длина хвоста отъ железы 208 мм. Такъ какъ у этого экз. 6-й махъ длиннѣе 2-го и замѣтно суженъ на внѣшнемъ опахалѣ, а 1-й махъ короче 9-го и 3-хъ степенныхъ, то это несомнѣнно черная ворона, а не молодой грачъ, какъ можно было бы подумать на основаніи довольно сильнаго пурпуроваго блеска маховыхъ и всей верхней стороны.

2. *Coloeus dauuricus* (Pallas 1776).

Два экз. пѣгой галки добыты близъ с. Залогъ Верхоленскаго у. 7/iv 1901. Изъ нихъ одинъ типичнѣйшая пѣгая галка, вполне взрослая [♂] съ нижней стороной и ошейникомъ, окрашенными въ бѣловатый съ буроватымъ налетомъ цвѣтъ. Другой экз., повидимому, болѣе молодой, имѣетъ эти части окрашенными въ сѣрый цвѣтъ. Длина клюва отъ лобнаго оперенія 30 и 27, а сложенного крыла 230 и 223 мм. Полъ 2-го экз. не былъ опредѣленъ при вскрытіи.

3. *Pica pica* (Linn. 1758)

Въ коллекціи взрослая, старая сорока отъ 1/x 1900 изъ с. Залогъ Верхоленскаго у. (sex. ?).

Темный цвѣтъ не переходитъ на внутреннее опахало перваго абортивнаго, сильно суженнаго (ширина около 2,5 мм.) маховаго. На 3-мъ по 7-омъ изъ первостепенныхъ маховыхъ обоихъ крыльевъ имѣется по сѣровато-черной узкой полоскѣ по краямъ внутреннихъ опахалъ на небольшомъ протяженіи близъ вершинъ этихъ перьевъ, но лишь только на обоихъ седьмыхъ этотъ темный краевой налетъ безъ перерыва переходитъ въ черный цвѣтъ наружнаго опахала, огибая вершину маха. Бѣлая поясничная полоса хорошо развита. Длина сложенного крыла 223 мм., длина хвоста (отъ железы) 306 мм.

Такимъ образомъ это типичный экз. *leucoptera* Gould или взрослый индивидъ обыкновенной сороки съ рѣзко выраженными особенностями «старческаго диморфизма» (С. А. Бутурлинъ).

4. *Garrulus brandti* Eversm 1842.

Одинъ экз. (sex. ?) рыжеголовой сойки изъ окр. с. Залогъ Верхоленскаго у. отъ 9/ix 1900. Длина сложенного крыла 173 мм.

5. *Perisoreus infaustus* (Linn. 1758).

Одинъ экз. (sex?) кукши изъ окр. с. Залогъ Верхоленскаго у. отъ 23/ix 1900.

Длина крыла 143, хвоста 140 мм. На спинѣ замѣтенъ слабый, охристо-буроватый налетъ, почему я отношу этотъ экз. къ типичной формѣ, а не къ восточной *sibiricus* (Bodd 1783), хотя спина и грудь этого экз. окрашены въ болѣе сѣрый цвѣтъ, чѣмъ у большинства томскихъ экз. и одного алтайскаго (*Peris inf. opicus* Bangs).

6. *Acanthis linaria* (Linn. 1758).

Самочка, добытая въ октябрѣ 1901 г. близъ с. Залогъ Верхоленскаго у.

Длина клюва отъ передняго края ноздрей 7,5 мм. По весьма бѣлому и исчерченному надхвостью эта чечетка можетъ быть отнесена къ подвиду *exilipes* (Coues 1861).

7. *Pyrrhula pyrrhula* (Linn. 1758).

Въ коллекціи одна самочка отъ 15 марта 1901, добытая близъ с. Залогъ Верхоленскаго у. Длина крыла 92 мм.

По Hartert'у найденъ снѣгирь-жуланъ лишь южнѣе Байкала и въ Дауриі.

8. *Emberiza leucocephala* Gmel. 1771.

Двѣ шкурки самцовъ бѣлошапочной овсянки отъ 15/iv. 1901, добытыхъ близъ с. Залогъ Верхоленскаго у.

Длина крыла 92 и 95 мм.

9. *Loxia curvirostra* Linn. 1758.

Въ коллекціи шкурка ♂ клеста-еловика, добытаго 22/vii 1900, близъ с. Залогъ Верхоленскаго у. Длина крыла 99, длина хвоста 62 мм. Окраска, въ особенности надхвостья, довольно яркая, но не ярче томскихъ экземпляровъ.

10. *Parus major*. Linn. 1758.

Одинъ ноябрскій экз. (sex.?) большой синицы 1900 г. изъ с. Залогъ Верхоленскаго у. Длина клюва [г] II, крыла 75, хвоста 63, плюсны 20 мм. Отличій отъ томскихъ экз. не нахожу.

Е. Hartert'у (стр. 342), повидимому, совершенно неизвѣстно, что эта синица встрѣчается въ Восточной Сибири, такъ какъ онъ ограничиваетъ ея распространеніе въ Азіи Западной Сибирью лишь до Алтая на востокъ.

11. *Anthus trivialis maculatus* Ferd. 1864.

Въ коллекціи одинъ экз. лѣснаго конька восточной расы отъ 21/iv 1901, изъ с. Залогъ Верхоленскаго у.

Длина клюва [г] 12,5; крыла 80,5; хвоста 64, плюсны 20 мм.

Сравненъ съ единственнымъ пока найденнымъ мною близъ Томска экземпляромъ подвида *maculatus*, причемъ особенностей окраски не удалось замѣтить *).

12. *Saxicola oenanthe* (Linn. 1758).

Чеканъ-каменка [♂] отъ 23/iv 1901, изъ окр. с. Бирюлька Верхоленскаго у. сохранилъ еще буроватый налетъ на верхней сторонѣ отъ буроватыхъ каемокъ перьевъ, постепенно сншивающихся и стирающихся.

Длина клюва [г] отъ начала лобнаго оперенія 13 мм. длина сложеннаго крыла 101 мм. (11). Поразительная длина крыла (95 мм. у *Тачановскаго*) стоитъ, вѣроятно, въ связи съ дальностью разстоянія, которое приходится пролетать этой птичкѣ до мѣстъ зимовки. По мнѣнію *O. Kleinschmidt'a*, каменки Сѣверной Сибири, пожалуй, заслуживаютъ быть выдѣленными въ особую расу подъ названіемъ *Sax. oen vitiflora* (Pall. 1811), какъ отличающіяся отъ сѣверо-европейскихъ болѣе короткими клювами и болѣе длинными крыльями.

13. *Phoenicurus auroreus filchneri* (Parrot 1907).

Въ коллекціи одинъ экз. восточной горихвостки изъ окр. с. Залогъ Верхоленскаго у. отъ 30/vi 1906, который, судя по окраскѣ, несомнѣнно самчикъ, и притомъ не отличающійся отъ японскаго экз. этого вида моей коллекціи по окраскѣ, но размѣрами крыла превышающій таковой.

Размѣры Верхоленскаго экз. ♂ г. 10, а. 78, с. 68, т. 22 мм.

» Японскаго экз. ♂ 10, а. 73, с. 67, т. ?

На основаніи бѣльшей длины крыла *Parrot* выдѣлилъ подвидъ *filchneri*, найденный въ горахъ Сѣвернаго Китая. Если этотъ подвидъ установленъ съ достаточнымъ основаніемъ, то область его распространенія приходится значительно расширить на сѣверо-западъ и притомъ включить его въ списки пернатыхъ нашего отечества.

O. Kleinschmidt *Berajah* 1908 (*Erithacus Auroreus*) сообщаетъ произведенные имъ промѣры типовъ *filchneri* (въ числѣ 3-хъ

*) *C. А. Бутурлинъ*. (Journ. f. Ornith. 1908. f. S. 292) приводитъ для верхней Лены западную форму *A. trivialis*.

экземпл.): ♂ ad a. 8,0 и 8,1 ст.; ♂ juv. a. 7,5—7,6 ст.; ♀ a. 8,0 ст. Въ томъ что экз. описываемой коллекціи можетъ быть отнесенъ именно къ указанному подвиду, меня убѣждаетъ и то обстоятельство, что *O. Kleinschmidt* для типичныхъ *auriceps* приводитъ въ качествѣ максимальной длины крыла 7,7 ст., т. е. величину меньшую, чѣмъ у нашего экз. На большую величину амурскихъ экз. въ сравненіи съ японскими указываетъ уже *Schrenck*, но описываемые имъ, а также и *Radde*, экземпляры восточной горихвостки имѣютъ крылья длиною не болѣе $2^{\circ}9\frac{1}{2}''$ (=73,75 мм.).

14. *Cinclus leucogaster bianchii* Ssuschkin 1904.

Въ коллекціи одна оляпка (sex.?), добытая близъ с. Буткова въ декабрѣ 1900 г. въ Верхоленскомъ уѣздѣ.

Размѣры: длина клюва (г.) 17, длина крыла 93, хвоста 53, плюсны 29 мм.

Нахожденіе этой расы къ западу отъ Байкала представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что, насколько мнѣ извѣстно, она въ этой мѣстности не была находима. (*С. А. Бутурлинъ* приводитъ *C. pallasi* для верхней Лены, l. c. S. 292).

15. *Turdus ruficollis* Pall 1776.

Краснозобый дроздъ представленъ ♂ отъ 4/v 1900, добытымъ близъ с. Качугъ Верхоленскаго уѣзда. Длина клюва (г.) 19, длина крыла 133, хвоста (отъ кобчиковой железы) 98, плюсны 31 мм. На передней части груди замѣтны бѣловатыя вершинныя каемки *).

Piciformes.

16. *Dryocopus martius* (Linn. 1758).

Въ коллекціи шкурка взрослого самца дятла—желны, добытаго 16/iv 1901, близъ с. Залогъ Верхоленскаго уѣзда. Длина клюва (г.) 58, отъ передняго края ноздрей 49, длина крыла 255, длина хвоста 190 мм. +? (кончики обношены). Пятый, 4-й и 6-й махи образуютъ вершину крыла, причемъ 5-ый лишь на 2 мм. длиннѣе 6-го, на 11 мм. больше 7-го, на 18 мм. больше 3-го, на 34 мм. больше 8-го, на 55 мм. больше 9-го, на 63 мм. длин-

*) Хотя *С. А. Бутурлинъ* (*Орнитол. Вѣстн.* 1910, стр. 233) и заявляетъ категорически, что краснозобый дроздъ «въ Сибирь... не идетъ далѣе самыхъ южныхъ окраинъ центральныхъ ея частей», все же въ описываемой коллекціи экз. несомнѣнно этого вида—изъ области верхней Лены.

нѣе 2-го и на 140 мм. длиннѣе 1-го. Первый абортивный махъ свободенъ лишь на 59 мм. Такимъ образомъ, формула крыла $5 > 4 > 6 > 7 > 3 > 8 > 9 > 2 > 1 >$.

Извѣстно, что С. А. Бутурлинъ выдѣлилъ желну Якутской обл. въ 1908 г. подъ названіемъ *Pikus jakutorum*, первоначально описавъ ее лишь словами «*breitschnäblige Form von P. martius*» (journ. f. Ornith. 5. 284). Затѣмъ онъ дополнительно въ письмѣ д-ру *Hartert'y*, кромѣ указаннаго признака, отмѣчаетъ большую густоту оперенія основанія клюва и плюсны, какъ отличительные признаки этого подвида.

Сравнивъ нашъ экз. съ семью взрослыми самцами изъ окрестностей Томска (отъ 30/i 93, 25/ii 93—пять экз., 15/ix 98) и однимъ изъ сборовъ д-ра С. М. Чугунова на Обь-Енисейскомъ каналѣ отъ іюня 1908 года, хранящимися въ Зоологич. Музеѣ Томскаго Университета, которые по мѣсту нахождения должны считаться типичными *D. m. martius* (Linn.), я пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Длина клюва (отъ передняго края ноздрей) томскихъ экз. больше таковой какъ верхоленскаго (49 мм.), такъ и обь-енисейскаго экземпл. (49 мм.) на 2—5 мм. (эта длина томскихъ равняется 52; 53; 54; 51; 53,5; 54 и 54 мм.).

2) Наибольшая ширина клюва, т. е. разстояние между обѣими наиболѣе проксимальными точками надклювья томскихъ экз., только въ двухъ случаяхъ равнялась таковой верхоленскаго и обь-енисейскаго экземпляровъ (22 мм.), въ пяти же случаяхъ превышала таковую на 1 мм. (23 мм.).

3) Формула крыла томскихъ экземпляровъ подвержена значительнымъ колебаніямъ: въ одномъ случаѣ я нахожу такую же формулу, какъ у верхоленскаго экземпл., въ 3-хъ случаяхъ $5 > 4 = 6 > 7 > 3$, въ одномъ— $5 = 6 > 4 > 7 > 3$, въ одномъ— $> 6 > 5 > 4 > 7 > 3$ и въ одномъ случаѣ даже $> 4 > 5 > 3 > 6 > 7 > 2 > 8 > 9 > 1$ (отъ 15/iv). Формула крыла обь-енисейскаго экз. не могла быть установлена, такъ какъ концы маховъ обиты.

4) Длина сложенного крыла томскихъ экз. также подвержена значительнымъ колебаніямъ въ предѣлахъ отъ 239 до 255 мм. (239, 240, 247, 250, 251, 255 и 255 мм.). Длина крыла обь-енисейскаго экз. 250 мм.

5) Что касается густоты оперенія клюва у его основанія, то у томскихъ экз., взятыхъ зимою и осенью, она значительно превышаетъ таковую верхоленскаго апрѣльскаго экз., который въ этомъ отношеніи не уступаетъ лишь объ-енисейскому іюньскому экз., чрезвычайно слабо оперенному въ этой области. Но различная густота оперенія какъ основанія клюва, прикрывающаго ноздри, такъ и плюсны, мѣняющаяся въ зависимости отъ времени года, по моему мнѣнію, представляетъ лишь несомнѣнное приспособленіе къ перенесенію холода, а потому не удивительно, что зимніе экз. вообще отличаются бѣльшей оперенностью этихъ частей *). Усматривать въ этомъ отличіи однихъ экз. отъ другихъ признаковъ, на которомъ базируется установленіе подвидовъ, врядъ ли возможно.

Но еще до С. А. Бутурлина отъ типичнаго *D. m. m.* былъ отдѣленъ въ качествѣ подвида въ 1906 г. *Dryocopus martius reichenovi* Kothe (Ornith. Monatsber. 1906 p. 95) на основаніи одного (!) самца—желны изъ бассейна р. Уссури. По мнѣнію К. Kothe, установившаго эту форму, уссурійская желна отличается отъ линнеевской болѣе значительными размѣрами вообще и своеобразнымъ строеніемъ клюва, не постепенно суживающагося отъ основанія къ вершинѣ, а на разстояніи около 14 мм. отъ вершины внезапно значительно болѣе рѣзко заостряющагося въ видѣ клина. Но и этому послѣднему признаку нельзя придавать большого значенія, такъ какъ среди томскихъ экз. встрѣчаются и такіе, которые по формѣ клюва вполне подходятъ подъ описаніе, данное Kothe.

Резюмируя изложенное, я прихожу къ выводу, что существованіе формы *D. m. jakutorum* весьма проблематично, и что, если существуетъ восточная раса желны, отличающаяся отъ западной большими размѣрами, то область распространенія ея начинается въ центральной Сибири, и по общепринятымъ правиламъ ее надо называть *D. m. reichenovi* Kothe.

17. *Dendrocopus major brevirostris* (Reichenb 1854) (= *sibiricus* Buturl 1910).

Большой сибирскій пестрый дятель представленъ въ коллекціи однимъ молодымъ экз. (sex. ?) отъ 14/ix 1900, изъ села Залогъ Верхоленскаго уѣзда.

*) Это справедливо не только для желны, но и для другихъ дятловъ напр. трехпалаго.

18. *Picoides tridactylus ericsoleukos* (Bonap. 1854)

Въ коллекціи одинъ самецъ восточно-сибирскаго трехпалаго дятла изъ окрестностей с. Залогъ отъ 9/ix 1900. Длина крыла 125 мм.

Cuculiformes.

19. *Cuculus canorus telephonus* Heine 1863.

(*C. johanseni* Tschusi apud Buturlin j. f. Ornith 1908. S. 283)

Два экз. коллекціи добыты близъ с. Витима Киренскаго у. 7/vi 1901 (♀) и близъ с. Залогъ Верхоленскаго уѣзда 30/vi 1906 (♂).. Длина крыла первой кукушки 218—220 мм., второго же экз. 242 мм., т. е. болѣе показанной у Hartert'a предѣльной величины.

Accipitriformes.

20. *Cerchneis tinnunculus* (Linn. 1758).

Обыкновенная пустельга представлена въ коллекціи самцомъ отъ 5/vi 1901, изъ с. Залогъ Верхоленскаго уѣзда. «Ноги, восковица, вѣки желтыя».

Это ♂ во второмъ перѣ: голова рыжевато-пепельная съ черными наствольными черточками. Длина сложенного крыла 252, хвоста отъ железы 175, хорда клюва отъ восковицы 14 мм. Когти черные.

21. *Erythropus vespertinus obscurus* (Tschusi 1904).

Въ коллекціи одинъ экз. самца въ переходномъ нарядѣ отъ 25/v 1906, изъ окр. с. Залогъ Верхоленскаго у. Кобчикъ въ указанной разновидности достигаетъ восточнаго предѣла своего распространения какъ-разъ въ мѣстности, гдѣ производили свои орнитологическіе сборы М. С. и А. С. Сапожниковы.

На востокъ отъ Байкала гнѣздится уже другой кобчикъ (*amurensis* Radde 1863). «Ноги, восковица и кольцо вокругъ глазъ желтыя». Измѣренія: длина сложенного крыла 238, хвоста отъ железы 133; хорда клюва отъ восковицы 13 мм. На затылкѣ слѣды рыжихъ пятенъ; преобладающая окраска перьевъ зоба и груди рыжая, брюха—сѣрая, всюду съ черными стволами и пятнышками на кончикахъ. Въ хвостѣ 2-ое, 3-е и 4-ое рулевые съ края съ поперечными полосами, а наружныя и среднія рулевые черносизыя съ поперечной черной полосой близъ вершины, не на всѣхъ, впрочемъ, выраженной.

Сравненъ съ 4-мя экз. приблизительно одинаковаго возраста изъ Барабинской степи, Томскаго уѣзда, Алтая и Канскаго уѣзда Енисейской губ.

22. *Hypotrionchis subbuteo irkutensis* (subsp. nova).

Единственный чеглокъ описываемой коллекціи взрослая самка, взятая въ Киренскомъ у. близъ с. Омолой 14/v 1901. «Ноги, вѣйки и восковица желтыя, клювъ сѣро-черный, глаза каріе».

Длина сложенного крыла нашего экз. 280—282 мм., длина хвоста (отъ железы) 143 мм. Окраска головы темнѣе, чѣмъ у 8 чеглоковъ изъ различныхъ мѣстностей Томской губ., но на основаніи одного лишь этого признака я не рѣшаюсь отнести нашъ экз. къ установленной С. А. Бутурлинымъ формѣ *jaku-tensis* (1910), которая характеризуется черезчуръ ужъ кратко какъ «темная форма *F. subbuteo* L.». Такъ какъ окрасъ остальной верхней стороны иркутскаго экз. не темнѣе томскихъ экз., то иркутскіе чеглоки являются переходной формой отъ западно-сибирскихъ къ якутскимъ, и ихъ слѣдуетъ выдѣлить въ качествѣ особаго подвида, для котораго я предлагаю названіе *irkutensis*.

Внимательный осмотръ нашего экз. ознакомилъ меня еще съ одною особенностью окраски чеглока, которая не упоминается во всѣхъ доступныхъ мнѣ описаніяхъ этой птицы. А именно, М. А. Мензбиръ *), Н. Е. Dresser, Е. Hartert, а также и О. v. Riesenthal въ нов. изданіи Naumann'a, не упоминаютъ о томъ, что первое маховое можетъ быть и лишено рыжихъ поперечныхъ пятенъ на внутреннемъ опахалѣ. У экз. описываемой коллекціи эта поперечная пятнистость начинается лишь со 2-го маха, а на 1-мъ отъ нея остался лишь слабый налетъ въ видѣ неправильныхъ пятнышекъ приблизительно на срединѣ пера. Этой особенности я не придаю значенія при описаніи подвида *irkutensis*, такъ какъ она еще болѣе рѣзко выражена у одной туркестанской самки чеглока изъ коллекціи генерала Г. А. Колпаковскаго, принадлежащей къ подвиду *centralasiae* (Buturl 1911). Повидимому, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ возрастными измѣненіями, и у очень старыхъ экземпляровъ поперечная пятнистость крыла, а въ меньшей степени и рулевыхъ, въ значительной степени слабѣетъ.

*) Птицы Россіи и Ornithologie du Turkestan.

23. *Circus cyaneus taissiae* Buturlin 1908.

Къ этому подвиду отношу молодого полевого луня (♂?) изъ с. Залогъ, Верхоленскаго у. отъ 23/viii 1901. «Восковица и ноги желтыя, клювъ черный, глаза каріе».

Длина крыла 378, хвоста отъ железы 255, плюсны 76, клюва по хордѣ отъ восковицы 19, средняго пальца безъ когтя 34, хорда когтя средняго пальца 17 мм.

24. *Buteo plumipes* Hodgson 1845.

Въ коллекціи одна самка голоногаго японскаго сарыча отъ 17/iv 1901, изъ с. Залогъ Верхоленскаго у. Въ приложенномъ къ коллекціи спискѣ значитъ, что «ноги и восковица были желтыя, глаза каріе».

Измѣренія: длина крыла 399, хвоста отъ железы 236, плюсны 74, средняго пальца безъ когтя 39, длина когтя по хордѣ 19, клюва по хордѣ отъ восковицы 24. Голая часть плюсны отъ основанія средняго пальца до конца перьевъ спереди 32, до ихъ корней (по срединѣ плюсны) 41, до корней перьевъ по внутренней сторонѣ плюсны 36, до корней перьевъ по наружной сторонѣ плюсны 49 мм.

Опереніе свѣтлое; на нижней сторонѣ, вообще бѣлой, зобъ и передняя часть груди съ широкими и узкими буровато-рыжими наствольными пятнами, снабженными перехватомъ. Бока брюха густо-рыжи со свѣтлыми поперечными пятнами, переходящими по срединѣ брюха въ поперечныя рѣдкія рыжеватобурыя пятна. Подхвостье бѣлое со слабымъ охристымъ налетомъ. На верхней сторонѣ рулевыхъ между темными поперечными полосами близъ ствола выступаетъ и рыжій цвѣтъ.

Columbiformes.

25. *Turtur orientalis* (Latham 1790).

Горлица восточно-сибирская представлена въ коллекціи шкуркою ♂, убитаго близъ с. Залогъ Верхоленскаго уѣзда 11/vi. «Клювъ сѣро-черный, ноги и вѣки фіолетовыя».

Длина клюва отъ лобнаго оперенія 191, длина крыла 207 мм.

26. *Columba (livia) domestica* Linn. 1758.

Въ коллекціи самка домашняго голубя изъ с. Залогъ Верхоленскаго уѣзда отъ 22/iv 1901. Задняя часть спинки бѣлая.

Что представляет собою «*Columba lenensis* Buturiin 1908» (journ. f. Ornith. p. 292), я не могъ выяснить. (повидимому, «*pomen nudum*»).

Galliformes.

27. *Tetrao urogallus laczanowskii* (Stejn. 1885).

Бѣлоносый глухарь представленъ въ коллекціи самцомъ отъ 29/ix 1900 и самкою («пеструхою») отъ 4/viii 1901, причемъ первый убитъ близъ дер. Дудовки, а вторая близъ с. Залогъ Верхоленскаго у.

Длина крыла самки 30,6 см.

Длина крыла самца 39,0 см., его хвоста (отъ железы) 32,5; разница въ длинѣ рулей 7,8; длина клюва отъ передняго края ноздрей 3,7; ширина клюва у боковъ нижней челюсти у конца оперенія 3,0; ширина клюва у ноздрей у концовъ оперенія 2,4 см.

28. *Lyrurus tetrix tetrix* (Linn. 1758) (*nec viridanus nec tschusii*).

Тетеревъ—косачъ представленъ въ коллекціи самцомъ въ первомъ осеннемъ нарядѣ отъ 26/ix 1900, самкою отъ 20/ix 1900 (обѣ птицы изъ с. Залогъ) и молодымъ тетеревомъ, уже значительно почернѣвшимъ изъ дер. Дурутуй (Верхоленскаго у.) отъ 13/viii 1906. У послѣдняго лишь голова, шея и нѣкоторыя перья на верхней и нижней сторонахъ еще рыжи. Синій оттѣнокъ перьевъ самца безъ какихъ бы то ни было слѣдовъ зеленоватаго, а также отсутствіе корневой бѣлизны на рулевыхъ у самца и самки позволяютъ признать въ нихъ лишь типичную форму.

29. *Tetrastes bonasia* (Linn. 1758).

Въ коллекціи два рябчика, добытые близъ с. Бирюлька 29 и 30/ix 1900, въ Верхоленскомъ у.

30. *Perdix davurica* (Pall. 1811).

Бородатая сѣрая куропатка представлена въ коллекціи самцомъ отъ 3/x 1900, изъ окр. с. Залогъ Верхоленск. у.

Strigiformes.

31. *Cryptoglaux tengmalmi jakutorum* (Buturl. 1908 *).

Въ коллекціи одинъ экз. (безъ опредѣленія пола) мохно-

*) Въ «Матер. по птиц. Енисейск. губ. (1911 г.) С. А. Бутурлинъ, повидимому, уже забылъ первоначально данное имъ названіе этой совы, такъ какъ (стр. 166) говоритъ о «*jakutensis*».

ногаго сыча изъ с. Бирюлька Верхоленскаго у. отъ 29/ix 1900. Длина крыла 180 мм. (т. е. больше, чѣмъ показано у *Hartert'a* для этой формы), длина клюва отъ передняго края ноздрей до вершины 12 мм.

Плохое состояніе шкурки не позволяетъ судить о степени развитія бѣлаго цвѣта на зашейкѣ и мантии.

32. *Syrnium uralense nikolskii* Buturl. 1907 *).

Къ этому подвиду отношу единственный экз. длиннохвостой неясыти, добытой въ апрѣлѣ 1901 г. близъ с. Залогъ Верхоленскаго у. Этотъ экз. былъ при вскрытіи опредѣленъ самкою. «Клювъ желтый, радужина бурая». Длина сложеннаго крыла 335 мм.

Отличается отъ томскихъ экз. меньшей длиною крыла (у томскихъ экз. моей колл. я нахожу 347, 348 и 342) и общей, болѣе темной окраской. А именно, основной тонъ не столь бѣлый, какъ у томскихъ; пятна отличаются болѣе бурымъ оттѣнкомъ; величина самихъ пятенъ больше, и закрываютъ они большія пространства, напр. на верхнихъ кроющихъ плеча и на головѣ; опереніе ногъ болѣе темное, чѣмъ у томскихъ.

По А. Я. Тугаринову и С. А. Бутурлину (l. с. 1911, стр. 159) сова уральская «неизвѣстна ни изъ Камчатки ни изъ бассейна Лены **), о чемъ С. А. Бутурлинъ слишкомъ уже поторопился извѣстить письмомъ д-ра *Hartert'a*. (Ср. Vogel. pal. Fauna стр. 1020).

33. *Surnia ulula pallasii* Buturl. 1907.

Въ коллекціи одинъ экз. сибирской ястребиной совы изъ окр. с. Залогъ Верхоленскаго у. отъ 30 сент. 1900 г. Полъ не былъ опредѣленъ.

Ardeiformes.

34. *Botaurus stellaris orientalis* Buturl. 1908.

Къ этому подвиду принадлежитъ самка выпи, добытая близъ с. Залогъ Верхоленскаго у. 26/iv 1901.

*) Д-ръ *Nartert* (Vög. pal. Fauna. S. 1020) указываетъ на 1907 г., какъ годъ появленія названія *nikolskii*, между тѣмъ какъ С. А. Бутурлинъ уже въ 1906 г. (Псовая и ружейная охота) говоритъ объ этой формѣ, какъ о названной имъ въ честь проф. А. М. Никольскаго. Когда и гдѣ появилось первое описаніе ея, мнѣ неизвѣстно.

**) Курсивъ мой. Г. I.

Длина клюва отъ лобнаго оперенія 66, отъ ноздрей 47, отъ угла рта 82 мм. Длина крыла 306, хвоста (отъ железы) 113, плюсны 95 мм.

Тянушіяся отъ основанія нижней половины клюва по бокамъ шеи полосы не *бураго* цвѣта, какъ у 3-хъ томскихъ экз. и у экземп., добытыхъ мною въ Кулундинской степи (Барнаульск. уѣзда) и въ степяхъ Акмолинской области, а почти *чернаго*. Эту особенность окраски я нахожу еще у экз. нашего музея сборовъ ген. Г. А. Колпаковского съ оз. Иссык-куль, гдѣ птица была добыта 5-го октября и представляетъ, вѣроятно, пролетный индивидъ. У трехъ томскихъ экз. нашего музея 3-ье маховое является длиннымъ, какъ и у экз. изъ Кулундинской степи и верхоленскаго, между тѣмъ какъ у акмолинскаго и иссык-кульскаго экз. 1-ое маховое самое длинное.

Charadriiformes.

35. *Numenius phaeopus variegatus* (Scop. 1786).

Въ коллекціи самка восточнаго средняго кроншнепа отъ 21/v 1901, добытая близъ с. Витима Киренскаго у.

Размѣры: клювъ (отъ начала лобнаго оперенія) 80 мм., длина крыла 248, длина хвоста (отъ железы) 106, длина плюсны 59 мм.

Имѣлъ возможность сравнить экз. описываемой коллекціи съ двумя экз. западной формы, убитыми подъ Томскомъ.

36. *Gallinago stenura* (Bonap. 1830).

Азіатскій бекасъ представленъ въ коллекціи шкуркою изъ окрестностей г. Иркутска; добытъ въ іюнѣ 1902 года; полъ не былъ опредѣленъ.

Размѣры: клювъ (отъ лобнаго оперенія) 64, длина крыла 132, длина хвоста (отъ железы) 47, длина плюсны 34 мм.

Узкихъ крайнихъ рулей по 7 съ каждой стороны.

37. *Totanus fuscus* (Linn. 1758).

Щеголь въ коллекціи въ одномъ экз., обозначенномъ самою, но мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ (по окраскѣ нижней стороны), что это самецъ. Птица добыта близъ оз. Очеуль 20/viii 1906, въ Верхоленскомъ у. «Ноги красныя, клювъ черный, нижняя часть его до половины отъ основанія красная».

Размѣры: клювъ (отъ лобнаго оперенія) 57, длина крыла 162, длина хвоста (отъ железы) 68, длина плюсны 57 мм.

Anseriformes.

38. *Anas boschas* (Linn. 1758).

Въ коллекціи двѣ кряквы, изъ которыхъ одна (самка) добыта 28/vii 1906, въ д. Дурутуй Верховенскаго у., а другая (селезень) 18 мая 1900, близъ г. Киренска.

39. *Spatula clypeata* (Linn. 1758).

Въ коллекціи одинъ соксунъ, добытый 20/viii 1900, близъ оз. Очеуль Верховенскаго у. (sex.?).

40. *Mareca penelope* (Linn. 1758).

Свѣязь представлена двумя экз., самцомъ отъ 14/viii 1906, съ оз. Очеуль, Верховенскаго у. и самкою, добытой близъ с. Витима, Киренскаго у. 2/vi 1901.

«Клювъ и ноги черные».

41. *Nettion crecca* (Linn. 1758).

Въ коллекціи три экз. широко распространеннаго полового чирка:

1) ♂ взрослый отъ 18/v 1900, изъ окр. г. Киренска.

2) ♀ изъ с. Залогъ Верховенскаго у. отъ 15/viii 1901 г.

3) ♀ изъ д. Дурутуй отъ 13/viii 1906 г.

Относительно второго экземпл. коллекторы отмѣтили, что клювъ и ноги были черные.

42. *Marila fuligula* (Linn. 1758).

Въ коллекціи экз. самца хохлатой чернети, взятый близъ г. Киренска 18/v 1901. «Ноги и клювъ чернаго цвѣта, глаза желтые».

Размѣры: длина клюва (отъ начала лобнаго оперенія по срединной линіи) 42, отъ угла рта 51, наибольшая ширина клюва 23, длина ноготка 8,5, ширина его 8 мм. Длина крыла 207 мм.

Бока головы фіолетово-пурпуровые. Длинный хохолокъ.

О дѣятельности Д. А. Клеменца въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Дѣятельное участіе Д. А. Клеменца въ работахъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества началось съ 1890 года, почти тотчасъ же по пріѣздѣ его въ г. Иркутскъ. Сношенія его съ Отдѣломъ начались ранѣе, и нѣкоторыя свои экскурсіи, въ предѣлахъ Енисейской губерніи, Д. А. Клеменцъ совершилъ по прямому порученію Отдѣла, или находясь съ послѣднимъ въ опредѣленныхъ обязательствахъ. Въ 1889 году Д. А. Клеменцомъ были доставлены, на примѣръ, въ музей Отдѣла геологическія, ботаническія и этнографическія коллекціи, собранныя въ Енисейской губерніи. Д. А. былъ приглашенъ для занятій въ Отдѣлѣ, какъ лицо, достаточно уже себя зарекомендовавшее въ области изученія Енисейской губерніи и сопредѣльной съ нею Монголіи. И нужно замѣтить, что Д. А. прибылъ въ Иркутскъ въ началѣ 1890 года, принявши уже отъ Отдѣла предложеніе: отправиться лѣтомъ этого года въ этнографическую экскурсію къ Забайкальскимъ бурятамъ.*) Въ засѣданіи Распорядительнаго Комитета, 6 марта 1890 г., Д. А. былъ внесенъ безъ избранія въ списокъ членовъ Отдѣла, и ему было предложено начать съ ближайшихъ же дней объясненія коллекцій музея, во время посѣщенія его публикою; въ то же время Д. А. долженъ былъ подготовляться къ бурятской этнографической экскурсіи. Въ засѣданіи Комитета, 17 апрѣля 1890 г., Д. А. заявилъ, что имъ выработана уже программа его будущихъ занятій, и что лѣто 1890 г. онъ намѣренъ

*) Д. А. Клеменцъ прибылъ въ Иркутскъ, вѣроятно, въ концѣ января 1890 г. такъ какъ въ засѣданіи Комитета 22 января 1890 г. была заслушана его телеграмма о скоромъ выѣздѣ Д. А. изъ Минусинска въ Иркутскъ. Въ засѣданіи этнографической секціи 27 февраля, онъ уже прочиталъ свой докладъ о сойотахъ.

употребить только на предварительное ознакомленіе съ бытомъ бурятъ и съ бурятскимъ языкомъ и на приобрѣтеніе необходимыхъ знакомствъ съ выдающимися лицами изъ бурятскаго народа. Для этой цѣли онъ разсчитываетъ провести пока нѣсколько мѣсяцевъ среди хоринскихъ и селенгинскихъ бурятъ, не дѣлая большихъ развѣдокъ. Въ этомъ же засѣданіи Д. А. было предложено временно замѣстить должность правителя дѣлъ, въ виду предполагавшагося отъѣзда Г. Н. Потанина въ столицу. Выбранный временно правителемъ дѣлъ, Д. А. затѣмъ былъ утвержденъ въ этой должности на слѣдующее четырехлѣтіе общимъ собраніемъ членовъ Отдѣла въ концѣ 1890 года.

1-го іюня этого года общее собраніе членовъ Отдѣла выслушало докладъ Д. А. о задачахъ этнографическаго изслѣдованія бурятъ, а 10-го іюня Д. А. уже отправился за Байкаль.

Въ этомъ своемъ путешествіи Д. А. остановился сначала въ Селенгинскѣ, затѣмъ производилъ наблюденія въ Хоринскомъ вѣдомствѣ и конецъ іюля мѣсяца и начало августа провелъ на устьѣ р. Селенги среди кударинскихъ бурятъ.

Собранный имъ за это путешествіе матеріалъ заключался въ слѣдующемъ: были произведены антропометрическія измѣренія надъ 37 субъектами; записано нѣсколько десятковъ пословицъ, загадокъ, шаманскихъ молитвъ; собраны матеріалы для характеристики внѣшняго быта бурятъ, изъ архивовъ степныхъ думъ были извлечены свѣдѣнія объ историческомъ развитіи власти Бандидо-Хамбо-ламы и о поземельныхъ отношеніяхъ среди бурятъ. Однимъ изъ интересныхъ свѣдѣній, которыя удалось получить Д. А.,—это было извѣстіе о потомкахъ тангутовъ, переселившихся, вѣроятно, въ началѣ XVIII вѣка въ Забайкальскую область и слившихся затѣмъ съ бурятами, образовавъ особое небольшое племя Тангутъ-Харганатъ. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ, Д. А. прочиталъ на общемъ собраніи членовъ Отдѣла, 16 ноября 1890 г. докладъ о свадебныхъ обрядахъ у бурятъ Хоринскаго вѣдомства.

Въ томъ же 1890 г. Д. А. Клеменцъ успѣлъ совершить поѣздку въ Минусинскій уѣздъ, гдѣ, по порученію Археологической Комиссіи, произвелъ раскопку могильника Чаатасъ. Главнѣйшія свѣдѣнія объ этой раскопкѣ были помѣщены Д. А. въ отчетѣ Отдѣла за 1890 годъ.

Такъ энергично началъ Д. А. свою дѣятельность въ Отдѣлѣ, и съ такою же энергіею продолжалъ ее и далѣе.

На лѣтнее время онъ обычно временно слагалъ съ себя обязанности правителя дѣлъ, отправляясь въ экспедиціи. Возвращаясь къ зимѣ, онъ принимался за разборку матеріаловъ, вывезенныхъ изъ экспедиціи, и въ то же время долженъ былъ обращаться къ перепискѣ Отдѣла, которой накоплялось, конечно, много, возобновлять свою личную ученую переписку, готовить матеріалы для годовой отчетности Отдѣла, готовиться къ докладамъ и т. д.

Въ этой сутолокѣ дѣлъ Д. А. Клеменцъ не могъ уже удѣлить достаточно времени для того, чтобы заняться научною разработкою добытыхъ собственными изслѣдованіями матеріаловъ. Приходила зима, и Д. А. долженъ былъ готовиться къ новой экспедиціи въ Монголію.

Лѣто 1891 г. Д. А. провелъ въ извѣстной Орхонской экспедиціи В. В. Радлова, лѣто какъ 1892 г. такъ и 1893 г.—въ самостоятельныхъ экспедиціяхъ по Монголіи, совершенныхъ по порученію Академіи Наукъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1893 г. Д. А. совершилъ, по порученію Отдѣла, поѣздку въ Якутскъ, чтобы на мѣстѣ организовать такъ называемую Сибиряковскую экспедицію.

Въ 1894 г. Д. А. покинулъ Иркутскъ, перебравшись въ Ургу, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилъ свое непосредственное участіе, какъ правителя дѣлъ, въ работахъ Отдѣла.

27 марта 1894 года Распорядительный Комитетъ и члены Отдѣла, по поводу отъѣзда Д. А. Клеменца изъ Иркутска, устроили въ честь отъѣзжающаго прощальный обѣдъ. На этомъ скромномъ чествованіи, Д. А. былъ поднесенъ отъ Комитета подарокъ: золотые часы, съ соотвѣтствующею надписью. Предсѣдатель Отдѣла, В. П. Сукачевъ въ своей рѣчи на этомъ чествованіи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Позволю себѣ выразить отъ мѣстнаго Отдѣла Географическаго Общества глубоко любимому и уважаемому Дмитрію Александровичу нашу искреннюю признательность за его высокоталантливую и полезную дѣятельность въ качествѣ правителя дѣлъ. Д. А. умѣлъ вносить во всѣ свои работы не только полное и всестороннее знаніе дѣла, но и образцовое умѣнье справляться съ нимъ и проводить его въ жизнь. Много потребовалось бы времени для перечня всѣхъ заслугъ Д. А. въ этомъ направленіи, да не за столомъ и мѣсто

такому перечню. Я не могу не вспомнить одной превосходнѣйшей работы Д. А.,—составленнаго имъ отчета о 40 лѣтней дѣятельности Отдѣла. Въ продолженіи двухъ часовъ я съ истиннымъ наслажденіемъ слушалъ чтеніе отчета и только отъ души пожалѣлъ, что оно такъ скоро окончилось. Въ исторіи дѣятельности нашего Отдѣла работы Д. А. оставили, несомнѣнно, глубокий слѣдъ, а въ связи съ его высоко-симпатичными чертами, какъ человека,—и въ нашихъ сердцахъ. И, питая къ Д. А. самыя теплыя и сердечныя чувства, мы навсегда сохранимъ о немъ самую лучшую память“ *).

Какъ правитель дѣлъ, Д. А. Клеменцъ представлялъ изъ себя, послѣ отъѣзда Г. Н. Потанина, центральное лицо въ Отдѣлѣ, руководя, поскольку это позволяли ему время и силы, всею дѣятельностью мѣстнаго единственнаго научнаго учрежденія.

Онъ съ чрезвычайною внимательностью и заботливостью относился къ мѣстнымъ научнымъ силамъ и, по возможности, старался, завязавши съ ними сношенія, не прерывать таковыхъ и не переставалъ слѣдить за успѣхами изученія Восточной Сибири вообще.

Въ этомъ смыслѣ, весьма показателенъ, напримѣръ, составленный Д. А. отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1891 годъ. Здѣсь приведены свѣдѣнія не только о тѣхъ научныхъ предпріятіяхъ, которыя были совершены по почину и на средства Отдѣла, но и о той научной работѣ отдѣльныхъ членовъ Отдѣла, которая была выполнена послѣдними на свои или постороннія для Отдѣла средства; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же отчетъ Д. А. Клеменца даетъ и краткій очеркъ научныхъ предпріятій въ Восточной Сибири вообще.

Вслѣдствіе этого, отчетъ этотъ уже превращается въ небольшую, но цѣнную страницу культурной исторіи В. Сибири.

Съ такою же серьезностью къ дѣлу и взятой на себя задачѣ, Д. А. читалъ свои интересные доклады на общихъ собраніяхъ членовъ Отдѣла и на собраніяхъ его отдѣленій, и приносилъ свои рѣчи при торжественныхъ или, наоборотъ, скорбныхъ случаяхъ въ жизни Отдѣла.

*) См. «Восточное Обозрѣніе», 1894 г. № 40.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать и на большія организаторскія способности Д. А., и, быть можетъ, эти способности его нигдѣ не проявлялись такъ ярко, какъ въ организаціи извѣстной Сибиряковской экспедиціи.

По порученію Отдѣла, Д. А. Клеменцъ совершалъ двѣ экспедиціи: одну въ 1888 г. въ Ачинскій и Канскій округа Енисейской губерніи, другую въ 1890 г. въ Забайкальскую область для изученія быта бурятъ. *) Остальныя экспедиціи за то время, когда Д. А. близко стоялъ къ дѣятельности Отдѣла, онъ совершалъ по порученію другихъ ученыхъ учреждений, главнымъ образомъ, Академіи Наукъ. Въ промежутки между поѣздками, Д. А. Клеменцъ не разъ выступалъ съ докладами и сообщеніями какъ на общихъ собраніяхъ Отдѣла, такъ и на засѣданіяхъ его отдѣленій. Всѣхъ докладовъ было прочитано Д. А. пять.

Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи 27 февраля 1890 г. Д. А. прочелъ докладъ о сойотахъ. Въ этомъ своемъ докладѣ Д. А. познакомилъ публику съ сойотами долины верхняго Енисея. Изложивъ историческія свѣдѣнія, отмѣтивъ, у какихъ путешественниковъ можно что-либо найти о сойотахъ, докладчикъ далъ подробную характеристику этого народа и коснулся затѣмъ торговыхъ сношеній русскихъ съ сойотами. **) На общемъ собраніи членовъ Отдѣла 1 іюня 1890 г. Д. А. прочелъ докладъ о задачахъ этнографическаго изслѣдованія бурятъ. ***)

Въ томъ же 1890 г., на общемъ собраніи членовъ Отдѣла 16 ноября, Д. А. прочелъ свой третій докладъ «о свадебныхъ обрядахъ у Забайкальскихъ бурятъ», составленный имъ уже на основаніи личныхъ наблюденій, во время поѣздки въ Забайкальскую область. Докладъ этотъ былъ Д. А. написанъ, но, къ сожалѣнію, въ трудахъ Отдѣла онъ напечатанъ почему-то не былъ. Краткое изложеніе доклада помѣщено въ XXII-мъ томѣ „Извѣстій“ Отдѣла, № 1-мъ.

Въ слѣдующемъ 1891 г., въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, 14 марта этого года, Д. А. прочиталъ свой докладъ „о дикихъ людяхъ Челюгдяхъ.“ Докладъ этотъ былъ вызванъ появленіемъ въ печати труда Д. Н. Анучина, представляющаго разборъ

*) О первой экспедиціи см. выше ст. В. А. Обручева.

**) Изложеніе доклада см. въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1890 г., №№ 10 и 11.

***) См. „Извѣстія“ Отдѣла, т. XXI, № 2.

древне-русскаго сказанія «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной сторонѣ.» Въ этомъ интересномъ докладѣ, Д. А. расширилъ весьма значительно районъ, гдѣ можно встрѣтить этотъ миѳъ. Изъ доклада оказалось, что и въ Вилуйскѣ встрѣчается преданіе объ одноногихъ людяхъ. И самимъ Клеменцомъ было записано въ южной части Енисейской губерніи сказаніе о походѣ царя Моготона за хребетъ и о встрѣчѣ его съ одноногимъ человѣкомъ.*)

Въ засѣданіи отдѣленія физической географіи 19 марта 1892 г. Д. А. прочелъ докладъ: «Наши свѣдѣнія о минеральныхъ озерахъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ Енисейской губерніи».

На торжественномъ собраніи членовъ Отдѣла 17 ноября 1891 г., по случаю освященія новыхъ залъ музея, Д. А. Клеменць произнесъ блестящую рѣчь, въ которой далъ, въ умѣло сжатой формѣ, выразительный очеркъ сорокалѣтней дѣятельности Отдѣла. Въ заключительной своей части, эта рѣчь содержала въ себѣ бодрящій призывъ, обращенный къ мѣстнымъ скромнымъ дѣтелямъ науки.

— „Въ дальней Сибири“ сказалъ Д. А., сгруппировалась кучка людей для служенія отечеству на почвѣ науки. Маленькій кружокъ, съ маленькими средствами,—единственный центръ умственной жизни на всю необъятную Сибирь. Не смущаясь громадностью задачи, новое общество работаетъ, какъ умѣетъ, добрые люди, представители власти, столичные центры русской науки одобряютъ его, помогаютъ одинокому работнику. Проходитъ десятокъ лѣтъ, въ томъ-же Иркутскѣ основывается общество врачей, затѣмъ техническое общество. Потомъ возникаетъ у него товарищъ—Западно-Сибирскій Отдѣлъ. Скромна по прежнему работа Отдѣла, большинство членовъ его состоитъ не изъ присяжныхъ ученыхъ—спеціалистовъ, а только изъ образованныхъ людей, любящихъ науку; но положеніе его измѣняется. Онъ видитъ около себя уже товарищей, значитъ, на подобную работу есть запросъ, она нужна, есть и охотники на нее. Благодаря этому, необъятная работа изученія Сибири облегчается. Дальше, больше—на крайнемъ востокѣ основывается общество для изученія Амурскаго края, наконецъ, въ Томскѣ создается университетъ, разсадникъ будущихъ работниковъ и новый кон-

*) См. «Вост. Обзоріе», 1891 г. № 13.

тингентъ силъ, стоящихъ на высотѣ современной науки, явившихся сюда во имя ея. Раньше появленія университета начинается въ Сибири возникать новое явленіе, живой свидѣтель развитія умственныхъ силъ страны: въ разныхъ уединенныхъ уголкахъ Сибири обнаруживается потребность изученія окружающаго, проявляется потребность и желаніе хоть чѣмъ-нибудь, хоть трудомъ чернорабочаго, помочь изученію края. Въ Минусинскѣ, Семипалатинскѣ, Красноярскѣ, Нерчинскѣ, Енисейскѣ, Тобольскѣ, даже маленькомъ Ачинскѣ возникаютъ мѣстные музеи, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., минусинскій, тобольскій и нерчинскій, уже заявили о себѣ, какъ объ учрежденіяхъ, способныхъ работать для науки, заинтересовали собой ученый міръ.

Теперь мы имѣемъ много товарищей по работѣ въ Сибири. Задача, лежавшая прежде на одномъ нашемъ Отдѣлѣ, раздѣлилась и стала удобоисполнимѣе. Кромѣ того, ростъ мѣстныхъ ученыхъ и учебныхъ учреждений, возникшихъ исключительно при помощи мѣстныхъ силъ, ясно говоритъ и намъ—ваша работа нужна для страны; тамъ, гдѣ раньше были одинокіе, единичные дѣятели, куда рѣдко и проникало вліяніе Отдѣла, сами собою, въ силу потребностей жизни, создались очаги научной дѣятельности. Это доказываетъ намъ еще разъ, что, значить, мы служимъ дѣлу жизненному, что будущность Сибири обезпечена. Намъ, милостивые государи, стало-быть, остается итти тѣмъ путемъ, которымъ мы шли, свято чтить память нашихъ предшественниковъ и стараться быть достойными служителями ввѣреннаго намъ дѣла“.

Этотъ свой взглядъ на дѣятельность мѣстныхъ учреждений Д. А. не переставалъ проводить въ своей дѣятельности и какъ правителя дѣлъ Отдѣла и какъ публициста и сотрудника сибирскихъ газетъ. По дорогѣ изъ Монголіи въ Иркутскъ, 8 октября 1892 г. Д. А. не приминулъ прочесть въ Кяхтѣ публичную лекцію на тему: «мѣстные музеи и ихъ значеніе въ провинціальной жизни». Лекція эта произвела огромное впечатлѣніе на слушателей, и вызвала среди присутствовавшихъ на лекціи представителей г. Троицкосавска мысль приступить къ скорѣйшему же учрежденію въ этомъ городѣ музея.*)

Помимо докладовъ и лекцій, Д. А. сообщилъ о результатахъ своихъ ученыхъ наблюденій и изслѣдованій и на страни-

*) См. корресп. изъ Кяхты. Вост. Обозр. 1892 г. № 44.

цахъ „извѣстій“ Отдѣла. Имъ были напечатаны здѣсь слѣдующія работы: «Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа. Матеріалы для изученія міросозерцанія сибирскаго сельскаго населенія» (Изв. 1888 г. томъ XIX, № 3); «Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа» (тамъ же, 1889 г., т. XX, № 1); „Новый путь изъ Минусинскаго округа на Бирюсинскіе золотые промысла“ (тамъ же, 1890 г., т. XXI, № 1.) «Нѣсколько образцовъ бубновъ Минусинскихъ инородцевъ» (Записки по этнографіи, 1890 г., т. II, вып. 2.); „Соленыя озера Минусинскаго и Ачинскаго округовъ и девонскія отложенія на верхнемъ Енисеѣ“ (Извѣстія, 1892 г., т. XXIII, № 3); «Замѣтка о Тюсяхъ» (тамъ же, 1892 г., т. XXIII, № 4—5); «Замѣтка о потухшихъ вулканахъ на Хангаѣ» (тамъ же, 1897 г., XXVIII, № 2.).

Перу же Д. А. принадлежатъ и рядъ рецензій, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла за 1890 г.

Заканчивая свой бѣглый очеркъ о дѣятельности Д. А. Клеменца въ Вост. Сиб. Отдѣлѣ И. Р. Географическаго Общества, мы не можемъ не указать, что ближайшимъ помощникомъ Д. А. въ его научной дѣятельности и по работѣ въ отдѣлѣ была его жена, Елизавета Николаевна, состоявшая дѣйствительнымъ членомъ Отдѣла. Ея работы, напримѣръ, по разборкѣ и регистраціи гербарія музея оказали въ свое время большую услугу Отдѣлу.

Ниже печатаемыя письма Д. А. Клеменца къ другимъ лицамъ и письма къ нему, извлеченныя нами изъ архива Отдѣла, съ достаточною полнотою, быть можетъ, обрисуютъ намъ обликъ этого замѣчательнаго человѣка въ ту пору его жизни, когда онъ такъ или иначе близко стоялъ къ работѣ Отдѣла.

Надѣмся, что письма эти дадутъ нѣкоторый матеріалъ и для біографіи Д. А. Клеменца и для исторіи Отдѣла. Считаемо не лишнимъ замѣтить здѣсь, что не на всѣхъ копіяхъ писемъ Д. А., которыя хранятся въ архивѣ Отдѣла, имѣются указанія адресатовъ. Послѣднихъ пришлось въ большинствѣ случаевъ опредѣлить намъ самимъ, руководствуясь обращеніями въ письмахъ и общимъ содержаніемъ послѣднихъ.

И. Серебрянниковъ.

Изъ учевой переписки Д. А. Клеменца.

Письмо Д. А. Клеменца къ Г. Н. Потанину.

Милостивый Государь,
Григорій Николаевичъ.

Предложеніе Ваше составить программу изслѣдованія бурятскаго народа въ религіозномъ и экономическомъ отношеніи повергло меня въ крайнее смущеніе: составить такую программу могъ бы только человѣкъ, уже предварительно знакомый съ предметомъ,—я же никогда бурятскимъ вопросомъ не занимался. Для изслѣдованія религіознаго міросозерцанія бурятъ необходимо основательное знакомство съ буддизмомъ и его сектами. Вопросъ этотъ имѣетъ обширнѣйшую литературу, съ которой я знакомъ менѣе, чѣмъ поверхностно. Первою мыслью моею было отказаться отъ предложенной мнѣ чести составить программу; но, одумавшись, я рѣшилъ, что не имѣю права этого дѣлать. Въ тѣхъ сложныхъ и интересныхъ вопросахъ, которые предоставляетъ себѣ изслѣдовать Восточно-Сибирскій Отдѣлъ среди бурятъ, легко можно, при самомъ тщательномъ отношеніи къ дѣлу, впасть въ нѣкоторую односторонность, просмотрѣть нѣкоторыя мелочи, которыя могутъ оказаться существенными. Въ такихъ случаяхъ иногда случайный намекъ диллетанта можетъ, если не указать что-либо спеціалисту, то вызвать его на мысль объ извѣстномъ вопросѣ и рассмотреть его съ новой точки зрѣнія. Вотъ, въ силу этихъ соображеній, я и осмѣливаюсь предложить на усмотрѣніе Восточно-Сибирскаго Отдѣла рядъ вопросовъ о бурятахъ, подсказанныхъ мнѣ моими наблюденіями надъ другими сибирскими кочевниками и обитателями долинъ Кемчика и Улукема, урянхайцами.

Начну съ вопросовъ, касающихся религіознаго быта бурятъ. Прежде всего изслѣдователь столкнется среди бурятъ съ двумя религіозными міросозерцаніями—древнимъ, шаманизмомъ, и но-

вымъ, буддизмомъ. Любопытно собрать свѣдѣнія о томъ, какъ уживаются между собою обѣ эти религіи. Какъ относятся ламы къ шаманамъ? Преслѣдуютъ ли ихъ? Какіе приемы употребляютъ ламы въ своей анти шаманской пропагандѣ? Есть нѣкоторые указанія въ литературѣ, что вообще учителя буддизма относятся неблагоклонно къ представителямъ старой черной вѣры. Отрицательное отношеніе къ ней однако же не исключаетъ вліянія шаманства на буддизмъ. Въ высшей степени было бы важно поискать слѣдовъ обычаевъ и приемовъ шамановъ среди ламъ. Интересно также и обратное вліяніе, и вотъ одинъ изъ конкретныхъ случаевъ, гдѣ изслѣдователь, даже мало подготовленный къ дѣлу, можетъ найти указаніе на роль шамановъ и ламъ въ народѣ. Между ламами есть врачи, навѣрное, существуютъ и аптечки, подобныя тѣмъ, которыя существуютъ при куряхъ въ Монголіи. Въ какихъ случаяхъ буряты охотно прибѣгаютъ къ врачеванію хуврака и когда обращается къ шаману? Разговорившись съ инородцами на эту тему, можно добыться отъ нихъ любопытныхъ указаній. Съ точки зрѣнія взаимодействия двухъ міросозерцаній, въ высшей степени интересны тюлугуры или бубны бурятскихъ шамановъ. Если на лопарскомъ бубнѣ мы находимъ изображеніе Св. Павла, то на бурятскомъ легко можемъ встрѣтить Арьябало. Изученіе шаманства у бурятъ уже начато: мы помнимъ интересную статью Агапитова и Хангалова объ этомъ предметѣ, но, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какъ отнеслись къ ней наши знатоки сѣвера Азіи и воспользовались ли ей. Было бы очень жаль, если бы почтенные изслѣдователи остановились на этомъ первомъ опытѣ. Мы уже имѣемъ нѣкоторые весьма цѣнные матеріалы по изученію шаманства въ трудахъ изслѣдователей Сибири. Ознакомившись съ ними, изслѣдователь получитъ, кромѣ того, напутствованіе и инструкцію отъ Васъ, а потому я и считаю излишнимъ распространяться объ этомъ вопросѣ.

Съ буддизмомъ дѣло гораздо сложнѣе. Путешественникъ долженъ будетъ представить описаніе по возможности всѣхъ кумиренъ и дацановъ Забайкалья, ознакомиться съ личнымъ составомъ хувраковъ, находящихся при нихъ. Нужно будетъ читать рукописи и собирать ихъ. Судя по грошлымъ примѣрамъ, трудно ожидать, чтобы въ Забайкальѣ открытъ было возможно много новыхъ, неизвѣстныхъ ученымъ памятниковъ монгольской литературы и буддійской философіи, да и подобная задача сама

по себѣ настолько велика, что потребовала бы нѣсколькихъ лѣтъ; но необходимо ознакомиться съ обиходными книгами, которыя имѣются во всякой, самой бѣдной, курѣ. Любопытно было бы потолковать съ Забайкальскими ламами на счетъ винаи, узнать, насколько строго придерживаются они ея, и, если есть стступленія, то въ силу чего они допущены. Здѣсь представляется самъ собою вопросъ о вліяніи мѣстныхъ ламъ на населеніе и ихъ учителей изъ Монголіи. Важно знать, насколько великъ голосъ религіознаго учителя—ламы—въ дѣлахъ житейскихъ. Сами ламы считаютъ ли для себя высшимъ закономъ мѣстный народный обычай или считаютъ себя вправѣ нарушать его. Несомнѣнно, что лама всегда является въ спорныхъ случаяхъ истолкователемъ народнаго обычая.

Самый интересный вопросъ для насъ—вліяніе христіанской проповѣди на бурятъ. Въ этомъ отношеніи первый голосъ по праву долженъ бы былъ принадлежать миссіонерамъ; но однихъ миссіонерскихъ показаній недостаточно, и изслѣдователь сдѣлаетъ ошибку, если остановится только на нихъ. Ламы относятся отрицательно къ христіанской проповѣди, и ихъ отрицательное отношеніе передается всему народу; поэтому бурятъ, особенно некрещеный, долженъ держаться съ русскимъ священникомъ насторожѣ и врядъ ли будетъ откровененъ съ нимъ. Свѣтскій изслѣдователь будетъ, конечно, плохимъ судьей въ дѣлѣ оцѣнки успѣховъ христіанской проповѣди; за эту задачу ему и трудно взяться; но ему удобно будетъ отмѣтить факты вліянія христіанства на бурятъ вообще. Мы знаемъ, напримѣръ, что между нѣкоторыми мусульманскими народами чрезвычайно развито уваженіе къ Св. Николаю. Мнѣ самому между Енисейскими тюрками пришлось слышать легенду о Ноѣ праведномъ и другую, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является Іисусъ Христосъ. Между бурятами также должно быть не мало подобныхъ легендъ. Немудрено встрѣтить у нихъ и смѣсь буддійскихъ сказокъ съ христіанскими преданіями. Вообще интересно бы собрать поговорки, рассказы, анекдоты и пѣсни, въ которыхъ такъ или иначе замѣшано русское духовное лицо или вообще русскій. Нельзя не сказать, что такая задача не изъ легкихъ. Буряты очень смысленный, но и недовѣрчивый народъ. Они давно уже и очень зорко и подозрительно слѣдятъ за дѣятельностью русскихъ. Вспомнимъ тѣ старенькіе лоскуточки писаной бумаги, которые были въ Забайкальѣ подобраны нашимъ извѣстнымъ

монголистомъ, Позднѣевымъ—эти лоскутки оказались рукописной газеткой, въ которой бурятскія старшины и ламы извѣщались о дѣйствіяхъ иркутской администраціи.

Экономическое положеніе бурятъ для изслѣдователя представитъ не менѣе трудностей, чѣмъ изученіе ихъ религіознаго міросозерцанія. Экономическая сторона дѣла болѣе доступна наблюденію, у всѣхъ на виду, но это не уменьшаетъ трудностей. Изслѣдователь экономического или вообще земледѣльческаго положенія крестьянскаго населенія имѣетъ за собою цѣлый рядъ уже апробованныхъ схемъ изслѣдованія. Если ему придется, соображаясь съ мѣстными условіями и требованіями, выработать новый типъ изслѣдованія, то у него есть уже шаблоны и модели, по которымъ онъ можетъ создать новую варіацію. Ничего подобнаго относительно кочевого или полукочевого населенія, каковы буряты, мы не имѣемъ. Въ общихъ чертахъ можно поставить вопросы, на которые желательно бы имѣть отвѣты, но при этомъ можно указать и путь и средства, которыми можно добиваться отвѣтовъ на эти вопросы. Для бурятъ, разумѣется, первый и самый главный вопросъ въ экономическомъ отношеніи—состояніе скотоводства и условія сбыта скота и его количество. Съ этимъ неизбежно вяжется и вопросъ о правахъ пользованія лугами и покосами, а также и стоимость искусственнаго орошенія; но какъ при изслѣдованіи крестьянскаго быта центръ тяжести лежитъ въ вопросѣ о доходности десятины земли, такъ точно главный пунктъ экономического изслѣдованія быта кочевниковъ вертится около доходности головъ скота разнаго наименованія. Къ этому главному пункту примыкаетъ изслѣдованіе доходности земледѣлія и иныхъ промысловъ. Возвращаясь снова къ вопросу о скотоводствѣ—здѣсь нельзя степень зажиточности кочевника мѣрить абсолютнымъ количествомъ головъ скота, какъ все равно благосостояніе сибирскаго крестьянина нельзя мѣрить количествомъ десятинъ земли, находящихся въ его распоряженіи. Владѣлецъ сотни головъ лошадей, урянхаецъ, сагай, качинецъ, алтайскій калмыкъ, а, вѣроятно, и буряты нерѣдко должны покупать себѣ верховую лошадь, потому что, при табунномъ скотоводствѣ, безпорядочномъ скрещиваніи и отсутствіи всякихъ попытокъ подбора, собственныя лошади,—ниже всякой критики и годятся только на мясо; но лошадь, какъ убойное животное, имѣетъ очень мало значенія экономического даже среди кочевниковъ-гиппофаговъ. Итакъ

кромѣ опредѣленія размѣровъ скотоводства, изслѣдователю придется заняться вопросомъ о сбытѣ его и о качествахъ самаго скота, дѣлающихъ его болѣе или менѣе пригоднымъ для окружающаго населенія.

Цѣль изслѣдованія, по моему—опредѣленіе бюджета средней бурятской семьи. Здѣсь придется разсмотрѣть, кромѣ казенныхъ податей и повинностей, а также содержанія хозяина юрты и его семьи, многіе чисто специфическіе расходы, наприм., требы религіозныя. Содержаніе дацановъ и числящихся при нихъ хувраковъ должно ложиться немалой тяжестью на мѣстное населеніе. Кромѣ подаяній и приношеній ламамъ и на украшеніе храмовъ, любопытно бы собрать свѣдѣнія, во что обходятся обыкновенныя житейскія требы буряту—ламаиту, стоимость свадьбы, похоронъ и т. д.

Важный вопросъ при опредѣленіи экономическаго состоянія полукошачеваго населенія заключается въ томъ, какія потребности населенія удовлетворяются домашними, мѣстными средствами, и какія требуютъ покупки товаровъ за деньги, или въ обмѣнъ за скотъ и шкуры на сторонѣ. Наблюденія надъ урянхайцами показали, что привозъ русскихъ товаровъ, замѣна послѣдними самодѣльныхъ продуктовъ повели къ сильнымъ потрясеніямъ въ экономической жизни этого народа и разстроили его бюджетъ. Часть потребностей удовлетворяется теперь покупкою русскихъ товаровъ, стало-быть соотвѣтствующая часть народнаго труда, занятаго прежде производствомъ вещей, замѣненныхъ русскими товарами, освободилась. Если-бъ она ушла на производство вещей, нужныхъ для обмѣна русскимъ, бѣды бы никакой не было, но главные предметы обмѣна съ русскими, живой скотъ и пушнина, не даютъ мѣста для болѣе усиленнаго приложенія труда. Увеличеніе количества скота, при кочевомъ, табунномъ скотоводствѣ, идетъ совершенно независимо отъ воли человѣка. Чтобы трудъ, приложенный къ этой отрасли, далъ какія нибудь новыя выгоды, нужно измѣнить нѣсколько характеръ самаго скотоводства; но это сопряжено съ ломкой быта, на которую кочевникъ, урянхаецъ, рѣшится нескоро. Буряты давно уже пережили острый періодъ ломки своихъ экономическихъ отношеній, возникшихъ, благодаря столкновенію съ русскими. Весьма интересно-бы прослѣдить, какъ приспособился онъ къ новому экономическому фактору въ его жизни, къ вліянію болѣе культурнаго народа. Даже мнѣ, человѣку, никогда не наблюдавшему

лично жизни бурятъ, изъ отрывочныхъ фактовъ и устныхъ сообщеній рисуется, что жизнь этихъ инородцевъ непрерывно измѣняется подъ вліяніемъ русскихъ. Какой характеръ носятъ эти измѣненія? Не вносимъ ли мы, вмѣсто положительныхъ благъ цивилизаціи, однѣ темныя стороны ея въ среду этого даровитаго племени—вотъ вопросъ, который настоятельно нужно обслѣдовать. Племя бурятъ—очень многочисленно и въ культурномъ отношеніи стоитъ выше другихъ инородцевъ Сибири. Буряты—ближайшіе родичи обитателей Монголіи. Не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что въ будущемъ намъ придется стать въ болѣе тѣсныя и непосредственныя отношенія съ обитателями центрально-азіатскихъ степей. Относясь строго и критически къ нашей политикѣ въ бурятскомъ вопросѣ, мы избѣжимъ ошибокъ въ сношеніяхъ съ монголами. Имѣя на своей сторонѣ ихъ сородичей—бурятъ, мы образуемъ превосходныхъ агентовъ для проведенія и усиленія нашего вліянія въ Средней Азіи.

Типъ безхозяйственнаго бобыля, извѣстный среди крестьянскаго населенія Европейской Россіи, имѣетъ своего представителя и среди кочевниковъ. У киргизовъ бездомовныхъ и безлошадныхъ нищихъ называютъ джатаками; какъ называется этотъ классъ у другихъ кочевниковъ, я не знаю, но существованіе его не подлежитъ сомнѣнію. Это пастухи и слуги у богатыхъ кочевниковъ. Иногда они уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній состоятъ на службѣ у богатыхъ инородцевъ. У урянхайцевъ чрезвычайно развитъ особый видъ кочевника—пролетарія, приживальщика у богатыхъ людей. Ютится онъ около юрты богатаго человѣка, прислуживаетъ ему, кормится крохами со стола, пока его не прогонятъ. Затѣмъ кліентъ пристраивается около другого патрона и вертится около него, пока не намозолить глаза самому хозяину и его домашнимъ. Среди урянхайцевъ развитъ также другой типъ полузависимыхъ людей, напоминающій половничество въ земледѣльческихъ странахъ. Богатый человѣкъ отдаетъ подъ присмотръ бѣдняку часть своихъ стадъ. Послѣдній пользуется за свой трудъ правомъ брать въ свою пользу молоко отъ дойныхъ коровъ, кобылицъ и овецъ, и обязанъ предоставить извѣстное, условленное количество масла своему хозяину. Проѣзжая по рѣкѣ Аласу, вы, встрѣчая стада, и спрашивая, чьи они,—неизмѣнно получаете отвѣтъ: Бай-Думтыкова. На Ишнемѣ точно также крупныя и хорошія стада принадлежатъ Онуарскому-Чжангѣ.

Подобный классъ джатаковъ, несомнѣнно, существуетъ и между бурятами. Любопытно бы знать, что онъ представляетъ собою. Много-ли ихъ? Предпочитаютъ ли они околачиваться около юртъ богачей или идутъ въ работники въ русскія деревни? Параллельно съ этимъ вопросомъ слѣдуетъ собрать свѣдѣнія и о задолженности бурятъ русскимъ. Интересно бы узнать высоту процента за ссуду между бурятами. Между минусинскими инородцами процентъ баснословно высокъ. Часто, на примѣръ, нищій инородецъ служитъ цѣлый годъ за то, что ему дадутъ лошадь, стоящую рублей десять, много пятнадцать.

Вѣроятно, при ближайшемъ знакомствѣ съ бурятами, можно было бы намѣтить еще цѣлый рядъ вопросовъ; но я, знающій народъ этотъ лишь по слухамъ, не считаю себя компетентнымъ вдаваться въ подробности. Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ были опубликованы программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній объ инородцахъ; ими, конечно, будетъ пользоваться изслѣдователь бурятъ, и повторять вопросы, намѣченные тамъ, было бы, по моему мнѣнію, неумѣстно.

Позволю себѣ въ заключеніе высказать нѣсколько соображеній по поводу предполагаемаго изученія бурятъ.

Обширность района изслѣдованія и поразительное несоответствіе матеріальныхъ средствъ съ размѣрами задачъ не давали возможности Восточно-Сибирскому Отдѣлу подвергнуть обстоятельному изслѣдованію ни одно изъ племенъ, населяющихъ Сибирь. Въ изданіяхъ Отдѣла мы имѣемъ массу цѣнныхъ этнографическихъ работъ, но ни одной полной. Нельзя-ли предложить теперь задачу—сосредоточить силы Отдѣла на изслѣдованіи бурятъ. Мнѣ, думаю, нѣтъ надобности распространяться о томъ, насколько важно изученіе этого племени для Восточной Сибири. Изъ письма Вашего можно заключить, что, кромѣ чисто научнаго интереса, изслѣдованіе бурятъ предполагаетъ дать матеріаль для рѣшенія нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ. Въ такихъ случаяхъ требуется особая обстоятельность данныхъ и точность свѣдѣній.

Въ виду всего этого, мнѣ кажется, было-бы самымъ рациональнымъ методомъ дѣйствій образовать особый бурятскій комитетъ изъ секцій статистической и этнографической Отдѣла, поручивъ ему выработать программу изслѣдованія бурятъ. Комитету слѣдуетъ предоставить право приглашать въ свои засѣ-

данія лицъ, практически знакомыхъ съ бурятскимъ народомъ, и привлекать ихъ къ участию въ своихъ трудахъ. Комитетъ снесется съ лицами, извѣстными своими трудами по изученію Монгольскихъ племенъ, для испрошенія у нихъ надлежащихъ указаній въ работѣ. Въ библіотекѣ Отдѣла надо постараться сосредоточить относящуюся къ вопросу литературу. Интересно бы присоединить къ вышесказанной задачѣ и выработку программы антропологическихъ изслѣдованій бурятъ.

Вы отвѣтите мнѣ, и не безъ основанія, что я строю воздушные замки, собираюсь на небольшія средства, имѣющіяся въ распоряженіи Отдѣла, организовать изслѣдованіе, требующее многолѣтняго труда и, можетъ быть, совокупныхъ усилій нѣсколькихъ изслѣдователей; тогда какъ Отдѣлъ имѣетъ возможность устроить только небольшую экскурсію. На это я могу только представить перечень надеждъ и упованій но, какъ, кажется, не безплодныхъ. Я позволяю себѣ указать на слѣдующее: 1) Отзывчивость мѣстной сибирской публики и иркутской въ частности на научныя и общепользныя предпріятія уже не разъ засвидѣтельствовала себя блистательными примѣрами, 2) изслѣдованіе, подобное предполагаемому, не можетъ быть восполнено даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, безъ содѣйствія администраціи. Предполагая даже краткую экскурсію, Отдѣлъ, очевидно, рассчитываетъ, что мѣстная администрація и на этотъ разъ не откажетъ въ своемъ содѣйствіи научному предпріятію. Мнѣ кажется, не будетъ излишней смѣлостью предположить, что изслѣдованіе, имѣющее затронуть болѣе глубокіе вопросы жизни инородцевъ, предпринятое послѣ строгаго разсмотрѣнія дѣла компетентными людьми, изслѣдованіе, въ которомъ администрація сама поставитъ рядъ вопросовъ, вызоветъ и болѣе дѣятельное содѣйствіе съ ея стороны, 3) подобный трудъ даетъ изслѣдователю работу на несколько лѣтъ. Занявъ у него много времени, она вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ работнику возможность изучить дѣло, вложить, такъ сказать, въ него всѣ свои силы и способности. Выполнивъ его, человекъ будетъ знать, что онъ внесъ цѣнную лепту въ науку. Задавшись такой работой при содѣйствіи Отдѣла и лицъ, сочувствующихъ изученію положенія бурятъ, изслѣдователь, вѣроятно, найдетъ возможность устроиться такъ, что его жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ главнымъ образомъ протекать въ близкомъ общеніи съ изучаемымъ народомъ. При такой обстановкѣ, заручившись довѣріемъ

населенія, собирая о немъ свѣдѣнія, интересуясь нуждами народа, помогая ему, оказывая мелкія услуги, работникъ науки добудетъ такія свѣдѣнія и данныя о народѣ, которыхъ не получитъ экспедиція съ многотысячнымъ бюджетомъ.

Въ заключеніе, два слова о моемъ предполагаемомъ участіи въ изслѣдованіи бурятъ. По многимъ соображеніямъ я считаю себя совершенно неподготовленнымъ къ подобному труду. Для выполненія его нуженъ человекъ, знающій разговорный монгольскій языкъ и владѣющій книжнымъ монгольскимъ языкомъ. Монгольскаго разговорнаго языка я не знаю совершенно. Съ книжнымъ знакомъ самоучкой и очень плохо. О буддизмѣ свѣдѣнія имѣю самыя поверхностныя. Мнѣ нужно было бы годъ упорнаго труда для того, чтобы подготовиться къ начатію дѣла; но во всякомъ крупномъ научномъ предпріятіи всегда встрѣчается много черной, подготовительной, мелочной работы. Для выполненія такихъ второстепенныхъ работъ въ качествѣ чернорабочаго я, можетъ быть, былъ бы полезенъ Отдѣлу. Если моя археологическая экскурсія въ Забайкалье состоится то, хотя она неизбежно будетъ кратковременной, я, разумѣется, постараюсь исполнить обязанность путешественника по мѣрѣ своихъ силъ. Я буду собирать матеріалы и о странѣ и о народѣ, насколько позволятъ время и умѣнье, и никакія инсинуаціи, ни угрозы, ни клевета не заставятъ меня прятать собранныя свѣдѣнія отъ лицъ, могущихъ интересоваться ими; но, конечно, это будутъ отрывочныя, неprovѣренныя данныя, которыя, подобно большинству моихъ предшествовавшихъ наблюденій, займутъ весьма скромное мѣсто въ ряду другихъ, болѣе обстоятельныхъ работъ.

Говоря объ изслѣдованіи религіознаго міросозерцанія бурятъ, я упустилъ изъ виду одну сторону дѣла, которая должна имѣть не маловажное значеніе: я ни слова не сказалъ о ламахъ, какъ учителяхъ и распространителяхъ грамотности въ народѣ.

Подобныя школы грамотности при кумирняхъ я встрѣчалъ въ Урянхайской землѣ. Тамъ обучались чтенію и письму будущіе хувраки. Любопытно бы собрать свѣдѣнія о способахъ преподаванія, методахъ обученія, времени, необходимомъ для полученія низшей степени духовнаго званія, а также и самыя учебники. Здѣсь интересна даже и такая мелочь, насколько распространены между бурятами рукописныя, насколько печатныя книжицы.

Вотъ нѣсколько соображеній по поводу Вашего письма объ изслѣдованіи бурятъ въ религіозномъ и экономическомъ отношеніи, которыя и считаю не лишнимъ довести до Вашего свѣдѣнія, многоуважаемый Григорій Николаевичъ. Въ случаѣ, если Вы найдете полезнымъ для дѣла, я уполномочиваю Васъ представить ихъ на усмотрѣніе Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

Прошу принять увѣренія въ отличномъ уваженіи Вашего покорнѣйшаго слуги. Дмитрій Клеменцъ.

Томскъ
7-го января
1889 годъ.

Николай Михайловичъ Мартяновъ извѣстилъ меня, что имъ отправлена въ Восточно-Сибирскій Отдѣлъ моя коллекція растений, собранная мною во время экспедиціи нынѣшняго года и просмотрѣнная г. Мартяновымъ. Въ ней заключается 300 видовъ растений, собранныхъ по обоимъ склонамъ Алатау, по берегамъ Чернаго и Бѣлаго Юссовъ и прилегающимъ степямъ. На растеніяхъ имѣются ярлычки. Видовыя опредѣленія сдѣланы Н. М. Мартяновымъ, краткія указанія о мѣстонахожденіи даны мною, болѣе подробныя свѣдѣнія сообщены будутъ въ списокъ этихъ растений, который не замедлю представить. Прошу сообщить объ этомъ для свѣдѣнія Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

Вашъ Д. Клеменцъ.

И. М. Сибиряковъ.
Мойка, 99.
С.-Петербургъ.

Письмо И. М. Сибирякова къ Д. А. Клеменцу.

С.-П.-Б. 22 сентября 1892 года.

Многоуважаемый

Дмитрій Александровичъ.

Письмо отъ 10 августа я получилъ. Экспедицію для изслѣдованія и выясненія условій жизни инородцевъ Якутской области я задумалъ при моемъ пріѣздѣ въ Иркутскъ, года три тому назадъ, и высказался объ этомъ Г. Н. Потанину. Г. Н. указалъ мнѣ на А. В. Адріанова, которому и послали тогда же депешу. Экспедицію предполагалось послать отъ В. С. Отдѣла. А. В. Адріановъ, во время моего съ нимъ разговора по этому поводу въ Томскѣ, заявилъ свое полное сочувствіе этому дѣлу, но вмѣстѣ

съ тѣмъ указалъ на свое назначеніе въ Минусинскій Округъ въ качествѣ акцизнаго надзирателя и сказалъ, что ежели означенное мѣсто за нимъ не останется, то онъ поѣдетъ, въ противномъ случаѣ уклоняется. Вскорѣ онъ телеграфировалъ мнѣ, что назначенъ на мѣсто и ѣхать не можетъ. Кромѣ А. В., я въ то время никого не могъ имѣть въ виду, и г. Потанинъ мнѣ болѣе никого не указывалъ. Обратиться же прямо въ Отдѣлъ и представить все дѣло въ его распоряженіе находилъ неудобнымъ, въ виду отсутствія тамъ лицъ, которыхъ зналъ и которымъ бы довѣрялъ въ данномъ случаѣ; разумѣется, и въ виду сильной зависимости Отдѣла отъ административной власти.

Послѣднее въ особенности меня заставляло быть осторожнымъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, я въ разговорахъ съ Г. Н. Потанинымъ здѣсь и высказался насчетъ отправленія экспедиціи отъ лица центральнаго общества, полагая, что въ такомъ случаѣ она будетъ болѣе независима, какъ въ своей программѣ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ. Г. Н. противъ этого ничего не возражалъ и указалъ мнѣ на одно лицо.—фамиліи теперь не припомню,—кажется г. Еланина, въ Красноярскѣ, который хотя и согласился сначала, но скорѣ отказался, т. к. получилъ какое то видное назначеніе. Тогда Г. Н. указалъ на ботаника Кузнецова, который тоже былъ не прочь поѣхать, но его начальникъ, въ лицѣ директора Лѣснаго Департамента г. Лещева, рѣшительно этому воспротивился. Въ самое послѣднее время я уже хотѣлъ остановиться на г. Ивановскомъ, тоже указанномъ Г. Н. Потанинымъ, и заводилъ уже объ этомъ разговоръ съ П. П. Семеновымъ, который обѣщалъ свое полное содѣйствіе. Съ Ивановскимъ я хотѣлъ встрѣтиться въ Москвѣ, но это мнѣ не удалось, и дѣло это стояло въ нѣсколько неопредѣленномъ положеніи, чему главнымъ образомъ способствовало то, что собственно ни въ комъ я не встрѣтилъ интереса къ этому дѣлу. Г. Н., конечно, сочувствовалъ этой экспедиціи, но, какъ всякій другой, главнымъ образомъ дѣйствовалъ въ смыслѣ формы экспедиціи, т. е. приглашенія и указанія лицъ, подходящихъ для этого дѣла.

Ваше письмо является для меня первымъ показателемъ, что существуетъ интересъ къ этому дѣлу, болѣе существенный и видный. Является уже интересъ къ самому содержанію и цѣ-

лямъ дѣла, а не только къ простому снаряженію. При такихъ условіяхъ, разумѣется, все значительно измѣняется, а въ томъ числѣ и мое намѣреніе послать экспедицію отъ центрального общества.

Мѣстными силами, конечно, очень желательно пользоваться, и я думаю, что онѣ найдутся и кромѣ тѣхъ, которыхъ Вы указываете въ Вашемъ письмѣ въ лицѣ г.г. Виташевского, Юхельсона, Пекарскаго, Іонова и др. Я думаю, что политическіе ссыльные, въ изобиліи посылаемые въ Якутскій край, представляютъ изъ себя какъ бы невольную экспедицію для изслѣдованія области, и нужно только умѣть воспользоваться ихъ наблюденіями.

Но *conditio sine qua non* для меня въ этомъ случаѣ—это существованіе лица, сочувствующаго дѣлу и умѣющаго его организовать. Такимъ лицомъ въ данномъ случаѣ являетесь Вы, и при такихъ условіяхъ я могу рѣшиться на осуществленіе предпріятія и отъ лица В. С. Отдѣла. Самый главный мотивъ, побудившій меня на отправленіе экспедиціи—это выясненіе экономическихъ условій жизни инородцевъ, окружающихъ и живущихъ въ пріисковомъ районѣ Якутской области, желаніе нѣсколько отплатить сосѣдямъ за любезно уступленныя земли, когда-то бывшія въ ихъ полномъ распоряженіи. Поэтому мнѣ важно не только выясненіе всякаго рода неблагопріятныхъ условій жизни инородцевъ, но и послѣдствія такого рода выясненій, т. е. различнаго рода мѣры, клонящіяся къ улучшенію условій жизни инородцевъ, связанныхъ съ дѣятельностью золотопромышленниковъ. Разумѣется, я ничего не имѣю противъ употребленія силъ экспедиціи и на общія изслѣдованія среди инородцевъ, не имѣющихъ прямыхъ отношеній къ пріискамъ. Мнѣ важно также, чтобы экспедиція, насколько возможно, выяснила историческій ходъ развитія жизни инородцевъ. Вымираютъ они, или, наоборотъ, нарождаются и совершенствуются. Вліяніе на то и другое русской культуры. Крайне важно выяснить экономическія условія жизни и различныя вліянія, ихъ обусловливающія. Выяснить состояніе образованія, положеніе школъ, положеніе народнаго здравія, продовольствіе, мѣры, принимаемыя для леченія эпидемическихъ болѣзней на людяхъ и скотѣ, въ частности, «проказы», поднятой пресловутою миссъ Кэтъ, состояніе земледѣлія, дорогъ, вліяніе заработковъ, имѣющихся на пріискахъ, и

др., однимъ словомъ, всѣ стороны экономической жизни. Затѣмъ важно составить представленіе о типѣ народа, то есть якутовъ, тунгусовъ, и вслѣдствіе этого выясненіе всѣхъ другихъ сторонъ жизни, касающихся вѣрованій, обычаевъ, языка, антропометріи.

Вовсе не желательны были бы заключенія, клонящіяся къ тому, что, если инородцы вымираютъ и находятся въ жалкомъ состояніи, такъ этому такъ и быть должно, въ силу чисто расовыхъ особенностей жителей. Для выясненія характера народа — собраніе сказокъ, повѣрій, пословицъ, изслѣдованіе обычнаго права.

Конечно, это *ria desideria*; и, насколько все можно выяснить, будетъ зависѣть отъ условій, при какихъ будетъ работать экспедиція. Во всякомъ случаѣ, все, что я выше указалъ, все это входитъ и въ Вашъ планъ, помѣщенный въ Вашемъ письмѣ, и моими замѣтками я попрошу Васъ воспользоваться лишь для усиленія той или другой «статьи».

Затѣмъ условія отправленія экспедиціи являются въ такомъ видѣ.

1) Экспедиція отправляется отъ В. С. Отдѣла Геогр. Общ. подъ руководствомъ и наблюденіемъ правителя дѣлъ, Д. А. Клеменца.

2) Цѣль — изслѣдованіе экономическихъ и другихъ условій жизни инородцевъ Якутской области, по программѣ, выработанной Отдѣломъ, на которую должно быть мое согласіе — съ той же, которая помѣщена въ Вашемъ письмѣ, я согласенъ.

3) Экспедиція отправляется на два или три года.

4) И. М. С. ассигнуется на первоначальные расходы т. р., а затѣмъ и остальные, независимо отъ времени работы, хотя не менѣе двухъ лѣтъ, 9 тысячъ рублей, а всего, слѣдовательно, ассигнуется 10 тысячъ рублей.

5) Выборъ лицъ, назначеніе имъ денежныхъ вознагражденій, въ томъ случаѣ, если это дѣлается, на все время экспедиціи — съ согласія И. М. С., — я же на выборъ тѣхъ лицъ, которыхъ указываете Вы въ Вашемъ письмѣ, согласенъ, и въ остальномъ буду согласенъ съ Вами.

6) Деньги вносятся въ Общ. не сразу, а въ назначенные сроки, смотря по времени, назначенному на экспедицію.

7) Коллекціи, собранныя во время работы, поступаютъ въ музей Геогр. Общ. въ Иркутскѣ, а, если оно пожелаетъ отдать

часть въ Томскій университетъ, то я противъ этого имѣть ничего не буду.

Въ этомъ смыслѣ Вы уже можете сдѣлать заявленіе въ Отдѣлъ отъ моего имени. Прочее же содержаніе письма я прошу Васъ Отдѣлу не сообщать, а принимать лишь, какъ желаніе мое ознакомить Васъ лично съ тѣми побужденіями, которыя мною руководили при мысли объ организаціи Якутской экспедиціи.

Желаніе Ваше поѣхать лично въ Якутскъ и тамъ организовать предпріятіе я сильно имѣю въ виду и думаю, что безъ этого дѣло не пойдетъ на ладъ. Полагаю, что до Витима поѣздки съ оказіей устроить возможно.

Очень радъ, что работа Ваша о пріисковыхъ рабочихъ можетъ быть подвинута, и вполне согласенъ съ Вами, что въ отношеніи знакомства съ жизнью, практикой дѣла, Вы находитесь въ болѣе выгодныхъ отношеніяхъ, чѣмъ В. И. Семевскій, и поэтому можете въ этомъ отношеніи болѣе выяснить, хотя и въ значительно суженномъ районѣ, въ виду того, что работа Ваша и наблюденія ограничиваются Енисейской губерніей. Появленіе Вашего труда крайне интересно и желательно. Переходъ В. О. въ Ваши руки, конечно, замѣтилъ и вполне представляю себѣ трудность работы при отсутствіи сотрудниковъ и необходимость съ одной стороны—обличать общественные порядки, а съ другой—ладить съ общественнымъ порядкомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ, преданный Вамъ И. Сибиряковъ.

Письмо къ А. М. Зайцеву.

Многоуважаемый

Алексѣй Михайловичъ!

Благодарю Васъ за присылку Вашихъ работъ въ бібліотеку и мнѣ лично. Думаю, что Вы не откажетесь, по примѣру предшествующихъ лѣтъ, сообщить намъ и о Вашихъ новыхъ работахъ и вообще о работахъ, производящихся по тракту будущей желѣзной дороги.

Съ большимъ удовольствіемъ и пользою прочелъ я Ваши статьи и статьи К. И. Богдановича; но мнѣ кажется, что онъ дѣлаетъ мнѣ упрекъ, не совсѣмъ основательный, за то, что я строеніе Минусинскаго округа представилъ въ болѣе простомъ

видѣ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Если-бъ я вздумалъ на докладѣ о соленыхъ озерахъ разбираться во второстепенныхъ явленіяхъ дислокаціи, у меня вышелъ-бы не докладъ, а книжища толще Горнаго Журнала. Статьи Богдановича и Яворскаго такъ-же страдаютъ схематизмомъ, но это явленіе неизбежное въ предварительныхъ отчетахъ. Они выходятъ всегда или донельзя сухи или, если сообщаютъ выводы, то не договорены.

Былъ лѣтомъ въ Гоби между Хангаемъ и Алтаемъ, въ долинѣ озеръ. Въ видѣ новости могу сообщить Вамъ о громадномъ распространеніи лавы вдоль сѣверной окраины Гоби; но остатковъ типичныхъ вулкановъ тамъ нѣтъ. Все заставляетъ предполагать, что лава изливалась тамъ по трещинамъ. Относительно самой Гоби у меня цѣлый рядъ мыслей! Вся штука въ томъ, дастъ-ли мнѣ Академія возможность докончить изслѣдованія ея? Нужно будетъ ее перерѣзать мѣстахъ въ трехъ съ сѣвера на югъ и пройти, хоть одинъ участокъ, съ востока на западъ. Безъ изслѣдованія Гоби, не будетъ у насъ сколько-нибудь сноснаго описанія прошлаго большого материка.

Не дадите-ли чего нибудь для извѣстій Отдѣла? Напримѣръ, хотя замѣтки о строеніи Чулымской луки между Ачинскомъ и Назаровскимъ.

Поклонъ и привѣтъ всѣмъ, кто еще помнитъ меня.

Съ истиннымъ уваженіемъ Вашъ слуга
Дмитрій Клеменць.

Письмо къ П. Н. Крылову.

Многоуважаемый

Порфирій Никитичъ!

Помимо циркулярнаго письма, обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой по одному спеціальному, близко интересующему меня вопросу. Можетъ быть, Вы не откажетесь высказать свое мнѣніе, хотя бы въ общихъ чертахъ, въ формѣ частнаго письма.

Въ публикѣ сильно распространено мнѣніе, что въ древнія времена Минусинскій округъ въ степной своей части былъ значительно болѣе богатъ лѣсомъ. Я же, наперекоръ этому взгляду, полагаю, что въ существенныхъ чертахъ степь тамъ всегда оставалась степью, что большинство древнихъ могилъ были и тогда, какъ теперь, на степи. На нѣкоторыхъ могилахъ, по

опушкѣ тайги, растутъ лиственницы. Не есть ли это результатъ медленнаго надвиганія лѣсовъ на степи? Полагаю, что истребленіе лѣсовъ въ округѣ—явленіе сравнительно новое, и началось тамъ всего какихъ-нибудь лѣтъ полтора-два назадъ.

Вы теперь единственный ученый на земномъ шарѣ, который можетъ сказать вѣское слово по этому вопросу. Вы одни знакомы достаточно съ этой мѣстностью и по гербаріямъ и по личному наблюденію. Будьте добры сообщить Ваше мнѣніе о томъ, имѣются ли остатки лѣсной флоры на Абаканѣ, Тубѣ, Беѣ, Уйбату и Камыштѣ. Свидѣтельствуетъ ли флора этихъ мѣстъ о томъ, что лѣса здѣсь доходили хотя бы до средняго теченія этихъ рѣкъ?

Если Вы не откажетесь высказаться по этому поводу, то много поспособствуете выясненію нѣкоторыхъ темныхъ культурно-историческихъ вопросовъ, и много обяжете глубоко преданнаго и уважающаго Васъ

Дмитрія Клеменца.

Письмо къ П. К. Яворскому.

Многоуважаемый

Петръ Казиміровичъ!

Съ глубокимъ вниманіемъ, захватывающимъ интересомъ штудировалъ я отчеты Ваши и К. И. Богдановича о Вашихъ работахъ и намѣренъ сдѣлать доклады о нихъ въ Отдѣлѣ. Сообщенныя Вами прошлагодня свѣдѣнія цѣликомъ помѣщены въ отчетѣ за 1892 годъ, который теперь печатается. Лъщу себя надеждой, что Вы и въ текущемъ году не откажете сообщить краткія свѣдѣнія о Вашихъ трудахъ.

Долженъ сознаться, что доводы К. И. не убѣдили меня на счетъ несостоятельности Абаканскаго завода. Ему кажется неудобнымъ устраивать курени по Анѣ и по Карасибѣ. Почему? Чѣмъ Ана или Карасибѣ хуже Джебаша, и много ли трудностей представить доставка угля оттуда до завода? Вершину Аны никто обрубать не будетъ, да и лѣса-то тамъ не Богъ знаетъ какъ много.

Отчего не устроить рубку и выжиганіе угля въ нижнемъ теченіи? Мнѣ кажется, всю мѣстность отъ завода до устья Ма-

лаго Абакана можно бы считать въ районѣ доступномъ для дѣйствія завода.

Мнѣ очень пріятно было слышать изъ устъ компетентнаго человѣка, горнаго инженера, что мѣдноплавильное дѣло имѣетъ будущность въ округѣ. Выше завода, по Абакану, есть также мѣдная руда, есть и въ самой заводской дачѣ.

Мнѣ всегда становится досадно, когда встрѣчаю ссылки на мою «книгу», изданную Западно-Сибирскимъ отдѣломъ: рукописи живого человѣка издали безъ его разрѣшенія. Ни просмотра, ни даже увѣдомленія о намѣреніи издать ихъ автору не было представлено. Я никогда не думалъ, что онѣ увидятъ свѣтъ. Это были просто списки коллекцій, посланные для консерватора музея, назначенные для того, чтобы помочь ему размѣстить товаръ по полкамъ.

Въ 1889 году Зайцевъ былъ свободенъ, и я, за невозможностью заняться этимъ самому, просилъ Отдѣлъ (западный) передать мои коллекціи 1883 года Алексѣю Михайловичу. Отдѣлъ прислалъ коллекціи 1884 года (вершины Абакана), а списковъ не прислалъ. Я просилъ Мартыанова послать мои дубликаты 83 года изъ музея—Мартыановъ отказалъ. Я и считалъ свою коллекцію 83 года завалявшейся гдѣ-нибудь въ Омскѣ. Она завалялась, да не тамъ, а на чердакѣ у Адрианова,—я ему, какъ начальнику экспедиціи, передалъ весь матеріалъ. Вернувшись въ Минусинскъ на службу, А. В. преспокойно передалъ мои матеріалы Н. М. Мартыанову. Тотъ былъ настолько благороденъ, что передалъ ихъ въ мое распоряженіе. И теперь еще моя коллекція изъ Бирюсинской системы, гдѣ послѣ Гоффмана никого не бывало, не дошла до моихъ рукъ. Исписалъ горы бумаги, разыскивая ее. Не возилъ я ихъ съ собой просто по недостатку перевозочныхъ средствъ—Вы, вѣроятно, слышали, при какихъ условіяхъ мнѣ приходилось производить свои «научныя» экскурсіи.

Не знаю даже, будетъ ли когда у меня возможность собрать матеріалъ, а главное—взяться за него.

На дняхъ, вѣроятно, уѣду по дѣламъ Отдѣла въ Якутскъ, вернусь къ Рождеству.

Съ истиннымъ уваженіемъ Вашъ слуга Д. Клеменць.

Письмо Д. А. Клеменца къ С. І. Залѣсскому.

Многоуважаемый

Станиславъ Іосафатовичъ.

Смѣю надѣяться, что Вы, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, не откажете подѣлиться съ Отдѣломъ результатами Вашихъ трудовъ; но у меня есть и еще просьба къ Вамъ: не составите-ли Вы программки—инструкции для собиранія образцовъ минеральныхъ водъ и грязей. Разумѣется, по такимъ образцамъ нельзя будетъ получить многого; но все-таки кое-что узнать будетъ можно. Можетъ быть, Вы упомянули бы кстати и о простыхъ способахъ и реагентахъ, которыми нѣсколько грамотный человѣкъ могъ бы убѣдиться, въ присутствіи, напр., хотя бы желѣза или какихъ—либо другихъ цѣлебныхъ минеральныхъ веществъ въ водѣ. Вашу работу мы бы напечатали и даромъ стали разсылать ее. Составился-бы архивъ справочныхъ свѣдѣній о водахъ. Въ Забайкальѣ и вообще среди инородцевъ лечение минеральными водами—любимое. Свѣдѣнія доставлять будутъ. Вы единственный химикъ—бальнеологъ въ Сибири. Ваши изслѣдованія должны расти и расти. Литература о сибирскихъ водахъ, сами знаете, какъ бѣдна! Ради этого такъ мало обращаютъ вниманія на наши воды. Согласитесь съ тѣмъ, что было-бы интересно даже то, если-бъ мы могли черезъ нѣсколько лѣтъ издать просто каталогъ или списокъ источниковъ и озеръ цѣлебныхъ или считающихся цѣлебными. Масса такихъ источниковъ, м. б., убѣдила-бы правительство организовать систематическія изслѣдованія, химико-бальнеологическія. Тогда нашли бы достаточно широкое примѣненіе и Ваши знанія и Ваша неслабая энергія. Частный вопросъ, если посланныя Вамъ книги Вы находите нужнымъ удержатъ у себя, не откажите написать нашему бібліотекарю, Николаю Петровичу Левину—книги такія-то и такія-то желалъ-бы продержатъ у себя для научныхъ работъ еще до такого-то времени.

Прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи Вашего слуги

Д. Клеменцъ.

Октября 6 1893 года.
№ 36.

Письмо къ А. В. Павлову.

Многоуважаемый

Александръ Владимировичъ!

Благодарю Васъ за Ваше любезное письмо и извиняюсь за задержку отвѣта. Ваше письмо уже не застало меня въ Иркутскѣ—я былъ въ Монголіи и недавно вернулся изъ поѣздки. Благодарю Васъ за лестное мнѣніе о моей работѣ, хотя теперь, послѣ трудовъ Богдановича и Яворовскаго, она является излишней. Богдановичъ совершенно справедливо упрекаетъ меня въ схематизмъ, въ желаніи представить дѣло проще, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; но не всѣ мы имѣемъ возможность обрабатывать свои материалы, какъ намъ хочется. Достаточно сказать, что письмо мое пишется между двумя поѣздками. Вернувшись изъ Монголіи, я долженъ по дѣламъ Отдѣла ѣхать на дняхъ въ Иркутскъ. Собственно говоря, секретарю провинціального ученаго Общества лучше всего отказаться отъ своихъ работъ и употреблять свой досугъ на то, чтобы давать работать другимъ.

Въ нынѣшнюю поѣздку въ Монголію я пересѣкъ съ сѣвера на югъ Хангай и ознакомился съ Гоби, хотя пока еще немного. По моему, самый любопытный результатъ этой поѣздки—матеріалы для изученія распространенія лавы въ Монголіи. На Хангаѣ, на примѣръ, изліянія ея были, вызваны не вулканическими а дислокаціонными процессами, образованіемъ трещинъ. И самая Гоби, если не придавать этому термину слишкомъ широкаго значенія, окажется рядомъ обсохшихъ внутреннихъ бассейновъ.

Въ дѣлѣ геологическаго изученія Сибири я главную надежду возлагаю на комиссію геологовъ для изслѣдованія Сибирскаго тракта, на геолога при Иркутскомъ горномъ управленіи и на Томскій университетъ. Мое личное участіе, по моей малой компетентности въ дѣлѣ, можетъ быть только меньше, чѣмъ третьестепенное.

Съ весны я опять въ Монголію. Не знаю, почему ни одно ученое учрежденіе не воспользовалось моими поѣздками въ Монголію для посылки кого-либо изъ ученыхъ? Былъ бы у меня товарищъ «сытъ, и одѣтъ, и отъ темныя ночи приукрытъ». Со мной человѣкъ безъ особенныхъ требованій на удобства долженъ былъ бы имѣть, приѣхавъ въ Иркутскъ, въ карманѣ рублей пятьсотъ да на проѣздъ изъ Сибири отъ 150 до 200 р.

смотря по времени года, на всю командировку за глаза 1000 р., провелъ-бы три, четыре или пять мѣсяцевъ въ Монголіи и. вернулся бы съ грудой матеріаловъ и исписанными книжками. Имѣлъ-бы онъ въ дорогѣ коня, верблюда и человѣка. Послѣ трехлѣтнихъ странствованій по Монголіи я тамъ въ достаточной степени дома.

Извините, что Вамъ до сихъ поръ не посланъ списокъ нашихъ изданій. Во избѣжаніе повторенія подобнаго казуса и замедленія отсылки высылаю наложеннымъ платежомъ, такъ какъ о безденежной пересылкѣ нужно входить въ переговоры съ Комитетомъ, а это затянеть дѣло.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ

почтеніи Вашего слуги Д. Клеменць.

13 Октября 1893.
№ 40.

Письмо къ К. И. Богдановичу.

Многоуважаемый

Карлъ Ивановичъ!

Хотя я и обратился съ просьбой къ Петру Казиміровичу сообщить о ходѣ Вашихъ совмѣстныхъ занятій въ Енисейской губерніи, но Ваши труды настолько интересны, въ Вашихъ предварительныхъ отчетахъ столько поучительнаго, и, наконецъ, судя по плану работъ нынѣшняго года, Ваши маршруты касаются столь различныхъ мѣстностей, что я рѣшаюсь просить Васъ не отказать сообщить хотя-бы самыя краткія свѣдѣнія о результатахъ работъ Вашихъ. Енисейская губернія была до сихъ въ загонѣ, наконецъ-то ее охватилъ раіонъ систематическихъ изслѣдованій! Вы вѣроятно признаете, что и для нашего Отдѣла и для меня лично составляютъ громадный интересъ всякое извѣстіе о ходѣ геологическихъ изслѣдованій въ Енисейской губерніи. Я когда-то думалъ самъ заняться ей и, м. б., посвятить этому дѣлу всю жизнь, но обстоятельства сложились не такъ. Вѣроятно, весь собранный матеріалъ такъ и останется безъ дальнѣйшаго употребленія, но это отнюдь не значитъ, что я пересталъ интересоваться этой мѣстностью. Теперь послѣ Вашихъ работъ многое выяснилось для меня, и, вѣроятно, еще болѣе интереснаго представятъ Ваши наблюденія въ текущемъ году. Есть ли, напримѣръ, связь между Минусинской и девонской

системой и девономъ Канскаго округа. Очень жаль, что по условіямъ Вашихъ работъ, Вамъ не пришлось сдѣлать полного пересѣченія Саянскаго нагорья. Тамъ, въ окаменѣлостяхъ Аласу, Вы нашли-бы, можетъ быть, опорные пункты для хронологіи мѣстности и для исторіи самихъ Саянъ. Мой матеріалъ, собранный въ этой мѣстности и отосланный отчасти въ Казанскій университетъ, отчасти въ Академію наукъ, я считаю безвозвратно погибшимъ. Окаменѣлости изъ этой мѣстности, гдѣ раньше ихъ никто не подозрѣвалъ, заслуживали-бы хоть упоминанія мимоходомъ, но я нигдѣ не слыхалъ ни о чемъ подобномъ.

Кстати упомяну о другомъ матеріалѣ,—въ селѣ Тырбышѣ у г. Прейнъ валяется матеріалъ, собранный мною во время моей поѣздки на Бирюсинскіе пріиски. Если онъ можетъ на что-либо пригодиться Вамъ, то отдаю его въ полное Ваше распоряженіе. Понадобится, такъ могу послать Вамъ и свои дневники, рисунки, маршрутные съемки и т. д. Все равно я уже пять лѣтъ не могу самъ выручить своихъ коллекцій, а если-бы и выручилъ, имъ пришлось-бы лежать, пока удалось-бы до нихъ добраться.

Прошу принять увѣреніе въ полномъ уваженіи и преданности
Вашего слуги Д. Клеменцъ.

13 Октября 1893 года
№ 41.

Письмо къ И. Т. Савенкову.

Многоуважаемый

Иванъ Тимофеевичъ!

Мрачные слухи дошли до насъ въ Иркутскъ, что вы покидаете Красноярскъ. Если это вѣрно, то, думаю, не по своей охотѣ, такъ какъ нелегко оторваться отъ того мѣста, гдѣ столько времени уже работала Ваша мысль. Выразать сожалѣнія по этому поводу не буду, такъ какъ это бесплодно и, по правдѣ сказать, въ научной жизни Сибири мы такъ часто встрѣчаемся съ подобнымъ явленіемъ, что пора и привыкнуть къ нему.

Начнется серьезное изслѣдованіе—глядишь, изслѣдователя утянетъ къ себѣ ненасытный Петербургъ, переведутъ его по службѣ, а работа—стопъ! Бываетъ, ухитряемся мы и сами дѣлать такъ, что изслѣдователю остается только бѣжать, бѣжать отъ нашего ученаго гостепріимства съ разбитыми надеждами, съ разстроеннымъ здоровьемъ. Душевно сожалѣю, что теперь уже закрылась лавочка, въ которой покойный Черскій торговалъ саль-

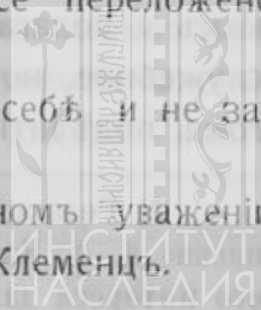
ными свѣчами, и съ нея нельзя уже снять фотографію для на-
зиданія Отдѣлу. Кстати о Черскомъ. Отдадимъ ему должное въ
Отдѣлѣ хотя по смерти! Теперь составляется у насъ подпискою
капиталъ на открытіе преміи имени И. Д. Черскаго при Отдѣлѣ
за лучшія оригинальныя работы по естественно-историческому
изученію Сибири. Мысль эта принадлежитъ вдовѣ покойнаго.
Она отказалась отъ денегъ, собранныхъ для нея, въ пользу пре-
міи, чтобы „молодые ученые, которые будутъ въ положеніи
покойнаго Ивана Дементьевича, не остались безъ под-
держки“; таковы были мысли этой достойной женщины.

Я знаю, что Вы любилъ и уважали покойнаго; потомъ,
думаю, и Вы согласитесь съ этимъ, что мы съ Вами многимъ
обязаны покойному въ своемъ развитіи. Не примете-ли участіе,
не соберете-ли что-нибудь между знакомыми на дѣло, которое
свяжетъ имя покойнаго съ трудами всякаго выбивающагося изъ
провинціальной глуши работника мысли. О вопросахъ, стоящихъ
въ циркулярномъ письмѣ, я говорить не буду. Скажу только
спасибо за прежнія письма, и, надѣюсь, откликнетесь Вы и те-
перь. Намъ надобно потолковать вотъ о чемъ, какъ намъ устро-
иться съ вопросомъ о Вашей работѣ, какъ быть съ деньгами
на изданіе рисунковъ? Всѣ эти вопросы имѣютъ настоящее
значеніе, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если Вы покидае-
те службу въ Сибири. Если нѣтъ—время терпитъ, если да—я
думаю, и Вамъ интересно будетъ какъ-нибудь привести къ кон-
цу мѣстный матеріалъ.

По вопросу о коллекціяхъ скажу, что москвичамъ не
стоитъ давать ничего. Они варвары! Присылаютъ, напримѣръ,
коллекціи съ конгресса и въ какомъ видѣ? Ужасъ! А замѣтите,
Сукачевъ самъ просилъ Анучина и Ивановскаго побережь ихъ,
не жалѣть денегъ на укупорку. Сибирскія разстоянія тутъ не
причемъ! Получаемъ-же мы цѣлыми стеклянные термометры,
когда они по-людски укупорены. А тутъ тонкія костяныя ук-
рашенія изъ кабаньяго зуба затисканы въ одинъ ящикъ съ ка-
менными топорами фунта по четыре вѣсомъ, и все переложено
бумажкой!?

Буду надѣяться, что Вы дадите вѣсточку о себѣ и не за-
будете Сибири, когда изъ нея и уѣдете.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи
Вашего слуги Д. Клеменцъ.

18 октября
1893 года
№ 46.

Письмо къ И. А. Подгорбунскому.

Многоуважаемый,
Иннокентій Александровичъ!

Вы говорили мнѣ, что у Васъ имѣются наготовѣ два сообщенія—о тенгріяхъ и о буддизмѣ въ Тибетѣ. Въ высшей степени желательно было бы устроить общее собраніе на этой недѣлѣ. Если тема о тенгріяхъ нѣсколько спеціальна, то не «поставите» ли буддизмъ въ Тибетѣ? Извѣстите меня, когда Вамъ можно это будетъ сдѣлать. Я долженъ имѣть дня три въ запасъ для написанія и разсылки повѣстокъ о собраніи. Выбрать надобно только такой день, когда не будетъ спектакля, а то къ намъ никто не прійдетъ. На текущей недѣлѣ спектакли будутъ въ среду, въ четвергъ (бенефисный) и въ пятницу. Значить, въ нашемъ распоряженіи одна суббота! Не сообщите ли свѣдѣній о Вашихъ занятіяхъ (о словарѣ, о переводахъ, статьяxъ; о Вашихъ литографированныхъ лекціяхъ я, конечно, знаю) для помѣщенія въ годовомъ отчетѣ.

Что наша программа о брачныхъ обрядахъ у инородцевъ? Посидимте-ка вечеркомъ да и кончимъ ее. Надобно бы непременно сдѣлать это, чтобы разослать ихъ (программы) разнымъ лицамъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ

Вашъ слуга Д. Клеменцъ.

30 октября
1893 года
№ 52.

Многоуважаемый,

Алексѣй Васильевичъ! *)

Общую радость возбудило въ нашемъ Обществѣ намѣреніе Вашего начальника открыть Амурскій Отдѣлъ Географическаго Общества. Само собой понятно, что мы готовы помочь Вашему доброму дѣлу не только присылкою книгъ, что мы обязаны сдѣлать, но и всѣмъ, чѣмъ можемъ мы служить Вамъ. Такъ какъ я полагаю, что Вы принимаете въ этомъ дѣлѣ не только служебное, но и сердечное участіе, то я и считаю своимъ долгомъ подѣлиться съ Вами нѣкоторыми соображеніями по ин-

*) Редакція не смогла опредѣлить, кому было адресовано настоящее письмо Д. А. Клеменца, но оно помѣщается здѣсь, въ виду значительнаго его интереса для исторіи Отдѣла.

тересующему Васъ дѣлу—результатами долгаго опыта изъ жизни нашего Отдѣла. Мысль Амурскаго Генераль-Губернатора превосходна, она восполняетъ замѣтный пробѣлъ въ научной жизни края. Имя и прошлое генерала Духовскаго ручаются за то, что дѣло у Васъ пойдетъ бодро и плодотворно. (Вашего Генераль-Губернатора я знаю по отзывамъ моихъ товарищей по Императорскому Московскому антропологическому Обществу, членомъ котораго я состою); но, начиная дѣло, не лишнее имѣть въ виду, что у него будутъ и худыя и добрыя времена. И въ нашихъ мѣстахъ тонъ жизни вообще много зависитъ отъ взглядовъ на то или другое явленіе начальника края, а въ отношеніи къ вопросамъ научнымъ въ особенности. Занятія наукой не служебная обязанность—«дѣлу время—наукѣ часъ», говорятъ наши чиновники, а, кромѣ чиновниковъ, на кого рассчитывать въ нашихъ краяхъ? Обращаетъ вниманіе Генераль-Губернаторъ на научное изслѣдованіе края,—дѣло движается быстро, работа кипитъ. Вотъ Вамъ примѣры того, что можетъ сдѣлать для извѣстнаго дѣла начальникъ края въ Сибири. Когда въ 1879 году сгорѣлъ нашъ музей, Генераль-Губернаторъ Анучинъ собралъ въ теченіе года 50000 на постройку новаго зданія музея, въ которомъ работали и Вы.

Сгорѣлъ театръ въ Иркутскѣ въ 1890 году—стараніями Генераль-Губернатора собрано было на постройку новаго 100,000. Не всѣ начальники края смотрятъ на вещи одинаково, что, конечно, весьма естественно. Были такіе Генераль-Губернаторы, которые не прочь были помочь В. С. Отдѣлу, но особеннаго значенія ему не придавали; были и такіе, которые тяготились Отдѣломъ, считали его неумѣстной зѣтѣй и самое большее—только терпѣли его. Такія перемѣны и переходы пагубны для ученаго общества: начатыя работы прерываются, общество теряетъ сотрудниковъ, у остающихся опускаются руки. Большого труда стоитъ развить научную любознательность среди обитателей края, а затормозить, парализовать очень легко. Достаточно только игнорировать дѣло, и оно станетъ подсыхать, какъ растеніе безъ поливки. Не лишнее дѣло поэтому теперь-же, заранѣе, постараться обезпечить новому учрежденію нѣкоторую устойчивость, способность переживать трудные моменты жизни. Новый Отдѣлъ такое дѣло, результаты котораго дадутъ знать себя лишь черезъ десятки лѣтъ.

Первый вопросъ, хотя и не единственно важный—вопросъ о средствахъ. Въ этомъ отношеніи Географическіе Отдѣлы по-

ставлены въ весьма невыгодное положеніе. Правительственная субсидія дается намъ въ размѣрѣ 2-хъ тысячъ—это несообразно мало по сравненію съ возложенными на насъ задачами. Раіонъ нашихъ изслѣдованій—отъ границъ Китая до Ледовитаго океана; мы обязаны имѣть библіотеку и людей, издавать свои «Извѣстія». Много-ли сдѣлаешь на такую сумму? Изслѣдованія наши должны стоять на высотѣ современныхъ научныхъ требованій, иначе они будутъ только компрометировать ученое общество, а требованія эти въ послѣднее время сильно возрасли по сравненію съ той эпохой, когда основывались, напр., нашъ или Кавказскій Отдѣлъ. Большая часть университетскихъ ученыхъ Обществъ получаютъ по 3000 р., а между тѣмъ задачи ихъ проще. У нихъ раіонъ—предѣлы округа, музей и библіотеку даетъ университетъ. Экскурсіи по Россіи гораздо дешевле стоятъ, чѣмъ въ Сибири. Было-бы весьма желательно, чтобы хотя Вашему Отдѣлу дали 3000 въ годъ. Другая, важная статья дохода,—членскіе взносы, пока непостоянна. У насъ 230 членовъ, обложенныхъ 10 р. взносомъ, а мы въ смѣту вносимъ ежегодно отъ 1000 до 1200 и постоянно около сотни или двухъ не добираемъ. Каждое двадцатое посылаемъ разсылнаго за недоимками и все-таки не добираемъ. Особенно трудно съ иногородними. Писать бесполезно, прекращаемъ высылку извѣстій, и это не помогаетъ. Получаемъ мы рублей 300 доходовъ отъ специальныхъ капиталовъ, составившихся изъ пожертвованій, рублей 300 даетъ сборъ съ публичныхъ лекцій и чтеній, 600 рублей даетъ намъ городская дума за объясненіе коллекцій музея публикѣ, рублей 100 продажа нашихъ „Извѣстій“ и изданій, отдаемъ на вечера и собранія стулья—это даетъ рублей 40 въ годъ. Въ цѣломъ, стало быть, отъ 4400 до 5000 въ годъ. Теперь изложу Вамъ наши статьи расхода. 1400 рублей стоитъ намъ ежегодно отопленіе, освѣщеніе, содержаніе въ чистотѣ музея и двора, ремонтъ и наемъ двухъ сторожей по 20 р. въ мѣсяцъ жалованья. Вы видѣли нашъ музей—это роскошное эффектное зданіе; но я постоянно жалѣю о томъ, что не выстроили его попроще. Много хлопотъ, много ремонта, много издержекъ. 600 рублей мы ассигнуемъ на содержаніе и приращеніе музея. Изъ этой суммы главный расходъ, кромѣ покупки коллекцій, составляютъ изготовленіе мебели и содержаніе наемнаго препаратора; но на препаратора этихъ денегъ не хватаетъ. Приходится покрывать расходы подпиской. Со временемъ, когда у Васъ будетъ музей,

можно будетъ сообщить Вамъ рисунки дешевой и практичной мебели, придуманной нами; но теперь это только удлинило бы письмо. Ассигнуется ежегодно 600 рублей на изданіе «Извѣстій», пяти книгъ по 125 р. за каждую, но этихъ денегъ никогда не хватаетъ; приложите карту или чертежъ, и книга окажется стоимостью въ 200 рублей. 300 рублей идетъ у насъ ежегодно на покупку книгъ и выписку журналовъ. Благодаря разнообразности и обширности географической литературы, мы почти всѣ ихъ тратимъ на одни періодическія изданія. Названій 60 получаемъ путемъ обмѣна и названій 20 выписываемъ за деньги. Спеціальныя книги баснословно дороги, а при музеѣ обойтись безъ нихъ нельзя. Вотъ уже третій годъ хлопочу я, какъ бы выписать для Отдѣла сочиненіе Науманна о птицахъ и «The sacred books of the East»; но одно стоитъ 350, другое 250 р., а для насъ безъ нихъ работа не въ работу. На объясненія коллекцій публикѣ выходитъ по 20 р. въ мѣсяцъ. Мы держимся системы объясненій Московскаго политехническаго музея. вмѣсто перечня коллекцій, мы беремъ одну какую-нибудь группу предметовъ, готовимъ ее и затѣмъ платимъ по 5 р. объясняющему за 2 часа. Система бесплатныхъ объясненій не привилась. Нуженъ большой контингентъ объяснителей, какого въ Иркутскѣ не набрать. Большую часть бумагъ я составляю и переписываю самъ; на канцелярскіе расходы съ писцомъ выходитъ 250 рублей. Я получаю жалованья 600 рублей въ годъ, консерваторъ и онъ-же библіотекаръ—350. На научныя предпріятія остается у насъ, такимъ образомъ, отъ 300 до 400 рублей въ годъ. Ни я ни консерваторъ не можемъ существовать на жалованье; мы беремъ постороннія работы, беремъ, какія попало. Сравниваютъ иногда положеніе Отдѣла съ положеніемъ мѣстнаго городского музея и спрашиваютъ: какъ-же эти музеи существуютъ на свои ничтожныя средства? Очень плохо существуютъ! На столько плохо, что если имъ не придетъ на помощь правительство—они замрутъ. Потому къ такимъ учрежденіямъ и требованія предъявляются другія. Что сдѣлали—то и ладно. Вамъ при началѣ дѣятельности прежде всего нужно имѣть въ виду вопросъ о средствахъ. Членскіе взносы, дающіе намъ тысячу, у Васъ, въ первое время, будутъ ничтожны, если не будете набирать кого попало, что при началѣ не совсѣмъ удобно, пока не составятся прочныя кадры. Расходы-же будутъ громадны. Кромѣ ежегодной субсидіи, необходимы средства на первоначальное обзаведеніе. Необходимо

при началѣ обезпечить хотя бы однимъ или двумя работниками Общество, которые тратили бы *все свое время на него*. Прежде всего нужно въ такомъ обширномъ районѣ, какъ Вашъ, завести всюду корреспондентовъ и поддерживать съ ними переписку. Живущій гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустѣ работникъ, нуждается въ поддержкѣ. Переписка по научнымъ вопросамъ—это для него манна небесная. Не надобно скучать давать отвѣта на ихъ запросы, часто пустые и наивные. Мѣстные самоучки крайне самолюбивы, но только приласкайте такого человѣка—онъ сдѣлается незамѣнимымъ поставщикомъ матеріала. Разсылка программъ для изслѣдованія того или другого ряда научныхъ вопросовъ рѣдко ведетъ къ цѣли. Совсѣмъ иные результаты получаются, если Вы задаете каждому корреспонденту особые вопросы, приноровляясь къ его мѣсту жительства, индивидуальности и силамъ. Этотъ крестъ переписки несетъ на себѣ секретарь или правитель дѣлъ Общества. Всегда желательно имѣть на этомъ посту человѣка съ свободнымъ временемъ и обезпеченнаго службою въ Обществѣ. На жалованье консерватору и правителю дѣлъ въ провинціальномъ Обществѣ скупиться не слѣдуетъ. Занятый другой службой человѣкъ поневолѣ сведетъ отправленіе должности на составленіе протоколовъ, отчетовъ, подшивку бумагъ, отписки. Лучшими временами В. С. Отдѣла были тѣ, когда бывали лучшіе правители дѣлъ, какъ Сельскій, Усольцевъ, Потанинъ. У Васъ въ области есть нѣсколько лицъ, близко знакомыхъ съ нашимъ Отдѣломъ, напримѣръ, генералъ Унтербергеръ, нашъ бывшій предсѣдатель, и во Владивостокѣ почтенный Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буссе. Эти лица, а также и другія могутъ достаточно компетентно провѣрить мои указанія и дополнить ихъ.

Громаднымъ подспорьемъ для дѣятельности Отдѣловъ являются мѣстные музеи. Нѣкоторые смотрятъ на нихъ, какъ на конкурентовъ, но это взглядъ донельзя дикій. Районъ слишкомъ великъ, отдѣльныхъ корреспондентовъ мало. Только при мѣстныхъ музеяхъ можно собирать и уберегать мѣстные матеріалы. Особенно важно это теперь, когда набѣзжаетъ масса новыхъ лицъ въ Сибирь и стараются вывозить изъ нея сувениры. Судьба этихъ сувенировъ—валяться на письменныхъ столахъ и этажеркахъ любителей, и они пропадаютъ для науки безслѣдно. Около мѣстныхъ музеевъ группируются мѣстныя силы; это даетъ возможность собирать свѣдѣнія путемъ перепис-

ки съ отдаленными мѣстностями. При небольшихъ средствахъ,— эти музеи даютъ возможность собрать матеріалы о любопытной мѣстности, не посылая туда экскурсанта. У Васъ есть очень хорошенкій музей въ Нерчинскѣ. Явится надобность, и Кузнецовъ соберетъ Вамъ, что слѣдуетъ, напишетъ хорошій отчетъ за какіе-нибудь полторы сотни рублей.

Нуженъ необходимо мѣстный музей въ Троицкосавскѣ.

Тамъ собраны и матеріалы для этого. Хлопоталъ тамъ и я объ этомъ. Прочелъ тамъ публичную лекцію на тему о мѣстныхъ музеяхъ. Лекція понравилась настолько, что попросили сотню отдѣльныхъ оттисковъ въ Кяхту, но дѣло впередъ не двинулось благодаря опасеніямъ—хорошо то хорошо, да какъ посмотреть на это высшее начальство. Новая затѣя, какъ бы то ни было,—страшно!!

Одного слова о желаніи Начальника края было-бы достаточно, чтобы двинуть дѣло. А Кяхта, при ея большихъ денежныхъ средствахъ, при связи съ Китаемъ, могла бы создать не только мѣстный, но и Монгольско-Китайскій музей, такой музей, которому стали-бы завидовать столицы. Надобно только разрѣшить, подбодрить, поощрить, дать понять, что такое дѣло встрѣтитъ сочувственный откликъ въ высшихъ мѣстныхъ сферахъ. Безъ этого инерція и отчасти скупость помѣшаютъ дѣлу. Жалко бросить каждому по тысячѣ рублей, которыхъ и истратить-то некуда, а будутъ отговариваться тѣмъ, что не знаемъ молъ, какъ отнесется къ этому начальство?

Раіонъ Вашего будущаго Отдѣла и нашего тѣсно соприкасаются; необходимо будетъ поддерживать намъ постоянныя сношенія: Забайкальская и Иркутская области лежатъ на нашихъ плечахъ и на Вашихъ. Что не подъ силу одному Отдѣлу, можно-бы поднять общими силами. Есть, на примѣръ, за Байкаломъ хорошій антропологъ Талько—Гринцевичъ. Мы даемъ ему кое какія пособія, но если-бы въ его изслѣдованіяхъ приняли участіе и Вы, можно бы облегчить и ускорить его работу.

Книги запакованы и посылаются Вамъ. Сочиненія Маака у насъ только и есть, что въ библіотекѣ,—это не наше изданіе. Кстати о книгахъ. Хорошо-бы обратиться въ Цензурный Комитетъ. Тамъ много валяется ихъ даромъ.

По обстоятельствамъ, мнѣ, вѣроятно, придется оставить службу въ Отдѣлѣ, а потому все, что я пишу объ отношеніяхъ нашихъ въ будущемъ—дѣло моего преемника.

Вы совсѣмъ забыли насъ, а мы Васъ часто вспоминаемъ. Вацлавъ Леопольдовичъ Сѣрошевскій и нашъ консерваторъ Левинъ просятъ передать Вамъ отъ нихъ поклоны. Не напишите ли страничку почтовой бумаги о результатахъ Вашего путешествія, для включенія въ очеркъ научной дѣятельности въ В. Сибири за 1893 годъ.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности
Д. Клеменцъ.

29 октября 1893 г.

54.

Письмо къ Г. Н. Потанину.

Дорогой и многоуважаемый

Григорій Николаевичъ!

Грустная вѣсть о кончинѣ Александры Викторовны собрала членовъ Отдѣла, Вашихъ друзей и друзей покойной въ зданіе Отдѣла на панихиду. Отдавъ послѣдній долгъ, собравшіеся обмѣнивались между собою своими чувствами и мыслями по поводу горестнаго событія. Горько и обидно было намъ, что никто изъ насъ не можетъ лично раздѣлить Вашего горя, что въ трудную минуту Вы находитесь тамъ—далеко отъ тѣхъ лицъ, которыя всегда глубоко любили и уважали Васъ и Александру Викторовну. Вспомнилось намъ, какъ часто многіе изъ насъ находили привѣтъ, участіе и облегченіе въ трудныя времена среди Вашей семьи, и у насъ явилось желаніе, за невозможностью иначе раздѣлить Ваше горе, писать къ Вамъ. Горе Ваше настолько велико, что не допускаетъ мысли объ утѣшеніи.

У насъ одна забота, одна мольба къ Вамъ—берегите себя; одна надежда, что душевныя силы не оставятъ Васъ при этомъ испытаніи. Снова повторяемъ, берегите себя и для науки и для друзей, которымъ Вы такъ нужны и такъ дороги. Вы были душой нашего Отдѣла, Ваше имя было тѣсно связано со всякимъ добрымъ начинаніемъ у насъ. Вспомните, сколько горькихъ утратъ понесло наше маленькое провинціальное ученое общество; при всѣхъ этихъ потеряхъ невольно мысль останавливалась на

Васъ. У насъ есть еще другъ, любящій науку, любящій и наше Общество и страну, въ которой работаемъ мы.

Одно искреннее желаніе соединяетъ теперь, всѣхъ насъ знавшихъ Васъ и Александру Викторовну—желаніе видѣть Васъ возможно скорѣе въ Иркутскѣ, среди насъ.

Помните, что теперь, послѣ потери неизмѣннаго друга и товарища Вашихъ трудовъ, есть люди, есть друзья у Васъ, которымъ Вы близки и дороги, и мы никому-бы не желали уступить нашего друга. Пусть не оставляютъ теперь Васъ мужество и твердость, такъ долго и всегда служившія Вамъ, и, если сочувствіе и участіе друзей и товарищей можетъ хоть сколько-нибудь облегчить Ваше трудное положеніе, то можете быть твердо увѣрены, они всегда были и будутъ съ Вами.

Итакъ, до возможно скорого свиданія, дорогой и многоуважаемый Григорій Николаевичъ. Шлемъ привѣтъ и наши искреннія соболѣзнованія Вамъ и творимъ вѣчную память усопшей.

По порученію присутствовавшихъ на панихидѣ 27 октября товарищей, подписываемся за нихъ:

Предсѣдатель Отдѣла В. Сукачевъ.

Правитель Дѣлъ Д. Клеменць.

Письмо къ А. М. Зайцеву.

Многоуважаемый

Алексѣй Михайловичъ!

Очень благодаренъ Вамъ за сообщенія о Вашихъ работахъ, которыя будутъ цѣликомъ включены въ отчетъ.

Въ Сиб. Вѣстникѣ кто-то писалъ о Вашей экскурсіи въ Симоново въ 30 в. отъ Ачинска. Что новаго нашли тамъ? Напрасно Вы предполагаете возможность какихъ бы то ни было недоразумѣній между нами, особенно по поводу работы, за которую, кромѣ благодарности, ничѣмъ не могу отвѣтить Вамъ. Лопатину я писалъ при посылкѣ оттиска только по слѣдующимъ причинамъ: мы значительную часть дороги совершили съ нимъ вмѣстѣ по южно-енисейской тайгѣ; онъ ее хорошо зна-

еть и давалъ мнѣ кое-какія указанія. Посылая работу И. А. Лопатину, я хотѣлъ только напомнить ему, что не весь матеріалъ еще использованъ, и что явленія, на которыя онъ обращалъ мое вниманіе, не пропущены мною. Спасибо Вамъ за обѣщаніе сообщить дальнѣйшіе матеріалы, но если-бы Вы знали, какова каторжная должность секретаря провинціального Общества, особенно въ Иркутскѣ, гдѣ теперь такъ мало научныхъ работниковъ, Вы бы не подивились тому, что у меня залежится матеріалъ. Давно обѣщаль я статью Реутовскому объувальныхъ розсыпяхъ, собралъ литературу; но написалъ всего одну страницу. Заготовлено у меня для него статья о добычѣ золота въ Хангаѣ, въ Монголіи, но не могу дописать за недостаткомъ времени. Это, впрочемъ, на недѣлѣ кончу непременно. Завидую я тому, что Вамъ удастся повидаться съ геологами, изслѣдовавшими югъ Енисейской губерніи. Мнѣ о многомъ любопытно-бы поговорить съ ними! Мое положеніе теперь таково, что меня необходимость заставляетъ теперь заниматься. Какъ Вы думаете, чѣмъ?—Составлять инструкцію для изслѣдованія брачныхъ обрядовъ и обычаевъ Сибирскихъ инородцевъ. Вотъ Вамъ и геологія.

Надѣюсь, однако, скоро все это кончится—академія командируетъ меня на два съ половиною года въ Монголію, уѣду, должно быть, въ февралѣ, до весны проживу въ Ургѣ, зиму 94—95 года, должно быть, въ Улясутаѣ, а 95—96 не знаю еще, гдѣ: въ Кобдо, а, можетъ быть, въ Хами или Турфанѣ, а затѣмъ, можетъ быть, и черезъ Томскъ въ Питеръ. Всѣ собранные матеріалы понемногу спроваживаю въ Академію, а потомъ, если буду живъ, займусь ими.

Оссовскаго по работамъ я достаточно знаю, написалъ бы къ нему, да не знаю имени и отчества. Въ качествѣ нашего сочлена не соблаговолите-ли попросить у него чего-нибудь для отчета о его работахъ. Что молчитъ Станиславъ Иосифовичъ? Правда-ли, что онъ ѣдетъ лѣтомъ за Байкалъ? Это было-бы пріятно.

Поклонъ всѣмъ знакомымъ; съ искреннимъ уваженіемъ

Вашъ слуга Д. Клеменцъ.

Письмо къ А. В. Адрианову.

Многоуважаемый

Александръ Васильевичъ!

Объ экспедиціи Буйвида я слышалъ еще весною въ Кяхтѣ, думаю, что она уже гуляла нынѣ лѣтомъ. Буйвидъ—виннозаводчикъ и золотопромышленникъ и, главное, родственникъ архимилліонера Нѣмчинова. Деньги на экспедицію онъ всегда найдетъ, и можно пожалѣть только, что она попадетъ въ руки, не внушающія довѣрія. Въ качествѣ ученаго геолога и топографа, ею будетъ завѣдывать нѣкто г. Геллеръ. Если интересуетесь имъ, то можете навести справки въ геологическомъ кабинетѣ университета у Якова Антоновича Макерова, послѣдній съ нимъ сталкивался во время своихъ поѣздокъ на забайкальскіе пріиски. Меня познакомили съ Геллеромъ въ Кяхтѣ прошлой весной, когда я собирался выѣзжать въ Монголію. Геллеръ, по словамъ его, уже 20 лѣтъ занимается геологіей, штудировалъ долго въ Россіи и заграницей. Онъ сообщалъ мнѣ, что намѣренъ создать геологическую карту Забайкалья въ 5-ти верстномъ масштабѣ, опредѣливъ предварительно микроскопически всѣ входящія въ составъ мѣстности горныя породы. Назвалъ себя специалистомъ по изученію горныхъ рудныхъ мѣсторожденій, по преимуществу золота, объявилъ, что когда выйдетъ его трудъ—онъ совершенно ниспровергнетъ классификацію рудныхъ мѣсторожденій Гродека. Золото, по его мнѣнію, стоитъ въ связи съ вулканическими процессами, и онъ даетъ новыя критеріи для открытія и розысковъ золота. Геллеръ былъ у меня съ визитомъ, обязанности хозяина не позволяли мнѣ сколько-нибудь рѣзко отнестись къ нему, но, потолковавъ немного, я всячески старался прекратить ученый разговоръ, который становился почти невыносимъ. Господинъ этотъ импонируетъ своей самоувѣренностью, и, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ человѣкъ, незнакомый съ геологіей, то онъ старался свою бесѣду безъ всякой надобности пересыпать по возможности наименѣе знакомыми для публики геологическими терминами.

Вотъ образчикъ нашей бесѣды и сужденій Геллера.

Геллеръ: Я вижу, что Забайкалье было сплошь покрыто ледниками.

Я:—интересно, въ чемъ вы видите слѣды ледниковъ.

Геллеръ—Вся пластика мѣстности доказываетъ это.

Я—Пластика Забайкалья, на мой взглядъ, не носить на себѣ какого-либо оригинальнаго характера, она сходна съ Монгольской; какія особенности ея вы считаете произведеніемъ ледниковъ?

Г.—Общій видъ мѣстности.

Я—Васъ не смущаетъ отсутствіе ледниковыхъ отложеній? вѣдь ихъ здѣсь до сихъ поръ никто не видалъ.

Геллеръ.—А вотъ въ этомъ-то и задача. Нужно найти причину, объяснить, почему ледники здѣсь были, но отложеній ледниковаго лёсса не было.

Оставалось только смиренно умолкнуть.

Мой товарищъ по Отдѣлу, инженеръ—технологъ Янчуковскій, очень долго управлявшій Амурскими золотыми промыслами Верхне-Амурской К^о, сталкивавшійся съ Геллеромъ, вынесъ такія же впечатлѣнія изъ знакомства съ этимъ господиномъ. По моему, это одинъ изъ тѣхъ субъектовъ, которые способны пускать пыль въ глаза и примащиваться къ богатымъ людямъ, особенно къ золотопромышленникамъ, которые любятъ покровительствовать наукамъ и ждутъ отъ непризнанныхъ и невѣдомыхъ міру мыслителей—геологовъ открытія тайнъ нѣдръ земли.

До затѣй Геллера мнѣ не было бы никакого дѣла, если бы онъ своими фокусами и пышными обѣщаніями не испортилъ хорошаго дѣла. Благодаря связямъ съ крупными золотопромышленными компаніями, нашему члену Янчуковскому улыбалось предпріятіе—достать средства для продолженія изученія приисковъ, которое такъ хорошо было начато Макеровымъ и Обручевымъ. Но и программа изученій и результаты предполагались гораздо скромнѣе, открытія новыхъ путей въ наукѣ и Technikѣ никто не обѣщалъ. Предполагалось пригласить геолога изъ Петербурга, который и занялся-бы собираніемъ матеріаловъ. Разумѣется, такая программа не могла идти въ версту съ обѣщаніями геолога, уже 20 лѣтъ работающаго надъ извѣстнымъ вопросомъ и составившаго себѣ совершенно новый оригинальный взглядъ на дѣло. Пока Янчуковскій хлопоталъ въ Иркутскѣ—Геллеръ устроился въ Кяхтѣ.

Вамъ, конечно, извѣстно уже о смерти Потаниной и о концѣ экспедиціи. Я со дня на день жду телеграммы о пріѣздѣ Потанина въ Кяхту, гдѣ будетъ онъ хоронить свою жену. Изъ писемъ Кашкарова, препаратора Потанина, видно, что не одна

болѣзнь Александры Викторовны была причиною неудачи экспедиціи: захворалъ и попросился домой и препараторъ Потанина Кашкаровъ. Потанинъ думалъ довести больныхъ до Пекина, а самъ думалъ пуститься странствовать въ одиночку по южной Монголіи съ тѣмъ, чтобы къ концу срока пододвинуться къ Кяхтѣ. Похороны Кяхтинское купечество принимаетъ на свой счетъ.

Мнѣ, по всей вѣроятности, придется оставить службу въ Отдѣлѣ. Вотъ уже третій годъ, какъ я ѣзжу по порученіямъ Академіи въ Монголію каждое лѣто, но такія поѣздки, при моемъ служебномъ положеніи, приносятъ Академіи очень мало пользы и наносятъ ущербъ Отдѣлу, запускаются дѣла. Я былъ увѣренъ, что, пріѣхавъ, найду напечатанный отчетъ за прошлый годъ, но мнѣ приходится печатать его самому теперь. При ничтожныхъ средствахъ типографіи, печатаніе тянется съ убійственной медленностью. Переписка крайне запущена. Возвращаясь изъ экспедиціи, я долженъ садиться за дѣла Отдѣла, и въ тоже время Академія требуетъ отчета; дѣлать то и другое понемножку—трудно. Секретарь здѣсь въ Иркутскѣ долженъ посвящать все свое время Отдѣлу, иначе выходятъ чистые курьезы—ревизионная комиссія, напр., съ мая мѣсяца до сихъ поръ не представила доклада своимъ довѣрителямъ, а она должна его представить черезъ двѣ недѣли. У насъ ревизіи не похожи на Ваши въ Обществѣ. Помимо несовмѣстимости службы секретаря съ экспедиціей въ Монголію, я нахожу нужнымъ и по личнымъ причинамъ устраниваться отъ дѣлъ. Опасенія, которыя я высказывалъ Вамъ въ своемъ отвѣтѣ на Ваше письмо, начинаютъ оправдываться. Генераль-Губернаторъ по старому крайне внимателенъ, любезенъ лично со мной, но предпріятія Отдѣла задерживаетъ. Сибиряковъ, напримѣръ, предложилъ Отдѣлу 10,000 на изслѣдованіе Якутской области съ тѣмъ, чтобы административную организаціонную часть работы я взялъ на себя. Надобно сказать, что теперь моментъ для изслѣдованія Якутовъ чрезвычайно благопріятный. Тамъ теперь пока проживаетъ много политическихъ ссыльныхъ, серьезно знакомыхъ съ языкомъ Якутовъ, ихъ обычаями, и людей образованныхъ. Цѣлый рядъ статей и такіе труды, какъ Якутско-русскій словарь, достаточно говорятъ сами за себя. Я думалъ, что, привлекая ихъ къ научнымъ работамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствую и въ видахъ ад-

министраціи. Чего-же лучше, если люди, временно удаленные по неблагонадежности въ отдаленный край, останутся тамъ сверхъ срока на неопредѣленное время ради такого безобиднаго дѣла, какъ научныя изслѣдованія. Въ этомъ краѣ нѣтъ мѣста для какихъ-либо политическихъ агитацій, тамъ они никому вреда принести не могутъ, не могутъ и беспокоить собой правительство. Научныя занятія не такая вещь, за которую разъ взявшись, легко бросить. Наука привлекаетъ къ себѣ. Все это я изложилъ Покровителю Отдѣла. Онъ разрѣшилъ участвовать ссыльнымъ въ изслѣдованіяхъ, но на условіяхъ, при которыхъ самъ Отдѣлъ берется нѣкоторымъ образомъ подъ надзоръ; именно: всѣ рукописи этой экспедиціи, безразлично, какъ лицъ политически скомпрометированныхъ, такъ и совершенно благонадежныхъ (въ числѣ обозначенныхъ мною сотрудниковъ фигурируютъ секретарь областного Комитета и два исправника) подвергаются цензурѣ мѣстнаго Губернатора. Я, которому поручается руководство экспедиціей, обязанъ докладывать г. Губернатору о расходованіи суммъ.

Условія эти проникнуты глубокимъ, подозрительнымъ недовѣріемъ не ко мнѣ лично, а къ учрежденію. Надзоръ за лицами, участвующими въ экспедиціи, подлежитъ губернатору — объ этомъ ни слова, но дѣлать его цензоромъ научныхъ трудовъ, рукописей, нѣтъ основанія. Цензура ихъ въ слишкомъ хорошихъ рукахъ. За сорокъ лѣтъ существованія, Отдѣлъ не получилъ еще ни одного намека, ни одного замѣчанія на счетъ своихъ изданій — никто не можетъ его упрекнуть въ томъ, что онъ злоупотреблялъ свободой печатанія, предоставленной ему. Можетъ быть, — я, по крайней мѣрѣ, думаю такъ, — что г. Губернаторъ не могъ, считалъ для себя неудобнымъ предложить иныя условія, когда экспедиція поручена мнѣ. Я предложилъ Комитету принять эти условія, но администраторомъ экспедиціи назначить лицо съ болѣе положительной репутаціей. Тогда условія измѣнятся сами собой. Академія наукъ предложила мнѣ ѣхать въ Монголію на два съ половиной года, для изслѣдованія сѣверо-западной Монголіи въ археологическомъ отношеніи. Это дастъ возможность не ограничиваться одними бѣглыми маршрутными работами, а взяться за болѣе подробное изслѣдованіе, остановиться на такихъ пунктахъ и областяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ маршрутовъ. Я разсчитываю, что Потанинъ, вернувшись въ Иркутскъ, отдохнувъ и оправившись отъ удручающихъ его

впечатлѣній, не откажется лѣтомъ сѣздить въ Якутскъ и устроить тамъ дѣло. Въ случаѣ же, если онъ откажется отъ участія, В. С. Отдѣлу останется только передать эту экспедицію въ руки Общества, сознавшись, что сами мы устроить ее не въ силахъ.

По поводу моей поѣздки въ Монголію я имѣю сдѣлать предложеніе—не найдется-ли зоолога, который пожелалъ-бы проработать лѣто въ Монголіи. Я не имѣю возможности приглашать съ собой сотрудниковъ на свой счетъ, да если-бъ средства экспедиціи и позволяли, я обязанъ былъ-бы употребить ихъ на расширеніе прямо относящихся къ моимъ задачамъ изслѣдованій; но если-бъ какое нибудь учрежденіе или какой-нибудь ученый нашелъ-бы полезнымъ сдѣлать такую поѣздку, я бы устроилъ его весьма дешево. Какія издержки нужны будутъ на проѣздъ до Иркутска и обратно, я не берусь опредѣлить, но на самую поѣздку въ Монголію достаточно будетъ 600 рублей. За эти деньги экскурсанту я найду верблюда и человѣка, который будетъ ему служить, буду продовольствовать его. Экскурсантъ можетъ дѣлать боковыя экскурсіи отъ каравана. Нужно только, чтобы человѣкъ былъ уживчивый и способный выносить неприхотливую обстановку. Я думаю въ 1894 году пройти по рѣчкѣ Харухъ, пересѣчь малыя Гоби по Аргуинъ-Голу и обойти по Б. Алтаю съ юга, затѣмъ подняться въ Хангай по Нарыну, осмотрѣть верхнее теченіе Хоиту-Тамира, пройти по Дзапхыну до Улясутая, а осенью походить къ сѣверу отъ него. Экскурсанта я изъ Улясутая переправлю въ Урянхайскую землю, тамъ его русскіе примутъ очень хорошо, и онъ можетъ вернуться по Енисею въ Минусинскъ, откуда, разумѣется, уже можетъ ѣхать, куда угодно. Экспедиція будетъ состоять изъ меня, моей жены и одного русскаго рабочаго. Если экспедиціи суждено будетъ состояться, я уѣду въ концѣ февраля въ Ургу, гдѣ буду ждать товарища до Мая. На указанные выше средства болѣе одного верблюда для груза и коллекцій не обѣщаю. Конечно, будетъ лошадь и сѣдло для путешественника. Для него же наймется особый человѣкъ.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности Вашего слуги Д. Клеменць.

Въ Императорскую Академію наукъ.

Препровождая въ Императорскую Академію наукъ свой дневникъ путешествія по Монголіи въ 1893 году, я уже тѣмъ самымъ нарушаю хронологическій порядокъ своихъ отчетовъ. Отчеты 1891-го и 92-го годовъ еще не посланы. Причина этого заключается въ томъ, что я самъ по себѣ, безъ особаго разрѣшенія, никогда не рѣшился бы представить Академіи наукъ одни голые дневники безъ предварительной обработки ихъ, сличенія собственныхъ наблюденій съ данными литературы о Монголіи и разбора свѣдѣній, касающихся теоретическихъ вопросовъ, затронутыхъ наблюденіями. Только послѣ письма академика Радлова, гдѣ онъ сообщилъ мнѣ, что Академія дозволяетъ мнѣ ограничиться на первое время предварительными отчетами и дневниками, рѣшаюсь я послать свой дорожный дневникъ. Онъ въ текущемъ году и велся мною съ тѣмъ расчетомъ, чтобы онъ могъ быть отправленъ, по перепискѣ его, на усмотрѣніе Академіи. За немногими исключеніями, текстъ дневника является въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ былъ на мѣстѣ, во время путешествія. Все, болѣе или менѣе требующее провѣрки, предположенія и замѣтки, внесенныя карандашомъ во время самаго пути, съ цѣлью остановиться на затронутыхъ вопросахъ, впослѣдствіи не внесены въ текстъ дневника. Исключены изъ него также нѣкоторые матеріалы по своей громоздкости, большому объему. Прошу поэтому не судить о количествѣ собранныхъ матеріаловъ по дневнику. Напримѣръ, геологическія наблюденія, которыя послѣ археологіи наиболѣе меня интересуютъ, по большей части заносились особо. Равнымъ образомъ я не рѣшался включить въ дневникъ записанную сказку, повѣрье или поговорку, загадку, такъ какъ, при несоблюденіи этого правила, работа была-бы до нельзя пестра. Заносились цѣликомъ только попутныя географическія данныя и наблюденія археологическія.

Считаю нужнымъ напомнить также здѣсь, что мною не включены сюда и метеорологическія наблюденія и опредѣленія высотъ, такъ какъ они до сихъ поръ еще не вычислены. Списки и коллекціи горныхъ породъ также будутъ высланы мною особо, черновики маршрутной съемки переданы будутъ мною подполковнику Щеглову для обработки. Фотографическихъ снимковъ я тоже пока

могу послать только часть, благодаря тому, что печатаніе ихъ идетъ зимою въ Иркутскѣ крайне медленно.

Изъ посылаемыхъ мною матеріаловъ и приложений къ отчету я останавлиюсь только на фотографіяхъ и на нѣкоторыхъ планахъ. Въ фотографіяхъ непременно должно броситься въ глаза отсутствіе типовъ населенія и сценъ. Я въ этомъ отношеніи былъ поставленъ въ весьма неблагопріятныя условія: сцены требуютъ моментальнаго аппарата, котораго у меня нѣтъ, что касается до типовъ, то я убѣдился, что для составленія коллекціи ихъ необходимо продолжительное пребываніе на какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ. Здѣсь только можно постепенно пріучить къ себѣ людей и подобрать лицъ, не боящихся фотографіи. При такихъ же условіяхъ только и возможно приступить къ антропометрическимъ измѣреніямъ, безъ которыхъ и самое значеніе фотографіи типовъ умалывается и не достигаетъ научныхъ цѣлей. Въ фотографіяхъ видовъ я не гнался за красотою мѣстности и смотрѣлъ на нихъ только какъ на наглядное дополненіе къ дневнику, и поэтому сопровождаю списокъ подробными описаніями. Изъ памятниковъ прошлаго Монголіи по своей многочисленности занимаютъ первое мѣсто такъ называемые керексуры или киргизскія могилы. Содержимое ихъ до сихъ поръ мало изучено. До сихъ поръ единственными остаются раскопки академика Радлова, но на востокѣ, въ Забайкальской области, никто за нихъ еще серьезно не принимался, и потому мы пока не имѣемъ права относить ихъ всѣ къ одной эпохѣ.

Распространеніе ихъ, изученіе разнообразныхъ формъ украшеній, по-моему, представляетъ предметъ высокаго интереса. Въ сложныхъ сочетаніяхъ керексуры представляютъ развитіе одного изъ древнѣйшихъ орнаментовъ—кружка съ точкой. Если допустить, что всѣ керексуры представляютъ памятники сравнительно поздней эпохи—они все-таки являются пережиткомъ глубокой, незапамятной старины. Устройство такихъ надгробныхъ памятниковъ, какъ керексуры, должно вести свое начало изъ той эпохи, когда человѣкъ обладалъ слабыми техническими познаніями. Чтобы почтить память покойника, скинъ насыпалъ высокій курганъ, ставилъ на немъ каменную бабу. Обитатель юга Сибири, въ эпоху бронзоваго вѣка, огораживалъ могилу высокими плитами, иногда, можетъ быть, выбивалъ на нихъ рисунки пунктиромъ, придавалъ плитѣ видъ сидящей фи-

гуры человѣка; или у строителей керексуровъ ничего не было подобнаго въ ихъ распоряженіи: нагромождать кучу камней, изъ тѣхъ-же грубыхъ обломковъ скалъ настроить кружковъ съ точками или безъ точекъ, надѣлать изъ нихъ массу вычурныхъ, но грубо скомпакованныхъ узоровъ—вотъ средства, которыми располагалъ народъ—строитель керексуровъ. Эти сооруженія были бы по силамъ и представителю каменнаго вѣка, и оттуда ведутъ, вѣроятно, керексуры свое начало. Нужды нѣтъ въ томъ, если окажется, что всѣ керексуры будутъ памятниками сравнительной новой эпохи: у данной группы племенъ могъ сохраниться, ввидѣ пережитка, обычай, давно брошенный или даже существовавшій въ зачаточной формѣ у другихъ. Несомнѣнно, что самый древній способъ погребенія—бросаніе покойника на съѣденіе звѣрямъ, т. е. почти полное отсутствіе погребенія. Этотъ древній обычай практикуется у Монголовъ до сихъ поръ, а погребеніе въ могилахъ, въ землѣ,—обычай сравнительно новый,—является остаткомъ древности, онъ не употребляется теперь у обитателей Монголіи.

Первый ознакомилъ насъ съ внѣшними формами керексуровъ Г. Н. Потанинъ. Несмотря однако-же на собранный имъ значительный матеріалъ, мнѣ кажется, что дѣло требуетъ дальнѣйшей разработки. Мы не можемъ рассчитывать на сколько-нибудь обширныя раскопки въ Монголіи, да если бы таковыя и удалось организовать—прежде всего ихъ нужно было-бы направить на освѣщеніе уже поставленнаго вопроса о тукюэсскихъ и уйгурскихъ могилахъ, т. е. сосредоточить вниманіе на памятникахъ, имѣющихъ сравнительно ограниченное распространеніе въ Монголіи. Относительно керексуровъ мы поэтому пока должны ограничиться изученіемъ формъ ихъ и распредѣленіемъ ихъ по мѣстностямъ. Можно думать, что таковое дѣйствительно существуетъ. Какъ ни мало еще изучены въ археологическомъ отношеніи Монголія и Сибирь, но мы можемъ теперь уже сказать, что нѣкоторыя формы имѣютъ опредѣленные раіоны. Въ Забайкальѣ встрѣчаются керексуры, но сложныхъ формъ нѣтъ. Нѣтъ ихъ и въ Урянхайской землѣ и въ Минусинскомъ округѣ. До сихъ поръ можно указать пока два раіона, богатыхъ сложными формами—это западная часть Большого Алтая и Хангай съ его предгоріями. На самомъ Хангаѣ замѣчается нѣкоторая разни́ца по мѣстамъ, но на ней я пока настаивать не рѣшусь. Отмѣчу только, что керексуровъ, подобеныхъ видѣннымъ

мною на Тацаголѣ, до сихъ поръ не встрѣчено въ другихъ мѣстностяхъ. Нельзя предполагать, чтобы эти разныя формы не имѣли какого-нибудь значенія. Вѣроятно, если не всѣ, то нѣкоторыя комбинаціи имѣли нѣкоторое обрядовое или мѣстное значеніе. Въ этихъ соображеніяхъ я старался по возможности аккуратно снимать планы съ нихъ, разумѣется, не съ такою точностью, какая наблюдается при съемкѣ могилы, подлежащей раскопкѣ, но стараясь возможно ближе держаться подлинника. Все таки я недоволенъ большинствомъ своихъ плановъ, такъ какъ въ нихъ неизбежно допущена схематичность. Не имѣя возможности тратить время на болѣе тщательную съемку и вычерчиваніе плановъ всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ новыхъ формъ керексуровъ, я рѣшилъ представить въ болѣе крупномъ масштабѣ одинъ изъ нихъ. На немъ яснѣе, чѣмъ на другихъ, видно, насколько груба и первобытна работа на керексурахъ: симметрическое расположеніе кружковъ, ихъ размѣры и форма нигдѣ не соблюдаются. Все дѣлалось кое-какъ, все стараніе было употреблено на то, чтобы украшеній было побольше, чтобы они производили впечатлѣніе своей массой, а не тщательнымъ выполненіемъ частей. Это указываетъ на крайнюю грубость вкуса. Труда при сооруженіи большихъ керексуровъ не жалѣли, но дѣло представляется такъ, что какъ будто при работѣ не было тщательнаго надзора. Кружки закладывались разной величины, правильность рядовъ, величина зубцовъ не наблюдалась. Какъ будто работа обозначена была цѣлой толпѣ въ самыхъ грубыхъ общихъ чертахъ, а выполненіе деталей предоставлено было усмотрѣнію каждаго изъ работающихъ. Нѣкоторые изъ керексуровъ, не столько снятыхъ мною, сколько изображенныхъ у Потанина, положительно наводятъ на мысль, что они какъ будто не докончены, другіе, напротивъ, какъ-бы указываютъ, что къ старымъ придѣлывались какія-то новыя украшенія.

Всѣ эти соображенія и заставили меня, въ числѣ приложений къ отчетному дневнику, помѣстить планы керексуровъ въ сравнительно большомъ масштабѣ; полагаю, что таковыя будутъ умѣстны въ работѣ, главнымъ образомъ посвященной археологическимъ вопросамъ. По недостаточности собраннаго матеріала, по невозможности сравнить имѣющійся съ аналогичными сооружениями въ другихъ мѣстностяхъ, я пока ограничиваюсь сдѣланными мною замѣчаніями.

Правитель дѣлъ В. С. Отдѣла Дмитрій Клеменць.

Въ Императорскую Академію Наукъ.

Прежде, нежели приступить, согласно указанію Его Превосходительства, академика Василя Васильевича Радлова, къ изложенію плана предстоящей экспедиціи въ Монголію, считаю долгомъ выразить Академіи мою глубокую признательность за разрѣшеніе мнѣ долговременной командировки. Полагаю, что такимъ образомъ я сумѣю болѣе производительно воспользоваться предоставляемымъ мнѣ случаемъ для научныхъ работъ, не тратить времени для переѣздовъ въ Иркутскъ и, сосредоточась на одномъ дѣлѣ, буду имѣть возможность пополнить свои свѣдѣнія объ изучаемой мною странѣ и народѣ, которыя я считаю крайне недостаточными.

Каковы должны быть задачи предстоящей экспедиціи? Я полагаю, что измѣненіе срока командировки имѣетъ ввиду не столько расширеніе программы ранѣе намѣченныхъ изслѣдованій, сколько болѣе обстоятельное выполненіе уже ранѣе опредѣленныхъ задачъ. Среди послѣднихъ первое и самое главное мѣсто занимаетъ археологическое изученіе страны и, главнымъ образомъ, собираніе памятниковъ руническаго письма и стоящихъ въ связи съ этими памятниками остатковъ старины. Не дѣйствуя наугадъ, мы должны, стало быть, обратить преимущественное вниманіе на тѣ мѣстности, гдѣ мы имѣемъ вѣроятность встрѣтить таковыя памятники. Изслѣдованія г. Потанина указываютъ намъ въ широкихъ приблизительныхъ размѣрахъ границы распространенія такихъ остатковъ древности—главнымъ образомъ Большой Алтай на югѣ и Сибирь на сѣверѣ. Границы на востокѣ и западѣ неопредѣленны. Окончательно неизвѣстно, далеко ли памятники эти заходятъ на востокъ и переходятъ-ли черезъ Б. Хинганъ. Въ русскихъ предѣлахъ памятники эти извѣстны въ бассейнѣ Амура по Онону и Аргуни. На западѣ могильные памятники входятъ въ предѣлы Семирѣчья и отличаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчательнымъ обиліемъ и разнообразіемъ. Такъ какъ, судя по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, Академія Наукъ имѣетъ ввиду главнымъ образомъ сѣверъ и западъ Монголіи, то вопросъ о востокѣ мы оставимъ въ сторонѣ.

Если отбросить старыя предположенія на счетъ древнесиби-
скихъ письменъ въ Монголіи, идущія въ разрѣзъ со всѣми нашими свѣдѣніями, попытки американца Кемпбелля о древне-
японскихъ письменахъ и принять во вниманіе все, что намъ до

сихъ поръ извѣстно о распространеніи рунныхъ камней, керек-суровъ, маяковъ и каменныхъ могилъ, то сама собой является мысль направить изслѣдованія въ мѣста, гдѣ можно предполагать распространеніе турецкихъ племенъ. Разъ принявши такую отправную точку, мы уже не можемъ ограничить нашихъ поисковъ сѣвернымъ подножіемъ Б. Алтая, но должны осмотрѣть оба склона его. Это особенно важно для восточнаго продолженія Б. Алтая, о которомъ у насъ мало свѣдѣній. Дальнѣйшее движеніе на югъ и юго-востокъ черезъ Гоби или Алашань, по моему мнѣнію, не представляетъ большого археологическаго интереса. Русскія экспедиціи, странствовавшія тамъ въ послѣднее время, ничего не говорятъ объ археологическихъ памятникахъ. Встрѣченные г. Потанинымъ высокіе земляные курганы около Кукухото въ предпоследнюю экспедицію (извѣстно мнѣ изъ устныхъ сообщеній путешественника), лежатъ слишкомъ далеко къ юго-востоку и, какъ бы любопытны они ни были, не могутъ войти въ раіонъ изслѣдованій, такъ какъ отняли бы много времени. Срокъ же путешествія предполагается два года съ нѣсколькими мѣсяцами. Главными раіонами должны поэтому явиться слѣдующіе пункты и мѣстности: 1) Западный Хангай, и прилежающіе или, лучше сказать, противолежащіе участки Большого Алтая. Хангай и правые притоки Селенги, выше Ханынъ-гола совершенно неизвѣстны въ археологическомъ отношеніи. Точно такъ-же Наринъ-голъ, Байдарикъ, Дзапхынъ не осмотрѣны. Хотя г. Потанинъ утверждаетъ, что Дзапхынъ бѣденъ памятниками, но верхнее теченіе этой рѣки совершенно неизвѣстно. 2) Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и мѣстность между меридіанами Улясутая и Кошагача. Онъ естественно раздѣляется на три участка: Урянхайская земля, гдѣ, несмотря на многократные поиски, свидѣтельствующіе о богатствѣ памятниковъ, до сихъ поръ еще появляются сообщенія о вновь находимыхъ писаныхъ камняхъ, раіонъ внутреннихъ озеръ въ Монголіи и сѣверо-восточныя долины Б. Алтая. 3) Югозападный склонъ Б. Алтая и долина Чернаго Иртыша. Здѣсь наиболѣе подробные дневники указываютъ намъ на обиліе археологическихъ остатковъ. 4) Последнимъ участкомъ, смежнымъ съ предыдущимъ, является Тарбагатай. Свѣдѣнія о немъ до сихъ поръ недостаточно полны, но данныя о руническихъ надписяхъ, о каменныхъ бабахъ, собранныя въ послѣднее время, заставляютъ обратить на него особое вниманіе. Не меньшій интересъ представляютъ и склоны восточнаго

Тянь-Шаня, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ Чжунгарская степь суживается и переходитъ въ небольшой заливъ, но противъ всякаго ожиданія путешественники наши не сообщаютъ намъ свѣдѣній объ остаткахъ старины въ этихъ мѣстностяхъ. Въ настоящую минуту я рѣшительно отказываюсь сказать, будетъ ли у меня черезъ два съ половиною года достаточно времени для отдѣльной экскурсіи въ эту мѣстность. Я и не вижу практической надобности въ рѣшеніи этого вопроса. Если, какъ предполагается, работа будетъ итти нормальнымъ порядкомъ, я буду находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіей Наукъ. Необходимо будетъ, кромѣ письменныхъ извѣщеній о ходѣ работъ, присылать отъ времени до времени накапливающийся матеріалъ коллекторскій. Смѣю надѣяться, что Императорская Академія Наукъ будетъ всегда имѣть возможность своими предписаніями заблаговременно направлять мои маршруты въ томъ случаѣ, если-бъ обозначенныя мною предположенія не совпали съ ея видами и намѣреніями. Было бы весьма желательно прослѣдить распространеніе археологическихъ памятниковъ изъ Тарбагатая въ русскій Туркестанъ или, точнѣе, въ сѣверную часть его, пробраться черезъ Кульджинскій оазисъ къ Вѣрному, осмотрѣть главнымъ образомъ окрестности озера Балхаша и, подвигаясь къ сѣверу, выйти въ Семипалатинскъ. Полагаю, что результатомъ этого плана можетъ явиться достаточный матеріалъ для изученія ляпидарныхъ надписей и приблизительная археологическая карта Монголіи, достаточно полное знакомство съ памятниками зодчества. Имѣющіяся уже данныя и тѣ, которыя будутъ собраны о путяхъ сообщенія и распредѣленія населенія въ настоящемъ и прошломъ, дадутъ матеріалъ о движеніи народовъ. При этомъ останется, конечно, пробѣль—цѣлая область: бассейнъ р. Тарима, но эти мѣста нечего и думать включать въ районъ изслѣдованій предполагаемой экспедиціи, по недостатку времени и средствъ. Эта мѣстность, равно какъ Памиръ, Тяньшань и южный Туркестанъ, привлекали массу русскихъ путешественниковъ и иноземныхъ и будутъ привлекать въ будущемъ обиліемъ матеріала и разнообразіемъ природы. Мѣстные изслѣдователи изъ Ташкента могутъ выполнить эту задачу гораздо лучше моего. Говоря объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Монголіи, нельзя обойти молчаніемъ довольно странный фактъ: Сибирь, до широты Тюмени и сѣвернѣе, а въ Якутской области почти до полярнаго круга, даже до побережья

океана, полна остатками каменного вѣка, а между тѣмъ въ предѣлахъ средней Монголіи мы не знаемъ до сихъ поръ ни одной стоянки. Объяснять-ли этотъ фактъ одною невнимательностью путешественниковъ? Мнѣ кажется, никто изъ нихъ не заслужилъ подобнаго упрека. Отчего же въ Сибири на стоянки наталкивались такъ часто и мало заинтересованные этимъ люди, а въ Монголіи объ этомъ ничего не говорятъ лица, спеціально занятые археологіей. Мнѣ, напримѣръ, или г. Ядринцеву пришлось путешествовать по Монголіи послѣ того, какъ мы уже успѣли ознакомиться не по книгамъ только, а и по личному опыту съ хорошими стоянками каменного вѣка въ Сибири. Въ Урянхайской землѣ, напримѣръ, топографію которой я знаю довольно недурно, я не нашелъ нигдѣ каменныхъ орудій. Не находили тамъ ничего также ни Потанинъ, ни Адриановъ, ни Финляндскіе археологи. Съ памятниками мѣднаго и бронзового вѣковъ то же самое. Не слыхать о такихъ вещахъ въ Монголіи, не рассказываютъ тамъ о находкахъ въ такомъ обиліи встрѣчающихся въ разныхъ мѣстностяхъ въ Сибири. Разумѣется, здѣсь играетъ крупную роль слабое развитіе хлѣбопашества, почти полное отсутствіе рыболовства; но вещи находятъ не только на низменныхъ мысахъ рѣкъ, около рыбацкихъ тоней и при перепахиваніи земли, а также и въ песчаныхъ барханахъ, обрывахъ рѣкъ, промоинахъ. Самый южный предѣлъ извѣстныхъ мнѣ находокъ бронзовыхъ орудій—сѣверная часть Урянхайской земли, но и тамъ всѣ найденныя и купленныя вещи извѣстны на перечетъ. На разысканіе каменныхъ предметовъ и бронзовыхъ я, какъ и въ предыдущія поѣздки, намѣренъ обратить особое вниманіе.

При продолжительномъ пребываніи въ Монголіи я рассчитываю посвятить нѣсколько болѣе времени этнографическимъ наблюденіямъ. При бѣглыхъ встрѣчахъ, постоянныхъ переѣздахъ такія наблюденія поневолѣ должны были носить отрывочный характеръ; при недостаточномъ знаніи языка, я считалъ невозможнымъ заняться собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Съ такими плохими переводчиками, какъ у насъ при путешествіяхъ, можно ввести въ записи цѣлый рядъ недо-
разумѣній. Работамъ этнографическаго характера я намѣренъ посвящать главнымъ образомъ зимнее время. Выбирая для зимовокъ центральные пункты вроде Урги, Улясутая, Кобдо, и

всегда здѣсь скорѣе найду любопытнаго для меня человѣка, нежели на дорогѣ въ одинокомъ улусѣ. Зима собираетъ въ эти центры массу бѣдности, стариковъ, которые кормятся около болѣе зажиточныхъ лицъ. За небольшіе подарки бѣднякъ скорѣе скажетъ и сдѣлаетъ и узнаетъ, что нужно. Главное вниманіе въ этихъ изслѣдованіяхъ я все таки думаю обратить на бытовыя и хозяйственныя особенности населенія, юридическіе обычаи. Что касается до буддизма, то, путешествуя по Монголіи, нельзя игнорировать его, но изученіе его требуетъ такой предварительной подготовки и такого глубокаго изученія обширной литературы вопроса, которыми я не располагаю. Естественно-историческія наблюденія будутъ главнымъ образомъ сосредоточены на собираніи геологическихъ матеріаловъ и ботаническихъ коллекцій. По геологіи, прежде всего, интересно собрать матеріалы для выясненія строенія Хангая и Большого Алтая, равнымъ образомъ собрать данныя для сужденія объ исторіи Монгольскихъ степей, преимущественно Гоби. Самая западная часть, подлежащая изслѣдованію района—Тарбагатай и сѣверный Туркестанъ,—Джунгарская пустыня настолько обслѣдована специалистами, что матеріалъ, собранный мной, самостоятельнаго значенія имѣть не будетъ, но данныя, собранныя относительно восточной части Большого Алтая, западнаго Хангая, Ханхухе и внутреннихъ водоемовъ, какъ Убса, Киргизъ-Дурганоръ и др., не будутъ лишними въ наукѣ. Само собою необходимо веденіе метеорологическихъ наблюденій, тѣмъ болѣе, что во время зимовокъ придется долго жить на одномъ мѣстѣ. При геологическихъ наблюденіяхъ въ странѣ, недостаточно освѣщенной топографически, безусловно необходимо веденіе хотя-бы маршрутно-глазomѣрной съемки; кромѣ того, при выборѣ путей я буду по возможности обходить уже существующіе маршруты г.г. Рафаилова, Пѣвцова, Орлова, Матусовскаго, Пржевальскаго. Обращаюсь къ сбору ботаническихъ коллекцій. Намъ придется въ Монголіи встрѣтить три весны, придется въ разныя времена года посѣщать сосѣднія мѣстности. При такихъ условіяхъ является возможность и профану собрать достаточный матеріалъ. Думаю также, что въ этомъ отношеніи могутъ быть добыты и нѣкоторыя данныя по ботанической географіи.

Опыты мои съ дорожной фотографіей убѣдили меня, что хотя мои работы далеки отъ того изящества, которое мы при-

выкли видѣть въ работахъ профессиональныхъ фотографовъ и опытныхъ любителей, но они даютъ всетаки мало абсолютно неудовлетворительныхъ снимковъ и могутъ служить для нагляднаго ознакомленія съ мѣстностью. Полагаю, что и ихъ слѣдовало бы продолжать.

Относительно сбора зоологическихъ коллекцій я воздерживаюсь отъ какихъ-либо обѣщаній. Прошу при этомъ принять во вниманіе, что интересы зоолога въ путешествіи часто противоположны съ интересами геолога, археолога и ботаника. Какое-нибудь степное озеро можетъ заставить зоолога просидѣть на немъ нѣсколько дней, тогда какъ остальные могутъ покончить тамъ свои работы въ однѣ сутки. Если-бъ какое-либо ученое Общество нашло удобнымъ воспользоваться предполагаемой экспедиціей и послать при ней зоолога, то я постарался бы устроить его возможно удобно, освободивъ его отъ различныхъ дорожныхъ хлопотъ, и дешево. Думаю, что поѣздка на одно лѣто изъ Петербурга не обошлась бы дороже 1000 руб. Я считаю при этомъ 500 на проѣздъ до Монголіи и обратно; возможно имѣть въ дорогѣ одного верблюда, двухъ лошадей и человѣка на 4 мѣсяца. Экскурсантъ могъ-бы, иногда отставая и догоняя караванъ, пройти по нашему маршруту между Ургой и Улясутаемъ, изъ Улясутая въ Урянхайскую землю и въ Минусинскъ. Все это возможно, конечно, при самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ дорожнаго комфорта и при привычкѣ къ дорожнымъ трудностямъ. До Урги экскурсантъ долженъ добраться собственными средствами, но это и не трудно. Во всякомъ случаѣ, если этотъ планъ будетъ подлежать осуществленію, путешественникъ всегда будетъ имѣть возможность списаться со мной.

Приступаю теперь къ плану работъ на 1894-ый годъ. Въ текущемъ году въ В. С. Отдѣлѣ кончается срокъ трехлѣтней службы моей, предсѣдателя, и консерваторъ музея выходитъ въ отставку. При такой полной перемѣнѣ администраціи, принимая во вниманіе, что вмѣстѣ съ тѣмъ замѣщаются и пятеро членовъ Распорядительнаго Комитета, я не думаю окончательно раздѣлаться съ своими обязательствами къ Отдѣлу ранѣе конца марта мѣсяца и быть ранѣе половины апрѣля въ Ургѣ. Здѣсь я рассчитываю провести одинъ мѣсяцъ, чтобы снарядиться ко второй половинѣ мая. Экспедиція будетъ состоять изъ меня, моей жены, одного русскаго рабочаго, одного казака

и двухъ монголовъ. Лошади, верблюды, громоздкая кладь, припасы и инструменты будутъ заблаговременно отправлены на озеро Цаганъ-цегенъ-норъ и разстояніе между Ургой и этимъ урочищемъ будетъ пройдено съ возможною поспѣшностью на китайскихъ почтовыхъ. Мѣстность эта уже была пройдена нѣсколько разъ, и останавливаться на ней нѣтъ достаточныхъ основаній. Съ Цаганъ-цегена я полагаю двинуться на рѣчку Харуху съ тѣмъ, чтобы пройти ее до вершины: нижнее теченіе этой рѣчки извѣстно, вершина также, но о среднемъ мы не имѣемъ понятія, между тѣмъ она лежитъ по сосѣдству съ старымъ Орхономъ, на ней существуетъ земледѣліе,—мѣстность во всякомъ случаѣ менѣе глухая, нежели та, по которой я прошелъ съ Онгина на Толу, но и въ послѣдней встрѣчаются археологическіе памятники. Сосѣдство съ Орхономъ заставляетъ обратить на нее вниманіе. Нужно будетъ боковыми развѣздами попытаться выяснить, нѣтъ-ли здѣсь какой связи съ Кукшинъ-Орхонскими памятниками. Въ геологическомъ отношеніи эта мѣстность еще болѣе любопытна—это будетъ пересѣченіе восточнаго продолженія той плоскости, по которой текутъ оба Орхона. Любопытно будетъ отыскать найденные г. Левинымъ третичные пласты и опредѣлить положеніе ихъ. Изъ устныхъ сообщеній г. Ледера, мнѣ извѣстно, что къ востоку отъ Харухи имѣются археологическіе памятники; ихъ нашелъ такъ-же г. Ядринцевъ между Ихн-Тохомъ-норъ и Харухой.

Съ вершинъ Харухи спустимся въ долину Онгина къ ставкѣ князя Саинъ-Ноина, вѣроятно, около 1-го іюня. Имѣя основаніе рассчитывать на доброе гостепріимство князя, я остановлюсь здѣсь на нѣсколько дней и сдѣлаю экскурсію въ вершины Онгина; затѣмъ спущусь до станціи Горица на Улясутайскомъ трактѣ и, по рѣчкѣ Аргуинъ-голъ, пересѣку Гоби до Цаганъ-нора. Дальше будетъ нужно перейти черезъ Б. Алтай восточные Бага Богдо и пройти по южному его склону, если это будетъ возможно: мѣстность мало извѣстна—все будетъ зависеть отъ того, есть ли здѣсь ручьи или колодцы. Въ противномъ случаѣ придется идти по сѣверной окраинѣ хребта по такъ наз. долинѣ озеръ и выйти къ устью р. Байдарикъ. Поднявшись по ней, выйдемъ къ одному изъ уртоновъ Улясутайскаго тракта Ологою, Утаю или Байдарику, смотря по тому, гдѣ будетъ удобнѣе попасть на вершины Хойту Тамира. По этой

рѣчкѣ мы спустимся до параллели кури Заинъ Гегена. Здѣсь направленіе пути будетъ зависѣть отъ степени проходимости западнаго Хангая. Желательно съ Хойту Тамира пройти въ вершину Буянту и спуститься до кури Нарбанчжи-гегена и далѣе чрезъ ставку Дзасакту-хана, пересѣчь Большой Алтай. Мѣстность тутъ богаче ключами, нежели на востокѣ, и предоставить большій выборъ путей и варіацій маршрутовъ. Гдѣ мы выйдемъ на Баркульско-Улясутайскій трактъ, теперь сказать нельзя. Задача будетъ состоять въ томъ, чтобы держаться въ степи, медленно подвигаясь къ Улясутаю, минуя извѣстные маршруты, пока позволить погода. Какъ я распоряжусь зимовкой—еще не знаю. Во всякомъ случаѣ, зимовка въ Ургѣ представляетъ много преимуществъ. Проѣхать отъ Улясутая до Урги верхами на Китайскихъ почтовыхъ потребуетъ времени не болѣе 10 дней. Столько же потребуетъ и обратный путь въ мартѣ 1895-го года. Лѣто 1895 г. я употреблю на осмотръ мѣстности большихъ озеръ, Урянхайской земли и сѣверныхъ склоновъ Большого Алтая. Если позволить время, осенью осматрю систему Чернаго Иртыша и прозимую въ Кобдо. Весною 1896 года я буду спѣшить въ Тарбагатай. Осмотрѣвъ его, я переберусь черезъ Кульджу въ Вѣрный и постараюсь, списавшись съ Семи-палатинскомъ, доѣхать до ближайшихъ станцій желѣзной дороги на паромѣ.

Коллекціи и матеріалы я буду по возможности пересылать по частямъ почтою черезъ Ургу, Минусинскъ и Чугучакъ. Оставляя до зимы буду только черченіе плановъ и какіе-нибудь отдѣльные вопросы, которые могутъ послужить матеріаломъ для отдѣльныхъ сообщеній. Фотографическія пластинки буду пересылать непроявленными. Дневники, если этого потребуетъ Академія, могу высылать въ опредѣленные сроки, оставляя у себя копіи, снятыя копировальнымъ прессомъ. Кромѣ соображеній чисто археологическаго характера, мною при составленіи этого плана руководило слѣдующее: возможность проводить зимы среди коренного Халхасскаго населенія и вообще среди тѣхъ мѣстностей, гдѣ господствуетъ монгольская рѣчь. Проживаніе среди народностей, говорящихъ турецкимъ языкомъ, не дастъ мнѣ возможности собрать что-либо цѣнное для этнографіи, такъ какъ тамъ уже работало много специалистовъ дѣла. Среди же монголовъ несомнѣнно представляютъ наибольшій интересъ Халхасцы, какъ наиболѣе культурные.

Хотя планъ мой имѣетъ ввиду главнымъ образомъ интересы археологіи, главнымъ образомъ собираніе матеріаловъ для составленія археологической карты, но я думаю также, что и другія, второстепенныя задачи не забыты при этомъ. Два новыхъ пересѣченія Хангая должны дать достаточный матеріаль для сужденія о геологическомъ строеніи этой мѣстности, малоизвѣстной до сихъ поръ. Восточное продолженіе Б. Алтая такъ-же малоизвѣстно. Начерченные на нашихъ картахъ хребты, составляющіе большой Алтай, раздѣленные широкими долинами, сами собой наводятъ на мысли объ уступахъ, сдвигахъ и складкахъ, о болѣе новыхъ отложеніяхъ, заполняющихъ трещины и складки. Внутренніе озерные бассейны Монголіи, раздѣленные другъ отъ друга невысскими хребтами, такъ-же представляютъ большой интересъ, но матеріаль по этой мѣстности пока имѣется только у двоихъ изслѣдователей: Пѣвцова и Потанина. Въ ботаническомъ отношеніи, я думаю, не можетъ не представлять интереса новый, дополнительный матеріаль о флорѣ обоихъ склоновъ Алтая, собранный на пространствѣ между восточными его отпрысками и Тарбагатаемъ. Долженъ сознаться, что, сравнивая изложенный мною планъ съ запасомъ моихъ силъ, я чувствую невольную робость и заранѣе прошу снисхожденія за выполненіе его. Я не рассчитываю дать что-либо, кромѣ матеріаловъ для рѣшенія вопросовъ и посильныхъ комментариевъ къ трудамъ моихъ почтенныхъ предшественниковъ и, заканчивая свое изложеніе, еще разъ почтительнѣйше прошу Императорскую Академію Наукъ не оставить меня своими совѣтами, указаніями и нравственной поддержкой въ столь трудномъ дѣлѣ.

Правитель дѣлъ В. С. Отдѣла

Дмитрій Клеменць.

1894 г.

Марта 7-го дня.

№ 1.

Письмо къ В. Н. Скрипицыну.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь,
Владимиръ Николаевичъ!

Спѣшу увѣдомить Васъ о положеніи вопроса объ экспедиціи для изслѣдованія быта якутовъ со времени моего возвращенія въ Иркутскъ. Прибылъ я сюда 2-го марта, и 4-го отправился съ докладомъ къ Покровителю Отдѣла.

Генераль-Губернаторъ принялъ меня болѣе, чѣмъ любезно; онъ выказалъ живой интересъ къ дѣлу и держалъ себя вообще такъ, какъ онъ держитъ себя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ высказать не только свое вниманіе, но и благорасположеніе. Докладъ и наши дѣйствія были одобрены имъ. Относительно изданія словаря онъ высказался, что это дѣйствительно вполнѣ рациональное начало предпріятія.

Относительно Іохельсона, онъ подивился только его рѣшимости на два съ половиною года ѣхать въ Средне-Колымскъ, но не имѣетъ ничего противъ его перевода туда.

Генераль-Губернатору, видимо, очень понравилось, что въ этомъ дѣлѣ принимаютъ такое видное участіе члены статистическаго Комитета и чиновники Вашего Превосходительства. Докладъ мой Генераль-Губернаторъ заключилъ такимъ замѣчаніемъ: *«Вотъ видите, какъ все хорошо устроилось, а Вы были недовольны моими распоряженіями».*

На это я отвѣтилъ, что я иначе и не представлялъ себѣ дѣла, какъ въ той формѣ, въ которой оно устроилось, и не я виноватъ, если нашлись лица, которыя представили ему и Вамъ дѣло, это въ ложномъ и отчасти невозможномъ свѣтѣ, что во всякомъ случаѣ, разъ въ экспедиціи участвуютъ поднадзорные—необходимо соглашеніе съ администраціей, разъ имѣется ввиду привлечь мѣстныя силы и на нихъ основать всю работу—необходимо остановиться и на тѣхъ учрежденіяхъ, которыя занимаются изученіемъ края; но что, еслибъ при поставленныхъ условіяхъ, я попалъ къ другому губернатору—весьма возможно, что устройство мѣстнаго изслѣдованія стало-бы невозможно. Кромѣ того, какъ Правитель дѣлъ, условіе о цензурѣ я не могъ принять безъ оговорки, такъ какъ это нововведеніе. Уставъ даетъ Отдѣлу право печатать труды свои безъ цензуры. Этимъ и закончилось наше собесѣдованіе.

Сибирякову я пишу немедленно. Остается доложить дѣло объ экспедиціи Комитету, но онъ, вѣроятно, приметъ всѣ наши условія, да, признаться, въ такихъ обстоятельствахъ остается или довѣрять людямъ вполнѣ, или не довѣрять совершенно.

Порученіе Софьи Владимировны я исполнилъ, но самого г. Ильяшевича еще не видалъ.

Покорнѣйше прошу Васъ о принятіи искреннихъ увѣреній въ совершенномъ уваженіи и преданности и передать мой глубокій поклонъ Вашей супругѣ и всему Вашему семейству.

Вашъ слуга Д. Клеменць

1894 г. 9 марта.

Письмо къ графу А. П. Кассини.

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь,

Графъ Артуръ Павловичъ!

Дальняя командировка моя въ Якутскую область, продолжавшаяся съ 23-го декабря по 7-е марта, лишила меня возможности немедленно выразить Вамъ глубочайшую признательность какъ отъ себя лично, такъ и отъ имени В. С. Отдѣла за присылку портрета нашего погибшаго члена и друга, Александры Викторовны Потаниной. Присланный Вашимъ Сіятельствомъ портретъ дѣйствительно гораздо ближе передаетъ черты покойной въ послѣдній періодъ ея жизни, нежели болѣе ранняя иркутская фотографія, имѣющаяся въ Отдѣлѣ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и у меня.

Я считаю совершенно излишнимъ говорить о томъ, насколько тяжела для насъ, а особенно для лицъ, близко знавшихъ Александру Викторовну, утрата, понесенная нами, и, вмѣсто собственныхъ своихъ мыслей по этому поводу, вмѣсто выдержекъ изъ некрологовъ и многочисленныхъ писемъ съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ лицъ изъ образованнаго класса, позволю себѣ подѣлиться съ Вами нѣсколькими словами изъ письма простого, грамотного бурята, написанными ко мнѣ послѣ извѣстія о смерти Александры Викторовны:

«Глубокую скорбь возбудило въ насъ извѣстіе о смерти Александры Викторовны, которую мы, буряты—буддисты, считали воплощеніемъ истины и любви. Я вспоминаю, когда она говорила намъ, буддистамъ, о необходимости усвоенія плодовъ европейской науки, намъ казалось, что ея устами говоритъ сама истина и любовь. Вы, какъ человѣкъ ученый, знаете, что мы, буддисты, вѣримъ, что человѣкъ, служащій дѣлу любви и истины, избавляется отъ мученій злыхъ перерожденій. Я и утѣшаю себя тѣмъ теперь, что бессмертная душа Александры Викто-

ровны, столь много потрудившейся ради любви и истины, получить теперь достойную награду и достигнетъ вѣчнаго успокоенія».

Кажется, это самая высокая похвала, которую можно заслужить отъ буддиста. Неудивительно, что мы, люди одного образа мыслей, европейцы, близкіе знакомые, скорбимъ объ утратѣ хорошаго человѣка, самоотверженнаго работника науки, но какую силу душевную нужно носить въ себѣ, чтобы вызвать такія чувства въ недовѣрчивомъ полудикарѣ, буддистѣ-фанатикѣ, такой глубоко-религіозной христіанкѣ, какою была наша покойница.

Въ заключеніе позвольте мнѣ, Ваше сіятельство, выразить Вамъ, какъ главѣ Россійской Императорской Миссіи въ Китайской Имперіи, какъ за моихъ друзей, Потаниныхъ, такъ за себя и за мою жену, глубокую признательность за ту истинно-трогательную заботливость членовъ русской дипломатической миссіи въ разныхъ мѣстахъ Китая и Монголіи, какою мы были окружены, какъ русскіе путешественники, на чужбинѣ. Помимо прямого облегченія въ работѣ, участіе это служило громадной нравственной поддержкой намъ.

Отправляясь въ ближайшемъ будущемъ, по порученію Академіи Наукъ, на 2¹/₂ года въ Монголію и имѣя ввиду прожить весну и будущую зиму въ Ургѣ, я еще не теряю надежды на счастливую случайность, которая позволитъ мнѣ выразить лично мою признательность Вашему Сіятельству.

Имѣю честь просить о принятіи увѣреній въ совершенномъ уваженіи и преданности покорнаго слуги Вашего Сіятельства

Дмитрій Клеменць.

9 марта 1894 года
Иркутскъ.

Письмо Д. А. Клеменца къ И. М.
Сибирякову.

Многоуважаемый
Иннокентій Михайловичъ!

Сейчасъ явился изъ Якутска и спѣшу изложить Вамъ ходъ дѣла и результаты, часть которыхъ Вы уже сможете предвидѣть изъ телеграммы, посланной изъ Якутска за подписью моею и секретаря Статистическаго Комитета Попова. Надобно собраться съ духомъ, чтобы изложить всѣ перипетіи этого дѣла.

Передъ отъѣздомъ въ Монголію я писалъ Вамъ, что статистикъ Григорьевъ взялся было за изслѣдованіе быта якутовъ, живущихъ въ предѣлахъ экономическаго вліянія пріисковъ. Возвращаясь изъ командировки, я думалъ найти на столѣ отчетъ экскурсанта. Не тутъ-то было! Оказалось, что Григорьеву предложили выгодное мѣсто въ комиссіи по землеустройству переселенцевъ—и онъ забросилъ всякую мысль о пріисковыхъ якутахъ. Землеустройство—это любопытное дѣло, скажу мимоходомъ. Отрѣзываютъ землю у крестьянъ—старожиловъ для переселенцевъ и образуютъ участки вдоль линіи будущей желѣзной дороги для другихъ государственныхъ надобностей. Какихъ? Да вотъ для образованія образцовыхъ фермъ и т. д. Но вѣдь на это немного надобно. Кромѣ того, участки будутъ нужны для водворенія въ Сибири помѣстнаго, дворянскаго элемента. Свѣдѣнія эти я имѣю изъ очень компетентнаго источника. Значить, Богъ дастъ, увидимъ повтореніе исторіи съ Уральскими землями. Итакъ, изслѣдованіе не состоялось. Узналъ я, кромѣ того, что Генераль-Губернаторъ словно вооруженъ противъ Якутской экспедиціи и ни за что не разрѣшитъ участія въ ней ссыльныхъ. Я явился къ Г.-Губернатору, по обычаю, возвратившись изъ командировки. Принялъ онъ меня довольно сухо и сталъ упрекать всѣхъ русскихъ путешественниковъ по Монголіи за то, что они ничего не сообщаютъ практически важнаго о странѣ,—«хоть бы кто-нибудь сообщилъ мнѣ о существующихъ путяхъ сообщенія тамъ, о населеніи, его занятіяхъ», и т. д. говорилъ онъ. Я уцѣпился за фразу и обѣщалъ сдѣлать, что могу, просидѣлъ двѣ недѣли, и вышла подробная записка во вкусѣ Ген.-Губернатора; доложилъ ему ее. Генераль остался доволенъ. Пользуясь добрымъ расположеніемъ, я завелъ рѣчь объ Якутской экспедиціи. Тонъ вышелъ снова враждебный, но генераль пустился въ разсужденія; удалось выяснить, что никакихъ намѣреній игнорировать его власть не было, что экспедиція не имѣетъ какихъ-либо противозаконныхъ цѣлей и т. д. Результатомъ этихъ переговоровъ и были тѣ условія, на которыхъ разрѣшена была экспедиція, и которыя уже извѣстны Вамъ изъ моей телеграммы. Затѣмъ вплоть до половины декабря дѣло тянулось въ Комитетѣ: порѣшили отправить меня въ Якутскъ для переговоровъ на мѣстѣ и устройства предполагаемой экспедиціи.

Сначала мнѣ страшно не повезло. Дорогой я захворалъ и ѣхалъ кое-какъ. Попавъ въ Якутскъ, я рассчитывалъ найти тамъ всѣхъ намѣченныхъ экскурсантовъ въ сборѣ. Оказалось, что мнѣ нужно было ѣхать за ними по улусамъ. Губернаторъ отнесся ко мнѣ первоначально чрезвычайно холодно, даже почти враждебно. Онъ предложилъ мнѣ сначала условіе—отдать всю экспедицію въ распоряженіе Статистическаго Комитета, предоставивъ ему и назначать экскурсантовъ и опредѣлять бюджеты каждаго изъ нихъ. Мнѣ предоставлялось только выработать программу изслѣдованій. Я, разумѣется, не могъ согласиться на подобныя условія и поставилъ вопросъ о самомъ существованіи экспедиціи. Губернаторъ предложилъ не ставить дѣла такъ круто, а ознакомиться сначала съ людьми и существующими отношеніями. Для меня было ясно, что моему пріѣзду въ Якутскъ предшествовали нѣкоторыя «писанія» изъ Иркутска, которыя до нѣкоторой степени возстановили меня противъ Скрипицина. Предложеніе губернатора было мнѣ на руку: у меня было время для того, чтобы ознакомиться съ нимъ.

Я поѣздилъ по улусамъ; но объ улусныхъ впечатлѣніяхъ потомъ. Я сказалъ губернатору, что программъ всякихъ много и превосходныхъ; но мнѣ желательно, чтобы сами экскурсанты, каждый по специально занимающему его вопросу, составили программы именно для изслѣдованія Якутскаго населенія. Это показало бы и пониманіе ими задачи изслѣдованія и характеризовало-бы ихъ. Сверхъ того, надобно примѣнить программу и къ средствамъ изслѣдованія. Начались у насъ собранія въ Статистическомъ Комитетѣ. Согласно желанію Г. Губернатора, въ выработкѣ программы приняли участіе и секретарь статистическаго Комитета и ветеринарные врачи. Я же пригласилъ совѣтника областного правленія Меликова, совершившаго недавно длинную поѣздку въ Чукотскій край. Человѣкъ очень интересный, умный и пользующійся большимъ вліяніемъ у губернатора. Приглашеніе польстило ему; онъ человѣкъ самолюбивый, и теперь его интересы связаны съ экспедиціей. Онъ съ самага-же начала совѣщаній нашихъ оказался полезенъ, такъ какъ для нѣкоторыхъ вопросовъ обѣщалъ устроить доступъ въ нѣкоторые архивы. Собранія наши тянулись цѣлый мѣсяць. Мало по малу, съ разрѣшенія губернатора, въ немъ приняли участіе нѣкоторые мѣстные, коренные якуты, выразившіе «желаніе ознакомиться съ хорошимъ предпріятіемъ и послужить добродѣлю по мѣрѣ силъ».

Каждое засѣданіе наше излагалось въ видѣ протокола (всѣ эти протоколы я пришлю Вамъ, когда они будутъ переписаны). Тѣмъ-же временемъ удалось узнать хорошенько, что имѣетъ противъ меня губернаторъ, и сойтись нѣсколько съ нимъ.

Оказалось, что Скрипицынъ самъ заинтересованъ изученіемъ области. Онъ составляетъ памятную книжку Статистическаго Комитета съ цѣлымъ рядомъ статей, которыя почти всѣ писаны и пишутся политическими ссыльными. Губернаторъ боялся, что экспедиція отниметъ у него работниковъ. Далѣе, страдало его самолюбіе, очевидно, раздраженное Иркутскими письмами: какъ онъ, человѣкъ всей душой преданный изученію края, хлопотавшій о разрѣшеніи работать ссыльнымъ въ Комитетѣ, игнорируется Отдѣломъ. Изъ дѣйствій моихъ на собраніяхъ и изъ разговоровъ онъ долженъ былъ однако-же убѣдиться, что *„азъ не придохъ разорити законъ и пророки“*. Послѣ окончанія нашихъ совѣщаній, я доложилъ ему о результатѣ ихъ. Хотѣлъ тотчасъ-же покончить дѣла и ѣхать; но онъ пригласилъ и просилъ остаться на денекъ съ тѣмъ, чтобы провести вечеръ вмѣстѣ, по домашнему. Я согласился. Здѣсь въ откровенной бесѣдѣ онъ высказался такъ,—я „шеперился“ противъ этой экспедиціи, когда я думалъ, что Вы все намѣрены дѣлать, игнорируя мѣстныя силы (читай губернатора), но разъ Вы именно заинтересованы устройствомъ мѣстныхъ изслѣдованій,—будьте увѣрены, что всѣ симпатіи на Вашей сторонѣ. Переписка экскурсантовъ изъ ссыльныхъ, по правиламъ, подлежитъ моему контролю; но я, конечно, не буду злоупотреблять своимъ правомъ. Я ему отвѣтилъ на это, что всѣ дѣйствія мои, жертвователя и Отдѣла, достаточно говорятъ за себя и за наше желаніе устроить дѣло посредствомъ мѣстныхъ силъ. Если-бы мы желали, то могли бы легко обойтись безъ хлопотъ, нужды и горя, безъ переговоровъ съ генераломъ и съ нимъ: пригласили-бы одного или двухъ молодыхъ ученыхъ съ именами въ наукѣ, какъ и думалъ Потанинъ, и затѣмъ спокойно и увѣренно стали ждать результатовъ. Теперь-же—сколько времени потрачено на получение согласія Горемыкина. Отдѣлъ приноситъ жертву, командировавъ къ Вамъ правителя дѣлъ, какъ разъ въ ту пору, когда подходитъ время годового отчета, передъ выборами председателя. Я лично ничего, кромѣ потери времени, кромѣ запусканія своихъ работъ, тоже не получаю и беру еще нравственную отвѣтственность на себя за дѣло, отъ котораго легко, и на со-

вершенно законномъ основаніи, могъ отказаться. Дѣло мы поручаемъ людямъ способнымъ и добросовѣстнымъ, но молодымъ. Жертвователь рискуетъ своими деньгами и рискуетъ, полагаясь только на добросовѣстность лицъ, лично ему неизвѣстныхъ. Помочь Потанину—это другое дѣло: здѣсь экскурсантъ—уже гарантія результатовъ.

Послѣ этой реплики Скрипицынъ отвѣтилъ: нѣтъ ужъ, ради Бога, только не знатныхъ иностранцевъ, не Петербургскихъ ученыхъ. Они будутъ разыгрывать изъ себя важныхъ лицъ оберутъ всѣ цѣнные матеріалы у мѣстныхъ тружениковъ; имъ слава и почетъ, а остальные останутся не при чемъ.

Разстались мы съ губернаторомъ въ самомъ дружелюбномъ и хорошемъ расположеніи духа, повидимому, довольные другъ другомъ.

Вотъ Вамъ, такъ сказать, интимная сторона дѣла. Перехожу къ фактамъ.

Предварительный мой планъ былъ таковъ.

Всю сумму распредѣлить на изслѣдованіе слѣдующихъ мѣстностей— $2\frac{1}{2}$ тысячи на изслѣдованіе одного изъ сѣверныхъ округовъ, Верхоянскаго или Колымскаго. Колымскій—несравненно интереснѣе по разнородности населенія, по достаточной оригинальности русскаго населенія тамъ и сверхъ того—въ Колымскомъ округѣ уже имѣются въ наличности безусловно вымирающія народности, да и вымершихъ много. Три тысячи я оставлялъ для изслѣдованія быта якутовъ, живущихъ въ предѣлахъ экономическаго вліянія приисковъ. Въ остаткѣ $4\frac{1}{2}$ тысячи—на изслѣдованіе Якутскаго округа, какъ ближайшаго къ мѣсту жительства экскурсантовъ, и на предварительные расходы, какъ, напр., мою поѣздку въ Якутскъ. Я думалъ съ этой поѣздкой обойтись 700 рублями, но оказалась она гораздо дороже: ѣхать пришлось спѣшно, зимой, одному, безъ попутчиковъ. Въ Верхоленскѣ я захворалъ: оба глаза разболѣлись до невозможности смотрѣть ими; кромѣ того, я нажилъ себѣ, надорвавшись, грыжу. Пришлось взять съ собой въ дальнюю дорогу жену, (она доѣхала было со мною до Верхоленска, гдѣ живетъ ей мать); она и довезла меня до Якутска. Тамъ я думалъ прожить всего недѣли двѣ—прожилъ мѣсяцъ, пришлось ѣхать по улусамъ. Въмѣсто 700 р., вышло 200 рублей передержки. Пишу Вамъ объ этомъ впередъ и прошу Васъ не считать этихъ 200 рублей въ

счетъ суммъ экспедиціи. Я надѣюсь, буду имѣть возможность осенью будущаго года доложить ихъ, чтобы не уменьшать средствъ экспедиціи. Теперь мнѣ сдѣлать это трудно, такъ какъ самому надобно сразу снаряжаться въ дальній путь на три года; но объ этомъ потомъ.

Въ результатъ нашихъ совѣщаній получилось: участіе въ экспедиціи принимаютъ слѣдующія лица: *Виташевскій, Лохельсонъ, Богоразъ, Левенталь, Майновъ, Пекарскій*—это все ссыльные. Люди свободныхъ званій--совѣтникъ Меликовъ, секретарь статистическаго Комитета Андрей Иннокентіевичъ Поповъ, ветеринарные врачи Кондаковъ и Дмитріевъ, и такъ какъ Горемыкинъ настаивалъ на участіи священниковъ, то я пригласилъ, во-первыхъ, походнаго священника отца Іоанна Попова, какъ человѣка совершенно безобиднаго, вѣчно разбѣзжающаго и могущаго давать свѣдѣнія о тунгусахъ, и затѣмъ, въ качествѣ, такъ сказать, почетнаго члена, отца протоіерея Дмитріана Попова; онъ безвыѣздно живетъ въ своемъ улусѣ, старикъ 70 лѣтъ, сотрудникъ еще Архіерея Діонисія Хитрово по переводу богослужебныхъ книгъ. Онъ же принималъ крупное участіе въ составленіи словаря якутскаго языка Пекарскимъ. Мѣшаться въ дѣло активно не будетъ. Объ участникахъ экспедиціи можно сказать вообще, что они будутъ продолжать каждый свои многолѣтнія занятія по избраннымъ спеціальностямъ, но только, пользуясь средствами, расширять раіонъ своихъ наблюденій, посвящать имъ болѣе времени или даже все время и пополнять свои теоретическія свѣдѣнія. Начну съ Виташевскаго. Человѣкъ усидчивый, преданный своимъ занятіямъ и безспорно самый энергичный изъ всѣхъ; къ числу недостатковъ его нельзя не отнести нѣкотораго самомнѣнія, страсти командовать и верховодить и желанія дѣлать все на большую ногу. Онъ много читалъ, довольно образованъ, знаетъ хорошо якутскій языкъ; авторъ статей «Мотивы якутской дѣйствительности» въ сборникѣ В. Обозрѣнія и «Матеріаловъ по якутской словесности», печатавшихся въ нашихъ „Извѣстіяхъ“. Долго жилъ въ улусахъ, теперь работаетъ въ качествѣ помощника секретаря въ статистическомъ Комитетѣ. Онъ собираетъ матеріалы по обычному праву якутовъ и этимъ-же будетъ заниматься и у насъ. Съ этою цѣлью онъ въ теченіи 1894 года объѣдетъ часть Якутскаго округа, начавъ свое движеніе вверхъ по Ленѣ, затѣмъ къ востоку, а конецъ года проведетъ въ Бутурусскомъ улусѣ. Онъ намѣренъ остано-

вливаться въ каждой инородной управѣ, жить въ ней по недѣлямъ, осмотрѣть архивы и заниматься собираніемъ свѣдѣній о мѣстныхъ обычаяхъ.

Левенталь (хорошо знаетъ якутскій языкъ) занимался разборкой архивовъ и работалъ для статистическаго Комитета, заготовилъ статью, по его заказу, объ экономическомъ бытѣ якутовъ. Онъ занимался прежде политической экономіей и потому будетъ главнымъ образомъ изучать экономическій бытъ якутовъ. Онъ намѣренъ посѣтить нѣсколько мѣстностей, отличающихся одна отъ другой въ экономическомъ отношеніи (гдѣ развито хлѣбопашество, гдѣ исключительно скотоводство, гдѣ промыслы) пожить тамъ, чтобы по возможности подробно описать ихъ по личнымъ наблюденіямъ. Другія мѣстности онъ опишетъ при помощи подворной опросной карточки, форма которой уже выработана и будетъ прислана Вамъ вмѣстѣ съ программами, которыя и переписываются съ подлинниковъ для Васъ. Изъ архивовъ онъ извлекъ матеріалы для исторіи экономическаго развитія Якутской области со времени Черкашенинской Комиссіи, откуда и ведетъ начало современное устройство инородцевъ области. Свѣдѣнія о податяхъ, платежахъ и недоимкахъ онъ добудетъ въ управахъ.

Пекарскій—лучшій знатокъ якутскаго языка, можетъ быть, во всей области. 12 лѣтъ онъ уже работаетъ надъ составленіемъ якутскаго словаря. Теперь онъ готовъ. О способѣ изданія его въ концѣ письма. Онъ составилъ программу для изученія внѣшняго и семейно-общественнаго быта инородцевъ. Программа эта говоритъ уже сама за себя достаточно. Къ выполненію ея онъ приступитъ слѣдующимъ образомъ—наберетъ сотрудниковъ какъ изъ ссыльныхъ, такъ и изъ инородцевъ, и будетъ имъ раздавать разныя задачи. Себѣ онъ предоставляетъ только редакцію собранныхъ свѣдѣній. Между инородцами якутскими, его сотрудниками, есть и учившіеся въ гимназіи, и одинъ изъ нихъ взялъ на себя трудъ составить программу по вѣрованіямъ якутовъ.

Майновъ—якутскаго языка не знаетъ; но онъ еще въ Россіи пріобрѣлъ большой навыкъ въ разборѣ древнихъ рукописей; онъ займется разборомъ стараго архива. Потомъ онъ вмѣстѣ съ дядей своимъ, теперь уже умершимъ русскимъ антропологомъ, занимался антропометрическими измѣреніями. Онъ зай-

мется этимъ дѣломъ и затѣмъ вопросомъ объ объѣзживаніи русскихъ.

Юхельсонъ—четыре года прожилъ въ Средне-Колымскѣ.

Богоразъ и теперь тамъ.—*Юхельсонъ* рѣшилъ снова вернуться въ Колымскъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ, или, точнѣе, двухъ съ половиною, заняться изученіемъ края, уже ему знакомаго вмѣстѣ съ *Богоразомъ*.

Программа ихъ дѣйствій такая: 1) Русское населеніе и Якутскій улусъ (быть якутовъ тамъ сохранился чище). 2) Юкагиры, обрусѣлые и необрусѣлые. 3) Чукчи и Чуванцы (почти совершенно вымершая народность). 4) Ламуты и Тунгусы. Разумѣется, работа ихъ, среди столь пестрой смѣси національностей, не можетъ отличаться такимъ обиліемъ подробностей, какъ работы экскурсантовъ въ Якутскомъ округѣ. Населеніе Колымы малочисленное, бродячее по большей части, рѣдкое, разноязычное; но я надѣюсь на то, во-первыхъ, что *Юхельсонъ* и *Богоразъ* наиболѣе солидно образованные люди изъ нашихъ сотрудниковъ, во вторыхъ, что и мѣстная администрація, въ лицѣ исправника Карзина, тоже очень любознательнаго человѣка, поможетъ, чѣмъ можетъ. Ветеринаръ *Дмитріевъ* взялъ на себя обслѣдовать скотоводство (по этой части онъ очень хорошо подготовленный человѣкъ—онъ хорошо и усердно учился). Скотоводство—безусловно центральный пунктъ въ экономической жизни Якутской области, и его необходимо обслѣдовать черезъ спеціалиста.

Меликовъ заявилъ, что онъ будетъ дѣлать выборки изъ уголовныхъ дѣлъ объ якутахъ, для характеристики преступности якутовъ.

Секретарь *Поповъ* заявилъ, что онъ на себя никакой спеціальной работы не беретъ, а главнымъ образомъ, послѣ разѣздовъ экскурсантовъ, будетъ служить центральнымъ пунктомъ для сношеній между ними.

Теперь перехожу къ вопросамъ бюджетнымъ.

Для изслѣдованія Колымскаго округа въ теченіи трехъ лѣтъ для *Юхельсона* и *Богораза* потребно 2500 рублей по слѣдующему расчету:

Юхельсонъ. Остается для подготовки къ работамъ въ Якутскѣ до августа мѣсяца (онъ поѣдетъ въ улусъ, чтобы нѣсколько ознакомиться съ якутскимъ языкомъ, долженъ будетъ запасть

инструментами и книгами для себя и для Богораза на три года
кромѣ того, почта пойдетъ въ Колымскъ въ августѣ мѣсяцѣ).
Для него съ 15-го февраля 1894 г. по 15 фев. 1897 года по 15 руб.

въ мѣсяцъ	540 р.
На разъѣзды (наемъ каюра, оленнаго или со- бачьяго) на три года	375 р.
На подарки инородцамъ и др.	125 р.
На переписку и случайные расходы	125 р.
На пособія для обоихъ экскурсантовъ, проѣздъ въ Колымскъ и обратно	290 р.
Всего	1455 р.

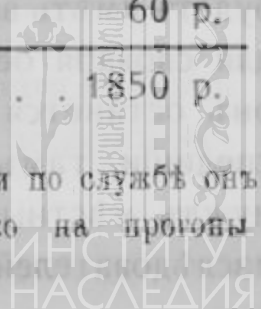
Для Богораза.

Съ 15 октября 1894 года по 15 фев. 1897 года по 15 р. въ мѣсяцъ	420 р.
На разъѣзды	375 р.
На подарки	125 р.
На переписку и случайные расходы	125 р.
Всего	1045 р.
Всего	2500 р.

Изслѣдователи Якутскаго округа опредѣлили свой бюджетъ
только на одинъ годъ, что же касается до слѣдующаго года,
то онъ опредѣлится по окончаніи перваго года работъ: тогда
будетъ видно, что останется дальше сдѣлать.

Виташевскому, Левенталю и Майнову по 350 р.	1050 р.
Въ распоряженіе Пекарскаго на выполненіе программы по изслѣдованію быта	240 р.
Ему-же для выполненія программы по изслѣдова- нію вѣрованій	200 р.
Ветеринару Дмитріеву	100 р. *)
На пособія	100 р.
На канцелярскіе и случайные расходы	60 р.
Итого	1850 р.

*) Дмитріевъ сказалъ, что на казенныя командировки по службѣ онъ
расчитывать не можетъ, а потому просилъ ассигновать только на прогоны
если-же прогоны не понадобятся, онъ остатки возвратить.

Изъ имѣющихся въ распоряженіи 2000 на экспедицію израсходовано на мою поѣздку,	
вмѣсто 700	900 р.
Остается	1100 р.
Необходимы на нынѣшній годъ половина бюджета Юхельсона и Богораза или	1250 р.
И на Якутскій округъ	900 р.
<hr/>	
Итого необходимо	2150 р.

Ввиду желанія экскурсантовъ приступить возможно скоро къ работамъ, имѣющаяся въ остаткѣ сумма передана въ ихъ распоряженіе.

Что касается до 2-хъ тысячъ, пожертвованныхъ Вами на изданіе уже готовыхъ трудовъ, то всѣ участники заявили, что никто изъ нихъ и не попыбуетъ предложить къ печати свой трудъ, пока не напечатана работа Пекарскаго—Словарь якутскаго языка. Работа эта настолько капитальная, что, помимо полезности ея, какъ для самихъ экскурсантовъ, такъ и вообще для мѣстнаго населенія, желательно бы съ перваго же года зарекомендовать экспедицію капитальнымъ, серьезнымъ трудомъ. Поэтому рѣшено печатать словарь. Встрѣчено было затрудненіе насчетъ шрифта. Для якутскаго языка наилучшая транскрипція, изобрѣтенная академикомъ Беглингомъ; но для нея нужно въ русскомъ алфавитѣ нѣсколько новыхъ буквъ съ надстро-чными знаками. Затрудненіе это удалось рѣшить такъ. Областная типографія нуждается въ шрифтѣ для якутовъ; но не имѣетъ средствъ для заказа его. Областное правленіе согласилось на такія условія—шрифтъ ей покупается изъ средствъ на изданіе словаря съ тѣмъ, чтобы она выплатила эту сумму наборомъ и печатаньемъ самаго словаря по цѣнамъ Иркутскихъ типографій.

Мнѣ эта комбинація нравится по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Это гораздо дешевле и удобнѣе, чѣмъ покупка шрифта за свой счетъ или отсылка печатанія въ Академію Наукъ, 2) авторъ будетъ имѣть возможность самъ корректировать свою работу, что для словаря безусловно важно, 3) по оплатѣ шрифта работой, онъ останется въ якутской типографіи и, благодаря Вашей экспедиціи, тамъ можно будетъ печатать и пользоваться имъ для нуждъ мѣстныхъ и для печатанія якутскихъ текстовъ нашихъ изслѣдователей.

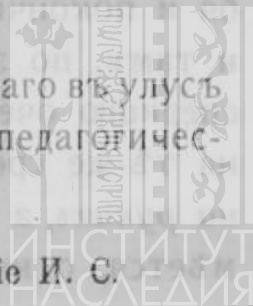
Относительно Олекминского округа и якутовъ, работающих на приискахъ, и для приисковъ Губернаторъ Скрипицынъ сдѣлалъ свое предложеніе. По его словамъ, онъ самъ глубоко заинтересованъ этими якутами и находитъ что положеніе ихъ— „очень бѣдственное“. Онъ заявилъ такую мысль: „на приисковыхъ рабочихъ, горныхъ, обращено уже вниманіе, для нихъ уже сдѣлано кое-что и, вѣроятно, еще больше сдѣлаютъ въ будущемъ. а вотъ этотъ то классъ рабочихъ, также связанный съ приисками, до сихъ поръ остается въ тѣни, невыясненъ. Если мнѣ дадите программу и двѣ тысячи, я специально командировать туда человека (секретаря Попова), и, кромѣ того, у меня будетъ десять человекъ по крайней мѣрѣ такъ, приватно, работать на томъ же дѣлѣ и собирать матеріалы“. Я уклонился отъ отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что не имѣю на это полномочій ни отъ Отдѣла ни отъ жертвователя. Мнѣ кажется, все таки его надобно имѣть на примѣтѣ; но посмотрѣть сначала, какъ онъ покажетъ себя въ нынѣшнемъ году.

Въ улусахъ я встрѣтилъ среди ссыльныхъ одно весьма отрадное явленіе. О прошломъ нашего брата пусть судятъ, какъ угодно, и спорятъ; но эта заслуга, о которой пойдетъ рѣчь, зачтется всякимъ честнымъ человекомъ.

Нѣсколько человекъ ссыльныхъ и во главѣ ихъ Всеволодъ Михайловичъ Іоновъ, попавъ въ улусы, занялись обученіемъ маленькихъ якутовъ русскому языку и по сподручности вообще элементарнымъ обученіемъ. Изъ двухъ прилагаемыхъ къ этому писемъ, Вы увидите отзывы о трудѣ Іонова и отчасти исторію его—я передамъ только личныя впечатлѣнія. Іоновъ создалъ практической учебникъ для обученія русскому языку якутовъ. Это былъ громадный и съ любовью выполненный трудъ. Учебникъ этотъ въ рукописи гуляетъ по рукамъ, и одинъ изъ пишущихъ, Осмоловскій, учитъ по его учебнику. Іоновъ—педагогъ фанатикъ, онъ всѣхъ старается крестить въ свою педагогическую вѣру. Вы, вѣроятно, слышали исторію учителя Семенова въ Иркутскѣ, сосланнаго въ Якутскую область за пощечину инспектору училищъ...*)

Придавленнаго нравственно и казненнаго, сосланнаго въ улусъ Семенова поймалъ Іоновъ и убѣдилъ его заняться педагогичес-

*) Далѣе излагается исторія дѣла Семенова.

кой практикой. Теперь и Семеновъ работаетъ по учебнику Іонова. Іоновъ уже опредѣлилъ свою жизненную задачу, рѣшилъ навсегда остаться въ Якутской области и продолжать начатое дѣло.

Зная, какъ Вы интересуетесь подобными людьми и народнымъ образованіемъ вообще, я и посылаю Вамъ два отзыва о трудѣ Іонова. Изъ Якутска Вамъ вышлютъ переписанныя части учебника Іонова и его наставленія, какъ преподавать по этому учебнику. У Іонова уже есть ученикъ, который обученъ имъ и тоже занимается преподаваніемъ. Сильное впечатлѣніе произвелъ на меня тотъ день, который провелъ я въ улусѣ въ бесѣдѣ съ Іоновымъ о его дѣятельности. Оказывается, дѣйствительно «Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма не объятъ его».

Можетъ быть, этотъ учебникъ хорошо бы издать, благошрифтъ будетъ въ Якутскѣ. Если Вы пожелаете узнать что-либо болѣе объ Іоновѣ, то обратитесь къ секретарю областного статистическаго Комитета, Попову.

Вотъ Вамъ отчетъ объ Якутскихъ работахъ.

Дѣло теперь налажено. Всѣ легальные члены нашей экспедиціи выберутся въ члены В. С. Отдѣла и, такимъ образомъ будутъ обязаны способствовать его успѣху. Самъ-же я долженъ считать на этомъ свою задачу поконченной. Не ѣздить-же по зимамъ еще разъ, чтобы налаживать дѣло. Участники—народъ добросовѣстный и не ребята малые, сумѣютъ вести дѣло сами. Ихъ честь и ихъ прямой интересъ—въ томъ, чтобы дѣло вышло, какъ можно лучше. Имъ-же придется доводить и продолжать его и послѣ окончанія экспедиціи. Самъ я, какъ Вамъ, можетъ быть, уже и извѣстно, отправляюсь на 2½ года въ Монголію. Дѣло налажено, теперь надобно будетъ ждать плодовъ и трудовъ.

Можетъ быть, Вы спросите, почему я оставляю Иркутскъ, Отдѣлъ и газету. Отвѣтъ одинъ—усталъ. Все время мое принадлежало Отдѣлу и другимъ. Теперь думаю поработать для себя и покончить со своими работами. Зимовать я буду въ Ургѣ и тамъ, по зимамъ, кончать старыя работы. Средства на экспедицію очень небольшія: 5000 р. на 2½ года съ возвращеніемъ на тѣ-же средства въ Петербургъ, но за то у меня будетъ одно дѣло на рукахъ, а не десять, какъ было до сихъ поръ. Придется, разумѣется, отказаться отъ покупки нѣкоторыхъ инструментовъ,

сократить планъ; но все-таки *одно дѣло на рукахъ*. Одолѣло меня одиночество въ работѣ по разнымъ дѣламъ. Хотя бы по Якутской экспедиціи, кромѣ Васъ, никто мнѣ не помогъ. Я только и слышалъ, ввидѣ поощренія: Генералъ-Губернаторъ не согласится, Губернаторъ тоже, изъ этого ничего не выйдетъ; и такъ чуть ли не со всякимъ дѣломъ. Расчитывалъ, что меня въ Отдѣлѣ замѣнитъ Потанинъ, но онъ говоритъ, что не можетъ ѣхать въ Иркутскъ, и, по-моему, напрасно. Для человѣка въ его положеніи нужно какое-нибудь категорическое обязательное дѣло, которое ставилъ бы я выше себя, и которое не давало бы времени останавливаться на своемъ положеніи. Онъ думаетъ, что его займутъ кабинетные труды его, но я не вѣрю этому. Эти труды постоянно сопровождаются раздумьемъ, сомнѣньемъ въ себѣ и мучительной тоской. Я хорошенько не понимаю, почему въ Петербургъ ему можно ѣхать изъ Самары, а въ Иркутскъ, гдѣ у него столько искренно расположенныхъ къ нему людей, нельзя. Въ Петербургъ онъ, навѣрное, будетъ у Васъ; можетъ быть, зайдетъ рѣчь объ Иркутскѣ. Вѣдь здѣсь въ Сибири, кажется, и есть все, что осталось для него симпатичнаго. Если бъ онъ съѣздилъ лѣтомъ на пароходѣ въ Якутскъ, онъ освѣжился-бы. Масса новаго матеріала и впечатлѣній, да и экскурсантамъ онъ былъ-бы полезенъ, такъ какъ онъ заправскій этнографъ, а не нашъ братъ, диллетантъ.

Участники экспедиціи хотѣли писать Вамъ. Весьма интересуюсь знать, что напишутъ они Вамъ.

Надѣюсь, Вы будете добры, не откажете мнѣ черкнуть строчку, другую, по поводу написаннаго и сдѣланнаго мною.

Адресъ мой: Урга. Консульство — Д. А. Клеменць.

Мнѣ письма будутъ доставлять аккуратно.

Прошу Васъ принять увѣренія мои въ чувствахъ глубокой симпатіи и уваженія къ Вамъ. Теперь года черезъ три, м. б., найду возможность сказать Вамъ то же лично.

Вашъ покорный слуга Д. Клеменць.

Замѣтка о несвободномъ населеніи Восточной Сибири во второй половинѣ XVII вѣка.

Московскіе государи почти ежегодно посылали приказы воеводамъ Восточной Сибири, чтобы населеніе—„всякіе люди“—„никакихъ русскихъ людей и иноземцовъ въ Сибири въ холопы себѣ не имали и не крестили“, равно какъ „заемныхъ кабалъ и иныхъ крѣпостей ни на кого не имали.“ Тѣмъ не менѣе, въ Восточной Сибири несомнѣнно существовали различныя формы рабства, довольно подробно обрисовываемыя памятниками.

Холопами владѣли какъ иноземцы, такъ и русскіе. Недоимщики—якуты невзносъ ясака часто объясняли тѣмъ, что стары, а холоповъ не имѣютъ; напр., Буюкъ Анековъ заявилъ, что „упромышлять“ ясаку не могъ, т. к. „старъ и увиченъ, коней нѣтъ и холопей нѣтъ“;¹⁾ Атканъ Алгудаковъ не внесъ ясаку, т. к. „старъ и худъ, холоповъ нѣтъ, послать промышлять нековъ“.²⁾ Якутскій казакъ Мишка Грядка и его жена Аринка Романова дочь имѣли холопку якутскую бабу Тункайку;³⁾ Якутскій казакъ Ивашка Устюжанинъ имѣлъ холопа Якушку „монгольской породы“.⁴⁾ Шли въ холопы изъ-за бѣдности. Въ ясачныхъ росписяхъ зачастую при имени недоимщика находимъ помѣтку „нуженъ и бѣденъ“, самъ или дѣти его живутъ въ холопахъ; напр. Истигей „упромышлять ясаку не могъ, старъ и биденъ“

1) Изъ рукописи Иркутскаго музея Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, столбецъ 1668 г.

2) Тамъ же.

3) Изъ рукописей Ирк. музея В.-Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., столбецъ 1688 г.

4) Тамъ же.

дѣти живутъ въ холопахъ, а „скста нѣтъ ничево“; ¹⁾ Сел-
букъ Икдегесеевъ „ясаку достать не могъ, нуженъ и уви-
ченъ“, одинъ сынъ малъ, а другой живетъ въ холопахъ,
„купить соболей нечѣмъ, нѣтъ ни коней, ни кобылъ, ни
коровъ.“ ²⁾ Некрещеный ясачный якутъ-холопъ отъ платежа
ясака не освобождался; напр., Гукунай, жившій въ холо-
пахъ у Анукая Девулева, на 1668 г. внесъ ясаку 1 соболю; ³⁾
Бытыгинъ и Ярдалакай Бугбудаковы, холопы Филиппа Щер-
бакова, „у ясачново платежу сказали“, что на 1688 г. они
уже заплатили 3 соболя, „а на прошлые годы мы на себѣ
ясаку не знаемъ, какъ мы ясакъ стали платить, ни единова
соболя не заронили“. ⁴⁾ Холопъ не лишался права имѣть
собственность; напр., Гукунай, холопъ Амыкая Девулева,
имѣлъ корову; ⁵⁾ Батыкъ, холопъ Олкена Турчакова, имѣлъ
три коровы. ⁶⁾ Влекъ за собой холопство и плѣнъ. Часто ка-
заки, будучи на государевой службѣ, въ походѣ на „немир-
ныхъ иноземцевъ“ „тѣхъ иноземцевъ за боемъ полонили“;
этотъ „погромный ясырь“ укрѣплялся за ними въ приказ-
ныхъ избахъ; по казачьимъ челобитнымъ ясырей съ обозна-
ченіемъ примѣты записывали за казаками, участниками боя;
напр. въ 1688 г. 8 февраля въ Якутскѣ въ приказной избѣ
по челобитной казака Гришки Федорова Томскаго записанъ
на него „погромный иво ясырь,—парень коряцкаго роду, а
какъ де ему по иноземски имя, и отцу и матери иво имя,
про то де онъ, Гришка, не вѣдаетъ, что де отецъ иво и
мать на погромѣ убиты, а ронниковъ въ ясачномъ платежѣ
нѣтъ, а нынѣ тотъ парень семь лѣтъ, а какъ онъ взятъ въ
полонъ, тому ноне три лета; а примѣты,—тотъ парень воло-
сомъ чернъ, а лицомъ иноземская порода коряцкая, а иныхъ
примѣтъ у него никакихъ нѣтъ“ ⁷⁾ Случалось, что дѣлали
„размѣнъ“, обмѣнивали ясырь на русскихъ, взятыхъ въ

¹⁾ Изъ рукописей Ирк. Муз. В.-Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., стол-
бецъ 1668 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Изъ рукописей Ирк. Муз. В.-Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., стол-
бецъ 1668 г.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Изъ рукописей Ирк. Муз. В.-Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., стол-
бецъ 1688 г.

плѣны „немирными иноземцами“.¹) Иногда иноземцы выкупали ясырь, платя подъясыря выкупу по 40 рублей. и по 60, а за иной и по 100 рублей“.²) Возвращался ясырь ихъ соплеменникамъ лишь въ томъ случаѣ, если „тѣ будутъ полоненники не крещены“.³) Цѣна на ясырь была сравнительно невысокая; напр., Даурскій бывший казакъ Микитка Липа купилъ въ Даурии у казака Семена Гаврилова „Монгольского погрому дѣвку, именемъ Парашку“, за 30 рублей;⁴) казакъ Филиппъ Щербаковъ купилъ у Якутскаго казака Кондрашки двухъ погромныхъ „робенковъ“, — Кабата 7 лѣтъ за 3 рубля и Жонка 6 лѣтъ за два съ полтиной рубля.⁵)

Зачастую грамоты говорятъ намъ о дворовыхъ крѣпостныхъ работникахъ и дворовыхъ крѣпостныхъ дѣвкахъ и женкахъ, но съ холопами ихъ не смѣшиваютъ; напр., изъ Верхолenska отъ боярскаго сына Алешки Бѣляева сбѣжалъ его дворовый крѣпостной работникъ Сидорко Тимофеевъ, выкравъ у него съ собою „письменную крѣпость“;⁶) изъ Илимска отъ десятника казачья Герасима Щетильникова убѣжалъ его дворовый крѣпостной работникъ Климко Ивановъ;⁷) въ Якутскѣ казакъ Сергушка Мухомлевъ промѣнялъ свою крѣпостную дворовую женку Афимью Афанасьеву на крѣпостную дворовую дѣвку сына боярскаго Михаила Антипина;⁸) въ Якутскѣ у пятидесятника была закладная дворовая дѣвка Сертекъ Басаева.⁹) Это были люди, жившіе въ работникахъ по закладнымъ и различнымъ жилымъ записямъ; напр., якутъ Неня Ибаковъ Атамайской волости купилъ у служилаго человѣка Федора Козьмина „коня добраго, кобылу бережую добрую и жеребенка годового“, всего на сумму 21 р.; за эти деньги онъ „заложилъ въ работу“ ему жену свою

¹) Акты историческіе, т. III, № 171, стр. 314.

²) Дополн. актамъ историческимъ, т. III, № 162, стр. 333.

³) Акты историческіе, т. III, № 135, стр. 221.

⁴) Изъ рукописи Ирк. Муз. В. Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., столбецъ 1683 г.

⁵) Дополненіе актамъ истор., т. VII, № 61, стр. 290.

⁶) Изъ рукописей Ирк. Муз. В. Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., столбецъ 1684 г.

⁷) Изъ рукописей Ирк. Муз. В. Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., столбецъ 1688 г.

⁸) Тамъ же.

⁹) Тамъ же.

Мунику Селбезникову дочь на 12 годовъ, „вольно ему ее на сторону отдать и у себя держать“, якутъ Тагы Турчановъ Мегинской волости свою ново-крещеную дочь Дуньку якутскому казаку Микиткѣ Заборцову „далъ въ работу“ за пять рублей съ тѣмъ, чтобы ее „псили, кормили, одѣвали, обували“, и, какъ „отойдутъ работные лѣта, вдать ее, дѣвку, замужъ, за кого она, дѣвка, похочетъ“, а въ челобитной на жестокое обращеніе съ ней хозяевъ Дунька заявляетъ: „на сколько лѣтъ дали въ работу, того она, Дунька, не знаетъ“;¹⁾ Даурскому казаку Мишкѣ Липѣ „дался за долгъ“ въ дворовые крѣпостные работники промышленный человекъ Микитка Трофимовъ, при чемъ въ данной на себя „дворовой записи“ оговариваетъ что Липа долженъ его женить, поить, кормить, а онъ, Никитка, будетъ ему всякую работу работать, равно какъ и жена его и дѣти по смерти ихъ“.²⁾

Памятники отмѣчаютъ частое бѣгство холоповъ и крѣпостныхъ дворовыхъ работниковъ и работницъ; напр., отъ якутскаго десятника казачья Паламошнаго бѣжала его холопка Сертекъ Бегенева; пойманная и приведенная на допросъ въ приказную избу, она заявила: „побѣжала она, боясь хозяевъ своихъ, ходила де по лопату къ сыну боярскому къ Михаилу Антипину и замѣшкалась, и, боясь побоевъ, убѣжала“³⁾ и т. д. При допросѣ пойманныхъ неизбежно выяснялось, что якуты стремились убѣжать къ своимъ родичамъ въ родные улусы; напр., холопки Сертечка и Маймагонка дѣлали попытку бѣжать на рѣчку Тату къ отцамъ“.⁴⁾ Сохранилось много челобитныхъ холоповъ и крѣпостныхъ работниковъ и работницъ, гдѣ они жалуются на жестокое обращеніе съ ними хозяевъ; напр., крѣпостная дворовая женка Афимка жалуется, что ея хозяйка, Аринка Романова дочь, жена якутскаго казака Мишки Грядки, „бьетъ напрас-

1) Акты, относящ. до юридич. быта, т. II, № 17, стр. 126.

2) Изъ рукописей Ирк. Муз. В. Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., столбецъ 1688 г.

3) Изъ рукописей Ирк. Муз. В. Сиб. Отд. ИМП. Р. Геогр. Общ., столбецъ 1683 г.

4) Тамъ же.

но¹⁾ На эти челобитныя неизмѣнно слѣдовала резолюція, — отдать хозяевамъ „предъ до государева указу“; напр., Дуньку, Иванову дочь, крѣпостную работницу, принесшую жалобу, что ея хозяева, якутскій казакъ Мишка Заборцевъ и его мать Авдотьица, „ее, Дуньку, бьютъ и увѣчуютъ напрасно“, велѣно было имъ возвратить изъ Приказной избы „до указу великихъ государей“²⁾

Какъ видимъ, хозяева имѣли надъ крѣпостными дворовыми работниками ту же полноту власти, что и надъ холопами; но все же дворовые крѣпостные работники отличались отъ послѣднихъ, а именно, — они были не лишены возможности выкупиться изъ неволи; напр., въ Якутскѣ въ Приказной избѣ передъ стольникомъ и воеводою Петромъ Петровичемъ Зиновьевымъ была челомъ крѣпостная женка Афимка, что ей „откупитца есть чемъ“, и заявила, что за себя своимъ хозяевамъ дать дѣвку³⁾

Случалось, что гулящіе люди давали какому-либо торговому человѣку или монастырю „ссудныя и жилыя записи“. Давшимъ на себя „ссудныя и жилыя записи“, что они за такимъ то будутъ жить „во крестьянехъ съ женами и дѣтьми вѣчно“, давали „денежную и хлѣбную и скотинную ссуду и подмочъ и всякой пашенной заводъ“ и женили неженатыхъ; за это обязывались на займодавца „по вся годы“ пахать и сѣять по десятинѣ ржи на годъ. Эти договоры вносились въ переписныя книги⁴⁾

„Какъ видимъ, „давшійся во крестьяне“, получивъ землю, ссуду, подмогу, пашенный заводъ, закрѣплялъ свои „жилыя“ и домовыя обязательства отказомъ отъ права разорвать какъ-либо заключенный договоръ; послѣднее обстоятельство превращало такой договоръ въ личную крѣпость на давшаго его, равно какъ и на его потомство; такая крѣпость вмѣстѣ съ тѣмъ давала право займодавцу все же лишь на часть крестьянскаго труда, а не на весь, какъ на

1) Тамъ же.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

4) Образцы записи имѣются: Громовъ. Начало христіанства въ Иркутскѣ; газета Сибирь 1911 г. 19 февраля.

крѣпостного двороваго работника. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ основными элементами крѣпостного права на крестьянина.

Замѣтна зависимость инородца крестника отъ крестнаго отца, которая являлась какъ бы слѣдствіемъ необходимости слѣдить, чтобы новообращенный жилъ „въ православной вѣрѣ христіанской“. Просьбы о дозволеніи креститься подавались въ Съѣзжую избу одновременно, какъ желающимъ креститься, такъ и его предполагаемымъ воспріемникомъ; напр., въ поручной по якутскомъ парнѣ Аргунѣйкѣ, подавшемъ челобитье въ Якутскѣ въ Съѣзжей избѣ о крещеніи, говорится, что по „челобитью торговаго человѣка Ивана Никонова сына Сверчкова велѣли ему Аргунѣйку креститься, и жить за нашею порукою ему, Аргунѣйку, въ православной христіанской вѣрѣ у него Ивана на пашнѣ, и отъ него Ивана съ пашни въ якуты и въ тунгусы не сбѣжать, и православные христіанскіе вѣры не порудить“. А ему Ивану Никонову за нашею порукою того якутскаго парня Аргунѣйку, какъ онъ креститца, со своея пашни къ Русѣ не вывозить“.¹⁾ Повидимому, крестный отецъ имѣлъ на крестника полное право собственности; напр., Нерчинскій пѣшій казакъ Бориско Игнатьевъ „Божіею волею умре, а отходя сего свѣта въ духовной своей написалъ сына своего крестнаго Муганской породы Васку Борисова въ Троицкой монастырь на Усть-Тунгуски рѣки; и чтобы великіе государи пожаловали, велѣли изъ Приказной избы въ Троицкой монастырь къ строители съ братіею дать память, почему имъ строителю съ братіею тѣмъ парнемъ Васкою владѣть. И какъ къ вамъ ся память придетъ, а новокрещеной Васка Борисовъ въ монастырь пріѣдетъ, и вамъ тѣмъ парнемъ Васкою по духовной и по сей памяти владѣть вѣчно, невозбранно“.²⁾

Какъ видимъ, гражданскій характеръ связи крестнаго отца съ крестникомъ очень неопредѣленъ; не ясно, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ холопскою зависимою или же крестьянскою крѣпостью.

¹⁾ Акты относящ. до город. быта, т. 11, № 17, стр. 126.

²⁾ Дополнен. акт. историч., т. 1 № 223, 378.

Итакъ, въ Восточной Сибири во второй половинѣ 17 вѣка мы находимъ тѣ же виды несвободнаго населенія, какіе имѣлись въ то время въ Европейской Россіи, при чемъ классъ несвободныхъ людей создавался въ силу экономическихъ условій жизни края, несмотря на противодѣйствіе этому Московскаго Правительства.

А. В. Пруссакъ.

И. И. Серебренниковъ отмѣчаетъ для второй половины XVII вѣка въ Восточной Сибири существованіе покручничества при рыбныхъ и соболиныхъ промыслахъ; покручниковъ онъ опредѣляетъ, какъ «промышленниковъ, закабалившихъ себя въ извѣстную работу за то, что предприниматели вносили за нихъ подати, кормили ихъ во время промысла и давали имъ небольшое вознагражденіе». (И. И. Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе Иркутской губерніи, стр. 222. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1915 г.).

Экспедиція Д. А. Клеменца въ Турфанъ въ 1898 году.

Экспедиція Дмитрія Александровича Клеменца въ Турфанъ въ 1898 году была совершена имъ вмѣстѣ съ его женою Елизаветою Николаевною и Михаиломъ Степановичемъ Андреевымъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ. Экспедиція эта является настолько опредѣленною гранью въ нашемъ изученіи древностей Китайскаго Туркестана, что вполнѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго освѣщенія.*)

Исторія возникновенія Турфанской экспедиціи такова. Въ 1896 году въ Императорское Русское Географическое Общество поступилъ мѣшокъ съ обрывками китайскихъ и уйгурскихъ рукописей, подобранныхъ и купленныхъ въ разныхъ мѣстахъ Турфанскаго оазиса, главнымъ образомъ, повидимому, въ Идикут-шари и Туюк-мазарѣ экспедиціею, совершенною въ Среднюю Азію В. И. Роборовскимъ и П. К. Козловымъ въ 1894—1895 г. г. Секретарь Общества Александръ Васильевичъ Григорьевъ, съ присущимъ ему горячимъ и широкимъ интересомъ ко всему, что касалось Средней Азіи, искалъ возможности разобратъся въ содержимомъ мѣшка.

*) Источниками намъ служили: 1) дневникъ Д. А. въ небольшой кленчатой тетради; писанъ карандашомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немного стерся; 2) записи Д. А. о древностяхъ Турфана, карандашомъ въ кленчатой тетради, въ четвертую долю листа; 3) небольшой альбомъ съ рисунками карандашомъ, рукою Д. А.; 4) протоколы конференціи И. Ак. Н.; здѣсь, напечатано письмо Д. А. къ академику В. В. Радлову отъ 30/x 1898 изъ Чугучака, перепечатанное потомъ въ Изв. Ак. Н. 1899 г.; 5) Книга Д. А. переведенная съ его рукописи на нѣмецкій языкъ покойнымъ д-ромъ Галле-ромъ: „Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft. St.-Petersburg 1899 г., 6. Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общества за 1898 г. СПБ.“ 1899 г., стр. 20—24.

Онъ обратился къ С. Θ. Ольденбургу, который вмѣстѣ съ А. О. Ивановскимъ разобралъ рукописи и нашелъ обрывки китайскіе, уйгурскіе, санскритскіе и двуязычные: уйгурскіе съ санскритской транскрипціей; онъ ихъ представилъ В. В. Радлову, который, заинтересовавшись рукописями, сдѣлалъ о нихъ докладъ въ Академіи Наукъ. Отдѣленіе историческихъ наукъ и филологіи избрало комиссію изъ академиковъ: В. В. Радлова, К. Г. Залемана и барона В. Р. Розена, которая и предложила командировать Д. А. Клеменца для изслѣдованія главнымъ образомъ Туюк-мазара и Идикут-шари, а по возможности и древностей другихъ мѣстъ Турфанскаго края; срокомъ экспедиціи назначено было 4 мѣсяца; экспедиція была снабжена фотографическимъ аппаратомъ, инструментами для съемки и для эстампажа надписей.

Въ первой половинѣ мая экспедиція отправилась изъ С.-Петербурга, черезъ Барнаулъ, Бійскъ, Кош-агачъ въ Кобдо. 15 Юля Клеменцы были въ Кобдо, 13 Августа прибыли въ Гучень, откуда выѣхали на Урумчи по большой дорогѣ 17 августа, немного отдохнувъ и переснарядившись послѣ утомительнаго перехода по Гоби. Разсмотрѣніе этой части пути не входитъ въ нашу задачу, и мы начинаемъ поэтому съ Гучена. Изъ пути за Гученемъ по направленію къ Урумчи слѣдуетъ отмѣтить рядъ замѣтокъ Д. А. о состояніи пути, хлѣбопашества и т. п.: его всегда интересовала хозяйственная сторона быта туземцевъ. Считаемо не лишнимъ дать выписку изъ дневника относительно первой остановки послѣ Гучена, мѣстечка Джимисар.¹⁾

„18 Августа. Джимиса довольно порядочное мѣстечко. Оно выросло наново рядомъ съ разрушеннымъ дунганамъ городомъ. Отъ стараго осталась полуразрушенная и наново возобновленная кумирня. Среди этихъ развалинъ, по словамъ Чжимисарскихъ сартовъ, много камней писанныхъ, много идоловъ. Пошли смотрѣть: надписи оказались новѣйшими китайскими писаніями; идола—фигуры львовъ изъ чугуна, отлитыя въ Китаѣ или, м. б., въ Долонъ-норь. Развалины

¹⁾ Относительно этой мѣстности см. теперь статью покойнаго Б. В. Долбежева, оконченную въ 1909 году и изданную въ 1915 г., съ примѣчаніями В. Л. Котвича: «Въ поискахъ развалинъ Бишбалыка» З. В. О. Н. Р. А. О. XXIII 77—121 (съ тремя таблицами). Здѣсь указана соотвѣтствующая литература.

всѣ настолько новы, что приписать имъ какое-либо историческое значеніе невозможно.

Во время прогулокъ нашихъ по городу безотвязная толпа, какъ водится, слѣдовала за нами по пятамъ. Одинъ какой-то, довольно почтенный съ вида китаецъ присталъ ко мнѣ съ требованіемъ продать мою трубку, другой безъ церемоніи схватился за фотобинокль, такъ что пришлось заставить его убрать лапы.

Около Джимисара есть въ горахъ монастырь, про который говорятъ, что тамъ есть изображеніе національнаго торгоутскаго богатыря Ябу-ханъ Мергена. Про него слышно два сказанія. Первое гласить, что это былъ великій богатырь, котораго очень боялись китайцы. Китайскій ханъ послалъ за нимъ хитраго человѣка, чтобы тотъ заманилъ богатыря въ Пекинъ; тотъ поѣхалъ, а китаецъ постепенно отравлялъ его. Дѣйствіе отравы кончилось тѣмъ, что богатырь уснулъ и окаменѣлъ. Окаменѣлый богатырь хранится въ пещерѣ въ монастырѣ, но китайцы, завѣдующіе монастыремъ, не показываютъ его. Въмѣсто него, они сдѣлали подобіе первой статуи и выдаютъ ее за настоящую; но Цаганъ-гегенъ, побывавъ въ этомъ монастырѣ, обнаружилъ подлогъ; но все-таки монголовъ рѣдко допускаютъ китайцы до настоящаго богатыря, а тѣ, которымъ удастся побывать тамъ, обыкновенно сильно хвораютъ послѣ этого, потому что воздухъ въ пещерѣ проникнутъ отравой, отъ которой погибъ торгоутскій герой.

Другая легенда, рассказанная мнѣ карашарскимъ ламой, который ѣхалъ съ нами, гласить слѣдующее: птица Ханъ-Гариде повадилась летать надъ Китаемъ и часто заслоняла собою солнце и мѣсяцъ. Ханъ китайскій, прослышавъ про сильнаго торгоутскаго богатыря, велѣлъ представить его въ скорѣйшемъ времени въ Пекинъ, въ расчетъ, что онъ одинъ можетъ освободить страну отъ чудовищной птицы. Богатырь былъ очень великъ ростомъ. Для перевозки его устроили телѣгу, въ которую запрягли 200 муловъ. Богатырь наложилъ на нее руку, и телѣга изломалась. Устроили другую, еще больше первой, запрягли 700 муловъ, богатырь занесъ на нее ногу и раздавилъ экипажъ вмѣстѣ съ мулами. Ввиду невозможности доѣхать до Пекина на

какомъ-либо экипажѣ, торгоутскій богатырь пошелъ туда пѣшкомъ, почему и прозванъ Ябуханъ-Мергенъ—пѣшій богатырь.

Царь Китайскій не зналъ, какъ и встрѣтить Ябухана. Хотѣлъ одарить его богатымъ платьемъ; но съ этимъ было много хлопотъ: на одинъ сапогъ не хватило двухъ большихъ конскихъ кожъ.

Ябуханъ какъ пріѣхалъ, заказалъ, чтобы ему сдѣлали стрѣлу въ 70 алдановъ*) длиной. Была сдѣлана такая стрѣла». Здѣсь запись обрывается почему-то. Мы сдѣлали эту длинную выписку изъ дневника съ одной стороны, чтобъ дать образчикъ записей Д. А. съ другой,—чтобъ показать, на какой зыбкой почвѣ невольно должны покоиться показанія путешественниковъ, и съ какою осторожностью приходится путешественнику пользоваться получаемыми имъ на мѣстахъ свѣдѣніями. Д. А., какъ опытный и осторожный путешественникъ, только занесъ въ свой дневникъ запись двухъ легендъ, носящихъ, несомнѣнно, совершенно случайный характеръ и, м. б., даже нарочито для него сымпровизованныхъ въ примѣненіи къ данному мѣсту. Ясно, что сообщавшіе, даже первый, были не мѣстные люди, что это были монголы, мало интересовавшіеся дѣйствительностью, ибо рѣчь шла о пещерѣ, чрезвычайно извѣстной въ тѣхъ мѣстахъ и заключающей въ себѣ громадную лежащую статую Будды. Это т. н. китайцами, „цэнь-фо-дун“—«Пещера 1000 буддъ». Путешественникъ, разспросившій мѣстныхъ людей, получилъ бы, несомнѣнно, иныя свѣдѣнія, чѣмъ Д. А. Мы уже сказали, что Д. А., съ присущей ему осторожностью, нигдѣ не использовалъ случайной записи своего дневника, хорошо понимая всю ея ненадежность и сознавая, какъ легко путешественникъ, вводя подобныя случайныя записи въ научный обиходъ, можетъ создать фантастическія представленія, какъ о несуществующихъ «мѣстныхъ» легендахъ, такъ и о мнимыхъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Конецъ августа находитъ Клеменцевъ уже въ Урумчи, откуда Д. А., въ которомъ всегда преобладали симпатіи географа и геолога, рѣшилъ отправиться на Богдо-ула,

*) Мѣра приблизительно въ сажень, по указанію А. Д. Руднева.

хотя это и не входило собственно въ планъ его экспедиціи. Всякій, кому посчастливилось видѣть эту величественную и чарующую своими снѣжными вершинами гору, хорошо пойметъ, что Д. А. не могъ удержаться отъ этой поѣздки; 26 августа они выѣхали изъ Урумчи, изъ-за снѣговъ имъ не удалось подняться на вершины, но они побывали у знаменитаго озера: „этимъ визитомъ на озеро, „записывается въ дневникъ Д. А.“, и окончилась наша экспедиція къ подножію престола Божія“. 31 они вернулись въ Урумчи, откуда 5 сентября обычной арбяной дорогой поѣхали въ Турфанъ, нанявъ «не безъ хлопотъ» пару телѣгъ. 9 сентября проѣзжаютъ мимо стараго города на Ярѣ.

«Верстахъ въ 10 отъ Кабырга протекаетъ сквозь эти каньоны рѣчка Ярѣ. Здѣсь встрѣчаются снова поселенія, мѣстечки, засаженные тополями, хлопкомъ и сорго. Поднявшись изъ устья этой рѣчки, видимъ на противоположной сторонѣ развалины древняго города — Ярѣ. Его также называютъ и Идыкутъ-шари, какъ находящійся около оазиса Туокъ. За подъемомъ начинаются въ перемежку поля и усадьбы, цѣлый рядъ линій карысей пересекаютъ дорогу. Тамъ, гдѣ нѣтъ усадебъ, настоящая Гоби. Версты черезъ три начинаются сады Турфана, и мы въѣзжаемъ, окруженные цѣлой толпой любопытныхъ, мальчишекъ и взрослыхъ, въ мусульманскій Турфанъ“.

Несмотря на непонятное отсутствіе указаній въ дневникѣ, несомнѣнно, что именно ко времени между 9 сентября и 14 относится посѣщеніе экспедиціею развалинъ стараго города на Ярѣ, т. к. этими днями отмѣчены пріѣздъ въ Турфанъ и отъѣздъ изъ него: въ теченіе пяти дней нечего было дѣлать въ мусульманскомъ Турфанѣ, и отсюда удобнѣе всего посѣщать городъ на Ярѣ; изъ дальнѣйшихъ записей дневника видно, что въ другое время Д. А. не могъ быть на Ярѣ.

14 сентября двинулись обычной восточной дорогой мимо стараго Турфана черезъ Читканъ, гдѣ переночевали, Лангаръ, Ауатъ, Астану, Караходжу, гдѣ и остановились около развалинъ Идикутъ-шари. 16 сентября переночевали, а 17 перекочевали въ СENGIMAĞYZЬ.*) Отсюда 19 сентября

*) Д. А. пишетъ Идыкутъ-шари, (на картѣ Идыготъ-шари, въ итмечкомъ Jdykut-Schari), СENGIMAĞYZЬ.

направились въ Безекликъ который Д. А. называетъ по близъ лежащему селенію Муртукъ. Здѣсь опять пропускъ въ дневникъ, гдѣ мы находимъ уже указаніе только на 26 сентября, день выѣзда изъ Туюка,*) откуда экспедиція двинулась въ Сыркипъ,**) куда прибыли къ ночи, на слѣдующій день 27 двинулись въ Пичанъ, откуда уже 28 повернули назадъ въ Сыркипъ, чтобы осмотрѣть старинное буддійское зданіе и угольные копи, гдѣ провели часть дня 29 сентября, пріѣхавъ затѣмъ въ Люкчунъ, гдѣ провели 30; 1-го октября съѣздили къ развалинамъ Асса-Шари. 2 октября выѣхали изъ Люкчуна черезъ сѣверныя ворота на С. С. З., черезъ оазисъ Ланге-серъ, откуда повернули на С., затѣмъ на З., подошли къ линіи оазисовъ на р. Туюкъ, прошли черезъ обширное кладбище, далѣе въ Астану. Дневникъ отмѣчаетъ уже только 4 сентября выѣздъ изъ Турфана тою-же дорогою, какъ пріѣхали изъ Урумчи. На 7 октября, когда выѣхали изъ Дабанчена на Сае-ну,***) дневникъ прерывается до 15 октября, дня выѣзда изъ Урумчи. 26-е октября еще помѣчено, повидимому, около станка Ямату****) и 27 набросокъ горъ и одно слово Толи, повидимому, пикетъ Толу. На этомъ обрывается дневникъ, но изъ письма къ академику В. В. Гадлову изъ Чугучака отъ 30 октября мы узнаемъ, что экспедиція къ этому времени уже прибыла къ русской границѣ, и что раньше изъ Люкчуна М. С. Андреевъ ѣздилъ на осмотръ Лемджинскаго ущелья. Этимъ исчерпывается маршрутъ экспедиціи, прослѣженный нами въ той его части, въ которой онъ имѣлъ отношеніе къ буддійскимъ древностямъ. Точное выясненіе дорожника намъ представляется весьма существеннымъ для пониманія всякой экспедиціи и для возможности связать одну экспедицію съ другой, такъ какъ надо имѣть въ виду, что экспедиціи, посѣщающія мало извѣстныя страны, доставляютъ намъ въ своихъ дневникахъ и дорожникахъ ис-

*) Д. А. пишетъ Туѳъ, по картѣ Туекъ, въ нѣмецкомъ текетъ Тојокъ.

**) Д. А. пишетъ всегда Сырхебъ, мы слышали на мѣстѣ Сыркипъ.

***) У Д. А. здѣсь Сеона.

****) У Д. А. Яматей.

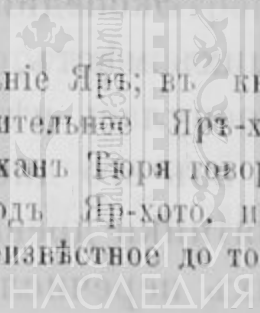
торическіе документы большой важности. Что бы мы не дали теперь, чтобъ знать точные дорожки многихъ старыхъ путешественниковъ, надъ выясненіемъ которыхъ ученые изощряютъ свою сообразительность и остроуміе? Въ-стѣ съ тѣмъ, сравненіе только что приведенныхъ данныхъ о пути экспедиціи съ данными о ея научныхъ результатахъ покажетъ намъ, какъ много сдѣлано Д. А. и его спутниками въ чрезвычайно короткое время, и заставить насъ пожалѣть о томъ, что именно на Турфанскій оазисъ экспедиція могла удѣлить такъ мало времени. Предшественники Д. А. по посѣщенію Турфана не интересовались его древностями, и онъ первый далъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ; тѣмъ болѣе приходится жалѣть о томъ, что краткость пребыванія въ Турфанскомъ краѣ и скудость средствъ помѣшали Д. А. спасти для науки то, что, благодаря ненаучнымъ приемамъ и жадѣ къ захвату большого количества археологической добычи, безповоротно погибло впоследствии. Какъ извѣстно, «изслѣдованіе» древностей китайскаго Туркестана, производившееся лицами, почти исключительно весьма почтенными и достойными, представляетъ тѣмъ не менѣе печальную картину послѣдствій междоународнаго состязанія и безсистемности работы.

Самъ Д. А. смотрѣлъ на свою работу, и совершенно правильно, какъ на чисто развѣдочную: въ его распоряженіи было слишкомъ мало времени, силъ и средствъ для систематическаго изученія древностей Турфанскаго края. Онъ поставилъ себѣ задачей только выяснить въ общихъ чертахъ, что можно найти въ Турфанѣ, и что надо впоследствии сдѣлать для изслѣдованія этихъ древностей. Съ этой точки зрѣнія надо признать, что, принимая во вниманіе ограниченность времени въ его распоряженіи, Д. А. справился съ своею задачею въ весьма полной мѣрѣ.

Экспедиція дала намъ указанія относительно главнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ остались памятники древности, и даже коснулась нѣкоторыхъ второстепенныхъ. Изъ книги Д. А. и изъ его дневниковъ видно, что слѣдующіе мѣста и памятники древности были осмотрѣны экспедиціею. Мы начнемъ ихъ перечисленіе съ запада, въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ

осматривала экспедиція: 1. Старый городъ на Ярѣ;*) 2. Пещеры противъ города на правомъ берегу рѣки; 3. Пещеры погребальныя въ ложбинкахъ и ущельяхъ около Яра; 4. Старый Турфанъ, 5. Медрессе съ башней около стараго Турфана, по отношенію къ которой Д. А. указываетъ на легенду будто бы здѣсь былъ несторіанскій храмъ; несмотря на самыя тщательныя разспросы, мы не могли найти подтвержденія существованію этой легенды въ Турфанѣ; 6. Развалины города Идикут-шари; 7. Развалины къ востоку отъ Идикут-шари; 8. Башня Тайзан въ Астанѣ; 9. Развалины у Сенгим-агызъ, входа въ Сенгимское ущелье; 10. Развалины въ ущельѣ Сенгимъ; 11. Пещеры Безекликъ, которыя Д. А. называетъ по имени деревни и рѣки Муртукъ; 12. Пещеры и развалины въ ущельѣ Туук-мазаръ; 13. Буддійская ступа въ Сыркинѣ; 14. Остатки древностей въ Лемджинскомъ ущельѣ; 15. Развалины монастыря къ югу отъ Люкчуна, называемыя Асса-шари. Позднѣйшія изслѣдованія и экспедиціи немного прибавили существеннаго къ этому списку. Это прежде всего древности въ ущельяхъ и на невысокихъ горахъ къ сѣверу отъ мусульманскаго Турфана: ущелья Курутка, Таллык-булак, Сассык-булак и мѣстность Шипан; затѣмъ ущелья и ложбинки къ сѣверо-западу, отъ Безеклика, извѣстныя, повидимому, у туземцевъ подъ названіями Бешбуха, Ходжамъ-булаге, Пака-булак; развалины на островкахъ болотистаго озера Чикан-коль, къ сѣверу отъ Сенгимскаго ущелья, на берегахъ этого озера и въ пещерахъ по близости, и наконецъ пещеры въ боковомъ ущельѣ, выходящемъ въ Лемджинское ущелье. Для всякаго путешественника ясно, какимъ образомъ въ мѣстности, не имѣющей сколько-нибудь надежной и подробной карты, Д. А. могъ пропустить тѣ или другіе небольшіе остатки древностей, особенно, принимая въ расчетъ, что у него въ распоряженіи было очень мало времени: на востокъ время— все, оно тамъ имѣетъ даже больше значенія,

*) Въ дневникахъ Д. А. всюду правильное названіе Ярѣ; въ книгѣ почему то взято совершенно неизвѣстное и неупогребительное Ярѣ-хото. Русскій аксакаль въ Турфанѣ, нынѣ покойный Ахрор-ханъ Тюркя говорилъ намъ въ 1909 году, что Д. А. почему то называлъ городъ Ярѣ-хото, и что послѣ него нѣкоторые другіе тоже стали употреблять неизвѣстное до того и неправильное „Ярѣ-хото“.

чѣмъ деньги, ибо даже съ большими деньгами на востокъ въ короткое время сдѣлаешь немного. Разспросы туземцевъ даютъ сперва очень мало, особенно мало они могли дать Д. А., который первый началъ разыскивать древности въ Турфанѣ, денежное значеніе которыхъ въ то время Турфанцы себѣ еще мало представляли. Насколько трудно получить проводника, а, значить и доступъ къ рѣдко посѣщаемымъ развалинамъ, испытали, напр., и мы сами, когда, при гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ у Д. А., обстоятельствахъ, хотѣли въ 1909 году найти развалины недалеко отъ Карашара, приблизительное мѣсто которыхъ мы даже знали: туземцы по какой то причинѣ не захотѣли проводить насъ къ развалинамъ, обманывая разными рассказами—развалины мы такъ и не могли посѣтить. Поэтому еще разъ приходится пожалѣть о томъ, что экспедиція Д. А., обладававшая, какъ путешественникъ, исключительными талантами, была такъ кратковременна. Это особенно отразилось на второй задачѣ, которую онъ преслѣдовалъ—найти рукописи, образа, статуетки и т. п. Здѣсь онъ почти ничего не могъ сдѣлать: самостоятельныхъ раскопокъ онъ по недостатку времени и средствъ вести не могъ, а туземцевъ приходится очень постепенно приучать къ продажѣ древностей, значеніе которыхъ, повторяю, въ 1898 году въ Турфанѣ совсѣмъ не сознавалось. Уже много лѣтъ спустя, туземцы съ искреннимъ огорченіемъ рассказывали о массѣ рукописей и вещей, которыя они зря уничтожили, не понимая ихъ цѣнности: «сколько бы у насъ было теперь денегъ», говорили они. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое количество уйгурскихъ, главнымъ образомъ, документовъ, рукописей и ксилографовъ было добыто Д. А., и матеріалы эти были использованы академикомъ В. В. Радловымъ. Инвентарный списокъ вещей и рукописей, привезенныхъ Д. А. и хранящихся въ музеѣ антропологии и этнографіи и Азіатскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ, будетъ изданъ нами.

Указавъ общій характеръ добытыхъ экспедиціею результатовъ, мы перейдемъ къ частнымъ указаніямъ методовъ ея работы и затѣмъ къ опредѣленію того, что сдѣлано экспедиціею. Для съемки не было достаточно времени, но Д. А. привыкшій въ путешествіяхъ къ маршрутнымъ кроки, все-

гдѣ заносить ихъ въ свой дневникъ, точно такъ же, какъ и наброски плановъ пещеръ и зданій. Частью онъ воспользовался ими въ своей книгѣ, частью въ нихъ придется еще разбираться при изданіи оставленныхъ имъ матеріаловъ.

Для фотографированія экспедиція имѣла лишь аппаратъ съ пластинками 13×18 и фотобинокль. Нѣкоторыя изъ болѣе удачныхъ фотографій воспроизведены въ книгѣ; условія фотографированія въ пещерахъ чрезвычайно затруднительны, и потому число вполне удовлетворительныхъ снимковъ не могло быть велико. Опись этимъ фотографіямъ будетъ напечатана нами вмѣстѣ съ описью предметовъ и рукописей.

Кромѣ фотографій, экспедиція сняла нѣкоторое количество эстампажей съ надписей древне-турецкихъ, писанныхъ т. н. орхонскими письменами. Надписи эти, прочитанныя В. В. Радловымъ, были напечатаны имъ въ книгѣ Д. А.

Но планы, рисунки, фотографіи, эстампажи и случайныя покупки небольшого числа рукописей и предметовъ должны были, естественно, показаться недостаточными экспедиціи: видя передъ собою богатство росписи пещеръ и храмовъ, ясное представленіе о которой не могли дать ни рисунки, ни фотографіи, экспедиція стремилась привезти подлинники. Трудность здѣсь была, во-первыхъ, въ снятіи стѣнописи безъ поврежденія ея, а, во-вторыхъ, въ перевозкѣ. Раззоренное состояніе многихъ пещеръ позволяло, безъ ущерба для пониманія и безъ того уже мѣстами до неузнаваемости разрушенной композиціи образовъ, брать отдѣльные куски росписи. Въ Турфанѣ, въ большинствѣ случаевъ, роспись нанесена на очень толстый слой глиняной штукатурки, и поэтому, при нѣкоторой тщательности работы, можно легко вынимать цѣльные куски росписи. Д. А. старался вынимать образцы разныхъ манеръ, и собраніе этихъ образцовъ, находящихся нынѣ въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи, легко въ основу первымъ попыткамъ изслѣдованія искусства китайскаго Туркестана. Выискивая съ большою осторожностью и съ разборомъ образцы росписей, Д. А. не избѣгъ однако нѣкоторыхъ ошибокъ: такъ, нельзя не признать, что правильнѣе было бы не выискивать нѣкоторыхъ надписей, которыя безъ образовъ, къ кото-

рымъ онѣ относились, не могли почти имѣть значенія. Д. А. самъ въ послѣдствіи призналъ свою ошибку и объяснялъ ее только тѣмъ, что онъ считалъ необходимымъ привезти и эпиграфическіе подлинники, т. к. самъ онъ надписей не читалъ. Надписи эти санскритскія, индійскими письменами брахми. Перечень ихъ войдетъ въ указанную выше опись научныхъ результатовъ экспедиціи Д. А. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о выпиливаніи фресокъ, потому что онъ пріобрѣлъ особенную жгучесть въ связи съ прусскими экспедиціями г. фонъ-Лекока, который, совершенно не считаясь съ научной стороною дѣла и имѣя въ виду исключительно музейные интересы, опустошилъ многочисленныя пещеры китайскаго Туркестана: безъ соотвѣтствующихъ приспособленій, совершенно первобытными способами, по усмотрѣнію г. фонъ-Лекока, вырѣзалась роспись цѣлыхъ стѣнъ или кусковъ стѣнъ, при чемъ, какъ мы въ этомъ убѣдились лично, безвозвратно погибло столько же, если не болѣе того, что было взято для Берлинскаго Музея. Будучи совершенно незнакомъ съ буддійскимъ искусствомъ, г. фонъ-Лекокъ вырѣзалъ фрески, можно сказать, ощупью. Совершенно другой характеръ носила работа Д. А., чрезвычайно осторожная и осмотрительная; онъ стремился брать лишь нѣкоторые, небольшіе образцы и только въ отношеніи нѣсколькихъ надписей пошелъ по неправильному пути.

Отличительнымъ признакомъ Д. А. Клеменца, какъ научнаго работника, было сознательное и опредѣленное отмежеваніе той области, въ которой онъ работалъ: онъ считалъ себя прежде всего, больше всего путешественникомъ, и соотвѣтственно этому и велъ свою работу. Онъ полагалъ, что ему прежде всего надлежитъ сдѣлать именно ту работу, которую можетъ сдѣлать только человѣкъ, работающій на мѣстахъ. Эту отличительную его черту мы видимъ и въ способѣ его работы въ Турфанской экспедиціи, въ его Турфанскихъ дневникахъ и въ его книгѣ. Онъ знакомится съ литературою вопроса, но не пытается дѣлать изслѣдованій, для которыхъ не чувствуетъ себя призваннымъ, а только освѣщаетъ для себя книжными данными собранный и видѣнный на мѣстѣ матеріалъ; онъ заботится о возможно точныхъ

описаніяхъ и о возможной, какъ мы это уже видѣли, полнотѣ указаннаго матеріала.

Просматривая записи относительно отдѣльныхъ мѣстъ, отдѣльныхъ пещеръ, мы видимъ, съ какой осторожностью Д. А. касается темъ, ему мало знакомыхъ: знаніе буддійской иконографіи, монгольской и тибетской, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло подготовить къ пониманію образовъ Турфанской росписи, которые во многомъ и до сихъ поръ еще не поддаются толкованію специалистовъ. Но сдѣланныя Д. А. описанія, указанія на разныя манеры живописи возбуждали живѣйшій интересъ специальныхъ круговъ и указали на связь со стѣнописью буддійскихъ пещеръ Индіи.

Только при сравненіи книги Д. А. съ послѣдующими описаніями Турфанскихъ древностей другими экспедиціями, можно составить себѣ точное представленіе о значеніи работы Д. А., какъ перваго шага на томъ пути открытія новыхъ культуръ, которыя обнаружилъ для насъ китайскій Туркестанъ. То, что въ западной и южной части китайскаго Туркестана было сдѣлано находками и изысканіями Н. Θ. Петровскаго, то для восточной и сѣверо-восточной части страны было сдѣлано Д. А. Клеменцемъ и его экспедиціею. Цѣлый рядъ путешественниковъ былъ до него въ Турфанѣ, всѣ они видѣли хоть часть древностей края, которыя въ значительной мѣрѣ доступны были всякому проѣзжему, и тѣмъ не менѣе никѣмъ изъ нихъ не дано описанія древностей, достаточнаго для того, чтобъ вызвать вниманіе специалистовъ и побудить ихъ къ систематическому изученію края въ археологическомъ отношеніи. Достигнутые результаты и горячее сочувствіе его работѣ побудило Д. А. внести въ Восточное Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, вмѣстѣ съ Н. И. Веселовскимъ и С. Θ. Ольденбургомъ, предложеніе объ отправкѣ экспедиціи въ китайскій Туркестанъ, срокомъ на два года: въ экспедицію должны были отправиться Д. А. Клеменць и С. Θ. Ольденбургъ и изслѣдовать древности и сѣверной, и восточной, и южной части края. Предложенію этому, горячо поддержанному Обществомъ, съ его Августѣйшимъ президентомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ во главѣ, не суждено было осуществиться, вслѣдствіе кате-

горического отказа министра финансовъ Сергѣя Юльевича Витте. Русскимъ ученымъ и на этотъ разъ, какъ бывало и бываетъ нерѣдко, пришлось отойти на время отъ начатаго ими вполне успѣшно дѣла, которое перешло въ руки иностранныхъ, въ первую голову нѣмецкихъ, ученыхъ, получившихъ въ своей странѣ средства на экспедицію. Только много лѣтъ спустя, при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ, русскимъ ученымъ удалось продолжить дѣло Д. А. Съ благодарностью вспоминаютъ они его и будутъ всегда помнить, что начало научнаго изученія сѣвера китайскаго Туркестана положено экспедиціею Дмитрія Александровича Клеменца.

31. VII. 916.

Сергѣй Ольденбургъ.

МАТЕРІАЛЪ

къ изученію народно-медицинскихъ
растеній Иркутской губерніи.

Въ области собиранія свѣдѣній по народной медицинѣ Восточной Сибири, въ особенности Иркутской губерніи, до сего времени сдѣлано еще слишкомъ мало. Единичныя попытки въ этомъ направленіи носятъ случайный характеръ и, конечно, далеко не исчерпываютъ того громаднѣйшаго матеріала, который накопился многими поколѣніями въ отрѣзанной еще такъ недавно отъ культурнаго міра Сибири. Необъятная Иркутская губернія, съ ничтожнымъ количествомъ медицинского персонала, съ разнообразнымъ племеннымъ составомъ, изстари привыкшимъ пользоваться у знахарокъ и знахарей, можетъ и должна привлечь къ себѣ вниманіе всякаго, кто интересуется народной медициной. Въ Германіи, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, обратили должное вниманіе на изученіе цѣлебныхъ свойствъ растеній. Въ свое время было основано въ Берлинѣ, со многими отдѣленіями въ другихъ городахъ, фитотерапевтическое общество. Изданы были книги съ обобщающими данными, съ длинными списками лекарственныхъ растеній. Классическая страна фабричнаго химическаго производства медикаментовъ положила начало повѣркѣ народнаго опыта въ фито-терапіи. Теперь, когда, благодаря войнѣ, ощущается большой недостатокъ въ медикаментахъ, начали говорить и у насъ объ использованіи народныхъ медицинскихъ растеній. Вотъ почему, намъ кажется, опубликовать нашъ небольшой матеріалъ имѣетъ нѣкоторый смыслъ и значеніе.

Приводимый ниже списокъ охватываетъ 107 растеній. Изъ нихъ для 18-и, по тѣмъ или инымъ основаніямъ, нами не указано

отъ какихъ болѣзней, и какъ они употребляются. Остальныя растенія примѣняются при 46 болѣзняхъ, располагающихся въ слѣдующій рядъ:

Отъ рѣзи въ животѣ примѣняется	9 растеній.
Отъ грыжи, боли въ желудкѣ	по 9 »
Отъ нарыва, простуды, родимца	по 6 »
Отъ ревматизма, поноса, къ ранамъ, болѣзней горла	по 5" »
Отъ головной боли, болѣзней спины, отъ внутренняго жара, для пищеваренія	по 4" »
Для выкидышей	3 растенія.
Отъ испуга, кашля, дурного глаза, золотухи, слабительное, для усиленія послѣродовыхъ очищеній, болѣзней сердца, лихорадки, болѣзней глазъ, задержанія мочи	по 2 растенія.

Отъ поноса, испуга, выкидышей, разлитія желчи, ожога, слабой груди, безсонницы, рожи-стаго воспаленія, младенческой, хомута, малокровія, худосочія, глухоты, удушья, ломоты въ костяхъ, занозы, болѣзней матки, нутра, болей въ груди, для бѣлизны лица и всѣхъ болѣзней по 1 растенію.

Публикуемый матеріалъ есть результатъ сработки: 1) свѣдѣній, полученныхъ отъ жительницы Тутурской вол., Верхоленскаго уѣзда, Е. Ил. Нечаевой; 2) свѣдѣній, собранныхъ И. Ларинымъ въ с. Голоустномъ, Иркутскаго уѣзда; 3) гербарія народнаго учителя И. М. Любимова, собраннаго въ 1904 году въ окр. с. Хомутовскаго, Ирк. у.; 4) гербарія Ин. Ревякина, собраннаго въ 1915 году въ окр. с. Тугутуя, Ирк. уѣзда.

За латинскими названіями растеній слѣдуютъ названія мѣстныя.

1) *Abies sibirica* Ledeb.—Пихта. Отъ удушья, завариваютъ молодыя шишки и пьютъ. с. Тутура.

2) *Achillea Millefolium* L.—«Порѣзная трава». Настой травы дается при рѣзи въ животѣ и отъ поноса. с. Хомутовское. При рѣзи въ животѣ и болѣзняхъ желудка. с. Тутура.

3) *Aconitum Napellus* L.—«Лютикъ». Пьютъ при ревматизмѣ. Травится скотъ. с. Голоустное.

4) *Aconitum barbatum* Patr., 5) *A. tortuosum*, *A. Napellus* и различные виды *Delphinium*—«Лютики». Травятъ мухъ. Завариваютъ, выкладываютъ въ тарелки и засыпаютъ сахаромъ. с. Тутура.

6) *Adenophora denticulata* Fich.—«Колокольчики». Отъ родимца. Обвариваютъ и пьютъ.

7) *Adonis apennina* L.—«Стародубка». Завариваютъ и пьютъ при грыжѣ и боли въ животѣ. с. Качугъ, Верх. уѣзда. Отъ поносу у людей и животныхъ. с. Тутура.

8) *Allium sepa* L.—«Лукъ рѣпчатый». Ломтики сырого или поджареннаго подвязываются къ нарывамъ, къ занозѣ, чтобъ подтянуть ее ближе. Завариваютъ луковицы и пьютъ для выкидыша. с. Тутура.

9) *Allium prostratum* L.—«Лукъ полевой». Для выкидышей. Завариваютъ луковицы и пьютъ. с. Тутура.

10) *Alnus viridis* D. C.—«Ольховникъ». Для заживленія ранъ промываютъ ихъ отваромъ цвѣтовъ и листьевъ. с. Тугутуй.

11) *Androsace septentrionalis* L.—«Костянка». Отъ ломоты костей. Дается настой. С. Хомутовское.

12) *Anemone narcissi flora* L., 13) *A. patens* L. Употребляется. с. Тутура.

14) *Antennaria dioica* Gärtn.—«Горлянка». При болѣзняхъ горла. Завариваютъ и пьютъ. с. Тутура.

15) *Antennaria Steetiana* Turcz.—«Горлянка». Пьютъ, какъ чай, при болѣзняхъ нутра. с. Голоустное. При болѣзняхъ горла. с. Тутура.

16) *Anogalliodium dichotomum* Grieb. При болѣзняхъ желудка, поносѣ, рѣзи въ животѣ. Завариваютъ и пьютъ или жуютъ. Вѣрное средство. Очень распространено. с. Тутура.

17) *Aster alpinus* L. Употребляется. с. Тутура.

18) *Aquilegia sibirica* L.—«Колокольчикъ». Отъ давленія и боли въ животѣ. Завариваютъ и пьютъ. с. Тутура.

19) *Artemisia sacrorum* Ledeb.—«Полынка». Завариваютъ водой или настаиваютъ на водкѣ и пьютъ при болѣзняхъ живота. с. Тутура.

20) *Artemisia sericea* Web.—«Полынка каменная». Отъ ломоты въ костяхъ. Настаиваютъ на водкѣ и пьютъ. с. Голоустное.

21) *Atragene sibirica* L.—«Хмѣль». Для выкидыша. Бутоны завариваютъ и пьютъ въ горячей банѣ. с. Тутура.

22) *Beta vulgaris* L.—Свекла. При болѣзняхъ или нарывахъ въ горлѣ пьютъ сокъ съ уксусомъ или полощутъ имъ горло. с. Тутура.

23) *Betula alba* L.—Береза. Отъ простуды, ревматизма. Поч- ки завариваютъ или настаиваютъ на водкѣ и пьютъ. с. Тутура.

24) *Cacalia hastata* L.—«Нетопырникъ». Для заживленія ранъ накладываютъ на нихъ листья. с. Тутутуй.

25) *Campanula glomerata* L.—«Скушена трава». Порошокъ травы съ дрожжами прикладываютъ къ пальцамъ при «змѣвикѣ» (злокачественный нарывъ, влекущій искривленіе пальцевъ). На- званіе растенія произошло отъ повѣрья, что верхушку растенія скусываетъ змѣя. с. Хомутовское.

26) *Cannabis sativa* L.—Конопля. При задержаніи мочи. Толкутъ сѣмя и пьютъ съ водой. Даютъ и животнымъ. Очень употребительно. с. Тутура.

27) *Carduus crispus* L.—«Мужской чертополохъ». Отъ испуга. Завариваютъ и пьютъ. Отваромъ обливаются въ банѣ. Употребляется только мужчинами. с. Тутура.

28) *Chelidonium majus* L.—Употребляется. с. Тутура.

29) *Cicuta virosa* L.—«Омегъ». Настой травы дается отъ грыжи; толченый корень со сметаной прикладывается при змѣ- викѣ. с. Хомутовское.

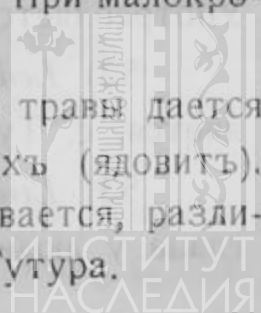
30) *Cirsium esculentum* C. A. M. v. *acavle*.—«Женскій чер- тополохъ». Отъ испуга. Завариваютъ и пьютъ. Отваромъ обли- ваются въ банѣ. Употребляется только женщинами. с. Тутура.

31) *Corallorrhiza innata* K. Br.—Отъ всѣхъ болѣзней. с. Тутура.

32) *Cypripedium macranthum* Sw, 33) *C. Calceolus* L., 34) *C... guttatum* Swartz.—«Башмачекъ». Отъ грыжи. Завариваютъ все растеніе съ корнями и пьютъ. с. Тутура.

35) *Daucus Carota* L.—«Морковь огородная». При малокро- вѣи, худосочіи пьютъ сокъ. с. Тутура.

36) *Delphinium elatum* L.—«Борецъ». Настой травы дается при грыжѣ, простудѣ и многихъ другихъ болѣзняхъ (ядовитъ). с. Хомутовское. Средство противъ мухъ. Заваривается, разли- вается по тарелкамъ и посыпается сахаромъ. с. Тутура.

- 37) *Dianthus Seguieri Vill.*—«Гвоздика». Употребляется. с. Тутура.
- 38) *Echinospermum Laphula Lehm.*—«Любимъ». Отъ родимца. Дается настой. с. Хомутовское.
- 39) *Empetrum nigrum L.* «Шикша». Отъ головной боли. Пьютъ отваръ. с. Голоустное.
- 40) *Ephedra monosperma L.*—«Кузмичева трава». При ревматизмѣ ѣдятъ ягоды или пьютъ отваръ травы. с. Голоустное.
- 41) *Epilobium angustifolium L.*—«Ушканникъ». Отъ хроническихъ головныхъ болей. Пьютъ, какъ чай. с. Тугутуй. Отъ глухоты и золотухи. Плоды (пушокъ) завариваютъ и пьютъ. с. Тутура.
- 42) *Erifrichium pectinatum?* Употребляется. с. Качугъ.
- 43) *Euphorbia alpina C. A. Mey.*—«Дрисливый корень, плаунъ». Слабительное. Заваривается корень. с. Тутура, с. Хомутовское.
- 44) *Filipendula Ulmaria Maxim.*—«Бѣлоголовникъ». Употребляется. с. Тутура.
- 45) *Gentiana barbata Fröl.* 46 *G. Amarella.*—«Смолянка». При желудочныхъ болѣзняхъ, плохомъ пищевареніи. Пьютъ отваръ. Очень употребительно. с. Тутура.
- 47) *Gentiana macrophylla Pall.*—«Купена». Свѣжіе или размоченные листья прикладываютъ къ ранамъ. с. Хомут. «Звѣробой»—отъ ревматизма, при желудочныхъ заболѣваніяхъ. Корни настаиваютъ на водкѣ. Очень употребительно. с. Тутура.
- 48) *Gittago segetum Desf.*—«Куколь». Отъ болѣзней сердца. Пьютъ отваръ. с. Тутура.
- 49) *Gypsophylla altissima L.*—«Полевой ладанъ». Отъ родимчика. Дается дѣтямъ отваръ с. Тутура.
- 50) *Hyosciamus niger L.*—«Бѣлена». При головной боли. Дается отваръ. с. Туг.
- 51) *Juniperus communis L.*—«Можжевельникъ». При кашлѣ. Употребляется отваръ. с. Гол.
- 52) *Ledum palustre L.*—«Свинячій багульникъ». Употребляется. с. Тутура.
- 53) *Linnea borealis L.*—«Урошная трава». Противъ дурного глаза у людей и скота. Пьютъ отваръ. с. Тутура.

- 54) *Lonicera coerulea* L.—«Жимолость». Употребляется с Тутура.
- 55) *Matricaria Chamomilla* L.—«Ромашка». При простудѣ болѣзняхъ горла, желудка. Пьютъ отваръ, полощатъ имъ горло. с. Тутура.
- 56) *Mentha arvensis* L.—«Мята». Кипятятъ съ молокомъ и пьютъ при болѣзняхъ горла и при кашлѣ. с. Тутура.
- 57) *Menyanthes trifoliata* L.—«Троелистка». При боляхъ въ груди. Настаиваютъ и пьютъ. с. Гол. При поносѣ и рѣзи въ животѣ, настаиваютъ на водѣ или водкѣ. Очень употребительно. с. Тутура.
- 58) *Nepeta lavandulacea* L.—Отъ младенческой. Завариваютъ и пьютъ, какъ чай. с. Тутура.
- 59) *Nuphar luteum* Sw.—«Вахта желтая». При поносѣ и болѣзняхъ желудка. Корни сушатъ, толкутъ и завариваютъ. Даютъ людямъ и въ особенности животнымъ. с. Тутура.
- 60) *Nymphaea candida* Presl.—«Вахташый листь». Листъ, свѣжій или размоченный въ водѣ, прикладывается при рожистомъ воспаленіи и какъ вытягивающее жаръ средство. с. Хомутов.
- 61) *Onobrichis sativa* Lam.—Употребл. с. Тутура.
- 62) *Orchis latifolia* L.—«Ивановы ручки». Корень завариваютъ и окачиваютъ отъ дурного глазу. Моютъ крынки для сметаны. с. Тутура.
- 63) *Oxytropis uralensis* D. C.—Употребл. с. Тутура.
- 64) *Paeonia anomala* L.—«Марьины коренья». При рѣзи въ животѣ, поносѣ, простудѣ, послѣ родовъ. Завариваютъ или настаиваютъ на водкѣ. Весьма употребительно. с. Тутура.
- 65) *Papaver alpinum* L. v. *nudicaule* Ledeb.—«Полевой макъ». Настой травы съ цвѣтами даютъ въ предупрежденіе родимца и грыжи только что родившемуся младенцу. с. Хом.
- 66) *Papaver somniferum* L.—«Макъ». Отъ бессонницы. Головки съ сѣменами завариваютъ, настаиваютъ и пьютъ. с. Тут.
- 67) *Parnassia palustris*—Отъ рѣзи въ животѣ и при задержаніи мочи. Завариваютъ и пьютъ, какъ чай. с. Тутура.
- 68) *Fhloomis tuberosa* L.—Картофелеобразные корни отвариваютъ и пьютъ при грыжѣ. с. Тутура.
- 69) *Plantago media* L., 69a) *P. major* L.—«Подорожникъ». Листья прикладываются къ ранамъ и на нарывы. с. Гол., с. Тут.

- 70) *Polygala comosa* Schk. Употребл. с. Тутура.
- 71) *Polygonatum multiflorum* All.—«Купена». При разстройствѣ пищеваренія. с. Тут.
- 72) *Polysfichium Filix femina* Bernch. Употребл. с. Тут.
- 73) *Prunus Padus* L.—«Черемуха». Завариваютъ цвѣты и умываются для бѣлизны лица. с. Тутура.
- 74) *Ptarmica impatiens* D. C.—«Порѣзная трава». Настой пьютъ отъ рѣзи въ животѣ. с. Тутура.
- 75) *Pyrola rotundifolia* L., 76) *Pyrola rotundifolia* L. v. *incarnata*—«Баданъ». При болѣзняхъ спины. Пьютъ настой с. Тут.
- 77) *Pulmonaria mollis* Wolf.—«Мать-мачеха». Настой листьевъ пьютъ отъ «хомута» (болѣзнь половыхъ органовъ). с. Хом. При желудочныхъ заболѣваніяхъ. Пьютъ настой листьевъ и корней. с. Тутура.
- 78) *Ribes nigrum* L.—«Черная смородина». При золотухѣ даютъ отваръ листьевъ. с. Тутура.
- 79) *Rosa Gmelini* Buge—«Шипишникъ». Корни завариваютъ или настаиваютъ на водкѣ и пьютъ при слабой груди. с. Тут. Отваромъ цвѣтовъ промываютъ глаза при гнойныхъ глазныхъ болѣзняхъ. с. Гол.
- 80) *Raphanus sativus* L.—«Рѣдька». Для пищеваренія пьютъ сокъ. При простудѣ имъ натираются. с. Тутура.
- 81) *Rubus idaeus* L.—«Малина». При простудѣ. Завариваютъ ягоды и пьютъ, какъ чай. с. Тутура.
- 82) *Rubus saxatilis* L.—«Костяника». Зелеными вѣтвями обвиваютъ больную спину. Ъдятъ ягоды, какъ жаропонижающее средство. с. Тутура.
- 83) *Rumex domesticus* Hartm.—«Щавель». Молодые побѣги, всходы завариваютъ и пьютъ, какъ слабительное. с. Тутура.
- 84) *Salsola collina* Pall.—Употребл. с. Тутура.
- 85) *Sambucus racemosa* L.—Употр. с. Тутура.
- 86) *Saussurea discolor* D. C.—«Братскій труть». При грыжѣ, къ обожженному мѣсту прикладывается листь, омоченный въ водѣ. с. Хомут.
- 87) *Saxifraga bronchialis* L.—При болѣзняхъ матки. с. Гол.
- 88) *Saxifraga crassifolia* L.—«Баданъ». Листья прикладываются при головной боли ко лбу, какъ жаропонижающее средство. с. Гол.

89) *Scabiosa ochroleuca* L.—Отъ родимца. Обвариваютъ и пьютъ, какъ чай. с. Тутура.

90) *Scutellaria galericulata* L.—«Синяя травка». Настой травы дается отъ сердцебіенія, родильницамъ, какъ средство усиливающее послѣродовыя очищенія. с. Хом.

91) *Solanum tuberosa* L.—«Картошка». Ломтики прикладываютъ къ нарывамъ. с. Гол.

92) *Statice speciosa* L.—«Земляной ладанъ». Настой травы дается отъ родимца. с. Хом.

93) *Tanacetum vulgare* L.—«Девятильникъ». Въ видѣ настоя дается отъ грыжи, весновки (лихорадки) и разлитія желчи. с. Хом. «Порѣзная трава».—Отваръ пьютъ отъ рѣзы въ животѣ. с. Тутура.

94) *Taraxacum officinale* Wigg.—«Одуванчикъ». Завариваютъ и пьютъ отъ выкидышей. с. Тутура.

95) *Teloxis aristata* Alog—Употребл. с. Тутура.

96) *Thalictrum minus* L.—При испугѣ. Завариваютъ, пьютъ или обливаются. с. Тутура.

97) *Thermopsis lanceolata* K. Br.—Траву скотъ не ѣстъ. Были случаи отравленія. с. Гол.

98) *Thymus serpyllum* L.—«Богородская трава». Дается козовѣ послѣ отела. Моютъ крынки для сметаны. с. Гол., с. Тут.

99) *Trifolium pratense* L.—Дается коровамъ и людямъ. с. Тутура.

100) *Trollius asiaticum* L.—«Жарки». Отъ куриной слѣпоты. Завариваютъ цвѣты и пьютъ, какъ чай. с. Тутура.

101) *Urtica urens* L. «Крапива». При крапивной лихорадкѣ. Вяжутъ въ пучки, обвариваютъ ихъ и натираются въ горячей банѣ. с. Тутура.

102) *Vaccinium Myrtillus* L. «Черника». Отваръ ягодъ пьютъ при поносѣ. с. Тутура.

103) *Vaccinium Oxycoccos* L.—«Клюква». Употребл. с. Тут.

104) *Vaccinium Vitis idaea* L.—«Брусника». Ягода помогаетъ пищеваренію. Завариваютъ все растеніе и пьютъ при бо-

лѣзняхъ спины, ревматизмѣ, при повышенной температурѣ. с. Тутура.

105) *Veratum album* L.—«Чемерица». Настоемъ поливаютъ огороды отъ червей. с. Тутура.

106) *Veronica Teucrium* L.—«Змѣиный скусъ, Змѣиная головка». Употребл. с. Тутура. Убиваетъ змѣй с. Хом.

Ив. Ларинъ, С. Сизыхъ.

Д. А. Клеменцъ

И СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

Къ числу немногихъ представителей русской интеллигенціи, имена которыхъ тѣсно связаны съ судьбами и исторіей сибирскихъ инородцевъ, по справедливости, долженъ быть отнесенъ и Д. А. Клеменцъ.

Д. А. Клеменца знали, какъ этнографа и знатока быта сибирскихъ инородцевъ. Но, какъ публицистъ по инородческимъ вопросамъ, онъ врядъ ли былъ извѣстенъ широкимъ общественнымъ кругамъ. А между тѣмъ эта сторона дѣятельности Д. А. заслуживаетъ особеннаго вниманія и памяти, если не сибирскаго общества, то со стороны инородческихъ элементовъ Сибири.

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности въ настоящей замѣткѣ ярко оттъннить роль Д. А. въ разработкѣ инородческой проблемы въ Сибири, такъ какъ эта проблема до сего времени не потеряла своего остро-злободневнаго характера, и поэтому подробное обсужденіе ея въ спеціальномъ научномъ журналѣ не представляется возможнымъ.

I.

Какъ извѣстно, Д. А. пришлось исколесить почти всю Сибирь въ качествѣ научнаго изслѣдователя. Во время странствій, ему приходилось сталкиваться съ тѣми или иными инородческими народностями. Со свойственной ему чуткостью и живостью, Д. А. глубоко и пытливо проникаетъ въ жизнь и бытъ инородческихъ племенъ Сибири.

У Д. А. Клеменца были всѣ данныя для того, чтобы подойти къ инородцамъ не какъ присяжному гелертеру, съ сухими учено-академическими интересами. За это говорили его прошлое и обаятельная личность, такъ мастерски и ярко обрисованная

въ «Подпольной Россіи» Степняка-Кравчинскаго. И дѣйствительно, какъ человекъ и общественный дѣятель, Клеменць относился къ инородцамъ съ большой теплотой и доброжелательностью. Тѣ инородцы, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, платили ему тѣмъ же, или просто боготворили его, такъ что тотъ художникъ изъ друзей Д. А., который какъ-то изобразилъ его въ видѣ буддійскаго святого, былъ весьма близокъ къ истинѣ, если онъ хотѣлъ передать символически отношенія инородцевъ-буддистовъ къ Клеменцу.

Близость къ природѣ и непосредственность духа сибирскихъ инородцевъ, очевидно, находили въ душѣ Д. А. сочувственные отголоски и пониманіе. По крайней мѣрѣ, въ одной изъ его статей этнографическаго характера, напечатанной въ № 47 «Восточнаго Обозрѣнія» за 1886 годъ, подъ заглавіемъ «Изъ поѣздки въ Качинскую степь», гдѣ Д. А. описывалъ шаманское посвященіе горнымъ духамъ «изыха», находимъ такіа строки: «И для насъ этотъ культъ природы, эти воззванія къ владыкамъ горъ не потеряли еще извѣстной доли суровой поэзіи»^{*)}).

Заброшенный въ далекую Сибирь, Д. А. не позабылъ мечты своей молодости—разбудить самосознаніе русскаго народа и призвать его къ борьбѣ за лучшее будущее. Это настроеніе проявилось у него и по отношенію къ инородцамъ Сибири: вліяніе его было замѣтно не только въ публицистическихъ статьяхъ Клеменца, но и въ непосредственномъ личномъ его идейномъ воздѣйствіи на представителей инородческой интеллигенціи.

Извѣстный монголо-бурятъ, публицистъ и этнографъ, Ц. Жамцарано, въ теченіе ряда лѣтъ занимается переводомъ на монголо-бурятскій языкъ и изданіемъ различныхъ научно-популярныхъ книгъ. Идея этой дѣятельности, по словамъ г. Жамцарано, была внушена ему Д. А. Клеменцемъ. По мысли послѣдняго, широко поставленная издательская дѣятельность должна была разбудить къ живой и творческой дѣятельности дремлющее подъ мелодичные звуки колокольчиковъ буддійскихъ монаховъ сознаніе Бурятіи и Монголіи.

Въ № 9 «Русскаго Богатства» за 1905 годъ въ небольшой характеристикѣ, посвященной Клеменцемъ Гр. Ник. Потанину, мы встрѣчаемъ такіа интересныя фразы: «Онъ въ своихъ эк-

^{*)} „Изыхъ“—посвящаемое животное.

спедиціяхъ думалъ не только о томъ, что онъ привезетъ съ собой домой, но и о томъ, что самъ онъ принесетъ въ дальніе края. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ настоящимъ апостоломъ цивилизаціи и гуманности». Немного словъ въ этихъ строкахъ, но въ нихъ заключается цѣлая программа, цѣлое научно-идейное credo. Мы нисколько не преувеличимъ, если эту характеристику цѣликомъ отнесемъ къ самому автору ея: мы этимъ должное воздадимъ лишь достойному.

Минусинскъ, Томскъ, Иркутскъ, Забайкалье и Монголія— вотъ тѣ города и районы, гдѣ провелъ значительную часть своей жизни въ Сибири Клеменцъ, и въ которыхъ протекла его научно-общественная дѣятельность.

Благодаря этому именно обстоятельству, Д. А. пришлось больше всего сталкиваться съ монголо-бурятами, т. е. съ одной изъ наиболѣе культурныхъ и значительныхъ инородческихъ народностей Сибири.

Быть и нужды монголо-бурятъ Клеменцъ зналъ, несомнѣнно, лучше, чѣмъ быть другихъ инородцевъ Сибири. Изъ напечатанной въ настоящемъ сборникѣ переписки Д. А. съ Гр. Ник. Потанинымъ видно, какъ они совмѣстно разрабатывали вопросъ объ изученіи быта бурятъ. На почвѣ этой научной работы среди бурятъ, въ бытность Д. А. правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, у него возникли чисто дѣловые связи съ нѣкоторыми представителями монголо-бурятъ. Связи эти не прерывались съ переводомъ Д. А. на службу въ этнографическій отдѣлъ музея Александра III-го въ С.-Петербургѣ. Тамъ Д. А. быстро сблизился съ учащейся монголо-бурятской молодежью и навербовалъ изъ нея дѣятельныхъ работниковъ по сбору этнографическихъ коллекцій для музея.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Клеменцъ въ теченіе чуть-ли не 2-хъ десятилѣтій находился въ постоянномъ общеніи съ монголо-бурятами на почвѣ дѣловой и личной. Это, конечно, позволяло ему быть всегда въ курсѣ бурятскихъ дѣлъ. Отсюда понятно, почему большинство наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ публицистическихъ статей его относились къ бурятскому вопросу.

Изъ этихъ статей мы рассмотримъ здѣсь двѣ, а именно: «Замѣтки о кочевомъ бытѣ», появившіяся въ «С.-Петербургскихъ

Вѣдомостяхъ» за 1903 г., впоследствии почти безъ измѣненій перепечатанныя въ №№ 49 и 52 «Сибирскихъ Вопросовъ» за 1908 годъ; и «Пессимизмъ на бурятской почвѣ» въ № 10 тѣхъ же «Сибирскихъ Вопросовъ» за 1907 годъ.

Какія обстоятельства вызвали появленіе въ свѣтъ упомянутыхъ выше »Замѣтокъ о кочевомъ бытѣ»? Здѣсь намъ придется привести небольшую справку изъ недавняго прошлаго монголо-бурятъ.

Два послѣднихъ десятилѣтія являются годами особыхъ испытаній для бурятъ. За указанное, сравнительно краткое, время у бурятъ было упразднено, въ началѣ 1900-ыхъ г. г., общественно-административное самоуправленіе, дѣйствовавшее по положенію 1822 года, и были отобраны въ широкихъ размѣрахъ земли подъ переселеніе.

Введеніе крестьянскихъ учреждений вмѣсто упраздненныхъ «Степныхъ Думъ», среди инородцевъ-кочевниковъ являлось началомъ перехода ихъ de jure къ осѣдлому состоянію. Но для того, чтобы инородцы и de facto перешли къ осѣдлому быту, было недостаточно одного указа о введеніи крестьянскихъ учреждений.

Въ «сферахъ» было окончательно рѣшено произвести въ широкихъ размѣрахъ урѣзку бурятскихъ земель въ казну—и положить, такимъ образомъ, конецъ кочевому быту и дать тотъ фактическій фундаментъ, въ которомъ такъ нуждались мѣропріятія администраціи по ликвидаціи кочевого быта.

Уничтоженіе среди инородцевъ Степныхъ Думъ гр. Сперанскаго, родового управленія и суда, съ введеніемъ крестьянскихъ учреждений и института крестьянскихъ начальниковъ, и отобраніе земель встрѣтили со стороны инородцевъ протестъ и возраженія.

Инородцы разсматривали эти реформы, какъ попытку переустройства ихъ быта, покушеніе на ихъ права—«Хартію вольностей»—и видѣли въ нихъ смертельную опасность для ихъ національно-родового единства и солидарности.

Въ статьѣ—«Буряты и освободительное движеніе» въ № 7 „Сибирскихъ Вопросовъ“ 1907 года упомянутый выше г. Жамцарано, оцѣнивая значеніе для его соплеменниковъ положенія года, писалъ: «Стародумцы (Стародумчество—партія, отстаивающая хартію бурятскихъ вольностей—положеніе 1822 го-

да. А. М.) цѣнять родовой бытъ и въ союзѣ родовыхъ общинъ видятъ оплотъ противъ антинаціональныхъ факторовъ, основу солидарности и уравнительнаго распредѣленія экономическихъ благъ. Потому стародумцамъ слишкомъ дороги принципы автономности, проведенные въ законѣ гр. Сперанскаго», (т. е. въ положеніи 1822 года).

Противодѣйствіе бурятъ реформамъ обратило вниманіе русскаго общества и печати. Часть умѣренно-прогрессивной печати оказалась на сторонѣ реформаторовъ (см. статьи «Буряты и реформа» г. Снѣговскаго въ газ. «Забайкалье» за 1903 годъ. Другая часть и независимые консерваторы, въ лицѣ князей Мещерскаго и Ухтомскаго, неумѣренно и слабо защищали «мирныхъ, безобидныхъ и искони лойяльнѣйшихъ» бурятъ. Неумѣренность и нерѣзительность тона этой части печати были вполне понятны, ибо Бурятія для многихъ представляется до сихъ поръ terra incognita.

А съ другой стороны вѣдомственные устроители жизни бурятъ, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, прибѣгали къ доводамъ науки, облекались даже въ тогу либерализма и прогрессивности, выражая сожалѣніе о „несчастныхъ бурятахъ, беспощадно обираемыхъ своими родовыми магнатами“.

Что же могли противопоставить этой фразеологіи вѣдомственныхъ дѣятелей полуинтеллигентные ходатаи изъ бурятъ? Они могли лишь умолять и просить „милости и жалости“.

Своей національной интеллигенціи тогда у бурятъ еще не было: она поголовно сидѣла на школьныхъ скамьяхъ. Единичные представители старой «отхожей» интеллигенціи оказались въ рядахъ вѣдомственныхъ реформаторовъ.

Необходимое слово защиты инородцевъ вѣско и авторитетно было сказано Д. А. Клеменцемъ въ его «замѣткахъ о кочевомъ бытѣ».

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію главнѣйшихъ положеній статьи Д. А., мы приведемъ вкратцѣ аргументацію его противниковъ.

Они говорили, что самой лучшей и культурной формой быта и хозяйства являются осѣдлый бытъ и земледѣліе; они метали громы и молніи на кочевой бытъ и скотоводство монголо-бурятъ и утверждали, что буряты не могутъ вѣчно придерживаться формъ примитивнаго быта и хозяйства и должны перейти

къ земледѣлію и осѣдлому состоянію, согласно предначертаніямъ экономической науки и исторіи. Они утверждали, что, если буряты чуждаются осѣдлости и земледѣлія, то благодаря только ихъ «дикости и косности» или проискавъ «степной знати».

По словамъ Д. А., они—„не могли говорить сколько-нибудь сдержаннымъ языкомъ“ о родовомъ строѣ, этой основѣ солидарности и сплоченности буряты.

Мнѣніе противниковъ кочевого быта и скотоводства, что бурятамъ необходимо перейти въ осѣдлое состояніе и къ земледѣлію, несомнѣнно, было навѣяно ученіемъ школы классической политической экономіи объ эволюціи и послѣдовательной смѣнѣ хозяйственныхъ формъ и быта.

Д. А., не будучи спеціалистомъ экономистомъ, очень мѣтко предугадалъ, что въ данной аргументаціи его противниковъ кроется научная натяжка. Онъ еще соглашался, что земледѣліе—«по справедливости считаютъ наиболѣе совершенной формой труда», или, что «во всѣхъ учебникахъ, въ видѣ аксіомы, повторяется положеніе: земледѣліе—самая совершенная форма быта». Но «какъ ни продуктивна земледѣльческая форма быта», продолжаетъ дальше Клеменць: «она не единственная. Ни звѣрепромышленность, ни кочевой бытъ не вывелись даже въ самыхъ культурныхъ странахъ. Скажемъ прямо—они необходимы для культурныхъ обществъ, какъ подспорье жизни». Далѣе Д. А. указываетъ, что демократическіе слои населенія Англіи имѣютъ дешевое мясо, только благодаря подвозу его отъ австралійскихъ и американскихъ кочевниковъ, ибо въ самой Англіи условія ея хозяйственной конъюнктуры не позволяютъ заниматься ни стойловымъ ни пастбищнымъ скотоводствомъ въ широкихъ размѣрахъ.

Переходя къ культурно-капиталистической Франціи, Д. А. отмѣчаетъ факты перехода отъ земледѣлія къ кочевому быту. Это чрезвычайно интересное съ точки зрѣнія экономической науки явленіе произошло въ началѣ XIX вѣка, когда населеніе Парижа стало сильно увеличиваться. Приростъ населенія вызвалъ усиленный спросъ на съѣстные припасы, и особенно пошла въ ходъ баранина съ морского побережья Франціи, съ такъ наз. «Соляныхъ пастбищъ»—*pré salée*. Населеніе забросило свое земледѣліе и, вотъ уже болѣе 85 лѣтъ, бродя по солянымъ по-

лямъ со своими баранами, превратилось въ настуховъ-кочевниковъ, и, благодаря этому, повысилось его благосостояніе.

— „Есть еще другой примѣръ кочевого быта“, пишетъ дальше Д. А., «сохранившійся въ центрѣ Европы, но какъ-то оставляемый безъ вниманія. Успѣхи, достигнутые земледѣліемъ, заставляютъ насъ мечтать объ интенсивномъ хозяйствѣ, объ искусственныхъ тукахъ, но, гдѣ объ этомъ и мечтать нельзя, то мечтаютъ хотя о какомъ-нибудь земледѣліи, о земледѣліи во что бы то ни стало; но мы проглядѣли Швейцарію. Съ обычной своей практичностью и здравымъ смысломъ, швейцарцы крѣпко держатся за свой горный кочевой бытъ, сумѣли его усовершенствовать и соединить съ интенсивной культурой и промышленностью. Что такое альпійское скотоводство, какъ не тотъ же кочевой бытъ? Чѣмъ оно отличается отъ алтайскаго, тяньшанскаго киргиза, сойота или торгоута? Разница вся въ томъ, что швейцарецъ къ своему кочевому скотоводству приложилъ усовершенствованные методы, выработалъ особый типъ горнаго, молочнаго скота и технику обработки молочныхъ продуктовъ. Можно задать вопросъ, что сталъ-бы онъ (швейцарецъ—А. М.) даже теперь, при великолѣпныхъ швейцарскихъ дорогахъ, дѣлать съ районами верхнихъ Альпъ безъ перекочевокъ? Прибавимъ еще къ этому, что и въ самой Швейцаріи есть мѣстности, гдѣ люди живутъ только скотоводствомъ, и живутъ хорошо“.

Обращаясь къ значенію кочевого быта и скотоводства въ Россіи, Д. А. указывалъ, что «главной заслугой кочевого быта нужно признать удешевленіе мясной пищи».—«Въ настоящую минуту, когда въ степяхъ сибирскихъ эпизоотія, мы на себѣ ощущаемъ, насколько важнымъ подспорьемъ служить для насъ сибирскій кочевой скотъ. Въ самой Сибири одна изъ крупныхъ вѣтвей промышленности—добываніе золота—въ значительной мѣрѣ находится въ зависимости отъ цѣнъ на мясо».

Здѣсь мы должны замѣтить, что Д. А. скорѣе не дооцѣниваетъ значенія кочевого быта. Вѣдь киргизскія, бурятскія и прочія степи, въ которыхъ развитъ кочевой бытъ и скотоводство, выбрасываютъ на русскій рынокъ, помимо мяса, огромныя массы кожъ, волоса и шерсти.

Д. А. отмѣчаетъ и въ Россіи переходъ части искони земледѣльческаго русскаго населенія къ скотоводству и кочевому

быту, подъ давлєніємъ мѣстныхъ условій. Вотъ его подлинныя слова: «мы часто видимъ въ Сибири переходъ отъ чисто земледѣльческаго къ кочевому быту». Здѣсь авторъ приводитъ примѣръ южно-забайкальскихъ русскихъ казаковъ.

Утвержденіе своихъ противниковъ, что кочевой бытъ не даетъ условій для развитія культуры, Д. А. отбрасываетъ примѣрами французско-швейцарскихъ скотоводовъ—кочевниковъ, указаніемъ, со ссылками на ученый трудъ ген. Иванина, на геніальную стратегію Чингисъ-Хана, дисциплинированность и организованность его войскъ, которыя позволяли великому хану достигать малыми силами колоссальныхъ результатовъ. Изъ среды дикарей не могли, конечно, зародиться ни стратегія, подобная чингисовской, ни его желѣзныя войска.

Примѣръ современной, чисто кочевой Монголіи, сумѣвшей создать свою литературу, перевести на свой языкъ всю энциклопедію буддійской мудрости—Ганджуръ и Данджуръ,—и появленіе среди бурятъ врачей и юристовъ, по мнѣнію Д. А., тоже говоритъ за то, что въ кочевомъ бытѣ ничего враждебнаго культурѣ не кроется. Наоборотъ, примѣръ земледѣловъ-старовѣровъ въ Забайкальѣ, относящихся съ нескрываемой злобой и нетерпимостью ко всякимъ новшествамъ, скорѣе говоритъ за то, что земледѣліе не всегда является залогомъ процвѣтанія культуры.

Развитіе древнихъ культуръ на берегахъ морей, на небольшихъ полуостровахъ и у большихъ рѣкъ, по мнѣнію Д. А., даетъ основаніе полагать, что эти культуры своимъ развитіемъ обязаны не одному только земледѣлію, а въ значительной мѣрѣ торговлѣ, образованію торговаго капитала.

Легенду о томъ, что буряты якобы чуждаются земледѣлія и осѣдлаго быта, благодаря ихъ „дикости и лѣности“, Д. А. разсѣиваетъ также рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ и соображеній.

Отмѣтивъ цѣлый рядъ неудачныхъ и порою курьезныхъ опытовъ сверху насадить земледѣліе среди кочевниковъ, Д. А. замѣчаетъ:—„Кочевникъ—далеко не принципиальный противникъ земледѣлія. Если оно мало развито, то лишь потому, что слишкомъ мало имѣется мѣстъ, способныхъ къ хлѣбопашеству. Большинство киргизъ всегда разводятъ бахчи. Кромѣ того, они, какъ и буряты, великіе знатоки земледѣлія съ орошеніемъ“.

Въ дальнѣйшей темѣ изложенія Д. А. приводитъ рядъ примѣровъ занятія земледѣліемъ даже такихъ кочевниковъ-скотоводовъ, какъ монголы, буряты, киргизы, дурбеты (западные монголы), сойоты и др., по р. р. Хилку, Тугнѣ, Орхону, Селенгѣ, Туинь-Тацѣ, Черному Иртышу и его притокамъ.

Противники Клеменца говорили, что буряты переходятъ къ земледѣлію, въ силу земельного утѣсненія. На это Д. А. возражаетъ: а кто и въ чемъ стѣснялъ и стѣсняетъ монголовъ и другихъ кочевниковъ, перешедшихъ къ земледѣлію?

«Во всѣхъ этихъ случаяхъ», продолжаетъ Клеменць, «если мы спросимъ себя, почему въ одномъ углу степи человѣкъ ходитъ съ плугомъ, а въ другомъ пасетъ табуны, мы прежде всего найдемъ отвѣтъ въ физико-географическихъ условіяхъ страны—удобствѣ почвы, возможности выгодно приложить свой трудъ, затѣмъ благопріятныхъ условіяхъ сбыта продукта».

Заканчивая свои разсужденія о кочевомъ бытѣ, Д. А. приходитъ къ выводу, что этотъ бытъ у бурятъ нуждается не въ истребленіи, а въ усовершенствованіи. Улучшеніе коневодства у бурятъ, по мнѣнію Д. А., дало бы хорошій и дешевый контингентъ лошадей для арміи; раціональная постановка овцеводства—выгодную статью вывоза за границу; то же самое дало бы и улучшеніе бурятскаго молочнаго хозяйства. Касаясь маслодѣлія, Д. А. бросаетъ замѣчаніе, что изъ бурятъ могутъ выйти отличные маслодѣлы. Замѣчаніе это оказалось пророческимъ: въ своей «экономической географіи Сибири» покойный П. М. Головачевъ уже писалъ, что въ Забайкальѣ буряты явились инициаторами и піонерами маслодѣлія и организаціи маслодѣльныхъ артелей.

Родовому быту у бурятъ былъ нанесенъ сильный ударъ вѣдомственными реформаторами. Но они, похоронивъ родовой строй, не могли однако установить, какой же институтъ замѣнилъ разложившійся родъ. Еще въ 1900 году проф. А. А. Кауфманъ въ своей брошюрѣ „Земельныя отношенія и общинные порядки въ Забайкальѣ“, на основаніи анализа вѣдомственныхъ данныхъ, приходилъ къ заключенію, что «инородческая община въ Забайкальѣ не есть ни вѣдомство или управа, ни родъ или часть рода, ни селеніе, ни булукъ. Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на занимающій насъ вопросъ мы не найдемъ». То же самое констатируетъ въ своихъ «Замѣткахъ» и Клеменць

что даетъ ему поводъ сказать, что съ похоронами родовой общины немножко поторопились. Въ защиту послѣдней, отмѣтивъ рядъ ея положительныхъ свойствъ, онъ выдвигаетъ соображенія этического и практическаго характера.

Проектъ сокращенія бурятскаго землепользованія, нынѣ практически осуществленный, вызываетъ со стороны Д. А. слѣдующія возраженія: «Назначеніе нормъ пользованія указываетъ какъ будто бы на надежду, а, можетъ быть, и увѣренность выгадать кое что, найти остатки, которые можно утилизировать для другихъ цѣлей, но для какихъ? Вѣроятно всего, для вырѣзки переселенческихъ участковъ среди бурятскихъ кочевій. Намъ кажется, что эти надежды на новый районъ колонизаціи нѣсколько преувеличены. Въ теченіе полутора вѣка изъ этихъ земель выкраивались участки для крестьянъ, казаковъ, въ оброчныя статьи, подъ миссіонерскіе станы, почтовые станціи, такъ что завиднаго осталось немного. Сухія степи по Онону и Агѣ, кое-какія мѣстечки въ Хоринскомъ вѣдомствѣ, Боргойская степь по Селенгѣ не вознаграждаютъ переселенца за потерянный на родинѣ участокъ. Переселяясь за 7.000 верстъ, колонистъ надѣется, что его устроятъ прочно, дадутъ возможность создать благосостояніе, а въ Забайкальѣ найти теперь такую благодать не легко».

Итакъ, еще въ 90-ыхъ годахъ для Клеменца было ясно, что нельзя изъ Забайкалья выкроить сколько-нибудь емкій колонизаціонный фондъ. А между тѣмъ, не такъ давно въ Государственной Думѣ и печати высшіе представители переселенческаго вѣдомства доказывали, что отъ инородцевъ можно отрѣзать до милліона десятинъ земельныхъ излишковъ. Но увы: старикъ Клеменцъ оказался правъ. Въ недавно вышедшемъ отчетѣ Забайкальскаго поземельно-устроительнаго отряда отмѣчается, что о созданіи въ Забайкальѣ колонизаціоннаго фонда пока что не можетъ быть и рѣчи, ибо старожилое населеніе оказалось мало обеспеченнымъ землею, и отъ земельной тѣсноты оно спасается массовыми и систематическими выкочевками въ Монголію, и что аграрный кризисъ въ нѣкоторыхъ районахъ области можетъ быть разрѣшенъ лишь переселеніемъ старожиллаго населенія въ дальневосточныя области. «Можно, разумѣется, вырѣзать всѣ рѣчки, луга и лѣса въ пользу новыхъ переселенцевъ», продолжаетъ Д. А., «и оставить бурятамъ сухія

степи и солончаки; но подобный способ действий столь чуждъ нашимъ понятіямъ и традиціямъ равенства права на жизнь всѣхъ русскихъ подданныхъ, что систематическое проведеніе этой мысли на практикѣ можно считать не осуществимымъ».

«Если мы желаемъ приберечь земли для прироста мѣстнаго населенія», говоритъ въ другомъ мѣстѣ Д. А., то, конечно, ихъ цѣлѣе сохранять кочевники, чѣмъ землепашцы. Можно впередъ сказать, что легкихъ и сухихъ почвъ высокихъ равнинъ Забайкалья не надолго хватитъ. Если въ 40 лѣтъ истощились самарскія и саратовскія земли, то, при сухости климата, легкой почвѣ, земледѣлецъ, тамъ (въ Забайкальѣ—А. М.) не просидитъ и 10 лѣтъ».

Въ предисловіи къ своимъ «Замѣткамъ о кочевомъ бытѣ», Д. А. писалъ: Признаюсь, я согласился на это (перепечатку въ «Сибирскихъ Вопросахъ» «Замѣтокъ»—А. М.) только послѣ большихъ колебаній; но не потому, чтобы я измѣнилъ свои взгляды на этотъ вопросъ, а по той причинѣ, что, продолжая заниматься этимъ вопросомъ, я нашелъ слишкомъ много интереснаго, чѣмъ бы хотѣлось подѣлиться съ читателемъ», но— „я не увѣренъ, будетъ ли мнѣ дано окончить мой трудъ“. И дѣйствительно, къ великому сожалѣнію и потерѣ для науки, безпощадная смерть прервала дальнѣйшую разработку Клеменцемъ вопроса о кочевомъ бытѣ. То, что осталось намъ отъ задуманнаго большого труда Клеменца, а именно, «Замѣтки о кочевомъ бытѣ», имѣютъ характеръ предварительныхъ набросковъ.

Но, тѣмъ не менѣе, въ его «Замѣткахъ» здѣсь и тамъ встрѣчаются мысли и замѣчанія, которыя, при послѣдующемъ развитіи и обоснованіи, могутъ пріобрѣсти поучительный научно-экономическій интересъ.

„Замѣтки о кочевомъ бытѣ“, написанныя по поводу бурятъ и бурятскаго вопроса, несомнѣнно, имѣютъ общенородческій характеръ, и даютъ весьма интересный матеріалъ для освѣщенія и практическаго разрѣшенія инородческой проблемы въ Сибири. Не даромъ эти „Замѣтки“ были перепечатаны въ «Сибирскихъ Вопросахъ» П. М. Головачевымъ.

Не подлежитъ также сомнѣнію большое значеніе „Замѣтокъ о кочевомъ бытѣ“ для самихъ инородцевъ и инородческой интеллигенціи: онѣ намѣтили для послѣдней пути и вѣхи научно-исторической защиты интересовъ инородческихъ массъ.

Вторая статья Д. А. Клеменца „Пессимизмъ на бурятской почвѣ“, какъ видно изъ ея заглавія, относилась уже непосредственно къ бурятамъ. Но и эта статья не лишена интереса съ обще-инородческой точки зрѣнія—постольку, конечно, поскольку на почвѣ тождества культуръ «пессимизмъ», который имѣлъ мѣсто среди бурятъ, можетъ возникнуть и среди другихъ инородческихъ племенъ Сибири. И та оцѣнка и анализъ внутренней сути этого «пессимизма», данныя въ статьѣ Клеменца, имѣютъ въ себѣ много поучительнаго не только для бурятъ, но и для прочихъ инородцевъ Сибири.

„Пессимизмъ на бурятской почвѣ“ явился отвѣтомъ на статью извѣстнаго публициста и бурятскаго общественнаго дѣятеля, М. Н. Богданова, въ № 3 „Сибирскихъ Вопросовъ“ за 1907 г., подъ заглавіемъ: «Бурятское возрожденіе».

Г. Богдановъ въ своей статьѣ приходитъ къ крайне мрачному выводу относительно будущаго родной ему бурятской народности.

Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ его статьи:

«Пока мы оживимъ застывшую монгольскую литературу и дойдемъ до созданія шедевровъ національнаго художественнаго творчества»,—не успѣетъ ли уже раздавить насъ всемогущій богъ западно-европейской культуры—капиталъ, который, съ водвореніемъ въ Россіи новыхъ формъ науки, мощными шагами пойдетъ впередъ? Нужно помнить, что мы живемъ не въ эпоху средневѣковья, когда каждая маленькая національная группа могла жить внутри своей ячейки совершенно изолированно отъ внѣшняго міра, а въ XX вѣкѣ, когда процессъ капиталистическаго развитія разрушаетъ почти всѣ національныя различія, какими бы китайскими стѣнами они ни отгораживались».

Эти строки вызвали вполнѣ заслуженную отвѣдь и возраженія со стороны Д. А. Клеменца.

Клеменцъ негодуя спрашиваетъ автора бурятскаго «Возрожденія»: „Какое дѣло капиталу до бурятской литературы? Зачѣмъ онъ будетъ давить ее? Чѣмъ она ему мѣшаетъ?... Мы не знаемъ, откуда взялъ нашъ авторъ, что средневѣковье со своими изолированными группами способствовало хоть сколько-нибудь развитію мѣстныхъ литературъ“.

— «Появилась и развилась могучая литература, но уже въ концѣ средневѣковаго періода, и какъ разъ въ Италіи, кото-

рая вела громадную торговлю—и въ промышленномъ отношеніи далеко опередила остальную Европу. Эпоха возрожденія и слѣдовавшая за нею реформація знаменуютъ наступленіе новыхъ временъ».

„Конечно, развитіе международныхъ сношеній ведетъ ко взаимнымъ заимствованіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимному пониманію. Сглаживаніе особенностей имѣетъ свой предѣлъ. Каждое самое маленькое племя имѣетъ родословную въ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ. За этотъ періодъ оно выработало свои физическія и духовныя особенности, которыя нельзя вытравить даже насиліемъ. Борьба нѣмцевъ съ венгерцами окончилась побѣдой послѣднихъ. Азіатскій языкъ этого четырехъ-милліоннаго народа, сохранивъ свою самобытность, создалъ литературу въ борьбѣ со швабами, которые были вшестеро многочисленнѣе мадьяръ и старше культурой. Еще болѣе любопытный примѣръ представляетъ крошечный народецъ славянскій, затерявшійся среди нѣмцевъ Лузаціи. Онъ уже почти совсѣмъ забылъ свой языкъ; но, вмѣстѣ съ ростомъ образованія, росло и національное сознаніе. И теперь этотъ народецъ имѣетъ свою письменность. Капитализмъ, какъ извѣстно, началъ входить въ силу въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Мы просили бы нашего автора указать намъ, какія національности были раздавлены капитализмомъ хотя бы въ послѣднія сто лѣтъ. Въ благодарность за такое указаніе, мы обѣщаемъ ему представить нѣсколько весьма знаменательныхъ примѣровъ возникновенія новыхъ и весьма почтенныхъ литературъ среди небольшихъ народностей, возникшихъ на зарѣ и въ эпоху полного господства капитала.

«Если имѣютъ какую-нибудь цѣну выводы положительной науки, мы должны помнить, что обиліе разновидностей извѣстнаго вида служить залогомъ прочности его существованія», поэтому «всякая разновидность человѣчества имѣетъ свой *raison d'être*. Угашая, обезличивая или уничтожая какую-нибудь разновидность человѣчества, мы несемъ громадную ответственность передъ будущимъ человѣчествомъ».

«Значеніе данной группы (народности—А. М.) еще не опредѣляется ея численностью. Представимъ себѣ, что очень немногочисленное племя эллинское погибло..., но эта потеря была бы настолько велика, что мы не можемъ даже опредѣлить ее».

«Въ Малой Азіи мы видимъ остатки цѣлыхъ рядовъ погибшихъ культуръ. Эти старые обломки культуръ, это исчезновеніе разныхъ мелкихъ народовъ на памяти живущаго поколѣнія невольно заставляетъ дорожить каждой сохранившейся оригинальной группой, особенно такой, которая имѣетъ уже солидные зачатки культуры и историческое прошлое. И безъ того уже погибло много культурныхъ начинаній; и безъ того, чтобы спросить прошлое, мы должны говорить съ могилами».

„Пессимизмъ на бурятской почвѣ“ Клеменца, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, имѣетъ, по нашему разумѣнію, большое принципиальное значеніе не только для постановки инородческаго вопроса въ Сибири, но и національной проблемы въ Россіи вообще.

Для того, чтобы пояснить эту нашу мысль, намъ придется сдѣлать небольшую экскурсію въ прошлое и разобраться въ той общественно-политической обстановкѣ, которая сопутствовала появленію въ свѣтъ данной статьи Д. А. Клеменца.

Въ теченіи долгаго времени, благодаря культурной отсталости и политической неразвитости русскаго общества, обусловленныхъ обстоятельствами внутренней его жизни, національная идея, въ ея самомъ здоровомъ и научно-раціональномъ пониманіи, находилась у насъ въ загонѣ и явно игнорировалась.

При подобномъ отношеніи къ національной идеѣ и національному вопросу широкихъ круговъ русскаго общества въ метрополіи, нечего и говорить объ отношеніи этихъ круговъ къ инородческому вопросу въ Сибири.

По авторитетному свидѣтельству Гр. Ник. Потанина (См. „Областническія тенденціи въ Сибири“, Томскъ 1907 г.), во времена Ядринцева въ Петербургскихъ „радикальныхъ журналахъ публицисты-дарвинисты, — вѣрнѣе мальтузіанцы, — писали, что будущее принадлежитъ исключительно высшимъ расамъ, какова, на примѣръ, благородная арійская раса, а низшія неблагородныя расы самой природой обречены на вымираніе, и что всякія усилія наивныхъ гуманистовъ отмѣнить этотъ печальный роковой приговоръ безсильны; природа не сентиментальна“. Или «плоньте на нихъ (на инородцевъ — А. М.). Предоставьте ихъ той жестокой участи, какая имъ предназначена. Вамъ не измѣнить желѣзнаго закона исторіи, который противъ нихъ. Имъ не суждено имѣть будущаго, имъ предоставлено только послужить

удобреніемъ почвы, на которой должна возникнуть и развиваться жизнь болѣе счастливой расы.*)

Отголоски констатированнаго Г. Н. Потанинымъ отношенія къ инородцамъ и инородческому вопросу въ Сибири живы до сего времени, какъ въ самой колоніи, такъ и метрополіи, при чемъ это умонастроеніе стало за одно время настолько сильнымъ и властнымъ, что захватило въ свое русло такого виднаго инородческаго общественнаго дѣятеля, какъ М. Н. Богдановъ, который въ концѣ концовъ тоже присоединился къ мнѣнію, что лебединая пѣсня родной ему народности спѣта.

Позиція, занятая Д. А. Клеменцемъ въ его «Пессимизмъ на бурятской почвѣ», по отношенію къ національно-инородческой идеѣ была діаметрально-противоположной указанному выше умонастроенію. Огромный жизненный оптимизмъ, далекій отъ утопіи и маниловщины, вѣра въ безсмертье и творческую силу человѣческаго духа, въ какія бы отрицательныя условія онъ ни былъ поставленъ,—вотъ характерныя черты этой позиціи Клеменца.

Почти впервые, послѣ старо-сибиряковъ, сибирскіе инородцы слышали изъ устъ Д. А. бодрья, привѣтныя и убѣжденныя рѣчи.

Опираясь на данныя науки и исторіи, Клеменцъ обращался къ инородчеству, готовому разбрестись и расползтись во всѣ четыре стороны предъ сокрушительнымъ напоромъ новыхъ факторовъ жизни, съ призывомъ къ борьбѣ за лучшее будущее. Въ противоположность старо-сибирякамъ, которые тщетно взывали, главнымъ образомъ, къ гуманнымъ чувствамъ русскаго общества и ожидали до самаго послѣдняго времени спасенія инородцевъ извнѣ,—Клеменцъ въ своей статьѣ адресуется непосредственно къ самимъ инородцамъ. Онъ вѣрилъ въ ихъ будущее и указывалъ имъ, въ частности монголо-бурятамъ, на ихъ задачи и долгъ предъ родиной и обще-человѣческой культурой. Клеменцъ ожидалъ, что инородцы внесутъ свой цѣнный и своеобразный вкладъ въ міровую культуру. И мы смѣливаемся думать, что онъ не ошибался: жизнь уже отчасти оправдала его надежды, какъ и большинство его блестящихъ предвидѣній о судьбахъ и роли инородчества,—мы можемъ указать на оригинальное и признанное художественное творчество цѣща

*) Ibid.

царственного Алтая, этой колыбели Монголо-тюркскихъ народовъ: чистокровный алтаецъ по происхожденію, художникъ Гуркинъ— лучшая живая иллюстрація основательности вѣры Клеменца въ лучшее будущее сибирскаго инородчества.

Мы сдѣлали попытку обзора двухъ большихъ публицистическихъ статей Клеменца по инородческому вопросу. Какіе-же слѣдуютъ отсюда выводы?

Постановка вновь, послѣ старо-сибиряковъ, на научно-историческую почву инородческой проблемы въ Сибири и выясненіе экономической и политической необходимости сохраненія для Россіи сибирскихъ инородцевъ,—вотъ, по нашему мнѣнію, резюме заслугъ и значенія Дмитрія Александровича Клеменца передъ русскимъ обществомъ и инородчествомъ.

А. Мэргень.

Иркутскъ, 8 апрѣля 1916 года.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ,

записанныя въ Верхоленскомъ уѣздѣ
Иркутской губерніи.

Прилагаемыя пѣсни собраны мною въ Верхоленскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи. въ волостяхъ Тутурской и Илгинской. 1) Пѣсни, помѣченныя №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, а также подъ №№ I, II, III, IV, V, VI, VII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XVI и XVII,—записаны въ селѣ Чикановскомъ Тутурской волости, отъ передовщицы Матрены Ивановны Чертовскихъ; 2) пѣсни подъ №№ 5, 8, 9, 10 и №№ IV, VIII записаны со словъ передовщицы Илгинской волости Лукеріи Зотѣевны Серебренниковой, 3) пѣсня подъ № XV записана отъ крестьянки Чиканскаго селенія Авг. Ив. Наумовой.

Записаны пѣсни въ теченіе 1911 года, при чемъ помѣченныя 1—10 собраны въ с. Чиканскомъ во время дѣвишника, куда, въ цѣляхъ ознакомленія съ ними, была предпринята мною специальная поѣздка.

Въ настоящее время во всѣхъ уголкахъ, даже самыхъ глухихъ, Тутурской и Илгинской волости, старинныя свадебныя пѣсни и связанные съ ними обряды повсемѣстно замѣнены музыкой — балалайкой и скрипкой, и лишь на дѣвишникахъ еще поются пѣсни, но онѣ не представляютъ большого интереса, такъ какъ старыя пѣсни совершенно игнорируются:

Д. Н. Мишаринъ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

ДѢВШНИКЪ.

(Предполагается, что невѣсту зовутъ Феклой, въ противномъ случаѣ нужно подставлять соответствующее имя).

№ 1.

Феклушка по двору ходить.
Бѣла она гуляла,
Ой гуляла...
На ней шубочка до полу,
На ней тятенькино благословеньице до вѣку.
Собирала подруженекъ въ теремъ себѣ,
Она садила подруженекъ рядомъ всѣхъ,
Что сама то садилася выше всѣхъ,
Она думала думушку крѣпче всѣхъ.
Пособите мнѣ, подруженьки, думу сдумать,
Ешшо какъ то мнѣ будетъ въ чужихъ людяхъ жить,
Ешшо какъ то мнѣ будетъ свекра тятеньку звать,
Мнѣ свекромъ назвать—такъ не водится,
Мнѣ звать-то назвать свекоръ-тятенька благосло-
венненькій.

№ 2. П е р е п е л о ч к а.

Перепелочка ласточка,
Ой, перепелочка ласточка,
Перепелочка касатая,
Ты къ чему рано вылетаешь
Изъ тепла гнѣздышка.
Изъ теплаго соловьиного гнѣзда—
Соловьино гнѣздо теплое...
«Ой, вы свѣтъ мои малыя пташечки,
Не сама то вылетаю,
Выгоняетъ меня холодная зима
Со лютыми со морозами,
Со лютыми со крещенскими,
Со крещенскими, со нововведенскими»...
„Перепелка ты, (Фекла) душа,
Ты къ чему рано замужъ пошла,
Къ чему рано задумала“?
„Ой, вы свѣтъ мои подруженьки,

Ой, вы дороги голубушки,
Души красныя дѣвушки,
Не сама то я замужъ пошла,
Не своей волей охотою;
Выдаетъ меня тятенька
Во чужи люди незнамыя,
Во незнамыя, незнакомыя,
Какъ то мнѣ будетъ во чужихъ людяхъ жить?
Надо жить то умѣючи,
Умѣючи разумѣючи:
Голову держать поклонную,
Ретиво сердце покорное,
Рѣзвы ноженъки подхожливыя,
Бѣлы рученьки подношливыя;
Надо каждому кланяться,
Надо старому и малому
Своей мужжей роднюшкѣ
(Григорію Федоровичу).

№ 3. При смотрѣньи.

Съ горы на гору вино течетъ,
Бочки съ медомъ катаются,
Зелено вино колышется.
Ешшо кто вино черпаетъ?
Вино черпаетъ (Феклинъ) отецъ
По черпалочкѣ серебряныя;
Наливаетъ чару зелена вина
Во вторы сладкой водочки.
Онъ подноситъ своему дитятку,
Онъ подноситъ родимому:
Ты испей, испей, дитятко,
Ты испей, испей, родимое.
Восударь, родимый тятенька!
Мнѣ теперя не до зелена вина,
Мнѣ теперя не до сладкихъ медовъ,
Мнѣ теперя не до сахарныхъ ястwowъ,
Ко мнѣ наѣхали разлучники
Разлучальныя и обручальныя;
Разлучать хотятъ дѣвицу

Съ роднымъ тятенькой
Прилучать хочуть дѣвицу
Ко чужому свекру батюшкѣ.

№ 4.

Вкругъ города да виты ворота да рѣшетчатые,
У терема крута лѣсенка,
Часта ступеньчатая—
Нельзя сойти съ высока терема...
У нашей у (Феклы) сафьяны башмачки, высоки
каблучки.

Ножки ломаются, подгибаются,
Скобки поютъ, гвоздки говорятъ,
Просятъ коня, коня тятенькинаго
И не подвѣнешнаго

(повторяется до слова «просятъ» и далѣе):

Просятъ коня, коня ладушинаго
Ладуши (Григорія Федоровича—имя жениха)
Ладушинъ конь онъ ступистъ и рысистъ,
Онъ ступитъ и пойдетъ и къ вѣнцу поспѣтъ.

№ 5.

Ужъ ковды то я была малешенька,
Ужъ ковды то была глупешенька.
У родимаго своего тятеньки
Въ колыбелечкѣ качалася
Въ колыбелечкѣ мелкой травчатой.
Я училася вкругъ я лавочекъ ходить,
Приходилъ родимый тятенька
Со работаньки тяжелеенькой,
Со устату со великаго,
Ешшо бралъ родимый тятенька
На свои на руки бѣлыя,
На свои перстни злочанья
На злочанья, облучанья
Подымалъ родимый тятенька
Выше буйной своей головушки,
Спушшалъ родимый батюшка
Ниже шелкова своего поясу.
Спущшалъ—приговаривалъ:

„Ты расти, расти, дитятко,
Ты умна и разумная,
Не отдамъ я тебя, дитятко,
Ни за князя, князя боярина,
Ни за гостя—гостя торговаго;
Я построю тебѣ, дитятко,
Я столову нову горницу;
Посажу я тебя, дитятко,
Во столову нову горницу,
Я обвѣшу тебя, дитятко,
Бобрами, чернымъ соболемъ
И обсыплю тебя я, дитятко,
Скатнымъ, чистымъ жемчугомъ“
Обманулъ тепериче меня, батюшко,
Посадилъ за столы дубовые
Со подруженькамъ голубушкамъ,
И обвѣсилъ меня батюшка
Тоскою печалюшкой,
Осыпалъ меня батюшка
Моимъ горячимъ слезами.

№ 6.

(На смотринахъ, при угощеніи жениха).

Не вставай, родимый тятенька,
Со лавочки блющатой
На полъ на кирпичатый,
Не подходи къ дубовому столу,
Не тепли воску яроваго свѣчу
Передъ чуднаго образа
Передъ мать Богородицу;
Ты не бей рука объ руку,
Ты не пей чару зелена вина,
Не пропивай своего дитятка
За дородна добра молодца.

№ 7.

На морѣ утка купалася,
Къ бережку плыла встрепескалася,
На камешкѣ утка сушилася,

На бережкѣ утка косою трясла
Да русой трясла;
На крыльцѣ Фекла умывалася,
По сѣнямъ шла, убиралася,
Въ горницу ступала—
Чудны образы стоятъ,
Свѣчи теплятся воску яровья,
Стоючи, Фекла Богу молилась,
Низко кланялася и поклонялася,
Крестъ клала по ученому,
Поклонъ вела по писанному,
Тятенькѣ поклонъ на особицу:
„Тятенька—пей, да меня не пропей,
Пей—пропивай своего добраго коня,
Виноходнаго.
Коня пропьешь,—коня наживешь,
Меня пропьешь,—меня не наживешь“.
Слышу, послушу пѣть—пропивать,
Меня заручать.
Прошили меня за добра молодца
За проѣзжаго,
За свѣта (слѣдуетъ имя и отчество жениха).

№ 8.

По залѣсью—лѣсью конь бѣжить,
И по залѣсью,—лѣсью вороной бѣжить,
За конемъ бѣжить удалый молодецъ.
Отъ обѣдни то шла Феклуша
У воротъ съ конемъ встрѣтилась.
И кричитъ ей удалый молодецъ:
„Перейми коня, красна дѣвица, Фекла душа“.
—«Захочу, я коня перейму.
А не захочу—я коня отпущу;
Я таперича еще, сударь, не твоя и не боюсь тебя,
Хошъ судомъ то я съ тобой посаженная,
А вѣнцемъ то съ тобой еще не вѣчанная
И златымъ кольцомъ не обрученная.

№ 9.

Еще выйду я красна дѣвица
На прекрасное крылечушко,
Обопрусь я красна дѣвица,
Обопрусь я о болясочки точеныя,
Посмотрю я во далече чистое поле:
Не летить ли ласточка,
Не летить ли касаточка,
За ласточкой кукушечка...
Пойду я во чисто поле
Попрошу я у ласточки перышковъ
У касатой крылышковъ.
У кукушечки голосокъ...
И сяду я на скрипучее деревцо.
Я ударю по деревцу:
„Ты скрипи, скрипи, деревце,
Не услышитъ ли батюшка“:
— «Не мое ли то дитяtko,
Не въ лѣсу ль (и) заблудилося,
Не въ травѣ ль (и) заплуталося,
Не въ росѣ ль (и) замочилося»...
Заблудилась красна дѣвица
Во подруженькахъ голубушкахъ,
Запуталась красна дѣвица
Во своей русой косѣ
Замочилась красна дѣвица
Во своихъ горячихъ слезахъ.

№ 10.

С и р о т с н а я .

Ой вы, громы, громы гремучіе
Молони честы, сверкучія.
Разожгите мать сыру землю;
Вѣтрички буйные,
Распахните гробову доску
У родимаго у батюшки;
Дождички часты крупныя
Размочите сахарныя уста
У родимаго батюшки;

Ой, ты стань, родимый батюшка,
На свои на ножки рѣзвья,
Обопрись, родимый батюшка,
На свои на ручки бѣлыя,
Обернись, родимый батюшка,
Сизымъ малымъ голубочкомъ,
Прилети, родимый батюшка,
Къ нашему высокому терему,
Сядь, родимый батюшка,
Подъ переднее окошечко,
Посмотри, родимый батюшка,
На мой горькій дѣвишничекъ;
У меня седни дѣвичій вечеръ,
Завтра будетъ разлушный день,
Разлучать будутъ дѣвицу
Съ богоданнымъ батюшкой,
Прилучать будутъ дѣвицу
Ко чужому свекру батюшку.

ДѢВИЧЬЯ СВАДЬБА.

(Пѣсни слѣдуютъ въ порядкѣ обрядовъ).

I. При расплетаніи косы.

Приступися, осударь родимый тятенька,
Ко моей ко русѣ косѣ.
Во моей то русѣ косѣ,
Есть три ножичка булатные,
Вы обрѣжете свои ручки бѣлыя,
Вы пропустите кровь горячую
По моему тѣлу бѣлому,
По моему платью цвѣтному.

(Слѣдуютъ повторенія съ замѣной „Родимый тятенька“—маменькой, братенькой и т. д. въ порядкѣ семейнаго родства).

II. Благословенье.

Какъ не стукъ-отъ стучить во теремъ,
Какъ не громъ-отъ гремитъ во высокімъ,
Благословляетца наше дитятко,
Благословляетца наше родимое

Во чужи-то люди незнамыя,
Во незнамы, незнакомыя..
Благослови же меня, тятенька,
Со стѣны чуднымъ образомъ
Пресвятой Богородицы.

(Повтореніе съ замѣной „тятенька“—маменькой, крестнымъ или, въ случаѣ отсутствія отца, старшимъ братомъ).

III. Встрѣча свадьбы.

(При видѣ поѣзда на дворѣ).

Какъ ужъ изъ лугу, лугу,
Лугу зеленаго,
Тутъ бѣгутъ выбѣгаютъ изъ черна ворона
Изпойманы кони на уздицы тусмены,
На поводья шелковы;
Изнаряжены кони
Подъ попоны шелковы;
Изнасѣдланы кони
Во черкаскія сѣдлы..
Тутъ везутъ, везутъ натугу
На сѣдельной на лукѣ,
Да вѣковѣчную разлуку.
Разлучать хочутъ дѣвицу (имя)
Съ роднымъ тятенькомъ (имя и отчество)
Прилучать хочутъ дѣвицу (имя)
Ко чужому свекру батюшку (имя и отчество)
(При входѣ въ избу).

Дунули вѣтры,
Дунули вѣтры изъ чистаго поля,
Вянули весла по синю морю,
Грянули скобы булатныя;
Уныло сердце, сердце тятенькино (имя и отчество)
Прошли слезы невѣстины (имя)
Прошли горячи.

(Слѣдуетъ повтореніе, причемъ „Сердце тятенькино“ замѣняется—„сердце маменькино“ и т. д.)

IV. При входѣ шаферовъ—бояръ—поѣзжанъ за столъ брать невѣсту.

Оттосу катится красное солнышко,
Оттосу катится младъ свѣтель мѣсяцъ,

За мѣсяцемъ катятся часты звѣзды,
За звѣздами вѣтры буйные,
(Въ Тутурской волости пѣли: за звѣздами „Туча грозная
За вѣтрами заря утренняя,
Утренняя заря со вечерней зарей...*)
Младъ свѣтель мѣсяць—княжной тысяцкой,
Красное солнышко—князь молодой со княгиней
своей;
Частыя звѣзды—князя бояра его;
Буйныя вѣтры—дружко съ подружьемъ,
Утренняя заря—княгая свашенька
Вечерная заря—княгая свашенька.

(Такъ пѣлось въ Илгинской волости, въ сосѣдней же
Тутурской волости пѣлось нѣсколько иначе, а именно: послѣ
„утренняя заря совечерною зарей“ пѣлось:

Младъ свѣтилъ мѣсяць—большой тысяцкой (имя
свѣтъ сударь (отчество)

Солнце то красное—князь молодой (имя и отче-
ство),

Со княгиней со свой душечкой (имя и отчество)

Звѣзды то часты князя бояра:—

Большой то бояринъ свѣтъ сударь (имя и отчество)

Середній бояринъ свѣтъ сударь (имя и отчество);

Туча то грозная—рѣзвый друженька свѣтъ су-
дарь (имя и отч.)

Утренняя заря—княговая свашенька душечка (имя
и отчество),

Вечерная заря княгинина свашенька душечка
(имя и отчество).

V. За столомъ припѣвка тысяцкому.

Ой, тысяцкой воевода,

Ты приѣхалъ въ Оргу воеваться,

Ты живи въ Оргѣ недолго,

Ты вѣдь изъ деню въ день три денечка,

Изъ часу въ часъ три часочка,

*) «Оттосу»—слово непонятное, и въ настоящее время въ мѣстномъ разговорѣ не встрѣчающееся.

Ты бери въ Оргѣ да не команамъ
И не черными соболями;
Ты бери въ Оргѣ да головою,
Душей красною дѣвицей,
Ты со русою косою,
Съ черными то со бровями,
Со ясными со очами.

VI. Припѣвка большому боярину.

(Старшему шаферу).

Припѣвка, припѣвка, гдѣ ты была?
Во чистомъ полѣ гуляла,
Да черныхъ соболей ловила.
Ужъ кому ихъ на шубу,
Ужъ кому ихъ на соболью;
Тамъ я была, да черныхъ соболей ловила.
Ужъ кому ихъ на шубу?
— Родимому дитятку на шубу (2 р.)
Родному дитятку на соболью (имя и отчество)
Ужъ ей то на шубу, да ей то на соболью,
Да ужъ ей шубочку носить,
Родной мамонькѣ хвалити,
Родному тятенькѣ любить.

(Послѣ каждой строфы слѣдуетъ припѣвка: „ой, и тамъ я была“).

VII. Припѣвка второму боярину.

Какъ ни ягодка по горенкѣ катилась,
Ни за ягодкой жемчужечка гонилась
Молода жена по сѣнямъ проходила, проходила,
Она цвѣтныя платья проносила,
(имя и отчество невесты) проходила
Она цвѣтныя платья проносила,
Своего мужа бояра снаряжала,
У дубовыхъ саночковъ стояла,
Шелковыя вожжи въ руки подавала,
Ужъ таки ему наказы наказала:
„Ужъ поѣдешь, мужъ во бояра,
Ты поѣдешь, господинъ, да во большіе,

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Ужъ и стануть пѣвицы тебѣ пѣсню пѣть,
Еще стануть пѣвицы тебя отпѣвать
И по имени стануть называть,
По изотчеству стануть величать;
Ты дари же пѣвицъ да не скупися,
Ты отъ насъ отъ пѣвицъ да откупися,
Ты дари же пѣвицъ да не полтиной,
Ты дари же пѣвицъ да всей рублиной,
Ешшо насъ да пѣвицъ да все немножко,
Ешшо сорокъ пѣвицъ да со пѣвичкой,
Ешшо сорокъ дѣвицъ да со дѣвичкой“.

VIII. Припѣвка дружкѣ.

Издалече, изъ чистаго поля
Конь бѣжитъ, и земля дрожитъ.
Изъ роту пламя пышится,
Изъ ноздрей искры сыплются,
Изъ ушей валить дымъ столбомъ,
Грива у коня вся кольцомъ извита
Хвостъ у коня всю землю покрывать,
Горы и лѣсы промежъ ногъ пропускать—
Дружко на конѣ, какъ ясенъ соколъ летить.

IX. Припѣвка шаферу—солдату.

Ужъ какъ по лугу, лугу,
По зеленому лужочку,
Да не огни загорѣли,
Не дыма повалили--
Тутъ идетъ полкъ солдатъ,
За полкомъ то три роты...
Во передней то ротѣ,
На переднемъ солдатѣ
Семисотная шуба,
Соболиная шапка.
„Да ешшо кто шубой дарилъ,
Да кто соболемъ дарствовалъ“?—
Да я самъ въ Оргу ходилъ,
А я самъ царю служилъ,
Я своей вѣрой правдой,

А я вѣрой не измѣной,
Да я своею грудью бѣлой,
А я бѣлой, не измѣной;
Меня князь шубой дарилъ,
Да князь великій шубой дарствовалъ".
На груди то у шубы—будто красное солнышко
На спинѣ то у шубы да еішо младъ мѣсяць
свѣтитъ,
На полахъ то у шубы—будто частыя звѣзды,
Въ рукавахъ то у шубы—утренны зори,
По подолу у шубы—будто вечерныя зори.

Х. Припѣвка свахѣ невѣстиной.

Наша то свашенька богата,
Да княгиня богата,
Что (имя и отчество свахи) богата;
Она съ гривны на гривну ступала, да ступала,
Что рублемъ ворота да отворяла,
Вторымъ рублемъ запирала,
Она князя и бояръ пропушшала.

XI. Припѣвка свахѣ жениховой.

Ничего то мы не видѣли,
Ничего то мы не слышали,
Какъ на нашей да большой улицѣ,
(имя и отчество домохозяина) середи двора широ-
каго,
Среди крыльца высокаго,
Тутъ пріѣхала къ намъ гостья дорога,
Княговая свашенька (имя и отчество).
Вы встрѣчайте эту гостью дорогу,
Вы берите ее за бѣлыя руки,
Вы ведите ее въ высокій теремъ,
Вы садите ее за дубовые столы
Вы за скатерти за бранныя,
За явства за сахарныя.
Ты покушай, наша гостья дорога, (имя и отч.)
'Ты отъ хлѣба—соли сытая будешь,
Отъ добра слова почтенная будешь.

XII. При выходѣ изъ-за стола, послѣ того, какъ берутъ неvěсту.

Катилось солнце по залѣсью
(имя и отчество неvěсты) бросила ключи
На дубовые столы.

„Я жъ тебѣ, тятенька, не ключница,
Ключница чужому свекру батюшкѣ.

XIII. При облоканіи, т. е. одѣваніи неvěсты.

Ты расти, расти, березанька, расти безъ верху,
Ты живи, живи, тятенька, безъ меня.
Безъ меня, безъ любимыя дочери (имя неvěсты)
и безъ (отч. ея).

У березаньки вершиночка сломленная, да у ней
сломенная,

Что у (имя нев.) головушка склоненая,
У ней русая косица коса расплетеная,
По могучимъ (бѣлымъ?) плечамъ коса разложена.

XIV. На отводѣ — проводидахъ неvěсты.

На отлетѣ лебедь бѣлая,
На закатѣ красно солнышко,
На отѣздѣ наше дитятко,
На отѣздѣ родимое;
Отѣзжаетъ наше дитятко
Отъ родимаго батюшки (имя и отчество отца),
Приставало наше дитятко
Ко чужому свекру батюшкѣ (имя и отч.)
Ужъ родимый тятенька, ужъ онъ милосливой и
жалосливой,

Онъ по утру поздненько будить,
На работку поздненько шлетъ,
Съ работки раненько ждетъ,
Со работки со легонькой,
Со устату со маленькаго;
Ужъ чужой-отъ свекоръ батюшка,
Онъ и милостью не милосливой
Онъ и жалостью не жалосливой,

Онъ поутру раненько будить,
На работку раненько шлетъ,
Со работки поздненько ждетъ.
Со работки чажолинькой,
Со устату великаго.

XV. При отпускѣ жениха за невѣстой.

Ой вы, улицы, метитесь,
Вы широкія разметайтесь,
Города становитесь,
Города съ пригородышами,
Терема съ притеремышами,
Харабро (храбро) ѣдетъ (имя и отчество жениха)
господинъ

На своимъ добрымъ конѣ,
На своимъ на ступичатымъ;
Онъ съ дороженьки сворачиваетъ,
Къ терему приворачиваетъ,
Къ терему-то ко тестиному,
Къ чердаку къ невѣстиному;
Онъ скоро съ коня соскакиваетъ
Не привязывать, не приказывать,
Набирать онъ бѣла снѣгу въ горсть,
Онъ бросаетъ въ оконенку,
Бросаетъ въ стекольчатую
Попадаетъ въ душу красну дѣвицу. (имя невѣсты).

XVI. При пріѣздѣ молодыхъ—поется во дворѣ, на улицѣ.

Въ середи было двора,
Среди было широкаго (у такого-то)
Солеталися ясны соколы, бѣлокрыльчаты,
Сѣзжались князья бояры,
Становилися во единый рядъ, во единый кругъ,
Поклонялися, покорялися родимому тятенькѣ,
родной маменькѣ;
Ты вѣдь тятенька, ты родименькій,
Ужъ любя ли тебѣ, хороша ли тебѣ моя суженая,
моя ряженая
—Ужъ тебѣ она любя, мнѣ давно хороша.

При входѣ молодыхъ въ домъ.

Дунули вѣтры, дунули вѣтры,
Дунули вѣтры изъ чистого поля,
Вянули весла по синю морю,
Грянули скобы булатныя.
Зрадовалось сердце тятеньки (имя и отчество)
Сынъ идетъ, сынъ идетъ, сынъ невѣстку ведетъ,
Невѣстка идетъ да дары несетъ,
Шиты дары, шиты браныя, вышиваныя,
Этими дарами (2 раза) свекра тятеньку дарить.

(Затѣмъ слѣдуетъ то же самое въ отношеніи къ ма-
менькѣ и т. д.)

XVII. Въ брачный столъ.

Отъ нашей княгини дары понесли...
Она не годъ дары шила,
Не другой вышивала,
Ужъ прошло пора время
Однимъ часомъ раздарила
Одной минутой раздавала.

Литературные труды Д. А. Клеменца

(1884—1910 г. г.).

Приводимъ здѣсь важнѣйшія изъ литературныхъ произведеній Д. А. Клеменца, появившихся на страницахъ какъ научныхъ изданій: столичныхъ и провинціальныхъ, такъ и сибирскихъ газетъ и журналовъ за время съ 1884 г. по 1910 годъ включительно, надѣясь, что списокъ нашъ въ будущемъ будетъ пополненъ біографами Д. А. Клеменца.*)

І. Д. Н. Минусинская Швейцарія и боги пустыни. (Изъ дневника путешественника). Восточное Обозрѣніе, 1884 г. №№ 5, 7, 9 и 12.

Оглавленіе: Выѣздъ на пріиски. Сагайскій татаринъ. Шаманство. Дитя шамановъ и шаманы—психопаты. Жертвоприношеніе на пути. Иней-тасъ—старуха камень. Грандіозная природа пустыни. Ея боги и пантеизмъ инородцевъ. Священная береза. Утесъ—хозяинъ стадъ, Мой тайный замыселъ посѣтить старуху. Мой спугникъ татаринъ и его содѣйствіе къ обращенію въ христіанство язычниковъ. Мое блужденіе на пути къ

*) Настоящій списокъ литературныхъ трудовъ Д. А. Клеменца—не полонъ. Въ немъ, во-первыхъ, отсутствуютъ тѣ изъ литературныхъ произведеній Д. А., которыя появлялись въ печати до 1884 г. Во вторыхъ, начиная съ 1884 г., приведены только тѣ изъ его литературныхъ трудовъ, которые имѣютъ то или иное отношеніе къ научной дѣятельности Д. А. Въ виду неполноты списка, не дѣлается какой-либо классификаціи работъ Клеменца, и онѣ сообщаются въ порядкѣ появленія ихъ на свѣтъ. Списокъ былъ составленъ А. В. Адриановымъ, приславшимъ его изъ Урянхайскаго края. По полученіи списка Отдѣломъ, онъ былъ дополненъ И. И. Серебренниковымъ. Первому принадлежатъ №№ 2, 3, 6, 8, 10—13, 15—20, 25, 31, 34, 35, 39, 43, 48, 50—52; второму №№ 1, 4, 7, 9, 14, 21—24, 26—30, 32, 33, 36—38, 40—42, 44—47, 49, 53—66. Номеръ 5 составленъ А. В. Адриановымъ и въ заключительной части дополненъ И. И. Серебренниковымъ.

каменной старухѣ. Какъ устраиваются сагайскія юрты. Прибытіе въ одинъ небольшой улусъ. Татарскій Маѳусаилъ. Внутренняя обстановка юрты, гдѣ я пріютился. Арьянь и араки—сагайскіе напитки. Домашній идолъ, тюсъ, и священное животное—изыхъ. Татарскіе пенаты. Измѣненія въ религіозномъ міросозерцаніи татаръ. Минусинскія пещеры. Слѣды очаговъ. И здѣсь жили люди. Прелести сибирской тайги. Наконецъ, мнѣ удалось посѣтить каменную старуху. Осмотръ одного городища. Возвращеніе на пріискъ.

Названные очерки Д. А. Клеменца представляютъ изъ себя изложеніе одного изъ путевыхъ эпизодовъ изъ путешествія автора въ 1883 году по Минусинскому округу. Очерки эти, изложенные преимущественно въ беллетристической формѣ, имѣютъ этнографическій характеръ, и въ части, касающейся осмотра пещеръ и городища, они представляютъ интересъ и для археолога.

2. Д. А. Клеменць. Древности Минусинскаго Музея. Памятники металлическихъ эпохъ. Изд. Ин. Кузнецова. Съ атласомъ. Томскъ, типографія „Сибирской Газеты“. 1886 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Текстъ состоитъ изъ „Введенія“ въ 1—78 стран. и „Каталога“ въ 79—185 стр., гдѣ измѣрено и описано 1848 предметовъ, разбитыхъ на 114 группъ, съ общей характеристикой каждой изъ нихъ.—Атласъ состоитъ изъ XXI таблицы съ 290 рисунками, исполненными фототипіей—Шереръ и Набогольцъ. Въ началѣ «Введенія» Клеменць даетъ хотя и „бѣглый“ топографическій очеркъ, но изложенный съ большимъ знаніемъ литературы края, съ яснымъ пониманіемъ геологическаго, флористическаго, этнографическаго и историческаго характера и значенія различныхъ частей бассейна верхняго Енисея. Изложеніе ясное, отчетливое. Зная, что $\frac{2}{3}$ округа принадлежатъ горно-степной области и только $\frac{1}{3}$ —мѣста открытыя, б. ч. степныя и сухія, съ солончаковыми почвами, авторъ приходитъ къ выводу, что большая часть и этихъ мѣстъ могла кормить только скотовода—номада, и лишь небольшія пространства были пригодны для земледѣльца, да и то при условіи искусственнаго орошенія. И этотъ уголокъ былъ облюбованъ человѣкомъ съ давнихъ временъ и представляетъ „самостоятельный мѣстный центръ культуры, изолированный“.

Дальше Клеменцъ разбираетъ классификацію кургановъ разныхъ путешественниковъ и ученыхъ, вноситъ свои поправки и даетъ 12 типовъ кургановъ по внѣшней формѣ, съ указаніемъ мѣста нахожденія каждой, приводитъ въ параллель свѣдѣнія о формахъ кургановъ внѣ Минусинскаго округа, какъ въ частяхъ Сибири, такъ и въ Урянхаѣ и въ Монголіи, разбираетъ внутреннее устройство могилъ и ихъ содержимое на основаніи раскопокъ сначала Гмелина, Палласа и др. въ прошлое столѣтіе и на основаніи рассказовъ «курганщиковъ», а затѣмъ на основаніи раскопокъ Н. І. Попова, Савенкова, Адріанова въ новѣйшее время. За курганами авторъ даетъ свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, устанавливаетъ мѣстный ихъ типъ, затѣмъ переходитъ къ писаницамъ на скалахъ и камняхъ, сначала фигурнымъ, а потомъ и руноподобнымъ, давая сводку всего имѣющагося объ этомъ матеріала. Подобныя же свѣдѣнія онъ приводитъ о городищахъ, оросит. канавахъ, чудскихъ копяхъ и затѣмъ останавливается на находкахъ предметовъ, мѣстахъ наибольшаго ихъ распространенія, о коллекціяхъ въ рукахъ любителей, приводитъ анализы минусинской бронзы и мѣди, говоритъ объ орнаментѣ и о формахъ предметовъ, о переходной стадіи ихъ отъ бронзы къ желѣзу и проч. Заключительная часть „введенія“ содержитъ свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ краѣ въ древности, по китайскимъ лѣтописямъ, но такъ какъ эти свѣдѣнія не восходятъ далѣе II вѣка до Рожд. Хр., то Клеменцъ заключаетъ, что мы не имѣемъ опредѣленныхъ данныхъ о народѣ періода Минусинской бронзы, такъ какъ во второмъ вѣкѣ до Рожд. Хр. мѣднаго вѣка на сценѣ исторіи уже не было.

3. «Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Географ. Общ-ва», кн. VIII, вып. I, Омскъ 1886 г.

Здѣсь, въ отчетѣ и протоколахъ Отдѣла кратко отмѣчены итоги работъ Клеменца во время путешествій его въ 1883 г. съ А. В. Адріановымъ и въ 1884 г. съ А. И. Венцковскимъ и его письма (стр. 15—25 «Отчета» и стр. 16—17 «Извлеченій изъ протоколовъ»), а также сужденія въ Отдѣлѣ по поводу замѣтки Клеменца „О старомъ руслѣ Енисея“ (стр. 55—57).

4. Д. К-ць. Изъ поѣздки въ Качинскую степь. Восточное Обозрѣ-
ніе. 1886 г., № 47.

Оглавленіе: Окрестности Минусинска и его древности. Остатки койбаловъ. Абаканская инородная управа. Татарскій праздникъ и жертвоприношеніе горному духу. Посвященное животное. Священное дерево. Шаманъ и его странствіе по горамъ. Лошадь съ чашкою на спинѣ. Древнее обаяніе шаманскаго культа. Что подрываетъ старыя вѣрованія? Практическое направленіе. Къ лучшему ли идетъ дѣло?

Названный очеркъ Д. А. Клеменца содержитъ въ себѣ описаніе одного путевого эпизода изъ поѣздки автора въ 1886 г. въ Ачинскую степь, когда экскурсанту удалось присутствовать на татарскомъ праздникѣ, посвященномъ горнымъ духамъ. Празднованіе происходило на горѣ Самохвалѣ, противъ устья Абакана. Авторъ подробно описываетъ это празднованіе и затѣмъ высказываетъ нѣсколько мыслей по поводу шаманства вообще. Шаманство ветшаетъ, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ сохранять въ достаточной степени свое значеніе. Можно представить, каково было обаяніе шаманства въ прежнее время. «Немного нужно силы воображенія», говоритъ Клеменць: „чтобы перенестись въ ту эпоху, когда шаманщики безраздѣльно владѣли умами кочевниковъ. Вся природа полна мрачныхъ, враждебныхъ силъ. Зимняя вьюга, лѣтняя жара, черный нависшій утесъ, бурно ревущій потокъ, даже уродливое дерево—все это страшныя, невѣдомыя издѣлія силы. Я не говорю уже о болѣзняхъ, губительныхъ эпизоотіяхъ. И вотъ являются люди со странными свойствами—нервные, почти эпилептики, задумчивые, впадающіе въ какіе-то странные припадки. Имъ кажется, что какіе-то духи, невѣдомыя силы, умершіе предки бесѣдуютъ съ ними, зовутъ ихъ къ себѣ. Много знаютъ умные старики, много видѣли они на своемъ вѣку, многое помнятъ они отъ отцовъ и дѣдовъ, которыхъ никто и не видывалъ, кромѣ ихъ. Старики крѣпко держатъ завѣтныя преданія, хранятъ народную мудрость, но камы, или шаманы, мудрѣе ихъ! Они умѣютъ говорить съ какими-то невѣдомыми силами, умѣютъ заставлять слушать себя. Можно легко понять, какое грозное впечатлѣніе производило на слушателей призываніе страшныхъ горныхъ духовъ, среди величественной обстановки пустыни, гдѣ-нибудь на вершинѣ горы, откуда открывается далекій горизонтъ, вмѣщающій

въ себѣ чуть ли не предѣлы всѣхъ извѣстныхъ дикарю земель. И для насъ этотъ культъ природы, эти воззванія къ владыкамъ горъ не потеряли еще извѣстной доли суровой поэзіи“...

Значеніе шаманства падаетъ.—Быть можетъ, это обстоятельство надо объяснить успѣхами распространенія христіанства. Этотъ вопросъ должны разрѣшить компетентные люди. Но нельзя не учесть другого фактора—это измѣненія матеріальной обстановки инородцевъ. Касаясь вопроса о взаимоотношеніяхъ между русскими и инородцами и указывая на силу денегъ, авторъ заключаетъ, что страшный культъ шаманства блѣднѣетъ «передъ этою грубою матеріальною силою, передъ всемогуществомъ кулачества, передъ чудодѣйственными фортелями русскаго коммерсанта».

5. Д. Клеменць. «Къ вопросу о пограничныхъ дѣлахъ». «Сибирская Газета» 1883 г., №№ 32, 34, 36, 38, 40 и 42.

Въ этой статьѣ Клеменць трактуетъ о значеніи верхняго Енисея съ Урянхайскимъ краемъ въ будущемъ,—вопросъ совсѣмъ не освѣщенномъ. По своему обыкновенію, онъ проштудировалъ всю литературу о краѣ—правда, въ то время небольшую и использовалъ свои личныя наблюденія во время поѣздокъ въ этотъ край.

Эта статья, написанная 28 лѣтъ тому назадъ, представляетъ полный интересъ современности.

Не раздѣляя взглядовъ Потанина, считавшаго торговлю русскихъ съ сойотами грабежомъ, ни Адріанова, относившагося къ развитію этой торговли сочувственно и придававшего ей большое значеніе, ни Матусовскаго, отрицавшаго за этой торговлей какое-либо значеніе, Клеменць разбираетъ исторію взаимныхъ отношеній русскихъ и урянховъ и даетъ обоснованныя объясненія наблюдаемымъ въ этой торговлѣ ненормальнымъ отношеніямъ, которымъ положило конецъ вмѣшательство въ 1883 г. русской власти, командировавшей чиновника (Осташкина) для разбора пограничныхъ вопросовъ; эта командировка кончилась тѣмъ, что взаимныя отношенія обоихъ народовъ были опредѣлены особымъ договоромъ (текстъ его на русскомъ и монгольскомъ языкахъ). Съ этого времени верхній Енисей становится отправнымъ пунктомъ русской торговли вълѣкъ Монголіи и Китая, и открывается возможность упроченія русскаго

вліянія въ центральной Азіи. Только съ этой стороны Урянхайскій край, бѣдный, съ привозомъ товаровъ всего на 60.000 р. въ годъ, имѣетъ значеніе. Но и значеніе самаго Урянхайскаго края заключается не въ его торговомъ обмѣнѣ, а въ естественныхъ богатствахъ края, каковы золото, мѣдныя и желѣзныя руды, каменный уголь, соль, возможность хлѣбопашества и конноплеводства.

Верхній Енисей имѣетъ преимущество передъ Бійскомъ въ смыслѣ передвиженія товаровъ вглубь Монголіи, въ Улясутай — здѣсь путь удобнѣе и короче, чѣмъ изъ Бійска на Кобдо. Съ Енисея на Улясутай весь путь телѣжный, а отъ Минусинска на верхній Енисей — зимою санный. Выгоды и преимущества этого пути: онъ короче Бійскаго на 400 в., на пути въ Усинскихъ селеніяхъ и приискахъ готовое русское населеніе для организаціи транспорта, близость русской фабрично-заводской промышленности, стоящей внѣ конкуренціи съ Москвой (желѣзодѣлательный и стеклянный заводы, крупчаточныя мельницы), легкая возможность устройства на Усу шерстомоекъ, дешевизна вывоза (отъ Улясутая до Улухема на телѣгахъ, дальше на плотахъ). Поэтому Улясутай можетъ сдѣлаться центральнымъ русскимъ торговымъ пунктомъ, болѣе близкимъ на сотни верстъ къ Желтой рѣкѣ (къ Калгану, къ Куку-хото), чѣмъ Кобдо.

Дальше Кл-цъ развиваетъ мысль о значеніи для насъ долины верхняго Енисея въ случаѣ войны съ Китаемъ. Онъ вообще не вѣритъ въ войну Китая съ Россіей, хотя бы забравшіеся туда нѣмцы и явились инструкторами китайцевъ, „хотя бы самъ фельдмаршалъ Мольтке явился командовать ихъ зелеными и желтыми знаменами, хотя бы князь Бисмаркъ выхлопоталъ имъ субсидію, равную французской контрибуціи“. Но и въ случаѣ войны, говоритъ Клеменць, „Китай имѣетъ одно легко уязвимое мѣсто — это вассальныя государства, инородческія владѣнія, находящіяся подъ его державой“. Окраинное населеніе относится крайне враждебно къ китайскому чиновнику и къ китайскому солдату, а потому въ случаѣ войны съ нами Китай, это населеніе окажетъ ему плохую услугу и въ этомъ случаѣ долина верхняго Енисея можетъ сослужить немалую службу русскимъ интересамъ». Считая природныя условія пустынной пограничной полосы между Китаемъ и Сибирью серьезнымъ препятствіемъ для военныхъ дѣйствій, Кл-цъ указываетъ, какое значеніе будетъ имѣть верхній Енисей въ случаѣ столк-

новенія. Отъ проникновенія въ Минусинскій уѣздъ китайцевъ удержитъ тройная цѣпь Саянъ, поясъ глухой горной тайги, при чемъ придется сосредоточивать массу войскъ въ Улясутаѣ, Кобдо, Улангомѣ и заняться охраной границы на протяженіи 500 верстъ. Между тѣмъ какъ для наступательнаго движенія русскихъ условія весьма выгодны—сосредоточеніе войскъ въ Минусинскѣ съ его дешевымъ хлѣбомъ только выгодно. Нужно позаботиться лишь „о заведеніи правильнаго судоходства по верхнему Енисею“, и провести телеграфъ на Усь, и тогда, въ случаѣ войны, мы можемъ безъ выстрѣла занять всю долину верхняго Енисея и Кемчика. Что касается сойотъ, китайскихъ подданныхъ, то Клем-цъ очень сомнѣвается, останутся ли они на сторонѣ Китая.

Давъ краткія характеристики сойотовъ и монголовъ и коснувшись вопроса о судоходствѣ въ верхнемъ теченіи Енисея, Клеменцъ заканчиваетъ свою статью предложеніемъ тѣхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, были бы необходимы для развитія русскаго вліянія на верхнемъ Енисеѣ и въ центральной Азіи. Клеменцъ полагаетъ, что необходимо оказывать правительственное содѣйствіе для развитія русской торговли въ Улясутаѣ и для этой цѣли, между прочимъ, назначить, хотя бы временно, русскаго консульскаго агента; добиться дозволенія русскимъ арендовать землю у сойотъ и разрабатывать минеральныя богатства Монголіи; снарядить экспедицію для изслѣдованія теченія верхняго Енисея и взять правительству на себя инициативу въ дѣлѣ развитія верхнеенисейскаго судоходства; снарядить экспедицію для изслѣдованія путей отъ Улясутая до Калгана и на Желтую рѣку. Въ этой экспедиціи должно непременно быть лицо, свѣдущее въ военномъ дѣлѣ.

6. Д. Клеменцъ. «Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа». (Матеріалы для изученія міросозерцанія сибирскаго сельскаго населенія). Ст. въ «Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отдѣла Географ. Общ-ва» за 1888 г., т. XIX, № 3, стр. 27—45.

16 молитвамъ и заговорамъ Клем-цъ предпослалъ 7 страничекъ предисловія, обличающаго начитаннаго, много издавашаго и наблюдавашаго, вдумчиваго изслѣдователя, чутко относящагося къ „преданьямъ старины глубокой“. Въ этомъ предисловіи Клеменцъ говоритъ, что онъ хорошо знаетъ языкъ населенія Бернского Оберланда, тожественный съ языкомъ нѣмецкихъ коло-

нистовъ Самарской губ., хорошо знаетъ сербскій языкъ, долго жилъ въ Черногоріи, и, заинтересовавшись языкомъ этого народа, сдѣлалъ экскурсію (въ 1876 г.) изъ Триеста въ черногорскую деревушку на Истрійскомъ полуостровѣ. Зная по этимъ опытамъ, какъ хорошо сохраняется языкъ, костюмъ, обряды и обычаи въ иныхъ захолустьяхъ, не подвергшихся постороннему вліянію, Кл-цъ полагаетъ, что въ старыхъ селеніяхъ Сибири, свободныхъ отъ наплыва поселенцевъ, можно еще найти «старорусской старины». И онъ «во время своихъ скитаній по Минусинскому округу» собралъ кой-что изъ этой старины, получивъ «двѣ старыхъ тетрадки», «не старше 40 или 50 лѣтъ».

7. Д. Клеменцъ. Экскурсія въ область научныхъ вопросовъ (по поводу юбилея Московскаго Археологическаго Общества). Сибирская Газета. 1888 г. № 27.

Въ этомъ газетномъ фельетонѣ Д. А. Клеменцъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе археологіи, какъ науки вообще, доисторической археологіи въ частности, ея задачи и цѣли. По мнѣнію автора, кратко задачу археологіи можно изложить слѣдующимъ образомъ: даны матеріальные памятники эпохи—необходимо возстановить картину жизни въ эту эпоху. Касаясь вопроса объ археологіи Сибири, Клеменцъ придаетъ ей особое значеніе. По его мнѣнію, археологія Сибири свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь существовала культура, болѣе высокая, чѣмъ современная. (Слѣдуетъ указаніе на югъ Енисейской губерніи).

8. Д. Клеменцъ. „Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи Д. А. Клеменца въ Ачинскій и Канскій округа“. Ст. въ «Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отдѣла Геогр. Общ-ва» за 1889 г., т. XX, № 1, стр. 43—69.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны письма съ пути во время экскурсій Клеменца въ 1888 г. Выѣхавъ изъ Томска въ экскурсію 20 мая, онъ закончилъ ее только 9 октября. Маршрутъ его: Томскъ-Маріинскъ-Тисуль-Пичугино-Никольское-Чебаки; на этомъ пути главнымъ предметомъ были геологическія изслѣдованія.—Въ Чебакахъ занялся раскопкой кургановъ по порученію Археолог. Комиссіи: курганы древне-бронзового періода (найжены бусы изъ цвѣтнаго стекла), съ трупосожиганіемъ и безъ него въ одномъ и томъ же курганѣ. Здѣсь же онъ за-

нимался среди кизыльцевъ и этнографическими изслѣдованіями (по шаманству, фольклору, орнаменту). — Затѣмъ онъ изслѣдовалъ Алатау въ вершинахъ Чернаго, Бѣлаго и Сарала-Юсовъ. Осмотрѣвъ старыя разработки мѣдныхъ рудъ на Печище и пор. Базыру, Кл-цъ проѣхалъ черезъ Божье озеро на Ужуръ и Ачинскъ, обслѣдовавъ около с. Назаровскаго мощныя залеганія каменнаго угля. Изъ этой поѣздки имъ вывезено: до 300 видовъ растеній, болѣе 300 образцовъ горныхъ породъ, образцы орнамента коллекцій тѣсей, три легенды и свѣдѣнія объ условіяхъ разработки Юсскихъ золотыхъ промысловъ.

IX Съ 20 августа по 19 сентября онъ лишь бѣгло могъ осмотрѣть мѣстность между р.р. Каномъ и Бирюсой вдоль сѣверныхъ предгорій Саянъ. Его маршрутъ во вторую половину пути: Красноярскъ—с. Б. Рыбное—д. Мал. рыбная—Тырбышъ—Бирюсинскіе промысла. Здѣсь онъ изслѣдовалъ бытъ карагасовъ, — „изъ всѣхъ видѣнныхъ мною аборигеновъ страны карагасы самыя жалкіе; оспа, тифъ и сифилисъ уносятъ у нихъ десятки жертвъ“. Въ интересахъ карагасовъ Клем-цъ считаетъ «благодѣяніемъ для нихъ устроить складъ необходимыхъ въ ихъ быту вещей на одномъ изъ промысловъ и поручить особому чиновнику пріемъ ясака въ тайгѣ, запретивъ карагасамъ шляться въ Нижнеудинскъ», куда они свозятъ въ декабрѣ ясакъ, и гдѣ ихъ опаиваютъ водкой и обираютъ. Результаты поѣздки: болѣе сотни образцовъ горныхъ породъ, маршрутно-глазомѣрная съемка всего пути, карагасскіе костюмы, 4 вида тѣсей и проч. Въ этомъ же отчетѣ Кл-цъ обратилъ вниманіе на только что открытый въ Ачинскѣ музей и далъ его описаніе. На осень онъ намѣчалъ рядъ геологич. экскурсій въ районахъ Ачинска, хотѣлъ между прочимъ проплыть по Чулыму отъ дер. Подсосной до Ачинска, но вслѣдствіе наступленія холодовъ отказался отъ этой экскурсіи; онъ смогъ лишь обслѣдовать Симоновское мѣстонахожденіе міоценовыхъ окаменѣлостей, сдѣлалъ экскурсію на рч. Тюхтятку въ окрестностяхъ Ачинска и обслѣдовалъ угленосный бассейнъ близъ с. Назаровскаго. Въ окрестностяхъ послѣдняго онъ раскопалъ, по порученію Археологической Комиссіи, высокій насыпной курганъ бронзовой эпохи. Отсюда въ октябрѣ онъ уѣхалъ въ Минусинскъ для археологическихъ изслѣдованій, порученныхъ ему Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

9. Д. Клеменцъ. По поводу критики С. К. Кузнецова. Восточное Обозрѣніе. 1889 г., № 3.

Въ № 93-мъ «Сибирскаго Вѣстника» за 1888 г. была помѣщена статья С. К. Кузнецова, содержащая въ себѣ критику труда Д. А. Клеменца „Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа“. Указанная въ заголовкѣ замѣтка Д. А. Клеменца представляетъ изъ себя отвѣтъ на эту критику.

10. «Матеріалы, собранные Д. А. Клеменцемъ при экскурсіяхъ въ верхній Абаканъ въ 1883 и 1884 г.г.

Подъ такимъ заглавіемъ выпущена въ 1890 г. книжка XI «Записокъ Западно-Сибир. Отдѣла Географ. Общ-ва». Сюда вошли: «Краткій предварит. отчетъ объ экскурсіяхъ въ системѣ Абакана въ 1883 г. (31 стран.); „объяснит. списокъ горныхъ породъ, собранныхъ въ 1883 г. по системѣ Абакана и Томи (24 стран; описаны 143 штуфа и предметы изъ 3 пещеръ); «Списокъ растений, опредѣленныхъ Мартыновымъ» (26 стран., 251 видъ); «Замѣтка о старомъ руслѣ Енисея», съ картою (10 стр.); «Замѣтка о девонскихъ отложеніяхъ Минусинскаго округа» (17 стр.); „Списокъ растений, собранныхъ съ мая по сентябрь 1884 г.“ (26 стр.) Всего 134 страницы.

Въ 1883 г., отдѣлившись отъ г. Адріанова, Клеменцъ выполнилъ самостоятельный маршрутъ: съ устья Балыксы (лѣв. притока р. Томи) на Шор-су (лѣвый-же притокъ Томи выше Балыксы), вершину р. Аскыса,—по проектированному, но необслѣдованному колесному пути изъ Минусинскаго округа въ Кузнецкій, по водораздѣлу между системами Томи и Абакана.—Поклонному хребту, на улусъ Кызыласова на малой Еси; Таштыпъ, Абаканскій желѣзн. заводъ, а отсюда тайгой по правому берегу Абакана. На пути Клем-цъ собралъ матеріаль о геологич. строеніи района, объ условіяхъ колонизаціи края, о памятникахъ древности (камен. бабахъ, городищахъ, пещерахъ, копяхъ), этнографич. и фольклористическій матеріаль о сагаяхъ.

Въ 1884 г. (а частью и въ 1885 г.) изслѣдованія Кл-ца въ системѣ Абакана явились продолженіемъ изслѣдованій его въ 1883 г. этого района въ геологич. и ботанич. отношеніяхъ.—Замѣтивъ въ 1884 г. ниже устья р. Беи, между хребтами Изыхъ и Терба равнину въ 18 верстъ шириною, покрытую наносами

а въ 1885 г. поѣхавъ нарочно ее изслѣдовать, Клем-цъ пришелъ къ заключенію, что „равнина эта, а также протока р. Абакана—Ташеба и ворота Енисея между Куней и Тубой служатъ продолженіемъ другъ другу, а потому можно полагать, что уваль, образующій теперь лѣвый берегъ Ташебы, былъ нѣкогда лѣвымъ берегомъ Енисея, въ который Абаканъ впадалъ около нынѣшняго хребта Иzychъ, хотя, можетъ быть, правильнѣе было бы сказать, что Енисей впадалъ въ Абаканъ, и эти двѣ могучія рѣки, слившись вмѣстѣ, пробили поперечную долину въ горахъ ниже устья Тубы и выработали ложе для Енисея“. („Записки“, кн. VIII, вып. 1, стр. 56).

Составитель отчета о дѣятельности Западно-Сибир. Отдѣла Географ. Общ-ва за 1885 г. такъ характеризуетъ работу Кл-ца: «Неутомимая наблюдательность автора, возможное знакомство съ литературой, обобщающій методъ наблюденія, при осмотрительномъ и въ высшей степени осторожномъ отношеніи къ выводу заключеній, сообщаютъ трудамъ г. Клеменца характеръ научныхъ работъ вполне основательныхъ и серьезныхъ».

Эти работы Клем-ца были отмѣчены и геологомъ В. А. Обручевымъ („Извѣстія Вост.-Сибир. Отдѣла Географ. Об-ва“ за 1892 г., т. XXII, № 4 и 5, стр. 143—146).

II. „Новый путь изъ Минусинскаго округа на Бирюсинскіе золотые промыслы“. Въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сибирск. Отдѣла Географ. Общ-ва“ за 1890 г., т. XXI, № 1, стр. 70—73.

Это—небольшая замѣтка объ опытѣ Г. П. Сафьянова по проложенію скотопрогоннаго тракта изъ Урянхайскаго края на Бирюсинскіе золотые промыслы въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ. Въ первыхъ числахъ іюля 1889 г. Сафьяновъ благополучно доставилъ 250 головъ рогатаго скота. „Такъ какъ по тракту, проложенному г. Сафьяновымъ, не имѣется свѣдѣній въ литературѣ, то я считаю не лишнимъ сообщить въ Отдѣлѣ записанный мною со словъ г. Сафьянова маршрутъ“. И затѣмъ Клеменцъ приводитъ этотъ маршрутъ, снабженный обширными примѣчаніями полковн. Н. П. Бобыря, бывшаго начальника Саянской экспедиціи.

12. Библиографическая замѣтка (безъ заглавія) въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отдѣла Географ. Общ-ва“ за 1890 г., т. XXI, № 2 стр. 57—71.

Это довольно большая и обстоятельная замѣтка по поводу появившихся новинокъ въ археологической литературѣ о Сибири; „Inscriptions de l'Enissei“ 1889 г., „Studien über die Suljekfelsen Inschriften“ 1889 г. и „Сибирскихъ древностей“ Радлова, т. I, вып. 1, 1888 г., въ „Матеріалахъ по археологіи Россіи“ № 3, изд. Археологич. Коммиссіей. Въ этой замѣткѣ Клеменцъ больше всего интересовался вопросомъ о древности надписей и о связи ихъ съ тѣми курганами, на которыхъ камни стояли: эти загадочныя письма онъ относилъ къ древне-железному періоду. Къ „Сиб. древностямъ“ Радлова приложена карта Минусинскаго округа, съ указаніемъ главнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ. Карта эта составлена Клеменцемъ и въ его рецензіи о „Сиб. древностяхъ“ (стр. 69) признана имъ „значительно устарѣвшей, вслѣдствіе расширенія нашихъ свѣдѣній о древностяхъ верхняго Енисея“. Любопытно заключеніе Клеменца въ этой статьѣ по поводу благодарности Радлова Мартьянову и Клеменцу за заботы о преуспѣяніи Минусинскаго Музея. „Мои вклады, говоритъ Кл-цъ, крайне ничтожны, къ вопросамъ о храненіи древностей и вообще внутреннимъ порядкамъ Музея я никакого отношенія не имѣлъ и не имѣю. Приношу автору искреннюю благодарность за доброе слово обо мнѣ, но я человѣкъ посторонній Минусинскому Музею и заслуга вся принадлежитъ г. Мартьянову“.

13. „Нѣсколько образцовъ бубновъ Минусинскихъ инородцевъ“.

„Записки Вост.-Сибир. Отдѣла Географич. Общ-ва по этнографіи“ за 1890 г., т. II, вып. 2, стр. 25—35, съ 9 таблицами рисунковъ (двойныхъ, съ 8 бубновъ и 2 рукоятокъ).

Здѣсь содержится тщательное описаніе 8 сагайскихъ и бельтирскихъ бубновъ, находящихся въ музеѣ, съ указаніемъ значенія каждой нарисованной на кожѣ бубна фигуры, и описаніе двухъ продольныхъ рукоятокъ и колстушки, найденныхъ въ пещерѣ близъ с. Тесинскаго. Клеменцъ пишетъ: „Желая доставить матеріалъ для изученія шаманскихъ бубновъ спеціалистами, я препровождаю мою замѣтку и рисунки на усмотрѣніе Вост.-Сибир. Отдѣла. Цѣль моя отчасти также обратить вни-

маніе ученыхъ на этнографическія коллекціи Минусинскаго музея, до сихъ поръ весьма мало извѣстныя“.....„Со временемъ, когда мы будемъ имѣть подобныя коллекціи бубновъ отъ большинства шаманствующихъ народовъ, когда можно будетъ сравнивать ихъ между собою и съ другими памятниками инородческой и древне-сибирской жизни, наприим., съ рисунками на скалахъ и могильныхъ камняхъ, тогда можно будетъ освѣтить многіе темные вопросы изъ исторіи древняго и интереснаго народнаго культа, называемаго шаманствомъ“.

14. Д. К. Письма съ русской границы. I. Восточное Обозрѣніе. 1891 г., № 46; 1892 г., №№ 2 и 4.

Въ трехъ газетныхъ статьяхъ Д. А. Клеменцъ говоритъ о положеніи русской торговли въ Урянхайскомъ краѣ, ко времени послѣдняго посѣщенія авторомъ этого края (очевидно, въ 1891 году).

Авторъ подробно останавливается на скототорговлѣ въ Монголіи вообще, и въ связи съ этимъ и на эпизоотіяхъ монгольскаго скота, причинахъ распространенія этихъ эпизоотій, касается вопроса о возможности занесенія заразныхъ болѣзней въ Урянхайскую землю и подымаетъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ между русскими торговцами и урянхами. Въ этихъ же статьяхъ приводятся свѣдѣнія о начавшейся русской колонизаціи въ Урянхайскомъ краѣ и положеніи здѣсь русской золотопромышленности. Интересны указанія Клеменца, относящіяся къ засаянскимъ маторамъ.

15. „Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова“.— „Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи“. I. Предварительный отчетъ о результатахъ снаряженной съ Высочайшаго соизволенія Имп. Академіей Наукъ экспедиціи для археологическаго изслѣдованія бассейна р. Орхона В. В. Радлова“ СПб., 1892 г., стр. 13—23.

Когда экспедиція Радлова раздѣлилась на Орхонѣ на три части, то на долю Д. А. Клеменца выпало прослѣдить распространеніе археологическихъ памятниковъ отъ Орхона до верхняго Енисея въ Урянхайской землѣ. „Письмо“ это и содержитъ краткій предварительный отчетъ о поѣздкѣ, закончившейся сплавомъ Клеменца 1 октября 1891 г. на плоту изъ Урянхыя. Раз-

ставшись съ В. Радловымъ 28/ви на Хара-Балгасунѣ, Клем-цъ пошелъ вверхъ по Джермантаинголу, лѣвому притоку Орхона, „усѣянному“ керексурами. Перейдя въ систему р. Селенги, здѣсь онъ нашелъ около рч. Хануй „громадныя развалины города“, а въ 5 верст. отъ нихъ каменные могилы съ бабами и на одной изъ плитъ руническую надпись. Съ Тельгирь-Мурена (одна изъ вершинъ Селенги) Кл-цъ прошелъ вверхъ по р. Буксую (другая вершина Селенги), къ озеру Сангинъ-далаю и оттуда на р. Тесъ, Дзиндзиликъ и черезъ Танну-олу въ Урянхай, по которому сдѣлалъ 1000 верст., найдя въ этомъ краѣ остатки городовъ на оз. Тери-норъ, Джедакѣ, на Аксукѣ, снялъ надписи съ 14 руническихъ камней, изъ нихъ съ 4 новыхъ, имъ открытыхъ и проч. За весь этотъ путь онъ велъ маршрутную съемку, опредѣленіе высотъ термобарометромъ, собралъ 250 образцовъ горныхъ породъ, 240 видовъ растеній.

16. „Предполагаемая лѣтомъ 1892 г. экспедиціи Вост.-Сибир. Отдѣла Географ. Общества“. — „Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества“, СПБ., 1892 г., т. XXVIII, вып. III, стр. 319—321.

Здѣсь Клем-цъ даетъ свѣдѣнія не только о предполагаемыхъ экскурсіяхъ членовъ Отдѣла, но и вообще объ изслѣдованіяхъ членовъ „столичныхъ Обществъ“.

17. Отчетъ о дѣятельности Вост.-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества за 1891 г. Иркут. 1892 г. страницъ 61.

Это—первый отчетъ за время исполненія Клеменцемъ обязанностей Правителя Отдѣла. Онъ подробно остановился на научной дѣятельности учрежденія, и внесъ и сюда присущую ему оригинальность мысли. Онъ нашелъ, что онъ „обязанъ представить свѣдѣнія о научной дѣятельности въ *Восточной Сибири вообще* за отчетный годъ. Только сравнивая нашу дѣятельность съ дѣятельностью другихъ лицъ и учреждений, можно опредѣлить, насколько выполнены нами возложенныя на насъ задачи,—только такимъ образомъ можетъ быть опредѣлена роль нашего Общества въ ряду другихъ учреждений, и составлено хотя приблизительное понятіе о томъ, что далъ прошлый годъ для изученія Восточной Сибири“. И онъ, чтобъ привести эту мысль въ исполненіе, обратился ко всѣмъ учреждениямъ съ просьбой дать ему свѣдѣнія о своихъ трудахъ. Въ отчетѣ появились свѣ-

дѣнія: о занятіяхъ Военно-топографическаго Отдѣла Восточно-Сибирскаго военнаго округа, о дѣятельности магнитно-метеорологической обсерваторіи и метеорологическихъ станцій, Статистическихъ Комитетовъ, Губерн. чертежныхъ, Обществъ врачей, мѣстныхъ музеевъ, о трудахъ отдѣльныхъ лицъ и столичныхъ ученыхъ. Обществъ на поприщѣ изученія Сибири, причемъ сдѣлалъ выводы о характерѣ изученій и ихъ пробѣлахъ. Къ сожалѣнію, не всѣ учрежденія откликнулись на призывъ Клеменца, и не его вина, что въ его сводкѣ оказались по этой причинѣ пробѣлы.

18. „Соленыя озера Минусинскаго и Ачинскаго округовъ и девонскія отложенія на верхнемъ Енисеѣ“. Ст. въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отдѣла Географ. Общ-ва“ за 1892 г. т. XXIII, № 3, стр. 28—83.

Въ этой довольно большой работѣ Кл-цъ занялся критическимъ разборомъ только что появившихся въ печати работъ проф. С. І. Залѣскаго объ озерѣ Инголѣ и И. Т. Савенкова объ оз. Шира. Здѣсь обнаружилась начитанность Кл-ца, его знакомство съ геологической литературой о краѣ и его личныя наблюденія. Обнаруживъ незнакомство Савенкова съ существующими трудами, онъ тужить о той разрозненности, какая существуетъ между лицами и учрежденіями, занимающимися собираніемъ научныхъ и научно-техническихъ матеріаловъ въ мѣстности. Клем-цъ считаетъ правиломъ, строго ему слѣдуя, изучить предметъ прежде, чѣмъ говорить о немъ и дѣлать поспѣшныя заключенія. Послѣ разбора работъ названныхъ авторовъ, онъ даетъ очеркъ широко распространенныхъ въ Минусинскомъ уѣздѣ девонскихъ отложеній, стараясь, гдѣ можно, прослѣдить границы распространенія свиты красноцвѣтныхъ породъ, а соленыя озера считаетъ продуктомъ выщелачиванія девонскихъ породъ. „Это уголокъ сѣв.-западной Монголіи въ Сибири“, говоритъ онъ про среднюю часть Минусинскаго уѣз. Затѣмъ онъ останавливается на геологическомъ строеніи и описаніи озеръ Тагарскаго, Бейскаго, Джалбакъ куль и Краснаго. Разбираясь въ матеріалахъ и личныхъ наблюденіяхъ, Кл-цъ высказываетъ предположеніе, что верхніе пласты красныхъ девонскихъ породъ (песчаники и известняки) даютъ при выщелачиваніи горькія соли, а нижніе (глинистые)—поваренную соль.

19. „Замѣтна о тюсяхъ“. („Über die Pötzen der Minussinischen Taren“).—Ст. въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отдѣла Геогр. Общ-ва“ за 1892 г., т. XXII, №№ 4 и 5, стр. 23—35.

„Тюсь“ или „тэсь“ у инородцевъ тюркскаго племени то же, что онгонъ у монголо-бурятъ“, поясняетъ Клем-цъ. Это—внѣшній знакъ какого-нибудь божества, но болѣе часто злого шайтана, котораго надо умилоствлять жертвами, кормить. Въ виду того, что прежніе изслѣдователи мало разъяснили вопросъ о тюсяхъ, Кл-цъ и даетъ свѣдѣнія о кизыльскихъ тюсяхъ, оговариваясь, какъ теперь трудно ихъ добывать. Природа наполнена духами, преимущественно враждебными человѣку. Отсюда обращеніе къ свѣдущему человѣку, шаману, за помощью, въ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ, и къ шайтанамъ во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни. Интересенъ пріемъ Клем-ца: одна женщина ходила по юртамъ и спрашивала старыхъ людей, какъ ей завести того или другого шайтана и чѣмъ его чествовать; съ ея словъ онъ все и записалъ. Кромѣ идола въ юртѣ, посвящаютъ извѣстному божеству животное, *изыха*, преимущественно коня, и тогда вплетаютъ ему въ гриву и хвостъ цвѣтныя ленты. У сагайцевъ почти каждому тюсю соотвѣтствуетъ изыхъ, покровитель стада. Тюся нельзя уступить, продать, отдать въ приданое и безопаснѣе завести новаго, чѣмъ передать въ наслѣдство сыну. Клем-цъ даетъ описаніе 31 тюся и полагаетъ, что сообщенное имъ—небольшая часть демонологіи кизыльцевъ; а именно: тульгу-тюсь, улуг-тюсь, чогарха-тюсь, тобок-тестер, пэзых-агаш, чабыс-агаш, аба-тюсь, алтын-тюсь, кузен-тюсь, холна-тюсь, тин-тюсь, тамха-чичжан-тюсь, чега-тюсь, ингарха-тюсь, моин-тюсь, кюрку-тюстер, джалон-тюсь, кэзим-тюсь, уюнчигарых-тюсь, чэдим-тюсь, кузтын-сах-пынчиз, чжалан-тюсь (другого устройства), тегир-ам-тюсь, тангаза-тюсь, кигиз-тюсь, изых-тюсь, хадытытхан-тюсь, хып-челых-тюсь, од-емесь-тюсь, сарых-тюсь, ас-тюсь, изых-сах-пынчаз.

20. „Мѣстные музеи и ихъ значеніе въ провинціальной жизни“. (Публичная лекція, читанная въ Кяхтѣ 8 октября 1892 г.) „Сибирскій Сборникъ“, II вып., приложение къ „Вост. Обзор.“ за 1892 г., I—35 стран.—Отдѣльной брошюрой въ —68 стран. изд. типографіей К. І. Витковской, Иркутскъ, 1893 г., цѣна 50 коп.

Самая лекція занимаетъ въ брошюрѣ 35 страницъ. Послѣ ея прочтенія къ автору обратились съ просьбой о ея напеча-

таніи. Исполняя это желаніе, Кл-цъ снабдилъ лекцію предисловіемъ, а, кромѣ того, присоединилъ къ ней переводъ лекціи сэра Броуна Гуда, прочитанной 28 февраля 1889 г. въ Бруклинѣ, въ Америкѣ, подъ заглавіемъ „музеи будущаго“. Давъ общее представленіе о томъ, какъ люди съ давняго времени собирали предметы или „замѣчательные“ чѣмъ либо, или полезные, какъ лекаря въ древности, или нашъ знахарь Кузьмичъ, собирали травы, какъ потомъ появились музеи общіе и спеціальныя, какъ потребовались затѣмъ съѣзды, а когда и этого для обмѣна знаніями стало недостаточно,—какъ явилась надобность въ мѣстныхъ музеяхъ, гдѣ къ сотрудничеству привлечено множество мѣстныхъ силъ, и какъ затѣмъ стали основываться провинціальныя общества любителей наукъ. Клеменцъ призываетъ провинціальныхъ работниковъ къ труду, къ строенію жизни, горячо возставая противъ такихъ мыслей, какія высказалъ проф. Мензбиръ въ одной изъ книжекъ „Русской Мысли“ (Кл-цъ накануне лекціи прочелъ его статью), а именно, что умственная жизнь въ провинціи возможна только при университетахъ, что всякія попытки развитія научныхъ учреждений въ провинціи обречены на вымираніе. Вспоминаетъ Кл-цъ споръ Мордовцева съ Гацисскимъ о значеніи провинціи и обращеніе Мордовцева изъ централиста въ защитника провинціи.—Провинція, говоритъ Кл-цъ, сама стала просыпаться и въ двухъ странахъ выдвинула провинціальныя вопросы—въ Россіи и Франціи, гдѣ такая бездна лежитъ между культурнымъ состояніемъ столичнаго и провинціального населенія. Именно во Франціи возникла мысль объ основаніи мѣстныхъ музеевъ, какъ очаговъ образованія, мысль, которую пропагандировалъ Гру—адвокатъ и ученый. Движеніе это началось въ 1876 г.

Интересно отмѣтить переживанія самого Клеменца при мысли о необходимости провинціального самообразованія и саморазвитія. Онъ говоритъ про посѣтителя *Мѣстнаго Музея*, что „невольнo начинаетъ его тянуть къ этимъ мѣстнымъ труженикамъ, и онъ выходитъ изъ музея, какъ-бы породнившись съ нимъ. И, странное дѣло, у него остается какое-то чувство спокойнаго удовлетворенія, какого онъ не испытывалъ, посѣщая великіе музеи“.

Одновременно съ французскими, но самостоятельно, возникаютъ музеи въ Сибири; Кл-цъ перечисляетъ ихъ, характеризуетъ. Онъ набрасываетъ программу ихъ дѣятельности, выяс-

няетъ ихъ значеніе, какъ очаговъ образования, ихъ роль въ наукѣ, даетъ программу дѣятельности мѣстнымъ дѣателямъ и заканчивается выясненіемъ огромнаго значенія такого центра, какъ Кяхта съ ея знаніемъ Китая, набрасывая программу будущаго здѣсь музея „мѣстнаго и монголо-китайскаго“, и подчеркивая огромнѣйшее его значеніе.

21. Д. К. Съ дороги. Восточное Обозрѣніе, I. 1892 г., № 41 (безъ подписи). Письма съ дороги. II. Восточное Обозрѣніе 1892 г., № 51.

Эти два письма Д. А. Клеменца излагаютъ, какъ это нужно полагать, его впечатлѣнія изъ путешествія въ Монголію въ 1892 году. Въ первомъ письмѣ Клеменць, въ художественной формѣ, описываетъ встрѣтившіеся ему на пути озеро Косоголъ, Улейскіе гольцы и величественный Мунку-Сардыкъ. Говоря о Косоголѣ, онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Байкаль только съ нѣкоторою натяжкою можно назвать альпійскимъ озеромъ, Косоголъ нельзя назвать иначе. То скованный льдомъ, то бушующій отъ непрестанныхъ вѣтровъ, Косоголъ не послужилъ даже мотивомъ для созданія особой легенды. Къ нему приладили то, что говорится о Байкалѣ и объ основаніи Лассы, что по какому-то случаю воды вышли изъ-подъ земли и принялись заливать землю. Тенгрии, небожители, чтобы спасти землю отъ затопленія, заткнули отверстіе, изъ котораго била вода. На Байкалѣ такою затычкою служить шаманская скала, на Косоголѣ—островъ, стоящій посреди него“.

Въ другомъ письмѣ, написанномъ уже въ иной формѣ, Клеменць говоритъ о положеніи скотопромышленности въ Дархатской землѣ, отмѣчаетъ возникновеніе у дархатовъ новыхъ промысловъ (рыбнаго, сбора грибовъ) и даетъ уничтожающую характеристику монгольскаго чиновничества.

22 Д. Клеменць. Библиографія. Вѣстникъ Европы, 1892 г. № 1. Восточное Обозрѣніе, 1892 г. № 7.

Въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1892 г., среди другого матеріала, была помѣщена статья В. Пыпина „Буддизмъ въ Забайкальѣ“ и статья Пыпина „Русская народность въ Сибири“. Послѣдняя статья была написана Пыпинымъ по поводу книги Астырева „Очерки жизни населенія В. Сибири. На

таежныхъ прогалинахъ“. Библиографическая замѣтка Клеменца посвящена разбору этихъ статей Птицына и Пыпина. Рецензентъ отличаетъ достоинства этихъ статей, въ противовѣсъ писаніямъ на сибирскія темы публицистовъ столичныхъ газетъ. Рецензія интересна въ томъ отношеніи, что въ ней Клеменць высказываетъ свой личный взглядъ на ламайское духовенство (по поводу статьи Птицына) и на сибирское крестьянство (по поводу статьи Пыпина). Въ послѣднемъ случаѣ Клеменць высказался въ томъ смыслѣ, что сибирскій крестьянинъ „не бѣднѣе ни умственными ни нравственными дарами природы, нежели русскій крестьянинъ, русскій человѣкъ вообще“. Отвѣчая на замѣчаніе Птицына, что Вост. Сибирскому Отдѣлу И. Р. Географическаго Общества „не повезло“ съ изученіемъ буддизма, Клеменць указываетъ на труды о. И. А. Подгорбунскаго и затѣмъ говоритъ: „Не надобно забывать, что въ Иркутскѣ, какъ это, конечно, извѣстно г. Птицыну, много есть такого, что способно охладить рвеніе ученаго. Начнемъ хотя бы съ того, что изслѣдователь, изготовившій какое-нибудь обширное сочиненіе, рискуетъ прождать цѣлые годы, пока найдутся средства для напечатанія его работы. Часто приходится останавливаться въ работѣ изслѣдователю, за невозможностью достать необходимыя книги“.

23. Д. Клеменць. Библиографія. Предварительныя данныя къ вопросу о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье. (Докладъ В. М. Крутовскаго. Приложение къ протоколамъ О-ва врачей Енисейской губерніи). Восточное Обозрѣніе. 1892 г. № 11.

Въ обширной рецензіи, Д. А. Клеменць отмѣчаетъ свои несогласія съ докладчикомъ, часто основываясь на личныхъ наблюденіяхъ надъ присковою жизнью. Рецензія доказываетъ, что Клеменць, въ своихъ странствіяхъ по Сибири, собиралъ матеріалъ и по вопросу объ экономическомъ положеніи здѣсь рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Въ этомъ смыслѣ рецензія должна представить особый интересъ для біографовъ Д. А. Клеменца. Говоря о пищевомъ режимѣ золотопромышленныхъ рабочихъ, онъ пишетъ, наримѣръ, слѣдующее: „Провѣряя рабочіе расчетные листы, мы можемъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что количество масла, выписываемаго рабочими, прогрессивно увеличивается отъ юга къ сѣверу. Самое меньшее количество

масла выписывается на прискахъ Усинской системы, на югѣ Енисейской губерніи, но на это есть и особая причина—работѣ имѣютъ возможность тамъ покупать молоко и творогъ отъ сойотъ“.

24. Д. Клеменцъ. Новый печатный органъ въ Сибири. Восточное Обозрѣніе, 1892 г. № 2.

Статья вызвана разсылкою проспекта объ изданіи журнала „Вѣстникъ золотопромышленности“. Клеменцъ отмѣчаетъ важность изданія этого органа печати, указываетъ, какіе вопросы слѣдовало бы въ немъ поднять и освѣтить, и высказываетъ по этому поводу нѣкоторыя свои пожеланія.

25. „Новая попытка достигнуть сѣвернаго полюса“. (Публичная лекція, читанная въ Кяхтѣ 11 марта 1893 г. („Сибирскій Сборникъ“, прилож. къ „Восточн. Обозр.“ за 1893 г. Есть и отдѣльные оттиски).

Это было во время сборовъ Фр. Нансена въ путь, послѣ его доклада въ Лондонскомъ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ. Особенность Клем-ца—выдвигать важныя событія и откликаться на нихъ во-время—была поводомъ къ лекціи. Эта лекція свидѣтельствуетъ, что Кл-цъ основательно проштудировалъ вопросъ, изучилъ всѣ основанія соображеній Нансена, оцѣнилъ его умъ и оригинальность способа достиженія цѣли. Лекціи было предпослано красочное введеніе, блестящее красотами знаній, стильностью изложенія, остроуміемъ, популярностью. Въ трудахъ Клем-ца это—бездѣлка, тѣмъ болѣе ярко обнаруживающая его дарованія.

26. Д. А. Клеменцъ. Новѣйшія свѣдѣнія объ экспедиціи д-ра Нансена. Ibidem., стр. 112—116.

Замѣтка содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о приготовленіи экспедиціи д-ра Нансена къ отъѣзду и первыхъ шагахъ этой экспедиціи.

27. Д. К. Забайнальскіе эскизы. Восточное Обозрѣніе, 1893 г. № 23.

Здѣсь изложены путевыя впечатлѣнія автора, при переѣздѣ отъ Иркутска до Троицкосавска, во время путешествія Кле-

менца въ Монголію въ 1893 году. Въ концѣ замѣтки Клеменцъ описываетъ свою встрѣчу съ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Ургѣ, Я. П. Шишмаревымъ.

28. Д. К. Письма съ дороги. I, II и III. Восточное Обозрѣніе. 1893 годъ. №№ 30, 36, 38 и 41.

Въ первомъ письмѣ Клеменцъ описываетъ свое путешествіе по правому берегу Орхона, въ 1893 году. Имъ картинно описаны встрѣчавшіеся ему на пути китайскіе лугари (чумаки); отмѣчены успѣхи земледѣлія по правому берегу Орхона. Второе письмо содержитъ подробное описаніе его поѣздки въ монастырь Ламынъ-Гегена. Въ монастырѣ Клеменцъ наблюдалъ за теченіемъ праздника круговращенія Майдари, посѣтилъ самаго Ламынъ-Гегена, который любезно принялъ путешественника. Въ этомъ же письмѣ Клеменцъ рассказываетъ объ одномъ эпизодѣ, который однажды приключился съ честолюбивымъ Заинъ-гегенѣмъ, пожелавшимъ получить отъ богдыхана желтыя носилки. Въ третьемъ письмѣ Клеменцъ дѣлится съ читателями уже ургинскими впечатлѣніями.

29. Д. Клеменцъ. На тему объ обстоятельномъ изслѣдованіи сѣверо-востока Сибири. Восточное Обозрѣніе. 1893 г. № 46.

Замѣтка эта вызвана появившимися въ печати отзывами на книгу Шкловскаго „Очерки крайняго сѣверо-востока Сибири“. По мнѣнію Клеменца, „все уже указываетъ, что періодъ большихъ подвижныхъ экспедицій для Сибири миновалъ. Потребность въ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ, стаціонарныхъ, сказывается день ото дня яснѣе и рѣзче. За нее говорятъ возникающіе мѣстные музеи, новое мѣстное общество для изслѣдованія Камчатки, хлопоты и старанія объ открытіи Амурскаго Отдѣла Географическаго Общества“. Обстоятельное описаніе края только и возможно при условіи широкаго развитія мѣстныхъ и хорошо обставленныхъ изслѣдованій на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Что касается В. Сиб. Отдѣла Географическаго Общества, то его попытки изученія крайняго сѣверо-востока могутъ быть только чисто случайными.

30. „Свѣдѣнія объ экспедиціи Д. А. Клеменца по Монголіи въ 1894 г.“ (изъ письма къ правителю дѣлъ отъ 7 октября изъ Урги). „Извѣстія Вост.-Сибир. Отдѣла Географ. Общ-ва“ за 1894 г., т. XXV, №№ 2—3, стр. 126—129.

Въ этой замѣткѣ содержатся краткія свѣдѣнія о Хангаѣ и части Гобійскаго Алтая, ихъ природѣ и населенности и нахожденіи здѣсь археологическихъ памятниковъ.

31. „Замѣтки о Хангаѣ“. (Въ письмѣ къ правителю дѣлъ изъ Урги отъ 17/х—1894 г.). „Протоколъ Общаго Собранія Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурск. Отдѣла Географическаго Общ-ва“, 23/х—1894 г., стр. 25—32.

Давая отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ Хангаѣ Иркутскому Отдѣлу Географ. Общ-ва, Кл-цъ сумѣлъ дать другому Обществу не пересказъ того же самаго, а сжатый цѣлый геологическій очеркъ Хангая, иллюстрируя остроумную мысль В. А. Обручева о морской абразіи (смывъ), дѣйствовавшей въ этомъ районѣ, примѣрами изъ окрестностей Троицкосавска и Кяхты, гдѣ подобныя же измѣненія производятъ проточныя воды на нашихъ глазахъ. Насмотря на сжатость изложенія, Кл-цъ далъ представленіе о флорѣ и фаунѣ Хангая, о всѣхъ маршрутахъ путешественниковъ, пересѣкавшихъ Хангай, о населеніи современномъ и въ древности и т. п.

32. Д. Клеменцъ. Къ развитію научной дѣятельности въ Сибири. Восточное Обозрѣніе. 1894 г., №№ 131, 142 и 143, и 1895 г. №№ 3 и 4.

Клеменцъ отмѣчаетъ нѣкоторые мѣстные успѣхи научной дѣятельности въ Сибири, горячо негодуетъ противъ Нерчинскаго городского управленія, проявившаго полное свое небреженіе къ судьбамъ мѣстнаго музея, высказываетъ свой взглядъ на значеніе мѣстныхъ обществъ, полагая, что наука можетъ существовать не въ однѣхъ столицахъ и не только около университетовъ. Поднимая вопросъ объ отношеніи И. Р. Географическаго О-ва къ его филиаліямъ, Клеменцъ указываетъ на насущныя задачи послѣднихъ, въ томъ числѣ и на задачи по собиранію текущихъ періодическихъ свѣдѣній. Помимо этого, мѣстныя общества должны всѣми силами содѣйствовать возникновенію новыхъ и поддержкѣ уже основанныхъ мѣстныхъ музеевъ. По-

слѣднимъ Клеменцъ придаетъ огромнѣйшее значеніе. Въ заключеніе своихъ очерковъ, онъ указываетъ на необходимость мѣстнымъ ученымъ обществамъ объединить свои разрозненныя усилія по изученію края.

Нельзя не замѣтить, что эта мысль Клеменца до сихъ поръ еще не получила своего осуществленія.

33. Д. А. Клеменцъ. Письма съ дороги. Восточное Обозрѣніе. 1894 г. №№ 69, 71, 81, 87 и 105.

Напечатаны два письма. Первое письмо написано съ Угейнора, 24 мая 1894 года. Въ немъ Клеменцъ описываетъ свой выѣздъ изъ Урги и затѣмъ путешествіе по долинѣ р. Толы. Въ этомъ же письмѣ содержится эпизодическій разсказъ автора о двухъ несчастныхъ случаяхъ, приключившихся съ нимъ въ пути. Второе письмо послано въ газету съ южнаго склона Холлая, рѣчки Харилету, 11 іюня 1894 г. Письмо содержитъ въ себѣ разсужденія автора объ орографіи Монголіи. Коснувшись вопроса о золотопромышленности и отвлекшись въ сторону прошлаго, Клеменцъ описываетъ свой осмотръ въ 1887 году золотыхъ приисковъ по Куртучикему и Серлаху, въ системѣ Усы. Переходя затѣмъ къ области Хангая, путешественникъ указываетъ на золотоносность бассейновъ Ологоя, Наринъ-Гола, Байдарика и Дзапхына и на практикуемые здѣсь способы добыванія золота. Остроумно истолковывая одинъ разсказъ Геродота о добычѣ золота гдѣ-то въ горахъ, къ сѣверу отъ Индіи, гдѣ будто бы этотъ металлъ добывался въ кучахъ муравьевъ, Клеменцъ дѣлаетъ выводъ, что первое золото было найдено здѣсь, вѣроятно, въ тарбаганьихъ норахъ. Въ заключительной части второе письмо Клеменца содержитъ въ себѣ описаніе его поѣздки въ долину Ологоя, гдѣ имъ былъ произведенъ осмотръ приисковъ.

34. «Археологическій дневникъ поѣздки въ Среднюю Монголію въ 1891 г.». «Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи». II. СПб. 1895 г. Цѣна 75 к. 74 страницы.

Здѣсь Клеменцъ далъ подробныя описанія развалинъ городовъ, найденныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ, съ подробнымъ описаніемъ мѣстностей, въ которыхъ они находятся. Это — подробный отчетъ, въ дополненіе къ вышеизложенному «письму».

35. «Сѣверо-азіатскія руническія письма и чтеніе ихъ». (Сообщеніе въ Общ. Собр. Троицкосавско-Кяхтин. Отдѣленія Геогр. Общ-ва 20 марта 1895 г.). Иркутскъ, типографія Макушина, 1895 г. Стр. 1—30 (извлеч. изъ протоколовъ Троицкосавско-Кяхт. Отдѣла).

Отказываясь давать свѣдѣнія о культурѣ Сибири и прилегающихъ странъ въ древности, Кл-цъ остановился на частномъ вопросѣ—«памятникахъ своеобразнаго письма Сибири и Монголіи». И здѣсь онъ вноситъ присущую ему оригинальность мысли. Ученые до сихъ поръ путаются въ усваиваемыхъ этимъ письмамъ названіяхъ: Кл-цъ доказываетъ, какъ неудачны всѣ эти названія и предлагаетъ назвать языкъ «сѣверо-азіатскими рунами». Въ своемъ сообщеніи онъ весьма обстоятельно изложилъ исторію нахожденія всѣхъ памятниковъ съ рунами, ихъ распространеніе, время, исторію народовъ въ районѣ Орхона, расшифровку знаковъ.

36. Д. Клеменцъ. Открытое письмо окружному инженеру И. С. Боголюбскому. Восточное Обозрѣніе. 1895 г., №№ 10 и 11.

Письмо написано изъ Урги, отъ 2 января 1895 года, и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о путяхъ сообщенія въ Бирюсинской тайгѣ и о происшедшей здѣсь катастрофѣ съ партіей рабочихъ, заблудившихся въ пути. И. С. Боголюбскій отрицалъ возможность подобныхъ явленій въ Бирюсинской тайгѣ.

37. Д. Клеменцъ. Письма съ дороги. Восточное Обозрѣніе. 1895 г. №№ 99, 121, 147 и 150.

Въ письмѣ отъ 20 іюня 1895 г., съ берега р. Толы, близъ урочища Цаганъ-Цегенъ, рассказываетъ про ургинскія дѣла, отмѣчаетъ, какъ, съ выѣздомъ изъ Урги хутухты, столица Монголіи пустѣетъ, и жизнь въ ней замираетъ. «И такъ все съ хутухтою, ничего безъ него», пишетъ Клеменцъ: «все для него, уроженца далекаго Тибета, ничего—для своихъ, для себя. Религія, рожденная подъ жаркимъ небомъ Индіи, въ умахъ созерцателей, размышлявшихъ дни и ночи о суетѣ мірской и о ничтожествѣ всего земного; потомъ хитрый Китай, безсильный, но обладающій великою способностью обезсилить всѣхъ и вся, приходящихъ въ соприкосновеніе съ нимъ—убили всякое національное и гражданское чувство въ Монголіи. Ни религія нирва-

ны, нирабское деспотическое государство не могли убить привязанности къ жизни, но зато они, твердя постоянно о призрачности всего сущаго и о тупомъ повиновеніи чужеземному деспоту, успѣли заглушить стремленіе ко всему высокому въ жизни, къ тому, что дѣлаетъ человѣка мыслителемъ и гражданиномъ. Одно—недозволено, другое—призрачное, скоропреходящее; и отъ человѣка осталось только животное, соблюдающее обряды, боящееся ламъ и чиновниковъ и заботящееся только о самомъ себѣ, объ обезпеченіи животныхъ потребностей. Таковы результаты не буддизма, а клерикализма, не китаизма, а деспотизма въ связи съ всемогуществомъ бюрократіи».

Въ этомъ же письмѣ Клеменцъ рассказываетъ о томъ, что весною 1895 г. онъ сдѣлалъ небольшую экскурсію въ Восточную Монголію, за Керуленъ, въ поискахъ руническихъ надписей. Надписи были найдены и сняты. Кромѣ этого, были найдены древнія тюркскія могилы, фигурные камни, каменные бабы. По мнѣнію Клеменца, мѣстность за Керуленомъ не является еще предѣломъ распространенія древне-тюркской культуры. Будущій изслѣдователь, вѣроятно, опредѣлитъ границу ея гдѣ-нибудь около Хайлара, а, можетъ быть, и у подножія Хингана.

Въ письмѣ изъ Улясутая Клеменцъ описываетъ свое восхожденіе на гору Бага Хаирхалъ, гдѣ онъ нашелъ горный ледъ и зачаточную морену. Въ этомъ же письмѣ онъ даетъ свѣдѣнія о состояніи русской торговли въ Улясутаѣ.

Въ письмѣ изъ Кобдо отъ 3 октября 1895 г. неутомимый путешественникъ сообщаетъ о своемъ путешествіи изъ Улясутая къ хребту Ханъ-Хухей, описываетъ затѣмъ видѣнный имъ праздникъ въ честь знаменитаго знамени Чингисхана (въ Логунъ хуре) и даетъ свѣдѣнія о способахъ управленія Логуновскимъ хошуномъ.

Въ послѣднемъ письмѣ Клеменцъ описываетъ свою встрѣчу съ дюрбютами, баитами, хоттонцами; подробнѣе останавливается онъ на послѣднихъ. Указывая на индо-европейскій типъ хоттонца, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «почтенный Потанинъ прямо, безо всякихъ оговорокъ, причисляетъ хоттоновъ къ тюркамъ, но объ этомъ можно еще поспорить».

Въ этомъ же письмѣ Клеменцъ указываетъ на значеніе А. В. Потаниной, какъ сотрудника ея знаменитаго мужа въ путешествіяхъ по внутренней Азіи.

Всѣ эти письма Д. А. Клеменца представляютъ большой интересъ въ различныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что дневники его до сихъ поръ остаются не напечатанными, и едва ли и будутъ когда-либо напечатаны.

38. Дмитрій Клеменць. Краткій отчетъ о путешествіи Д. Клеменца по Монголіи за 1894 годъ. (Урга, 28 сентября 1894 г.) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, томъ III, № 3. 1894 г., стр. 261—274.

Этотъ краткій отчетъ о путешествіи Клеменца по Монголіи въ 1894 г. содержитъ въ себѣ описаніе маршрута пройденнаго путешественникомъ пути, съ изложеніемъ археологическихъ и геологическихъ наблюденій. Вышеприведенныя письма Клеменца могутъ служить иллюстраціями къ этому отчету.

39. О ледникахъ Монголіи. (Сообщеніе въ общемъ Собраніи членовъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Геогр. О-ва 2 апрѣля 1896 г.) „Протоколъ“, стр. 5-16.

Указавъ на слабое изученіе Монголіи въ геологич. отношеніи, на громаднй интересъ изученія ледниковъ, приведя всѣ извѣстныя данныя о ледникахъ Монголіи и сосѣднихъ съ нею частей Сибири, Клем-ць сообщилъ о его специальной поѣздкѣ изъ Улясутая на группу Отхон-хаирхан-тэнгри въ Хангаѣ, гдѣ находятся ледники, и гдѣ онъ обслѣдовалъ маленькій висячій ледникъ на Бага-богдо.

40. Д. К. Новая стадія Мультианскаго дѣла. Восточное Обозрѣніе. 1896 г. № 28.

Эта статья Клеменца написана по поводу переноса извѣстнаго Мультианскаго дѣла въ Казанскій Окружный Судъ. Въ ней авторъ подробно останавливается на этнографической экспертизѣ проф. Смирнова.

41. Д. К. Письма съ дороги. Восточное Обозрѣніе, 1896 года № № 6 и 8.

Въ этихъ письмахъ Клеменць описываетъ городъ Кобдо и его окрестности, даетъ свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ и скупкѣ русскими торговцами шерсти и сурка. Затѣмъ сообщаетъ о своемъ переѣздѣ изъ Кобдо въ Улясутай и изъ Улясутая въ Ургу, рисуя картину зимняго путешествія по Монголіи.

42. Д. Клеменцъ. Отдѣльная экскурсія въ Восточную Монголію. Доложено въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія 6-го сентября 1895 г.). Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1896 г., т. IV, № 1.

Весною 1895 года Д. А. Клеменцъ совершилъ отдѣльную экскурсію въ Восточную Монголію, гдѣ къ востоку отъ Керулена, въ долину р. Сенкиръ, онъ нашелъ руническую надпись, каменную тукюэсскую могилу и другіе археологическіе памятники. Упомянутая въ заголовкѣ работа Д. А. Клеменца и представляетъ изъ себя краткій отчетъ объ этой его экскурсіи. На основаніи новыхъ археологическихъ изысканій Клеменцъ пришелъ къ заключенію, что тукюэсское вліяніе и культура распространялись къ востоку гораздо далѣе, чѣмъ предполагалось. Границу его надобно искать близъ склоновъ Большого Хингана; востокъ Монголіи, какъ и Забайкальская область, переживали тѣ же стадіи и тѣ же формы культурнаго развитія, какъ Большой и Малый Алтай и Тарбагатай. Это выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о громадной роли турецкихъ племенъ въ раннюю пору культурнаго развитія сѣвера Азіи.

43. Замѣтка о потухшихъ вулканахъ въ Хангаѣ. (Съ таблицей). Въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отдѣла Геогр. Общ-ва“ за 1897 годъ, т. XXVIII, № 2, стр. 157—159.

Это—маленькая замѣтка, посланная изъ Монголіи, о найденныхъ въ районѣ озера Цаган-Терхин-норъ базальтовыхъ вулканчикахъ, съ описаніемъ ихъ строенія.

44. Д. А. Клеменцъ. Письмо отъ 30 октября 1898 г. изъ Чугучака. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1899 годъ, т. X, № 1, стр. II—VI.

Академія Наукъ, взявъ въ свои руки изслѣдованіе древностей Монголіи, снарядила въ 1898 году небольшую экспедицію для предварительнаго изслѣдованія Турфанскаго края, бывшаго еще до начала христіанской эры однимъ изъ центровъ культурной жизни въ средней Азіи. Завѣдующимъ экспедиціей былъ назначенъ Д. А. Клеменцъ, бывший къ этому времени уже ученымъ хранителемъ Музея по антропологии и этнографіи. Въ составъ этой экспедиціи вошли затѣмъ Е. Н. Клеменцъ, командированная Императорскимъ Ботаническимъ садомъ для гербаризаціи,

и преподаватель мѣстныхъ языковъ при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ М. С. Андреевъ. Экспедиція дала богатѣйшіе результаты, о которыхъ вкратцѣ и сообщаетъ Д. А. Клеменцъ въ своемъ письмѣ изъ Чугучака. (См. также предварительное сообщеніе Д. А. Клеменца объ этой экспедиціи въ запискахъ Вост. Отдѣленія И. Р. Археологич. О-ва, т. XII, вып. I. СПБ. 1899 г.)

45. *Nachrichten über die von der K. Akademie der Wissenschaften zu S. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft 1, 1899. Turfan und seine Alterthümer, cmp. 1—53.*

Эта работа Д. А. Клеменца представляетъ его отчетъ по Турфанской экспедиціи. (См. помѣщенную въ настоящемъ томѣ статью В. А. Обручева, стр. 12 и 30).

46. *Voyages de Dmitri Klemenetz en Mongolie occidentale de 1885 d 1897. Bull. de la Soc. de Geographie. Paris. 1899.*

Здѣсь приведены Д. А. Клеменцемъ свѣдѣнія о всѣхъ его экспедиціяхъ по Монголіи (см. помѣщенную въ настоящемъ томѣ статью В. А. Обручева, стр. 6, 11, 19, 20, 26 и 28).

47. Д. Клеменцъ. Предисловіе къ труду „Матеріалы для исторіи этнографическихъ и антропологическихъ коллекцій И. Академіи Наукъ“. Объясненіе встрѣчающихся въ инструкціи Миллера словъ. Сборникъ музея по антропологии и этнографіи при И. Академіи Наукъ. СПБ. 1900 г., т. I.

Въ сборникѣ напечатано «наставленіе о томъ, на что слѣдуетъ обращать вниманіе при описаніи народовъ, въ особенности Сибирскихъ», составленное академикомъ Гебгардтомъ Фридрихомъ Миллеромъ для адъюнкта Фишера. Это наставленіе составляетъ шестую и послѣднюю часть обширной общей инструкціи Миллера, полный текстъ которой хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Предисловіе къ выпускаемымъ въ свѣтъ матеріаламъ по исторіи русской этнографіи составлено Д. А. Клеменцемъ. Послѣдній, между прочимъ, указываетъ на знакомство Палласа съ инструкціей Миллера и полагаетъ, что это знакомство отразилось на трудахъ Палласа. Клеменцемъ же даны и объясненія встрѣчающихся въ инструкціи Миллера мало-понятныхъ словъ.

48. „Отзывъ о трудахъ В. А. Обручева“, доложенный въ комиссіи по присужденію медалей въ 1900 г. Въ „Отчетъ Имп. Русск. Географич. Общества за 1900 г.“, стр. 2—21.

Уже одно то, что о трудахъ такого выдающагося русскаго геолога поручено было дать отзывъ Д. А. Клеменцу, показываетъ, какъ цѣнились въ ученомъ мірѣ его знанія въ этой области. Среди рецензій, какія обычно даются въ комиссіяхъ Географ. О-ва по присужденію медалей, рецензія Клем-ца выходитъ изъ ряда вонъ, сама по себѣ представляя интересную работу автора по геологическому строенію Центральной Азіи, чѣмъ онъ самъ интересовался и занимался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изслѣдуя и освѣщая наиболѣе темные въ геологическомъ отношеніи уголки Монголіи. Основательно проштудировавъ многіе десятки работъ Обручева (списокъ 82 трудовъ Кл-цъ привелъ на стран. 17—21 вслѣдъ за своей рецензіей), Кл-цъ далъ компетентную оцѣнку значенія трудовъ Обручева и его дарованія, послѣ чего онъ былъ награжденъ Константиновской медалью, — высшей наградой Общества.

49. Д. Клеменцъ. Новое предпріятіе. С.-Петербургскія Вѣдомости. 1908 годъ. № 187.

Въ этой статьѣ Клеменцъ останавливается на одной изъ сторонъ будущаго таежнаго хозяйства Сибири, именно звѣроводствѣ. Эта отрасль промышленности рекомендуется имъ для обитающихъ въ тайгѣ сибирскихъ инородцевъ, при условіи осторожнаго отношенія къ стародавнему ихъ быту.

50. „Изъ впечатлѣній во время лѣтней поѣздки въ Алтай въ 1904 году“. Въ „Извѣстіяхъ Русск. Географич. Общества“ за 1905 г., т. XLI, вып. I, стр. 155—159.

Въ то время уже директоръ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Имп. Александра III, Клеменцъ, заинтересовавшись религіознымъ движеніемъ на Алтаѣ и проповѣдью безграмотнаго калмыка Чета Челпанова, поѣхалъ на Алтай, какъ для ознакомленія съ этимъ движеніемъ, такъ напугавшимъ представителей свѣтской и духовной власти, такъ и для собиранія матеріала по шаманскому культу для Музея. Онъ не видѣлъ ни Чета Челпанова, ни ближайшихъ его сподвижниковъ, посаженныхъ въ острогъ, но онъ убѣдился, что не было никакихъ ра-

зумныхъ основаній для власти усмотрѣть въ этомъ движеніи какую-то опасность для русскаго населенія и подозрѣвать возможность возстанія калмыковъ. Этотъ матеріалъ, хорошо иллюстрированный, и былъ предметомъ доклада въ Геогр. Об-вѣ.

51. „Бѣглыя замѣтки о желтой опасности“. Статья въ „Русск. Богатствѣ“ за 1905 г., № 7, стр. 36—56.

Тема, затронутая Клем-цемъ въ этой статьѣ, и сейчасъ представляетъ интересъ. Онъ не раздѣляетъ страховъ на счетъ того, что наплывъ некультурныхъ элементовъ желтой расы, въ видѣ китайскихъ кули, въ Европу и Америку, можетъ «задушить культуру, а метисація понизить тонъ благородной индо-германской расы», и рассматриваетъ «желтую опасность», какъ соціальное явленіе. Статья написана интересно, съ большимъ знаніемъ предмета.

Кл-цъ говоритъ, что перенаселенія Китая, которое заставляло бы избытокъ населенія вытекать въ Европу и Америку, нѣтъ,—что въ застѣнномъ Китаѣ оно поддерживается искусственно запрещеніемъ здѣсь колонизаціи манчжурской династіей. Наконецъ, житель теплаго, подтропическаго климата, воздѣлывающій южныя растенія, не поѣдетъ въ суровый климатъ. А, кромѣ того, ископаемая богатства Монголіи, ея годныя для культуры земли, ея каменноугольный районъ еще не тронуты, и они могутъ отвлечь массу рабочихъ рукъ. «Съ общечеловѣческой точки зрѣнія, въ интересахъ всѣхъ обитателей нашей планеты, существованіе многочисленной трудолюбивой и даровитой расы, приспособленной къ жизни въ горячемъ климатѣ, является не помѣхой, не угрозой, а неоцѣненнымъ благомъ». Опасаться нашествія Китая съ Японіей на Европу нечего. Панмонголизмъ—«величайшая нелѣпость, неосуществимая утопія». «Въ такъ называемомъ панмонголизмѣ кровное родство между отдѣльными народами слишкомъ далекое». «Японія теперь по учрежденіямъ, по направленію культуры ближе къ Европѣ, нежели къ Китаю». Путемъ разсужденій и примѣровъ Кл-цъ показываетъ, что отрицать творческія способности у какихъ бы то ни было живущихъ расъ и принижать ихъ нельзя, ибо уже въ незапамятныя времена первобытные люди проявили эти способности и передали человѣчеству массу важнѣйшихъ открытій. И потому нельзя приписывать особая дарованія арійскимъ племенамъ

и только ихъ считать творцами современной культуры. Кл-цъ приводитъ въ примѣръ Америку, у которой нѣтъ первоклассныхъ именъ въ области науки и литературы, а въ области пластики и живописи нѣтъ ни американской школы, ни выдающихся художниковъ, какъ и въ Японіи, а потому кичиться преимуществами аріійской расы передъ желтой нѣтъ основанія.

Нашествіемъ на Европу и гегемоніей «низшихъ племенъ» только пугаютъ; Клеменць со всей силой аргументаціи доказываетъ несостоятельность этихъ страховъ, также какъ и страховъ японской промышленной конкуренціи, которые считаетъ сильно преувеличенными. Обрушивается онъ и на тѣхъ, кто боится, что Японія потѣснитъ европейцевъ въ ихъ колоніяхъ. Завоеваніе и хозяйничанье европейцевъ въ колоніяхъ съ цвѣтнокожимъ населеніемъ Кл-цъ считаетъ такой подлой авантюрой, что находитъ, что лучше будетъ, если прекратятся тѣ отвратительные подвиги «соотечественниковъ Руссо, Виктора Гюго, Канта и Гельмгольца», которые они тамъ продѣлываютъ, и если бы они «избавили цвѣтныхъ людей отъ своего просвѣтительно-гуманитарнаго вліянія».—«Если европейцы желаютъ имѣть свои колоніи въ экзотическихъ странахъ, то самый вѣрный путь къ этому будетъ заключаться въ слѣдующемъ: нужно и послѣдніе два баталіона солдатъ вывести изъ страны, а вмѣсто нихъ послать четыре баталіона учителей, техниковъ и агрономовъ. Тогда ни Японія, ни Китай не будутъ страшны представителямъ бѣлой расы».

Обращаясь къ положенію Россіи, въ виду ея близости къ просыпающейся Азіи, и несмотря на второй годъ шедшую войну, не закончившуюся, когда Клем-цъ писалъ свою статью, онъ удивительно трезво и проникновенно разбирается въ самыхъ сложныхъ вопросахъ. Не видя особой опасности со стороны желтыхъ, онъ находитъ, что «весьма возможно, что и съ Японіей мы ведемъ первую и послѣднюю войну», что мы съ ней связаны экономически, ей нужны наши сѣверныя рыбныя ловли, ей нуженъ заработокъ для тысячъ японцевъ въ областяхъ Амурской и Приморской. Кл-цъ находитъ, что возможное «столкновение съ Германіей во всѣхъ отношеніяхъ въ десятки разъ страшнѣе», чѣмъ съ Японіей. Для колонизируемаго Амурскаго края сосѣдство Японіи, кишашей ремесленниками, Клеменць считаетъ «настоящимъ даромъ боговъ». То, что Японія разви-

ла тысячелѣтную культуру на островахъ восточнаго океана, это—благо; «Японія существуетъ, благодаря мелкой интенсивной культурѣ, равной которой нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Какъ бы справились съ этой задачей мы и во сколько вѣковъ?» спрашиваетъ Кл-цъ. Вотъ у насъ Сахалинъ. Что мы на немъ сдѣлали? «Сахалинъ для насъ только каторжная колонія, которая сама себя прокормить не можетъ». Клем-цъ заключаетъ свою статью такъ: «Мы должны, во что бы ни стало, стать вровень съ культурой европейской..... роль наша въ центрѣ континента становится особенно серьезной и важной, въ виду культурнаго воскресенія Востока. Не сегодня, такъ завтра намъ необходимо будетъ подготовиться къ этой роли».

52. „Г. Н. Потанинъ“. Статья въ № 9 „Русскаго Богатства“ за 1905 г., стр. 183—188.

Поводомъ къ этой статьѣ было исполнившееся 21 сентября 1905 г. семидесятилѣтіе со дня рожденія «сибирскаго ученаго и общественнаго дѣятеля».

Я не знаю лучшей характеристики Потанина, столь мѣткой, проникновенной, столь тепло написанной, чѣмъ эта маленькая, на 6 страничкахъ, характеристика самаго большого человѣка въ Сибири. Потанина знаетъ вся интеллигенція Сибири отъ Урала до океана, у него множество друзей среди земляковъ, но никто изъ послѣднихъ не выяснилъ съ такой отчетливостью дорогого каждому сибиряку облика, какъ этотъ невольный житель Сибири, котораго капризная судьба связала съ этой чуждой ему до тѣхъ поръ страной... Вотъ нѣсколько штриховъ изъ этой характеристики Клеменца.

«Мало кому изъ русскихъ дѣятелей удавалось дожить до такого возраста, еще меньше такихъ, которымъ удастся сохранить способность и любовь къ труду вмѣстѣ съ любовью къ людямъ и душевную свѣжесть, до сихъ поръ привлекающія къ Потанину всѣхъ, въ комъ осталась хоть частица подобныхъ свойствъ..... У Григорія Николаевича столько же друзей между пожилыми людьми, его сверстниками, сколько и среди младшихъ поколѣній, вплоть до юношей..... Сходиться съ людьми, чтобы просвѣщать ихъ, звать ихъ къ свѣту—любимое занятіе Потанина..... Впослѣдствіи я былъ свидѣтелемъ того, какъ Гр. Ник. изъ простыхъ бурятъ формировалъ цѣнныхъ сотрудниковъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла Географич. Общества».

Остановливаясь на біографическихъ штрихахъ изъ жизни Потанина, Кл-цъ умѣетъ выбрать самое характерное, чтобы нарисовать яркій обликъ Потанина.

Дикое, нелѣпое до ужаса дѣло по обвиненію въ заговорѣ объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи, стоившее Потанину приговора къ смертной казни, замѣненной каторгой для него и ссылкой для группы его единомышленниковъ, до сихъ поръ остававшееся темнымъ и неяснымъ не только для широкой публики, а и для самихъ потерпѣвшихъ, въ освѣщеніи Клеменца получаетъ впервые близкое къ правдѣ объясненіе. «Въ существѣ дѣла никакого сепаратистскаго плана и не было, были только толки о томъ, что для Сибири нужны свободныя учрежденія. Это движеніе было просто отголоскомъ въ Сибири тѣхъ вопросовъ, которые занимали умы лучшихъ государств. людей въ Россіи. Это были вопросы о земщинѣ. Если въ Россіи найдено было невозможнымъ оставить хозяйство и управленіе обширными областями въ рукахъ канцелярій, земскихъ судовъ и губернаторовъ, то въ Сибири подобная реформа была еще настоятельнѣе, и ненормальность канцелярскаго порядка тамъ чувствовалась гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ русскихъ губерніяхъ чиновничество, особенно низшее, было мѣстное. Въ Сибирь же заманивались чиновники разными льготами..... Ъдущій туда рѣдко заинтересовывался краемъ. Онъ ѣхалъ дѣлать карьеру, пріобрѣсти состояніе и затѣмъ бросить эту каторжную страну. Карательная ссылка и каторга удручали и разоряли населеніе. Въ деревни и волости приписывали форменныхъ негодяевъ безъ всякаго спроса у общества... Видя все это, молодежь не могла не скорбѣть о судьбѣ привольнаго края и его трудолюбиваго, стойкаго и предприимчиваго населенія» «Образованное общество чувствовало настоятельную потребность въ реформахъ; оно мечтало о поднятіи края, о созданіи компетентной и близкой къ нуждамъ его администраціи, объ университетѣ (лекціи Ядринцева), о народныхъ школахъ, о самоуправленіи..... Для насъ поэтому не совсѣмъ понятнымъ кажется то суровое отношеніе, которое проявила власть къ молодымъ сибирскимъ дѣятелямъ. Кажется, тутъ сыграли главную роль обстоятельства, совершенно чуждыя Сибири. Польское возстаніе породило вопросъ о сепаратизмѣ; съ Польши онъ воинствующей прессой былъ перенесенъ съ чисто преступнымъ легкомысліемъ на всѣ окраины. Сепаратизмъ усматривался

всюду, и стремленія сибирской молодежи, которая многихъ за-
дѣвали, многихъ обличали, были подведены подъ обухъ сепара-
тизма». И военный судъ приговорилъ группу молодыхъ сибиря-
ковъ къ смерти, замѣнивъ потомъ это наказаніе каторгой и
ссылкой.

«Никто не подумалъ, замѣчаетъ Клеменць, о томъ, нѣтъ
ли въ планахъ молодыхъ людей кое—чего, кромѣ преступныхъ
намѣреній? Нѣтъ ли въ ихъ наивныхъ мечтахъ отголоска дѣй-
ствительныхъ нуждъ края, не нашедшихъ еще своихъ вырази-
телей?»

Потанинъ ко всему этому отнесся съ такимъ спокойстві-
емъ и кротостью, что во время содержанія подъ арестомъ на
гауптвахтѣ это «наказаніе превратилъ въ развлеченіе и при-
нялся разбирать старый архивъ, оказавшійся въ арестномъ до-
мѣ»..... «Отъ товарища Потанина по несчастью, покойнаго
Ядринцева, мы знаемъ, что за этой мягкостью, спокойствіемъ и
кротостью крылась невидимая, но громадная нравственная сила».

«Съ 1876 года начинается, продолжаетъ Клеменць, пері-
одъ экспедицій Потанина въ Монголію и юго-западный Китай
къ окраинамъ Тибета и продолжается съ небольшими переры-
вами до 1894 г. включительно. Много было и другихъ экспеди-
цій въ восточную Азію, большинство ихъ принадлежитъ къ чис-
лу первоклассныхъ работъ этого рода; но, не уменьшая ничьихъ
заслугъ, мы всетаки скажемъ, что вообще Потанинъ еще ждетъ
своей оцѣнки. Достаточно сказать, что теперь изученіе Монго-
ліи безъ работъ Потанина абсолютно немыслимо. Къ нимъ об-
ратится и натуралистъ, и историкъ, и этнографъ..... Крат-
кость и подробность, умѣнье схватить и изложить многое въ
краткихъ словахъ, отсутствіе всякаго краснобайства и интерес-
ничанья—всѣ эти драгоцѣнныя черты старыхъ путешественниковъ,
въ родѣ Палласа и Гмелина, мы видимъ въ Потанинѣ.....
Онъ въ своихъ экспедиціяхъ думалъ не только о томъ, что
онъ привезетъ съ собою домой, но и о томъ, что самъ онъ
принесетъ въ далекіе края. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ настоя-
щимъ апостоломъ цивилизаціи и гуманности..... Та же отзыв-
чивость, тотъ же интересъ ко всему свѣжему и живому въ нау-
кѣ и жизни составляютъ до сихъ поръ преобладающія черты
его вкусовъ и характера.... Въ бытность свою Правителемъ
дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географ. Об-ва съ 1887 по 1889

годъ, Потанинъ положительно оживилъ это учрежденіе. Но[напра-
сно было бы думать, что Потанинъ наполнилъ Отдѣлъ самимъ
собой, своими трудами. Его самого почти не видно въ этомъ
періодѣ его кипучей дѣятельности. Онъ желалъ и умѣлъ да-
вать работу другимъ, и только человѣкъ, близко знакомый съ дѣ-
ломъ, могъ разглядѣть, что за всѣмъ этимъ стоитъ руководя-
щая личность, вкладывающая неизмѣримо больше труда въ эти
черновыя работы, чѣмъ сами авторы. Не одинъ географическій
Отдѣлъ, но и вся общественная жизнь Сибири живо интересова-
ла Григорія Николаевича. Онъ никогда не былъ и не могъ сдѣ-
латься присяжнымъ спеціалистомъ по чистой наукѣ и не же-
лалъ этого. Его сильно интересовала и захватывала жизнь.
Оттого его такъ любила молодежь».

**53 Д. А. Клеменць. Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій (некро-
логъ). Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества
при И. С.-Петербургскомъ Университетѣ, т. I, СПБ. 1905 годъ,
стр. 256—258.**

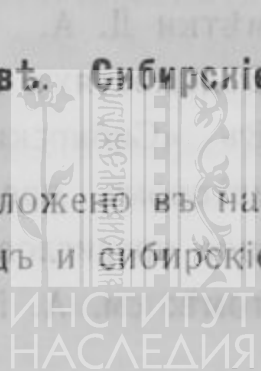
Замѣтка посвящена памяти скончавшагося 18 декабря
1903 года ученаго этнолога, литератора и педагога Д. А. Ко-
ропчевскаго.

**54. Д. А. Клеменць. Николай Михайловичъ Мартьяновъ (некро-
логъ). Извѣстія И. Р. Географическаго Общества, т. XL, СПБ.
1905 г.**

Составленный Д. А. Клеменцемъ некрологъ Н. М. Мартъ-
янова былъ прочитанъ на соединенномъ засѣданіи отдѣленія
географіи математической и отдѣленія географіи физической,
20 декабря 1914 г. Некрологъ содержитъ въ себѣ біографиче-
скія свѣдѣнія о Н. М. Мартьяновѣ и снабженъ спискомъ лите-
ратурныхъ работъ послѣдняго.

**55. Д. Клеменць. Пессимизмъ на бурятской почвѣ. Сибирскіе
вопросы. 1907 г., № 10.**

Содержаніе этой статьи Д. А. Клеменца изложено въ на-
стоящемъ томѣ. См. А. Мэргенъ. «Д. А. Клеменць и сибирскіе
инородцы».

56. Д. Клеменцъ. Населеніе Сибири. Сборникъ статей подъ редакціей І. С. Мельника. „Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды“. СПБ. 1908 г. Изданіе А. Ф. Девріена, стр. 37-78.

Въ этой статьѣ Д. А. Клеменцемъ даны общія свѣдѣнія о населеніи Сибири. Въ началѣ приводятся данныя о сравнительной плотности населенія нашей окраины. Затѣмъ идетъ краткій историческій очеркъ, излагающій ходъ ознакомленія русскихъ съ Сибирью. Слѣдующая глава излагаетъ исторію колонизаціи Сибири. Въ этой главѣ Д. А. Клеменцъ даетъ характеристику русскаго населенія Сибири; указывая, что сибирякъ обладаетъ тѣми отличительными свойствами, которыя вырабатываются вообще у колонистовъ въ дальнихъ странахъ среди суровой природы, Д. А. Клеменцъ отмѣчаетъ предприимчивость сибиряка, привычку полагаться на себя, его суровость, любознательность и уваженіе къ знающимъ людямъ и знанію. Послѣдняя и самая значительная глава посвящается инородцамъ Сибири. Клеменцъ касается вопроса о классификаціи сибирскихъ инородцевъ, сообщаетъ свѣдѣнія объ ихъ численности, составѣ и занятіяхъ.

57. Альтерно (въ сотрудничествѣ съ А. А. Макаренко). Новый сборникъ статей о Сибири. Сибирскіе вопросы. 1908 г., №№ 33--34.

Эта статья представляетъ обширную рецензію на изданный подъ редакцію І. С. Мельника сборникъ «Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды». (СПБ. изд. А. Ф. Девріена. 1908 г.)

58. Д. А. Клеменцъ. Запѣтки о ночевомъ бытѣ. Сибирскіе Вопросы. 1908 г. №№ 49—52.

Первоначально эти въ высокой степени интересныя запѣтки Д. А. Клеменца были напечатаны въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1903 годъ. (см. №№ 5, 24, 86, 98, 100 и 132). Въ «Сибирскихъ Вопросахъ» они перепечатаны полностью; авторомъ предпослано лишь здѣсь этимъ запѣткамъ небольшое предисловіе. Содержаніе запѣтокъ изложено въ настоящемъ томѣ: см. А. Мэргенъ «Д. А. Клеменцъ и сибирскіе инородцы».

59. Д. А. Клеменць. Замѣтки нъ маршруту Чанъ-чуня. Сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина. Записки И. Р. Географическаго Общества по этнографіи, т. XXXIV, стр. 445—464.

Въ этомъ трудѣ Д. А. Клеменць даетъ свои поясненія къ маршруту Чанъ-чуня, даосскаго отшельника, совершившаго въ 1221—1224 г.г. большое путешествіе по средней Азіи. Клеменць комментируетъ этотъ маршрутъ, поскольку онъ не выходитъ изъ предѣловъ Монголіи и касается Хангая и монгольскаго Алтая. Работа эта была написана въ Clarens'ѣ и помѣчена апрѣлемъ мѣсяцемъ 1908 года.

60. Д. Клеменць. На текущія темы. Сибирскіе вопросы. 1909 годъ, № 1.

Въ небольшой журнальной замѣткѣ Клеменць снова поднимаетъ вопросъ о необходимости промышленнаго звѣроводства на крайнемъ сѣверѣ Сибири. Заканчиваетъ свою замѣтку онъ слѣдующимъ соображеніемъ: «Безусловно, земледѣліе—вещь крайне важная, но земля всегда будетъ у насъ. Съ приложеніемъ интенсивныхъ способовъ обработки мы всегда будемъ имѣть хлѣбъ; но промысловыхъ звѣрей, если они выведутся, снова возродить нельзя. Были рѣчные бобры на Маломъ Абаканѣ: объ этомъ свидѣлствуютъ остатки жилищъ ихъ. Остались они въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ верхняго Енисея; но отсюда много-много привозятъ шкурокъ десять-пятнадцать въ годъ. Соболь въ томскихъ тайгахъ сталъ большою рѣдкостью. Варварская русская манера срубить кедры, заведенная переселенцами, скоро выведетъ и бѣлку».

61. Д. А. Клеменць. О взаимныхъ вліяніяхъ между ламаизмомъ и бурятскимъ шаманствомъ. Этнографическое Обозрѣніе. 1910 годъ, книга 83, стр. 25—31.

На эту тему былъ прочитанъ Клеменцемъ докладъ на засѣданіи подсекціи этнографіи XII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ. Въ этомъ докладѣ онъ освѣщаетъ вопросъ о взаимныхъ вліяніяхъ между сѣвернымъ буддизмомъ и шаманствомъ, поскольку послѣднее сохранилось у инородцевъ Сибири и Монголіи, главнымъ образомъ, у бурятъ. Вліяніе шаманизма на ламаизмъ Д. А. Клеменць замѣчаетъ въ покровительствѣ ламъ такъ называемымъ «обонамъ» (молитвеннымъ

шалашамъ), посвященіи животныхъ обоготвореннымъ личностямъ буддизма и пр. Причину живучести шаманизма въ данномъ случаѣ можно усмотрѣть, между прочимъ, въ пристрастіи сѣвернаго буддизма къ тибетскому языку. Вслѣдствіе этого пристрастія ламы лишили свою паству всего того, что имѣется высокаго въ ученіи Сакья-Муни. Обратное вліяніе, ламаизма на шаманизмъ, Клеменць видитъ въ миѳологіи шаманистовъ, на которой отразилось, напримѣръ, ламайское ученіе о грозныхъ богахъ, но это вліяніе было чисто внѣшнимъ. Въ заключеніи своего доклада, Клеменць касается вопроса о судьбахъ шаманизма въ Сибири, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности на Алтаѣ калмыка Четы Челпанова и высказываетъ пожеланіе, чтобы русскіе этнографы обратили вниманіе на этнографическую экспертизу въ судахъ. Среди инородцевъ имѣется свое обычное право, свои религиозныя представленія и обряды, извѣстнаго рода взаимныя отношенія съ русскимъ населеніемъ. Все это во многихъ случаяхъ можетъ быть предметомъ судебного разбирательства, а отъ юриста—судьи нельзя требовать этнографическихъ познаній.

62. Д. А. Клеменць и М. Н. Хангаловъ. Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ. Матеріалы по этнографіи Россіи. Томъ I, СПБ. 1910 г., стр. 117—154.

Извѣстный изслѣдователь бурятскаго быта, М. Н. Хангаловъ, уже давно занимающійся изученіемъ общественныхъ охотъ, нѣкогда бывшихъ главнымъ источникомъ пропитанія бурятъ, помѣстилъ описаніе старинныхъ бурятскихъ облавъ на звѣрей въ «Извѣстіяхъ» Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Географическаго О-ва, но въ сокращенной формѣ. Желая ознакомить этнографовъ возможно полнѣе съ культурно-историческимъ этюдомъ М. Н. Хангалова, Клеменць выписалъ отъ него рукопись, посвященную облавѣ. По словамъ Клеменца, Хангаловъ, къ сожалѣнію, затерялъ свою старую рукопись, которая представляла собою энциклопедію бурятскаго быта. Новая была, очевидно, возстановлена авторомъ по памяти. Вслѣдствіе этого обстоятельства, Клеменць рѣшилъ дополнить изложеніе Хангалова тѣми свѣдѣніями, которыя онъ собралъ лично у другихъ бурятъ, забайкальскихъ, и, кромѣ того, для округленія вопроса, написалъ введеніе къ

этюду г. Хангалова, въ которомъ онъ сдѣлалъ попытку освѣтить вопросъ съ этнологической стороны. Это введеніе занимаетъ 13 страницъ общей работы Д. А. Клеменца и М. Н. Хангалова.

63. Д. Клеменць. Объ укрѣпленіи русскаго вліянія въ Монголіи. Сибирскіе Вопросы. 1909 г. №№ 51—52.

Эта статья Клеменца была вызвана появившимися въ газетахъ извѣстіями о томъ, что въ министерствѣ торговли и промышленности предстоитъ обсужденіе вопроса объ укрѣпленіи русскаго торговаго вліянія въ Монголіи. Въ статьѣ приведены интересныя свѣдѣнія о ходѣ развитія русской торговли въ Монголіи и о препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ эта торговля. Обо многомъ Клеменць говоритъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій.

64. Д. А. Клеменць. Buriats. Encyclopaedia of religion and ethics. Ed. by James Hastings. Vol. 3. 1910 (p. p. 1—17).

Эта статья Клеменца была написана для названной энциклопедіи еще въ 1906 году. Вышла же въ свѣтъ она только въ 1910 году въ 3-мъ томѣ этой энциклопедіи. По отзыву Н. Могилянскаго, эта работа Д. А. Клеменца заключаетъ въ себѣ весьма содержательный очеркъ религіозныхъ воззрѣній бурятъ, ихъ примитивныхъ анимистическихъ представленій, широко практикуемаго культа обширнаго пантеона божествъ, шаманизма, жертвоприношеній и позднѣйшаго ламаизма монголс-тибетскаго происхожденія. (См. Н. Могилянскій. Памяти Д. А. Клеменца. Матеріалы по этнографіи Россіи. Томъ II. Петроградъ 1914 г.).

65. Нургали. Изъ воспоминаній о Монголіи. Сибирскіе вопросы. 1910 г., № 37—38.

Здѣсь Клеменць дѣлится воспоминаніями изъ своего путешествія по Монголіи въ 1895 году, описывая праздникъ бѣлаго знамени Чингисхана во владѣніяхъ князя Логуна и эпизодъ съ появленіемъ въ Монголіи калмыцкаго ламы, мечтавшаго объ освобожденіи монгольскаго народа отъ китайскаго ига.

66. Д. К. Къ переселенческому вопросу. Сибирскіе Вопросы.
1910 г., № 44.

Эту статью мы предположительно относимъ къ перу Д. А. Клеменца, не имѣя точныхъ данныхъ объ ея авторѣ. Въ ней говорится о необходимости для Минусинскаго края искусственнаго орошенія полей, дабы парализовать здѣсь дѣйствіе засухъ. Приводятся указанія на то, что къ таковому орошенію здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, уже давно прибѣгали древніе обитатели нашей окраины.*)

**А. Адриановъ и
И. Серебряниковъ.**

*) Какъ беллетристъ, Д. А. Клеменцъ сотрудничалъ въ сибирскихъ газетахъ и журналахъ подъ псевдонимомъ «Нургули». Подъ такимъ псевдонимомъ имъ помѣщены рассказы: 1) «Рождество въ развѣдкѣ» (Вост. Об. 1891 г. № 1); 2) «Карьера Косушки» (тамъ же, №№ 17—21); 3) «Подтаежные обитатели» (тамъ же, 1891 г. № 51 и 1892 г. № 5, 46 и 49); 4) «Керосиновая лампа» (тамъ же, 1891 г. № 51 и 1892 г. № 1); 5) «Какъ пропалъ Яшка Безпалый» (тамъ же, 1892 г. № 14—15); 6) «Изъ таежныхъ преданій». (Сибирскіе Вопросы. 1910 г. № 7 и № 48—49); 7) «Отшельникъ» (тамъ же, № 14—15); 8) «Молебень» (тамъ же, № 19—20); 9) «Изъ инородческихъ преданій» (тамъ же, № 25—26). 10) Въ гостяхъ у «летучки» (Сѣверный Вѣстникъ. 1890 г. № 6). Подъ псевдонимомъ «Неисправимый резонеръ» Д. А. Клеменцъ писалъ свои фельетоны въ «Восточномъ Обзорѣніи». Къ таковымъ, напримѣръ, принадлежатъ: 1) «Нѣчто о гипнотизмѣ, какъ источникѣ ложныхъ представленій о Сибири» (1890 г., № 23); 2) «Въ столичной прессѣ о Сибири» (1892 г., № 40); 3) «Нѣчто о микробахъ» (1892 г., № 13); 4) «Сибирскіе зигзаги» (1893, №№ 56, 57, 68—69). Нѣкоторые фельетоны Д. А. писалъ и въ стихахъ: напр., «Ханьшинъ и Сивуха» (въ № 14 «Вост. Обзорѣнія» за 1890 г., за подписью «Си-ханъ-ву-шинъ-ню-ха»). За полною подписью имъ были затѣмъ помѣщены въ «Восточномъ Обзорѣніи» слѣдующія газетныя статьи: «Къ вопросу объ экзаменахъ» (1891 г. № 6); «Попытка введенія ручного труда въ школы» (1891 г., № 11); «Литература опроверженій» (1893 г., № 3). Несомнѣнно, цѣлый рядъ передовицъ въ этой же газетѣ принадлежалъ перу Д. А. Въ № 5-мъ «Истор. Вѣстника» имъ была напечатана статья: «Минусинскій мѣстный музей». Нельзя затѣмъ не указать, что Д. А. Клеменцемъ былъ переведенъ съ нѣмецкаго языка трудъ В. Радлова «Ethnographische Uebersicht der Türkstämme Sibiriens und Mongolie». Его же перу принадлежатъ еще редакция, большая часть перевода и многочисленныя дополненія и примѣчанія къ большому труду Шурца «Urgeschichte der Kultur», изданному фирмою «Просвѣщеніе». Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1909 г. Д. А. Клеменцемъ были напечатаны автобіографическаго свойства замѣтки подъ общимъ заглавіемъ «Изъ прошлаго» (см. №№ 121, 167, 171, 204, 232, 267 и 285).

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЪЗДКЪ ВЪ ДОЛИНУ р. ЛЕНЫ.

Во время лѣтнихъ каникулъ 1916 года я совершилъ поѣздку въ долину р. Лены, съ цѣлью выяснить, встрѣчаются ли тамъ памятники доисторическаго періода. Первоначально я задавался значительно большимъ райономъ обслѣдованія, а именно: я предполагалъ спуститься въ лодкѣ отъ Усть-Уды внизъ по р. Ангарѣ до Братскаго острога и на этомъ пути обслѣдовать берега Ангары и Каменные острова, затѣмъ, остановившись въ Братскомъ острогѣ, списать здѣшній музей и сдѣлать рекогносцировочныя поѣздки въ окрестности, потомъ двинуться на Илимскъ и далѣе на р. Лену въ село Усть-Кутское; отсюда, двигаясь обратно, т. е. вверхъ по Ленѣ, обслѣдовать устья впадающихъ въ нее рѣкъ; на пути отъ села Жигаловскаго къ Иркутску (на лошадяхъ) свернуть въ сторону Байкала и осмотрѣть памятники, открытые въ 80 годахъ прошлаго столѣтія г. Агапитовымъ, а также и стоянку на берегу Байкала, на которой была произведена въ 1913 году раскопка Б. Э. Петри. Но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я долженъ былъ ограничить свой первоначальный планъ только р. Леной, — въ предѣлахъ между Омолоевской и Петровской станціями. Нѣкоторыя детали моего путешествія, несомнѣнно, интересны въ смыслѣ показанія, въ какихъ именно условіяхъ протекаетъ наша отечественная научная дѣятельность, но такъ какъ детали эти, по своему характеру, не вяжутся съ содержаніемъ научной замѣтки, а просятся скорѣе на страницы фельетона, то я о нихъ умолчу, тѣмъ болѣе, что цѣль моей настоящей замѣтки — дать лишь краткое сообщеніе о результатахъ произведенныхъ изслѣдованій.

Мною обследованы устья рѣкъ: Орлинги, Илги, Тутуры; во всѣхъ этихъ пунктахъ, а также и въ промежуткахъ между ними встрѣчаются каменные орудія, преимущественно нефритовые топорики, что является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что движеніе народныхъ массъ въ доисторическое время, а затѣмъ и въ историческое, шло отъ Байкало-Ангарскаго района внизъ по теченію Лены, такъ какъ мѣсторожденій нефрита на Ленѣ нѣтъ. Возлѣ села Тутуры находится курганъ, довольно значительныхъ размѣровъ, продолговатой формы, поросшій лѣсомъ; песчаная насыпь его не имѣетъ слоистости; вблизи не имѣется также рѣчныхъ дюнъ; курганъ окруженъ болотомъ. Можно заключить, что насыпь—искусственная, и что курганъ этотъ представляетъ скорѣе коллективный могильникъ, подобный китойскому могильнику—бугру, раскопанному Н. И. Витковскимъ. Пovyше Малой Воробьевки, Верхоленскаго уѣзда, на скалѣ, на высотѣ сажень 60 надъ Леной, есть памятники изобразительнаго искусства, а именно, высѣчено до двухъ съ половиною десятковъ изображеній сохатыхъ. Рисунки поражаютъ правильностью характерныхъ линій. Животныя изображены въ движеніи, идущими какъ бы по тропѣ къ водопою. Фигуры расположены одна за другой, нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ до 2,5 футовъ длины. Время значительно испортило изображенія, черезъ немного лѣтъ они совершенно исчезнутъ, какъ исчезли вблизи Кундуя, верстѣ на 6 выше села Петровскаго.

Отъ селенія Монастырскаго до Знаменки, по р. Тыпѣ, впадающей въ Илгу, встрѣчается культурный археологическій слой, что съ несомнѣнностью указываетъ на присутствіе здѣсь памятниковъ. Въ окрестностяхъ Знаменки найдено нѣкоторое количество каменныхъ орудій, а возлѣ села Монастырскаго, на поляхъ, по направленію къ деревнѣ Харлапановой, существуютъ ямы, отъ одной до двухъ сажень глубиною; объ этихъ ямахъ сохранилось у мѣстныхъ жителей преданіе, что онѣ представляютъ остатки жилищъ какого-то прежде жившаго здѣсь народа. Вблизи ямъ находятъ желѣзные стрѣлы и др. издѣлія.

Въ 4 верстахъ выше Орлинги и въ полуторыхъ верстахъ отъ Лены, въ хребтѣ, заросшемъ тайгой, я встрѣтилъ

слѣды прежнихъ шахтъ и штольню. Возлѣ находятся кучи руды, изъ которой, повидимому, выплавляли металлъ (изъ свинцоваго блеска—свинецъ и серебро); нѣсколько пониже обнаружена большая яма, на днѣ которой сохранились остатки сруба изъ лиственничныхъ бревенъ; форма сруба квадратная. Какое имѣла назначеніе яма, наполовину засыпанная теперь отложеніями весеннихъ потоковъ—сказать трудно, такъ какъ никакихъ предметовъ ни въ ней ни около не найдено. Можно предположить, что это была подземная кладовая, гдѣ сохранялись припасы. При входѣ въ штольню также уцѣлѣли лиственничные брусья, между которыми, повидимому, существовала дверь.

Что касается древности шахтъ, то она небольшая: 150—200 лѣтъ. Между прочимъ, никто изъ мѣстныхъ старожиловъ не слыхалъ ни отъ отцовъ своихъ, ни отъ дѣдовъ про то, чтобы кто-нибудь занимался здѣсь разработкою руды.

Въ деревнѣ Кундуѣ (на Ленѣ) ребяташки обнаружили въ яру костякъ, который залегалъ на самомъ взвозѣ на глубинѣ одного аршина; головой былъ обращенъ на ю-зап., лицомъ вверхъ; руки были распростерты въ стороны. Кости темныя. Вещей не найдено. Костякъ разбросанъ, а черепъ былъ повѣшенъ на колѣи служилъ цѣлью для мальчишекъ, попадавшихъ въ него камнями. (Много памятниковъ погибаетъ такимъ образомъ безслѣдно для науки). Въ этомъ же яру случайно находятъ нефритовыя и костяныя издѣлія.

Вообще, Приленскій край далеко небезынтересенъ въ археологическомъ отношеніи, и онъ ждетъ изслѣдователей.

С. А. Григорьевъ.

Д. А. КЛЕМЕНЦЪ

ВЪ

этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго Музея Императора

Александра III.

(1901—1909 г. г.).

I.

Дмитрій Александровичъ Клеменцъ, возвращаясь изъ археологической экскурсіи, совершенной имъ лѣтомъ 1888 года въ районъ писаницъ и дрезнихъ могильниковъ Кызыльской Степной Думы Енисейской губерніи Ачинскаго уѣзда, остановился на короткій срокъ въ селѣ Ужурѣ (того-же уѣзда), лежащемъ на пути его слѣдованія. Въ этомъ селѣ жили тогда тѣсной дружеской семьей политическіе изгнанники. Часть изъ нихъ вела на товарищескихъ началахъ и принципѣ полного личнаго труда небольшое сельское хозяйство, пользуясь имъ, главнымъ образомъ, какъ лучшимъ и вѣрнымъ способомъ сближенія съ мѣстнымъ крестьянствомъ, въ цѣляхъ изученія его быта и познанія его психологіи. О существованіи въ Ужурѣ «политиковъ», о ихъ хозяйствѣ и ихъ культурной работѣ среди населенія Дмитрій Александровичъ, несомнѣнно, зналъ, такъ какъ «ужурцы» находились въ близкихъ отношеніяхъ съ минусинскими товарищами и въ дѣловыхъ—съ завѣдующимъ Минусинскимъ публичнымъ музеемъ и библіотекой Н. М. Мартьяновымъ, съ которымъ Д. А. связывала и личная дружба и совмѣстная работа по устройству этого музея.

Д. А. Клеменцъ первый навесѣ визитъ колоніи «политиковъ» въ Ужурѣ.

Помню, на немъ была надѣта темная блуза съ кожанымъ кушакомъ и плисовые шаровары, запущенные въ высокіе сапоги; мягкая черная шляпа покрывала голову. Среди насъ, носившихъ крестьянскую затрапезную одежду и обувь, Д. А. казался богато одѣтымъ; на самомъ дѣлѣ это былъ простѣйшій костюмъ сибирскаго путешественника.

Вся фигура Дмитрія Александровича, впрочемъ, была проста и въ то же время необыкновенно оригинальна и привлекательна. Когда онъ говорилъ, то былъ неподражаемъ въ своей размѣренной, но живой и образной рѣчи, часто блиставшей веселымъ юморомъ, не покидавшимъ его иногда и въ разгарѣ серьезныхъ споровъ. Съ нимъ сближали людей, кромѣ того, простота обращенія, свойственное ему чувство доброжелательства, уваженіе къ личности и чужому мнѣнію, широта и прогрессивность взглядовъ, философское настроеніе творческаго ума, твердость моральныхъ и общественныхъ принциповъ. Разносторонность и основательность знаній, богатый жизненный опытъ и опытъ безстрашнаго и неутомимаго путешественника, изслѣдователя жизни народовъ Сибири и прилегающихъ странъ, дѣлали Д. А. чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. Всѣ эти качества Дмитрія Александровича выяснились для меня въ послѣдствіи. Но и первая встрѣча съ нимъ въ с. Ужурѣ весьма расположила меня къ нему и оставила самое отрадное воспоминаніе.

На слѣдующій день мы были у Д. А.; онъ занималъ помѣщеніе на «дворянской»^{*)}. Здѣсь впервые я познакомился съ супругой его Елизаветой Николаевной, ставшей на всю жизнь другомъ и неразлучной спутницей Д. А. въ его разнообразныхъ экскурсіяхъ и путешествіяхъ. Насъ встрѣтили товарищески—привѣтливо. Дмитрій Александровичъ сообщалъ различныя вѣсти изъ міра, отъ котораго мы были изолированы, рассказывалъ интересные случаи изъ своихъ поѣздокъ, знакомилъ съ цѣлью и результатами послѣднихъ. Незамѣтно бесѣда перешла на тему о задачахъ изслѣдованія жизни сибирскаго населенія; Д. А. при этомъ сдѣлалъ много полезныхъ и цѣнныхъ указаній.

^{*)} Квартира отъ сельскаго общества и волости для временныхъ остановокъ проѣзжающихъ чиновниковъ или путешественниковъ.

Одиннадцать лѣтъ спустя, я встрѣтился съ Д. А. Клеменцемъ въ Петербургѣ. За эти годы онъ проявилъ поразительно кипучую дѣятельность: какъ многосторонній публицистъ и ученый, какъ правитель дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и энергичный организаторъ, на средства И. М. Сибирякова, грандіозной экспедиціи для всесторонняго изученія всѣхъ народностей Якутской области. Наконецъ, въ этотъ же періодъ времени Д. А. совершилъ нѣсколько удачныхъ и богатыхъ результатами научныхъ путешествій по Сибири, Монголіи и Восточному Туркестану. Въ частности, матеріалы его поѣздки въ Туркестанъ представили высокой степени научную цѣнность и «положили начало ряду европейскихъ экспедицій и огромной важности открытіямъ въ области исторіи искусства, лингвистики и древнѣйшихъ взаимодействій культурныхъ странъ Азіи».*) Данные, собранныя Д. А. въ эту экспедицію, по отзыву профессора Д. Анучина, сохраняютъ его дѣло «связаннымъ съ исторіей открытія замѣчательныхъ памятниковъ средне-азиатской письменности, искусства и вообще культуры» **).

Въ моментъ нашей вторичной встрѣчи, уже въ столицѣ Россіи, Д. А. занималъ мѣсто старшаго этнографа въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи имени Петра I при Академіи Наукъ. Получивъ приглашеніе отъ супруговъ Клеменцевъ, я сталъ изрѣдка навѣщать ихъ, находя радушный пріемъ и встрѣчая у нихъ кругъ интересныхъ лицъ (В. В. Радлова, Л. И. Лутугина, С. Н. Южакова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.)

Однажды Д. А. повелъ меня въ Музей Антропологии и Этнографіи. Шагъ за шагомъ онъ знакомилъ меня тамъ съ богатствами Музея, вдаваясь мѣстами въ подробныя объясненія нѣкоторыхъ этнографическихъ коллекцій. Въ живыхъ разсказахъ Д. А. чувствовалось обширное знакомство съ духовнымъ и матеріальнымъ бытомъ народностей, представленныхъ въ музеѣ. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ неодушевленные предметы для меня какъ бы оживали, теряли свою бездушность; за ними я чувствовалъ живую жизнь на-

*) Л. Ш-гъ. Памяти Д. А. Клеменца. «Рѣчь». 1914 г. № 11

**) «Рус. Вѣд.», 1914 г., № 7.

родовъ, изготовлявшихъ всѣ эти вещи для своего домашняго и хозяйственнаго обихода, для удовлетворенія собственной эстетики или религіозной потребности. Поясненія Д. А. дѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ понятными цѣль и задачи Музея.

Живя въ Сибири, я немного работалъ по музейной части, доставляя коллекціи по этнографіи сибиряковъ-старожиловъ въ Минусинскій музей*), видѣлъ также одинъ два провинціальныхъ музея, но въ первый разъ, однако, увидѣлъ столичный академическій музей, заключавшій въ себѣ этнографію всего міра, въ особомъ, вдобавокъ, освѣщеніи несомнѣннаго знатока этнографіи и искренно любящаго музейное дѣло человѣка.

Я вышелъ изъ музея—другомъ музея, заинтересованнымъ жизнью народовъ.

Въ 1902 году я искалъ себѣ занятій. Въ виду благожелательнаго ко мнѣ отношенія покойнаго академика В. И. Ламанскаго, рецензировавшаго, будучи предсѣдательствующимъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, мою работу «Матеріалы по народной медицинѣ», представленную въ это Отдѣленіе въ 1896 г.**), я обратился къ нему съ просьбой оказать въ моихъ поискахъ возможное содѣйствіе. Принявъ близко къ сердцу мое затруднительное положеніе, В. И. Ламанскій направилъ меня къ Д. А. Клеменцу, которому поручена была тогда организація при Русскомъ Музее Этнографическаго Отдѣла. Д. А., какъ только я изложилъ сущность дѣла, сейчасъ же изъявилъ готовность помочь мнѣ. Дѣйствительно, при его непосредственномъ участіи я былъ, вскорѣ допущенъ въ число сотрудниковъ Этнографическаго Отдѣла по вольному найму.

Лишь съ теченіемъ времени я ознакомился, насколько могъ, съ исторіей возникновенія Этнографическаго От-

*) Е. Н. Яковлевъ. Описаніе Минусинскаго Музея. Вып. V, 1900 г. стр. 129.

**) Отчетъ Имп. Рус. Географ. О-ва за 1896 г. и «Живая старина» за 1897 г.

дѣла и узналъ, какая работа выпала на долю Д. А. Клеменца въ дѣлѣ формировація и постепеннаго роста этого молодого сравнительно учрежденія Всероссійской Этнографіи.

II.

«Музей не книга, не учебникъ народовѣдѣнія, а только наглядное пособіе къ изученію вещественныхъ памятниковъ быта».

«Отдѣльное мнѣніе» (см. ниже) Д. Клеменца.

Русскій Музей Императора Александра III, обладая прекраснѣйшимъ зданіемъ Михайловскаго дворца, могъ со времени своего возникновенія (1895 г.), оборудовать первоначально отдѣлъ, посвященный памяти Императора Александра III, и отдѣлъ, въ которомъ размѣщены были художественныя произведенія русскихъ мастеровъ кисти и образцы религіознаго искусства православной церкви; третій отдѣлъ долженъ былъ представить собраніе вещественныхъ памятниковъ этнографіи Россіи и ея художественной промышленности. Къ осуществленію его приступлено было значительно позже. А пока этотъ отдѣлъ оставался безъ спеціальныхъ средствъ, безъ собственнаго помѣщенія и постоянныхъ работниковъ; самый процессъ накопленія потребныхъ для него матеріаловъ совершался спорадически. Такая неопредѣленность положенія дѣла не могла, конечно, долго продолжаться. Какъ ни были случайны поступленія пожертвованій и приобрѣтеніе вещей, но за нѣсколько лѣтъ послѣднихъ накопилось все же до пяти слишкомъ тысячъ. Создавалось уже затрудненіе въ производствѣ описи вещей и ихъ храненіи; становилось очевиднымъ, что съ приисканіемъ или постройкой зданія для будущаго отдѣла медлить дальше было уже вельзя; ощущалась также неотложная необходимость въ созданіи общаго плана предстоящей сложной и отвѣтственной работы; нуженъ былъ опредѣленный кадръ служащихъ и т. д. Для выясненія подобныхъ вопросовъ и была учреждена въ 1901 году особая совѣщательная комиссія. Въ нее вошли, по особому приглашенію,

представители науки и музейнаго дѣла,*) въ томъ числѣ и Д. А. Клеменцъ, какъ старшій Этнографъ Музея Антропологии и Этнографіи имени Петра I.

На обсужденіе совѣщательной комиссіи было предложено два основныхъ вопроса:

1. Какую этнографію необходимо имѣть въ виду, говоря о будущемъ Этнографическомъ Отдѣлѣ: этнографію народовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, или всемірную этнографію?

2. Какого держаться порядка при расположеніи коллекцій въ отдѣлѣ—племенного или географическаго?

По первому вопросу комиссія пришла къ слѣдующему заключенію:

Въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III должны быть:

1. Главный Отдѣлъ, ксторому необходимо удѣлять и теперь и всегда возможно больше вниманія: отдѣлъ этнографіи: а) Россіи въ географическихъ границахъ Имперіи; б) сопредѣльныхъ съ Россіею странъ, если въ нихъ живутъ племена, которыя есть и въ Россіи; в) славянскихъ племень, хотя бы они и не соприкасались съ русской границей.

2. Придаточные отдѣлы, въ которыхъ долженъ быть сосредоточенъ матеріалъ для сравнительнаго изученія этнографіи Россійской Имперіи.

3. Библіотека.**)

По вопросу о расположеніи этнографическихъ матеріаловъ въ Отдѣлѣ, мнѣнія комиссіи раздѣлились: одни приз-

*) Академики Н. П. Кондаковъ, В. И. Ламанскій, А. Н. Пыпивъ, В. В. Радловъ, А. И. Соболевскій, А. А. Шахматовъ, вице-президентъ Академіи Художествъ графъ И. И. Толстой, вице-президентъ Имп. Рус. Географ. О-ва П. П. Семеновъ, почетный академикъ И. В. Стасовъ, прив. доцентъ Спб. У-та Д. А. Коропчевскій, старшій этнографъ Музея Антроп. и Этнографіи при Ак. Наукъ Д. А. Клеменцъ, гофмейстеръ Л. Н. Харузинъ, завѣдующій Минусинскимъ музеемъ Н. М. Мартыановъ, архитекторъ Высоч. Двора В. Ф. Свиньинъ, секретарь Августѣйшаго Управляющаго А. А. Тевяшевъ, находящійся въ распоряженіи Августѣйшаго Управляющаго П. Н. Шеферъ.

**) Отчетъ о дѣятельности Рус. Музея Имп. Александра III за 1900 г. стр. 13—14.

навали, что нужно это дѣлать по племенамъ, другіе предлагали держаться географическаго порядка, допуская нѣкоторыя уступки въ пользу распредѣленія коллекцій по племенамъ. Кромѣ того, не вполне ясно сформулированнымъ остался и первый вопросъ о задачахъ Отдѣла. Въ виду обнаружившихся разногласій въ мнѣніяхъ, по предложенію Д. А. Клеменца, образована была особая подкомиссія для выработки проекта раздѣленія Россіи на культурно-географическія области, по которымъ и должны быть расположены будущія коллекціи въ Этнографическомъ Отдѣлѣ. Въ подкомиссію избраны были: В. И. Ламанскій, П. П. Семеновъ, Д. А. Коропчевскій, Д. А. Клеменцъ и В. Ф. Свиньинъ.

На состоявшемся совѣщаніи подкомиссіи большинство членовъ примкнуло къ схемѣ, предложенной П. П. Семеновымъ: она дѣлила Россію на 21 географическую и культурно-историческую область: 1) Московскую промышленную, 2) Центрально-земледѣльческую, 3) Озерно-Новгородскую, 4) Финляндію, 5) область крайняго Сѣвера, 6) Балтійскую, 7) Литовскую, 8) Привислянскую, 9) Бѣлорусско-Полѣвскую, 10) Малороссію, 11) Новгородскую, 12) Донско-Прикавказскую, 13) Закавказье, 14) Приволжскую, 15) Приуральскую, 16) Киргизскую, 17) Туркестанскую, 18) Западно-Сибирскую, 19) Средне-Сибирскую, 20) Приамурскую и 21) Приморскую.

Д. А. Клеменцъ, поддерживая принципъ культурно-географическаго расположенія экспонатовъ въ Отдѣлѣ, вкладывалъ въ это выраженіе иное пониманіе. Онъ устранялъ мысль держаться при этомъ историческихъ традицій, а тѣмъ паче имѣть въ виду административное дѣленіе Россіи, какъ допустили то и другое отчасти сторонники указанной выше «схемы». Ему представлялось вполне возможнымъ и единственно цѣлесообразнымъ установленіе болѣе крупныхъ культурно-географическихъ областей, которымъ «могло быть подчинено болѣе дробное дѣленіе», и включеніе въ сферу вѣдѣнія музея и этнографіи прилегающихъ къ Россіи странъ, поскольку съ ними существуютъ у Россіи тѣ или иныя связи и т. д.

Расхождение во взглядахъ на этотъ вопросъ съ остальными членами подкомиссіи побудило Д. А. выступить въ общей коммисіи съ «отдѣльнымъ мнѣніемъ».*)

Къ сожалѣнію, это мнѣніе напечатано на правахъ рукописи, въ видѣ приложенія къ № 3-му протокола предварительнаго совѣщанія объ устройствѣ и организаціи Этнографическаго Отдѣла Р. М. Имп. Александра III. Автора нѣтъ въ живыхъ. Этнографическій же Отдѣлъ, считая его записку своею собственностью, ревниво хранитъ ее въ своемъ архивѣ. Между тѣмъ, «предложеніе Клеменца», заключающееся въ этой запискѣ, явилось тѣмъ фундаментомъ, на которомъ и созданъ этотъ Отдѣлъ, какъ хранилище этнографіи Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ, куда Россія направляетъ свою дѣятельность политическую, торговую или просвѣтительную; какъ научное учрежденіе, вмѣщающее въ себѣ и этнографію славянъ вообще. По обоснованности теоретическихъ соображеній, по логической стройности доводовъ и ясной формулировкѣ основныхъ положеній проекта расположенія коллекцій въ Отдѣлѣ, «отдѣльное мнѣніе» Клеменца пріобрѣтаетъ и большой научный интересъ, представляя цѣнный вкладъ въ область музеевѣдѣнія. По всѣмъ этимъ мотивамъ, «предложеніе Клеменца» безусловно заслуживаетъ быть опубликованнымъ полностью во всеобщее свѣдѣніе. Намъ же дано разрѣшеніе использовать этотъ документъ, ставшій уже историческимъ, лишь въ предѣльныхъ извлеченіяхъ.

Входя въ разсмотрѣніе «схемы» подкомиссіи по существу, Д. А. Клеменцъ не усматриваетъ въ ней строго научной системы и полагаетъ, что «порядокъ областей и составъ ихъ», ею проектируемый, не даетъ «полной непрерывной картины культурно-этнографическихъ явленій громадной Имперіи»**).

*) Отдѣльное мнѣніе старшаго этнографа Императорской Академіи Наукъ Д. А. Клеменца, члена коммисіи для выработки проекта раздѣленія Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

**) «Отдѣльное мнѣніе», стр. 1.

Такъ:

Первую область образуетъ Московскій промышленный районъ, къ которому причисляется и вся Костромская и вся Тверская губерніи. *Вторая*—лежитъ къ югу, граничитъ на югъ съ Малороссіей и называется центральной земледѣльческой областью. *Третья*—переноситъ насъ на сѣверъ въ область Новгородской земли. Въ *четвертой*—мы расстаемся съ Русскими и переходимъ въ Финляндію. Сдѣлавъ этотъ ненужный перерывъ, не оправдываемый ни топографическими соображеніями ни этнографіей, мы въ *пятой* области обращаемся къ Русскому сѣверу, включаемъ сюда Архангельскихъ Лопарей, Самоѣдовъ и Зырянъ, и ставимъ рядомъ съ Русскими и Самоѣдами въ *шестой* области Латышей и Эстовъ. *Седьмая* область—Литва *Восьмая*—Привислянскій край, Поляки и Евреи. Мы пока подвигались, начиная съ шестой области, къ югу, но въ *девятой*—идемъ на востокъ, въ Бѣлорусское Полѣсье, а въ *десятой*—снова на югъ, въ Малороссію; въ двухъ послѣднихъ, стало-быть, снова возвращаемся къ Русскимъ племенамъ. *Одиннадцатая* область—Новороссійскій край, и *двѣнадцатая*—Сѣверо-Кавказская и Придонская мѣстности. Въ Донской области должны быть представлены Калмыки и Ногайскіе татары, а также нѣкоторыя горскія племена. Въ *тринадцатой* области мы опять бросаемъ Русское населеніе и отправляемся въ Закавказье. *Четырнадцатая*—снова переводитъ насъ на Русскія области—въ Поволжье, отъ Астраханской до Казанской губерніи включительно. Въ этой области, одной изъ немногихъ, приняты во вниманіе интересы этнографіи; кромѣ инородцевъ, живущихъ въ Поволжьѣ, къ нимъ отнесены ихъ сородичи изъ районовъ перваго промышленнаго и второго центрального, въ виду незначительнаго количества инородцевъ въ этихъ коренныхъ Великорусскихъ областяхъ. Точно также, какъ и слѣдовало, Киргизы внутренней Букеевской орды отнесены къ *шестнадцатой* области, посвященной Киргизскимъ племенамъ, но опять таки безъ Бурутовъ и Кара-Киргизовъ. *Пятнадцатая* область лежитъ по обѣ стороны Уральскаго хребта, прихватываетъ Оренбургскую губернію и, вѣроятно, земли Уральскаго войска. *Шестнадцатая*—Киргизская, чисто этнографическая область, хотя тоже не

безъ исключеній. Семнадцатая передвигаетъ насъ на югъ къ границѣ Персіи и Авганистана, обнимая собою какъ кочевыя, такъ и осѣдлыя племена нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній*). Восемнадцатая, отъ границъ Персіи до жаркаго Туркестана, вдругъ переноситъ насъ въ Западную Сибирь. Эта область — чистый микрокосмъ; здѣсь, кромѣ Русскихъ — всѣ инородческія племена Алтая, Тобольской и Томской губерній; здѣсь мы снова встрѣчаемъ оставленныхъ нами въ пятой области Самоѣдовъ и Остяковъ. Девятнадцатая — Средне-Сибирская — посвящена Русскому населенію, Саянскимъ племенамъ и Бурятамъ. Двадцатая — состоитъ изъ Якутской области и сѣверной части Приморской области. Двадцать первая — изъ южной половины Приморской и Амурской области.**)

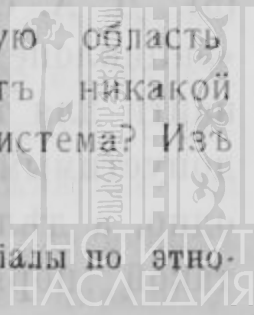
Оказалось, такимъ образомъ, что наряду съ болѣе или менѣе послѣдовательно расположенными культурно-географическими группами, какъ это сдѣлано преимущественно въ отношеніи Сибири, «схема» допускаетъ нежелательные прорывы географическаго и культурнаго характера и совершаетъ произвольно «перетасовки совершенно однородныхъ группъ». Дѣло доходитъ до того, что «мы четыре раза бросаемъ Русскихъ и возвращаемся къ нимъ», раздѣлили на двѣ области Остяковъ и т. д. Астраханскихъ Калмыковъ отставили отъ Букеевскихъ Киргизовъ, живущихъ въ географической смежности.

Подробную программу Д. А. Клеменць находитъ пригодной развѣ только для цѣлей и задачъ областныхъ музеевъ и отнюдь не соотвѣтствующей программѣ Всероссийскаго Музея. Ему представлялось, что въ устроенномъ такимъ порядкомъ совокупномъ музеѣ «посѣтитель» или «изучающій» его, прогулявшись по анфиладѣ залъ, обставленныхъ этнографическими экспонатами по указкѣ «схемы» подкомиссіи, имѣлъ бы полное право сказать:

«Я вижу здѣсь Поволжье, Новгородскую область другія мѣстности Россіи, но между ними нѣтъ никакой связи. Гдѣ же вся Россія? Гдѣ ваша общая система? Изъ

*) Д. Клеменць. «Отдѣльное мнѣніе», стр. 2.

**) Очеркъ дѣятельности этнограф. Отдѣла. «Матеріалы по этнографіи Россіи», т. 1. стр. III.

Московской и центральной земледѣльческой области выдѣлили инородцевъ, въ виду ничтожнаго процентнаго содержанія ихъ, почему же въ Западно-Сибирской области, гдѣ ихъ тоже ничтожное количество, вы поставили ихъ вмѣстѣ съ Русскими и отдѣлили отъ родственныхъ племенъ, живущихъ съ ними бокъ о бокъ? А главное, зачѣмъ разбили вы Великорусское племя, вопреки географіи, вопреки кровному родству? Зачѣмъ вамъ не представить ихъ въ полномъ развитіи, во всѣхъ переходахъ, ихъ постепенномъ распространеніи отъ границъ культурныхъ инородцевъ до Океана?»

Д. А. Клеменцъ далѣе считаетъ необходимымъ предостеречь отъ увлеченія «историческими соображеніями». Ибо въ поискахъ историческихъ и доисторическихъ памятниковъ страны, имѣющихъ важное значеніе для ея этнографіи, можно, говоритъ онъ, «этнографическій музей превратить въ историко-археологическій, при рискѣ, что археологическія области не совпадутъ съ областями позднѣйшей исторіи» (4). Подобную миссію должны взять на себя мѣстные областные музеи. Центральный же этнографическій музей, по его мнѣнію, «не можетъ задаваться энциклопедической программой» (4).

Вдобавокъ, установка этнографическихъ коллекцій по предложенной «схемѣ», замѣчаетъ Д. А. Клеменцъ, повлекла бы къ трудно устранимымъ практическимъ неудобствамъ. Лица, которымъ будетъ поручено завѣдываніе отдѣлами центрального этнографическаго музея, должны будутъ проявить исчерпывающее «знаніе своей области, литературы и, главнымъ образомъ, вещественныхъ памятниковъ». Завѣдующему, допустимъ, Поволжьемъ, Уральскимъ и Западно-Сибирскимъ отдѣлами «надобно знатъ и великорусскую этнографію, и восточныхъ Финновъ и Татаръ, быть знакомымъ и съ шаманствомъ, магометанствомъ и буддизмомъ» (5). Д. А. сомнѣвается, чтобы нашлись вообще подобные «энциклопедисты», и полагаетъ, что «особенно трудно ихъ найти для такого музея» (5). Онъ считаетъ при этомъ недопустимымъ, чтобы «дѣленіе музея на отдѣлы было бы одно, а дѣленіе служащихъ по спеціальностямъ другое»: такой порядокъ, несомнѣнно, нарушилъ бы радикальнымъ

образомъ единство плана размѣщенія коллекцій и самое содружество въ музейной работѣ персонала, что повлекло бы къ возникновенію ряда недоумѣнныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, къ тому, что «одинъ завѣдующій мѣшалъ бы другому» (5). Дѣло музея не двигалось бы.

По всѣмъ вышеизложеннымъ мотивамъ, Д. А. Клеменць находитъ «предложенное подкомиссіей дѣленіе неудобопримѣнимымъ» (5) и взамѣнъ рѣшается выдвинуть на очередь иную программу. Въ оправданіе «подобной дерзости», онъ ссылается на то, что къ этой программѣ дѣленія «склоняются авторитеты этнологіи на Западѣ» (6).

Прежде всего Д. А. счелъ нужнымъ оговориться, что распредѣленія экспонатовъ въ этнографическомъ музеѣ по народностямъ или группамъ родственныхъ народностей, по его убѣжденію, дѣлать не слѣдуетъ, на слѣдующемъ основаніи:

«Родство народныхъ группъ во многихъ случаяхъ составляетъ предметъ спорный. Большинство народностей не представляютъ собой чистыхъ однородныхъ типовъ; въ громадномъ числѣ случаевъ народности—это результаты смѣшенія разнородныхъ элементовъ, и среди признаковъ, характеризующихъ эти агрегаты, неизвѣстно, какимъ отдать преимущество въ дѣлѣ классификаціи. Нѣкоторые настаиваютъ на анатомическихъ признакахъ, другіе на лингвистическихъ, третьи—выдвигаютъ бытовыя, соціологическія примѣты. Во всякомъ случаѣ, надобно помнить, что музей не книга, не учебникъ народовѣдѣнія, а только наглядное пособіе къ изученію вещественныхъ памятниковъ быта. Благодаря этому, всякое научное положеніе, которое не можетъ быть подтверждено свидѣтельствомъ вещественныхъ экспонатовъ, остается и должно остаться невыраженнымъ въ музеѣ. Напримѣръ, родство двухъ народностей, доказываемое исключительно на основаніи лингвистическихъ соображеній, хотя оно было бы совершенно безспорно, не можетъ быть демонстрировано въ музеѣ. Сверхъ того, основываясь на чисто теоретическихъ соображеніяхъ, пришлось бы соединять народы, живущіе на разныхъ концахъ земли, стоящіе на совершенно различныхъ ступеняхъ развитія: Финляндецъ и Венгерецъ—цивилиз-

ванные люди, осѣдлые, занимающіеся науками и искусствами, а сосѣди ихъ—фино-угорскія племена Сибири—дикари, стоящіе на довольно низкой ступени развитія; не менѣе страннымъ было бы сопоставленіе Османскаго турка съ Якутомъ» (6).

Неустойчивымъ въ научномъ отношеніи и примѣнительно къ музейной практикѣ, Д. А. Клеменцъ находитъ и «этнографическій порядокъ» распредѣленія коллекцій въ музеѣ. Онъ высказывается исключительно въ пользу принципа, который, при дѣленіи музейнаго матеріала, ставитъ во главу угла взаимоотношенія между *природой и человекомъ*.*)

Свою мысль онъ подкрѣпляетъ слѣдующими соображеніями.

«Природа съ незапамятныхъ временъ, еще за предѣлами исторіи, опредѣлила образъ жизни человѣка. Обитателя сѣвера заставила заботиться о топливѣ, теплой одеждѣ, тепломъ жилищѣ. Она не дала ему на сѣверѣ ни тѣхъ растений, которыя приносятъ плоды по нѣскольку разъ въ году, ни хлѣбныхъ злаковъ... и заставила его искать пищи животной, сдѣлала его охотникомъ и промышленникомъ. Въ умѣренной полосѣ она превратила его изъ охотника сначала въ собирателя, потомъ въ воздѣлывателя хлѣбныхъ злаковъ; подъ тропиками она заставила воздѣлывать другіе виды растений; въ пустыняхъ и степяхъ она сдѣлала изъ него номада... Арабъ-Семитъ, Эѳіопъ-Галласъ, потомки древней исчезнувшей расы, Туареги, Киргизъ, Монголь—всѣ, несмотря на различіе происхожденія,—кочевники, всѣ бродятъ со своими стадами, пользуясь переносными жилищами, потому что живутъ въ пустынѣ. Самоѣды, Остяки, Чукчи, Юкагиры—оленоводы и охотники, несмотря на различіе ихъ происхожденія. Тотъ же Чукча, на берегу океана, превращается изъ бродячаго въ сидячаго, строитъ себѣ землянку, превращается въ морского охотника.

Этотъ коренной принципъ распредѣленія человѣчества по образу жизни, опредѣляемому самой природой..., простъ и понятенъ. Полный значенія для прошлаго и настоящаго, онъ не потеряетъ значенія и въ будущемъ. Ес-

*) Курсивъ нашъ. А. М.

ли когда-либо и будетъ возможно разводить полярныхъ песцовъ въ Аравіи и культивировать чай въ Архангельской губерніи, то для этого надобно будетъ все-таки посвятить массу силъ на борьбу съ природой, считаться съ ней, и всегда сѣверъ останется коренной родиной песка, Китай—чайнаго кустарника» (7).

Въ границахъ Россіи Д. А. Клеменць отмѣчаетъ четыре основныхъ культурно-географическихъ области: 1) сѣверная полярная тундра, 2) область осѣдлой жизни, земледѣлія и воздѣлыванія хлѣбныхъ злаковъ, 3) область степей, кочевой жизни и 4) область теплыхъ странъ, гдѣ съ земледѣліемъ процвѣтаютъ садоводство, виноградарство и т. п.; въ прилегающихъ къ Россіи странахъ эта область переходитъ въ поясъ подтропической культуры (8).

Слѣдуя принципу,—«природа и образъ жизни», Д. А. предлагаетъ раздѣлить музей на культурно-географическія области, понимая подъ терминомъ «культура» въ данномъ случаѣ: «приспособленіе къ природнымъ условіямъ жизни, опредѣляющимъ бытъ и занятія большинства населенія, массы народа» (8). Такое дѣленіе влечетъ установленіе въ музеѣ большихъ районовъ, заполненіе ихъ экспонатами крупныхъ культурныхъ группъ, и въ то же время «допускаетъ массу подраздѣленій» внутри cadaго района, позволяетъ, напримѣръ, «культурныя группы», образованныя въ нихъ, «разбить на отдѣльныя группы представителей различныхъ оттѣнковъ, разновидностей» одной и той же культуры. При этомъ Д. А. настаиваетъ на одномъ лишь, какъ на самомъ существенномъ и незыблемомъ правилѣ, чтобы: «Олончанинъ стоялъ рядомъ съ Архангельцемъ, Вологжаниномъ, а не съ Орловцемъ и Тамбовцемъ, чтобы Самоѣды Архангельскій и Тобольскій не были разставлены въ разныхъ углахъ музея потому, что подчинены двумъ разнымъ губернаторамъ» (8).

Въ качествѣ дополнительнаго руководящаго начала, Д. А. Клеменць рекомендуетъ: «не раздроблять черезполосными дѣленіями Великорусскаго племени» (9). Территорія

его распространения, говорит Д. А., огромна, разнообразие природных условий, въ которыхъ Русскіе ведутъ борьбу за существованіе, поразительно, разнохарактерность инородческихъ культуръ, въ соприкосновеніе съ которыми они входятъ, необыкновенна. Несмотря на это, Русскія племена и прежде всего Великоруссы «сумѣли сохранить, за ничтожнымъ исключеніемъ, свою индивидуальность» (9). Тѣмъ болѣе пріобрѣтутъ, по мнѣнію Д. А., научную цѣнность представленныя въ музеѣ вещественныя памятники, которые покажутъ «всѣ постепенныя измѣненія быта, приспособленій и образа жизни Русскихъ» (9), начиная отъ границъ Бѣлоруссіи и Малороссіи и кончая крайнимъ востокомъ Сибири. Если же вдобавокъ будетъ обращено серьезное вниманіе «на русскія вещи, обычаи, вошедшіе въ обиходъ среди инородцевъ коренныхъ, а также метисовъ, карымовъ, представляющихъ всѣ переходы отъ инородца къ коренному-русаку» (13), тогда музей въ свою очередь получитъ вещественныя доказательства степени вліянія культуры Русскихъ на бытъ, занятія, религію, языкъ и даже физическій типъ извѣстной части инородцевъ Россійской Имперіи. Это вліяніе будетъ видно, будетъ констатировано научно. (11)

Не видитъ Д. А. Клеменць надобности, однако, въ тенденціозномъ выставленіи Русскихъ, по рецепту схемы подкомиссіи, «на первомъ планѣ» музея, съ расчетомъ на «импозантный» эффектъ. Онъ убѣжденъ, что «преобладаніе русскихъ національныхъ элементовъ можетъ обезпечить только одно условіе: *обиліе хорошихъ экспонатовъ, тщательный подборъ ихъ, систематическое изученіе этой отрасли.* Перевѣсъ русскаго лучше всего достигнется, если самъ музей и его администрація займется имъ по преимуществу. Безъ этого же никакіе первые планы не помогутъ» (11).

Здѣсь оканчивается общая критика Дмитріемъ Александровичемъ «схемы» подкомиссіи, а затѣмъ слѣдуетъ изложеніе собственнаго его плана раздѣленія Россіи на культурно-географическія области, исходя изъ которыхъ, по его мнѣнію, надлежитъ разбить экспонаты этнографическа

го музея на соотвѣтствующіе районы и отдѣлы. Эти области Д. А. Клеменць расположилъ въ слѣдующемъ порядкѣ.*)

«Первая—полярная—область начинается отъ границъ Скандинавіи, пройдетъ вдоль всего Ледовитаго побережья до Тихаго океана, охватывая собою тундру и тучастъ лѣсовъ, гдѣ человѣкъ занимается звѣроловствомъ, гдѣ хлѣбопашество практикуется только въ видѣ пробы, и то не во многихъ мѣстностяхъ. Это область оленя и собаки. Она интересна, какъ край, въ которомъ, въ предѣлахъ Россіи, сохранилась первобытная культура. Узкая на западѣ, она низко спускается къ югу, на крайнемъ востокѣ доходитъ почти до береговъ Амура. Взятая въ цѣломъ, расположенная въ линейный рядъ, она допускаетъ раздѣленіе по этническимъ группамъ. Начинаясь Лопарями на западѣ, она продолжается Самоѣдами, захватываетъ Остяковъ, Вогуловъ за Ураломъ и Остяко-Самоѣдскія группы, далѣе переходитъ къ Юракамъ и Долганамъ и обьякутившимся Самоѣдамъ. Затѣмъ она очень удачно прерывается оригинальной группой Якутовъ, отдѣляющей Угро-Самоѣдскія племена отъ разнообразныхъ гиперборейскихъ народовъ: Юкагировъ, Чукчей, Коряковъ, Айно и Гиляковъ. Сюда же войдутъ и Тунгусскія племена» (12).

«Вторая область самая громадная въ музеѣ. Охватывая весь сѣверъ умѣреннаго пояса, она крайне разнообразна. По этническому составу—это область русскихъ племенъ и инородцевъ, наиболѣе культурныхъ представителей ихъ. На сѣверѣ она начинается тамъ, гдѣ возможно хлѣбопашество въ качествѣ постоянного занятія. Въ полосѣ лѣсовъ, гдѣ начинается хлѣбопашество, однако же и при немъ, играютъ роль мѣстные промыслы, звѣроловство, рыболовство: рѣчное и озерное. Въ слѣдующей затѣмъ области, гдѣ начинается вырѣввать рожь, все еще продолжа-

*) Въ виду особой оригинальности и цѣнности научнаго «предложенія Клеменца», мы находимъ цѣлесообразнымъ перепечатать въ подлинникѣ это мѣсто отъ 1-го до 10 пункта, прося извиненія у Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за невольное, но оправдываемое, требованіемъ научной истины, злоупотребленіе правомъ перепечатки излишняго количества страницъ (съ 12-й по 15-ю) изъ «напечатаннаго на правахъ рукописи» отдѣльнаго мнѣнія Д. Клеменца, А. Макаренко.

ются лѣсные промыслы, развивается кустарная промышленность и отхожіе промыслы на югъ. Ниже къ югу идетъ нечерноземная полоса, въ которой занятія жителей крайне разнообразны. Вмѣстѣ съ отхожими промыслами на югъ и домашней промышленностью, благодаря близости къ центрамъ и особымъ экономическимъ условіямъ, развивается крупная фабрично-заводская промышленность; это, если угодно, промышленный районъ программы коммисіи; но безъ Весьегонскаго уѣзда Тверской и сѣвера Костромской губерній, которыя будутъ въ предыдущей полосѣ. Къ югу слѣдуетъ черноземная и черноземно-степная область земледѣлія. Она охватываетъ все пространство отъ нечерноземной полосы до береговъ Чернаго моря, исключая южный берегъ Крыма. Въ этой области на югѣ начинается виноградарство, изъ хлѣбныхъ злаковъ начинаютъ преобладать высокіе сорта пшеницы, входитъ въ сѣвооборотъ кукуруза. Это въ Европейской Россіи. Въ Сибири дѣленіе второй области проще. Кустарные промыслы тамъ развиты слабо, фабричная промышленность только въ зачаткѣ, лѣсные промыслы на сѣверѣ не имѣютъ значенія, благодаря тому, что лѣсъ имѣется и на югѣ Сибири, въ самой населенной ея части. До кукурузы, винограда, даже садоводства дѣло въ Сибири не доходитъ нигдѣ, кромѣ юга приморья.*) Сѣя рожь, ячмень, овесъ и на югѣ пшеницу, Сибирякъ не бросаетъ звѣриныхъ промысловъ.***) На югѣ Сибири къ юго-земледѣльческимъ занятіямъ присоединяется обширное табунное скотоводство и отчасти совершенно новый народный промыселъ—мелкая золотопромышленность.

Нужно упомянуть, что къ этой же культурно-географической области принадлежатъ Финляндія, Остзейскій край, Литва и Польша. Какъ распредѣлить эту громаду народностей въ музеѣ? Наиболѣе наглядный порядокъ былъ бы такой, который давалъ бы возможность передать

*) Садоводство, хотя и слабо, существуетъ въ Амурской области и въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи, гдѣ въ послѣдніе годы сдѣланъ былъ опытъ культуры дикаго винограда, давшій нѣкоторые положительные результаты.

**) Мы присовокупили бы и рыболовство. А. Макаренко.

приблизительно дѣйствительное распредѣленіе хотя бы только русскихъ племенъ по территоріи.

Представимъ себѣ, что музей состоитъ изъ продольныхъ залъ, соединенныхъ поперечными галлереями. Тогда ближе къ краю, положимъ, лѣвому, можно помѣстить Финляндію (IV обл.) за ней Остзейскую область (VI), Литву (VII), Привислянскую (VIII). Итакъ, культурные народы помѣщены съ краю; за ними первый рядъ будетъ—сѣверная часть земледѣльческой полосы съ ея вариантами, вплоть до промышленной; третій—Бѣлоруссія; промышленная область съ Московской (центръ), Средне-поволжье; четвертый—Малороссія, черноземная полоса, Новороссія, Донъ, Нижнее-поволжье, Русское населеніе Сибири и осѣдлые инородцы Россіи и Сибири... На самомъ же дѣлѣ для западныхъ инородцевъ придется допустить распредѣленіе условное расположивъ ихъ въ той послѣдовательности, въ какой они слѣдуютъ другъ за другомъ въ дѣйствительности, т. е. Польша, Литва, Остзейскій край, Финляндія. Для русскихъ же народностей, мнѣ кажется, будетъ возможность расположить ихъ въ строго географическомъ порядкѣ, такъ, чтобы, подвигаясь въ одномъ направленіи, посѣтителъ изъ Малороссіи переходилъ къ Бѣлоруссамъ, а оттуда въ Псковскую и Новгородскую губерніи; двигаясь въ другомъ—онъ изъ Малороссіи перешелъ бы въ Новороссію, затѣмъ на Донъ, на Уралъ и въ Сибирь. Такимъ образомъ, онъ могъ бы пересѣчь всѣ культурныя полосы отъ цвѣтущихъ долинъ Малороссіи до холоднаго Онежскаго побережья или прослѣдить данную область отъ границъ Польши до Тихаго океана» (12—13).

«Третья область—Восточные осѣдлые инородцы, Татары поволжскіе, казанскіе, Черемисы, Чуваши, Зыряне, Пермьки и Зауральскіе сосѣди—Татары тобольскіе, осѣдлыя племена юга Сибири. Эта группа должна быть расположена по сосѣдству въ Русской, такъ какъ на ней преимущественно сказалось русское вліяніе» (14).

«Четвертая область—степи, переходящія въ пустыни. Она начинается на юго-востокѣ Россіи, захватываетъ Киргизскія степи, кочевой югъ Сибири. Начинаясь Ногайцами и Калмыками, она съ Киргизами, кочевниками Тур-

кестана, переходитъ къ Алтайскимъ Калмыкамъ, Теленгутамъ, Саянскимъ племенамъ, Бурятамъ и обурятившимся Тунгусамъ. Это будетъ непрерывная географическая и культурная полоса, исчерпывающая вопросъ объ одной изъ стадій развитія человѣчества».

«Пятая область южной культуры съ преобладаніемъ садоводства, виноградарства и земледѣлія съ искусственнымъ орошеніемъ. Къ ней я причисляю южный берегъ Крыма, Кавказъ, Туркестанъ. Имѣя общія черты, южная земледѣльческая группа легко и удобно дѣлится на мѣстныя группы—Крымъ, Кавказъ и Туркестанъ. Каждый изъ нихъ, въ свою очередь, будетъ, конечно, дѣлиться на меньшіе отдѣлы, но природныя условія этихъ мѣстностей, географическое положеніе заставляетъ выдѣлить ихъ особо. Въ избѣжаніе недоразумѣній, я здѣсь прибавлю еще, что, напримѣръ, и самый Кавказъ раздѣлится на нѣсколько группъ, и значительная часть неизбежно должна будетъ войти въ отдѣлъ христіанскихъ древностей. Христіанское искусство Грузіи и Арменіи—отдѣлъ настолько богатый, что втиснуть его въ чисто этнографическія рамки будетъ невозможно» (14—15).

Этими соображеніями исчерпываются взгляды Д. А. на раздѣленіе Россіи по культурно-географическимъ областямъ.

Экспонаты же «странъ прилегающихъ или странъ, находящихся въ сферѣ торгово-политическаго и нравственнаго вліянія Россіи», говоритъ дальше Д. А. Клеменць, «должны составить второстепенные отдѣлы», занимая въ музеѣ особыя помѣщенія, или будучи пригнанными къ соотвѣствующимъ областямъ Русскаго Государства. Изъ этихъ странъ Д. А. составилъ пять дополнительныхъ областей, краткій перечень которыхъ даетъ въ порядкѣ послѣдовательной нумераціи. А именно:

«Шестая область охватываетъ собою всѣхъ внѣ-россійскихъ славянъ. Необходимость этого отдѣла въ русскомъ музеѣ больше, чѣмъ очевидна. Седьмая область — неславянскія племена Балканскаго полуострова, т. е. Румыны, Албанцы, Меридиты. Наши связи съ Балканскимъ полуостровомъ возрастаютъ и крѣпнутъ. Для

изученія самихъ славянъ необходимо представить въ музеѣ и ихъ сосѣдей. *Восьмая* — Левантъ, Персія съ Белуджистаномъ и Авганистаномъ. *Девятая* — Китайскій Туркестанъ, Манчжурія, Корея и Японія. *Десятая* — Монголія и Тибетъ» (15).

Число культурно-географическихъ областей въ Россіи, со странами прилегающими, по проекту Д. А. Клеменца, свелось всего лишь къ десяти. Его дѣленіе,

«давая возможность представить цѣльно всѣ русскія народности, вмѣстѣ съ тѣмъ и остальные дѣлитъ на удобобозрѣваемые группы. Широта рамокъ даетъ въ значительной мѣрѣ возможность согласовать въ предѣлахъ каждой изъ группъ распределеніе экспонатовъ съ ростомъ музея и его фактической наличностію. Условность понятія о странахъ прилегающихъ даетъ возможность, по мѣрѣ роста нашихъ сношеній съ заграничными странами, включать ихъ въ кругъ вѣдѣнія музея» (15).

Послѣднее тѣмъ болѣе важно, что изученіе этихъ странъ, говоритъ Д. А., «составляетъ нашу обязанность передъ наукой и отечествомъ» (16).

Увеличеніе научныхъ познаній въ этой области, къ тому же, должно способствовать назрѣвшей давно уже потребности распространенія въ Россіи «осмысленныхъ знаній о тѣхъ странахъ, куда направляется наша дѣятельность политическая, торговая или просвѣтительная», что, несомнѣнно, обезпечить, съ одной стороны, «успѣхъ нашихъ начинаній» въ этомъ направленіи, а съ другой — добытые изъ странъ прилегающихъ вещественные памятники для этнографическаго музея явятся такъ же, какъ и всероссійскіе экспонаты, нагляднымъ пособіемъ для удовлетворенія «запросовъ простой любознательности» населенія и серьезныхъ требованій ученыхъ спеціалистовъ.

Поэтому Д. А. Клеменць, заканчивая свой докладъ, «считаетъ въ высшей степени важнымъ включить прилегающія страны въ область вѣдѣнія музея. Иначе онъ скоро устарѣетъ и не будетъ отвѣчать запросамъ русской жизни и ея поступательному развитію».

Въ общемъ итогъ «предложеніе Клеменца» можно свести къ слѣдующимъ тезисамъ:

1. Этнографическій музей долженъ быть Всероссійскимъ центральнымъ научнымъ учрежденіемъ.

2. Въ немъ должны быть представлены безусловно цѣльно всѣ Русскія племена, всѣ другія народности Россійской Имперіи, а также всѣ славянскія племена, независимо отъ ихъ политическихъ границъ.

3. Сборы этнографическихъ коллекцій, по масштабу намѣченной программы, необходимо производить планомѣрно, исчерпывающе, примѣнительно къ принципу «природа и образъ жизни» и въ соотвѣтствіи, въ отношеніи Россіи, съ предложенной Д. А. системой дѣленія Имперіи на культурно-географическія области и отдѣлы.

4. Причемъ перевѣсъ русскаго достигнется лучше всего, говоря словами Д. А., если самъ музей и его администрація займется имъ по преимуществу.

5. Въ область вѣдѣнія этнографическаго музея всенепремѣнно надлежитъ ввести и страны, прилегающія къ Россіи, куда проникло наше торговое, политическое или просвѣтительное вліяніе.

6. Этнографическіе экспонаты этихъ странъ должны составить второстепенные отдѣлы, занимая въ музеѣ особые помѣщенія или будучи пригнанными къ соотвѣтствующимъ областямъ Россіи. Эти отдѣлы должны быть расширяемы по мѣрѣ роста нашихъ сношеній съ заграничными странами.

7. Идя такимъ путемъ, музей не устарѣетъ въ послѣдствіи и будетъ отвѣчать запросамъ русской жизни и ея поступательному развитію.

Программа Д. А. Клеменца, какъ охватывающая цѣликомъ этнографію Россійской Имперіи, этнографію странъ, прилегающихъ къ Россіи, и этнографію славянскихъ земель, признана была задачей, достойной Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Она получила одобреніе Августѣйшаго Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III Великаго Князя Георгія Михайловича.

III.

Въ концѣ 1901 года Д. А. Клеменцъ приглашенъ былъ на должность завѣдующаго Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III.*)

На Д. А. возложено было общее управленіе отдѣломъ и организація программной его дѣятельности. Онъ принялъ на себя, кромѣ того, обязанность хранителя—этнографа по району Сибири и странъ, прилегающихъ къ ней съ востока и юга. Остальные районы распределены были между его тремя помощниками: одному хранителю—этнографу порученъ былъ сѣверно-русскій районъ съ западнымъ краемъ и славянскими землями; другому—районъ съ Русскими племенами центральной, южной и восточной Россіи; третьему—Кавказъ, Черноморское побережье и передняя Азія. Хранителямъ предоставлена была въ достаточной мѣрѣ самостоятельность дѣйствій въ ихъ районахъ. Въ музейной работѣ ихъ объединяла общность программы, однородность задачъ и единство цѣли.

Въ области организаціонныхъ вопросовъ общаго характера, плана и способовъ сбора коллекцій, технического оборудованія отдѣла, порядка размѣщенія въ немъ экспонатовъ и т. п., штатъ служащихъ подчинялся рѣшенію Совѣта этнографическаго отдѣла съ его еженедѣльными засѣданіями подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Управляющаго или его Товарища. Введеніемъ въ управленіе дѣлами принципа коллегіальности Отдѣлъ, между прочимъ, обязанъ былъ всецѣло Д. А. Клеменцу.

Получивъ «временный» штатъ служащихъ **) и собственный бюджетъ въ 54368 рублей въ годъ (изъ коихъ 40.000 рублей на сборы коллекцій), Этнографическій Отдѣлъ уже могъ приступить къ практической работѣ. Въ первомъ же отчетномъ году была выработана и напечатана «программа

*) Дальнѣйшія свѣдѣнія о Д. А. Клеменцѣ я черпаю изъ годичныхъ отчетовъ музея, «Очеркъ дѣятельности этнограф. отдѣла» (Матеріалы по этнографіи Россіи. СПб. 1910 г. Т. I, стр. I—XVII), некрологовъ и др. источниковъ.

**) Проектъ временныхъ штатовъ служащихъ Этнографическаго Отдѣла Высочайшимъ приказомъ былъ утвержденъ 10-го января 1902 г. (Собр. Уз. 1 февр. 1902 г., № 18).

для собиранія этнографическихъ предметовъ», а также разработать планъ командировокъ для сбора вещественныхъ памятниковъ, приступлено было къ регистраціи*) накопившихся въ Отдѣлѣ коллекцій и т. п. Лѣтомъ 1902 года состоялись этнографическія поѣздки штатныхъ хранителей въ разныя области Россіи, съ цѣлью сбора коллекцій. Завѣдующій отдѣломъ Д. А. Клеменцъ совершилъ поѣздку за границу для изученія постановки дѣла въ иностранныхъ музеяхъ. Имъ были осмотрѣны съ этой цѣлью музеи: Стокгольма, Берлина, Гамбурга, Бремена, Нюрнберга, Дрездена, Цюриха, Праги и Бѣлграда. Поѣздка дала весьма цѣнныя свѣдѣнія о постановкѣ музейнаго дѣла, типахъ музейной мебели, планахъ распределенія коллекцій, приготовленіи манекеновъ и проч. **).

Съ тѣми же цѣлями получали въ послѣдствіи командировки за границу и штатные хранители отдѣла.

Пока воздвигалось выставочное зданіе, все вниманіе отдѣла было обращено на пополненіе коллекцій. Явилась необходимость въ командировкахъ для сборовъ музейныхъ экспонатовъ, кромѣ штатныхъ хранителей, частныхъ корреспондентовъ; стали привлекаться къ этой же работѣ мѣстные работники; поощрялись жертвователи.

Отвѣтственная организаціонная работа и текущая дѣла лишали Д. А. Клеменца возможности самому, какъ того хотѣлось ему, совершать далекія путешествія по Сибири съ этнографическими цѣлями. Готоваго кадра подготовленныхъ этнографовъ, знающихъ къ тому же Сибирь, которымъ можно было бы поручить сборы сибирской этнографіи, въ сущности говоря, не было. Самъ Д. А. былъ того мнѣнія, что недостатокъ этнографовъ-спеціалистовъ можетъ

*) Въ этой работѣ примѣнена была такъ называемая «списочная система», принятая въ Стокгольмскомъ Національномъ Музеѣ, но съ нѣкоторыми измѣненіями: регистрируемая коллекція получаетъ два номера—одинъ обозначаетъ самую коллекцію, другой—служитъ порядковымъ номеромъ для каждаго ея предмета; оба номера переносятся (чернилами или красками) на регистрируемую вещь; такой списокъ, по провѣркѣ съ наличностью, заносится (названія предметовъ и число ихъ) въ инвентарную книгу коллекцій отдѣла, съ краткимъ указаніемъ мѣстности, народности, способа приобретеній, года поступленія. (Отчетъ Р. М. И. А. III. за 1902 г. стр. 12).

**) Отчетъ, 1902 г., стр.

быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, восполненъ мѣстными интеллигентными силами и толковыми представителями простого народа, которымъ не чуждо знаніе народнаго быта, и свойственно пониманіе того, что отъ нихъ требуется въ данномъ дѣлѣ. Потребность въ подобной организаціи мѣстныхъ работниковъ въ Сибири усугубляется, по признанію Д. А., «отдаленностью ея провинцій, малочисленностью и разбросанностью населенія и недостаткомъ путей сообщенія». По этимъ соображеніямъ и обстоятельствамъ, Д. А. Клеменць находилъ допустимымъ сборы этнографическихъ коллекцій по району Сибири ввѣрить на первое время своимъ сибирскимъ друзьямъ и знакомымъ; изрѣдка онъ возлагалъ подобныя порученія на лицъ, командированныхъ въ Сибирь научными обществами или учрежденіями; подъ собственнымъ его руководствомъ организовались также собиратели коллекцій и изъ числа постоянныхъ сотрудниковъ Отдѣла.

Первая группа, — мѣстные работники, — была самая большая.

Мѣстные работники. (1902—1909 г.).

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
Ю. Л. Горбатовскій .	1904	Тобольская г., Тарскій у. .	Татары.
И. А. Ассановъ	1905	Томская г., Алтай	Теленгит., Калм.
С. П. Швецовъ	„	» »	Великоруссы.
А. В. Адриановъ .	1904—1908	» »	Татары Чернев.
„	„	Енисейская г. Минусин. у.	Качинцы. Сагайцы и др. тюрки.
„	„	» » Ачинскій у.	
Ф. Я. Конъ	1904	» » Минусин. у.	Качинцы и др. .
Д. М. Головачевъ .	1904	» » Ачинскій у.	Кызыльцы.
П. Е. Островскихъ	1902—1904	» » Турух. кр. .	Великорусы, остяки, самоеды, юраки, долгане, якуты.
А. Н. Тугариновъ .	1908	» » » » .	Остяки.
Д. П. Першинъ . .	1902—1903	Иркутская губ.	Великоруссы.
С. А. Пирожковъ .			Бураты.

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
М. Н. Хангаловъ . . .	1904—1909	Иркутская губ.	Буряты.
Ц. Жамцарано . . .	1905	Забайкальская обл. . . .	Буряты.
В. Вампиловъ . . .	1907	» »	Буряты.
Л. Жабэ . . .	1907—1909	» »	Буряты.
Д. М. Головачевъ . .	1909	» »	Орочены.
А. И. Поповъ . . .	1902—1909	Якутская обл.	Великоруссы, якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи, ламуты.
Э. К. Пеккарскій . .	1902—1904	» »	Якуты, тунгусы.
В. Е. Поповъ . . .	1903	» »	Тунгусы.
В. М. Юновъ . . .	—	» »	Тунгусы.
Э. К. Пеккарскій . .	—	Приморская обл.	Тунгусы, коряки.
Н. П. Сокольниковъ	1903—1909	» »	Ламуты, коряки.
К. Д. Логиновскій .	1906—1909	Камчатка	Камчадалы, ламуты, чукчи, коряки.
Н. П. Сокольниковъ	—	Чукотскій пол.	Марковцы, чукчи, чуванцы, пээки.
Г. А. Борисовъ . .	1908—1909	Аляска	Эскимосы.
		Чукотскій пол.	Чукчи.
		О. Сахалинъ	Орочены.
Н. М. Мартыановъ .	1902—1903	Урянхайская земля . . .	Сойоты.
Ф. Я. Конъ			
Н. А. Люба	1905	Монголія	Монголы.
Ф. С. Москвитинъ .	1906	Урга	Монголы

Эта группа мѣстныхъ собирателей снабдила сибирскій районъ Этнографическаго Отдѣла довольно полными и научно цѣнными экспонатами матеріальнаго быта и культовыми предметами разнообразныхъ народностей, разбросанныхъ изъ конца въ конецъ Сибири и за ея предѣлами. Нѣкото-

рыя коллекціи полны выдающагося научнаго значенія, какъ, напримѣръ: сойотская (Н. Мартянова и Ф. Кона), чукотская, ламутская и коряцкая (Н. Сокольников*), якутская (А. И. Попова), тунгусская (В. Попова, Э. Пекарскаго), коллекція предметовъ культа бурятъ (М. Хангалова, который сопровождалъ ее обильными и обстоятельными поясненіями), коллекціи П. Островскихъ, Г. Борисова**) и др.

Во вторую группу вошли:

Случайные экскурсанты.

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
А. Борисовъ	—	Архангельская г.	Самоѣды.
А. В. Журавскій . .	1905	" "	"
К. М. Рычковъ . . .	—	Енисейск. губ., Турух. кр.	—
С. М. Толстой . . .	—	" " " " . .	Юраки, долгане, якуты, самоѣды, тунгусы.
В. А. Анучинъ . . .	1909	" " " " . .	—
Ф. Ф. Караевъ . .	1908	Акмолинская обл.	Киргизы.
П. Н. Бекетовъ . .	1906	Семипалатинская обл. . .	—
С. А. Бутурлинъ .	1905—1906	Якутская обл.	Юкагиры.
П. В. Оленинъ . . .	1906	" "	Тунгусы.

Интересно, что пятеро изъ этой группы, когда добились командировокъ, представляли Д. А. Клеменцу рекомендаціи ученыхъ учреждений; на дѣлѣ же оказались не на высотѣ оказаннаго имъ довѣрія и взятыхъ на себя денежныхъ и собирательскихъ обязательствъ. Напримѣръ: П. Оленинъ, получивъ отъ Этнографическаго Отдѣла авансъ

*) Начало сотрудничества Н. Сокольников, какъ мѣстнаго работника, получившаго отъ Д. Клеменца определенное порученіе производить сборы этнографіи среди народностей Анадырскаго края, относится къ 1907 году. Дальнѣйшія сношенія онъ велъ непосредственно съ Д. А.

**) Связь инж. Г. Борисова съ этнограф. отдѣломъ установилась черезъ Д. Клеменца въ 1908 г., отъ него же была послана ему инструкція, какъ и что собирать среди племенъ Чукотскаго полуострова.

въ 2000 рублей, послалъ изъ Якутска всего лишь нѣсколь-
ко десятковъ разрозненныхъ вещей; С. Толстой остался
должнымъ 1237 р. 50 к.; К. Рычковъ, читающій всюду доклады
о своихъ поѣздкахъ въ Туруханскій край, обязанъ отдѣлу
полностью 1000 руб.; В. И. Анучинъ не далъ ни одной ве-
щи, не возвратилъ 1200 руб.*). Даже съ А. Журавскимъ
окончательный расчетъ не обошелся безъ нѣкоторыхъ трений.
Всѣ подобнаго рода сотрудники доставляли Д. А. Клемен-
цу тяжелыя огорченія, а Отдѣлу причиняли значительный
матеріальный ущербъ. Въ настоящее время дѣла о нихъ пере-
даны юрисконсульту Высочайшаго Двора.

Третью группу составили: постоянные сотрудники.

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
А. А. Ма- каренко .	1904	Енисейск. и Иркутск. губ.	Великоруссы.
—	1906	Енисейская г. Ачин., Мин.	Велик., тат. мелец.
—	1907—1908	Енис. (Подкамен. Тунг.) .	Тунгусы.
—	1910	Амурская. обл.	Великорус., кит.
—	1913	Забайкальская обл. . . .	Орочены.
Кн. Д. Э. Ухтомскій.	1908	Заб. обл. (Гусиноозер. дац.)	Монголы, буряты
	1910	Монголія	Монгол.-халхасцы
С. И. Ру- денко . .	1909—1910	Тоб. губ., у. Берез. и Обдор.)	Вогулы, самоѣды, остяки
А. А. Ра- гозина . .	1907	„ „ „ Курганскій . .	Великоруссы.
А. И. Ива- новъ . . .	1907—1910	Китай.	Китайцы.

*) В. И. Анучинъ, м. пр., напечаталъ въ газетѣ «День» (1913 г., № 145) фельетонъ: «Оказали содѣйствіе», съ изложеніемъ независимыхъ обстоя-
тельствъ, которыя помѣшали ему выполнить командировку въ Туруханскій
край въ 1909 г. Онъ упоминаетъ о взятыхъ имъ порученіяхъ отъ Музея Ан-
тропологии и Этнографіи Академіи Наукъ и Русскаго Комитета для изу-
ченія Азии: передъ этими учрежденіями только онъ и отчетывается публично.
В. И. Анучинъ умалчалъ почему-то о томъ, что въ томъ же 1909 г. имъ по-
лучено было, по его ходатайству, 1200 рублей отъ этнографическаго отдѣла
Р. М. И. А. III на сборы этнографическихъ коллекцій среди Енисейскихъ Остя-
ковъ. Какъ этими деньгами распорядился В. Анучинъ, такъ и осталось тай-
ной для отдѣла и завѣдующаго имъ. Д. А. Клеменцъ словно предвидѣлъ это,
когда писалъ В. Анучину: «Я приму ваше предложеніе, если Вы согласитесь
сборы по матеріальному быту и культу собирать исключительно для насъ. Мы уже
потерѣли отъ разныхъ господъ въ этомъ отношеніи, типа Рычкова, Оленина».
Скоро Д. А. пришлось убѣдиться въ томъ, что однимъ подобнымъ же «ти-
помъ» стало больше.

Говорить о нихъ не стоило бы, если бы ихъ поведение не считалось
роковымъ образомъ съ добрымъ именемъ Д. А. Клеменца.

Изъ этнографическихъ сборовъ этой группы довольно многочисленны и разнообразны коллекціи С. Руденко, который изучалъ въ Тобольской губерніи вогуловъ, обскихъ самоѣдовъ и остяковъ. Его постоянное сотрудничество въ отдѣлѣ и собирательская дѣятельность началась при Д. Клеменцѣ (съ 1906 г.), а доставка означенныхъ коллекцій производилась въ концѣ 1909 г. и закончилась въ началѣ 1910 г.

Кн. Д. Э. Ухтомскій поѣздку въ Забайкалье совершилъ на свой счетъ и вывезъ оттуда весьма цѣнное изображеніе «Райя Сукавати» (Дживаджинъ), приготовленное бурятами-художниками дацановъ: Гусиноозерскаго и Гегетуевского. Оно состоитъ изъ 107 нумеровъ и 492 предметовъ и составляетъ часть коллекціи по ламайскому культу, собранной к. Э. Э. Ухтомскимъ и Высочайше дарованной Государемъ Императоромъ Этнографическому Отдѣлу*). Поѣздка кн. Д. Ухтомскаго въ Монголію дала довольно обильные матеріалы естественно-историческаго, антропологическаго характера; имъ собраны были также интересныя бытовыя коллекціи среди Монголь-Халхасцевъ, сдѣланы фотографическіе снимки и проч.

Какъ спеціальныя командировки хранителей, такъ и частныхъ лицъ, а равно и сборы мѣстныхъ сотрудниковъ всегда организовывались и выполнялись за счетъ суммъ Этнографическаго Отдѣла. Производились также покупки отдѣльныхъ предметовъ, а иногда и большихъ коллекцій. Продолжался притокъ пожертвованій.

По такому плану и изложенными выше способами велось ежегодное накопленіе коллекцій въ Отдѣлѣ вообще и въ районѣ Сибири въ частности. Поступленія этнографическихъ коллекцій изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Сибири продолжались и послѣ того, какъ Д. А. Клеменцъ покинулъ отдѣлъ: посылали экспонаты сотрудники, завербованные для этого отдѣла лично Дмитриемъ Александровичемъ (Адріановъ, Головачевъ, Руденко, Сокольниковъ, Г. Борисовъ).

Получаемыя коллекціи регистрировались, проводились по инвентарной книгѣ, укладывались въ ящики и тщательно сохранялись въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ музея до момента выставки.

*) Кн. Д. Э. Ухтомскій. Рай Сукавати («Матер. по этногр. Россіи», 1910 г., т. I, стр. 91).

По статистическимъ даннымъ отчетовъ, сведеннымъ воедино въ статьѣ «Очеркъ дѣятельности этнографическаго отдѣла»*), видно, что путемъ командировокъ, покупокъ и пожертвованій съ 1902 по 1909 годъ, т. е. за время пребыванія Д. А. Клеменца завѣдующимъ этимъ учрежденіемъ, при дружныхъ и усиленныхъ трудахъ всей коллегіи хранителей отдѣла, приобрѣтено было по четыремъ отдѣленіямъ всѣхъ вообще этнографическихъ предметовъ 84969**) Изъ общаго числа коллекцій—47.798 (56,26%) предметовъ быта и культа собрано среди иноплеменныхъ народовъ Россіи и прилегающихъ къ ней странъ. Причемъ, несмотря на значительныя, по сравненію съ другими районами этнографическаго отдѣла, затрудненія, сопровождавшія производство сборовъ по сѣверо-востоку Азіи,—изъ одной только Сибири и Д. Востока доставлено было 13.793 предмета (28, 85%***). Русское племя Сибири и населеніе села Маркова (Чукотскаго пол.) представлены особыми коллекціями въ количествѣ 2516 предметовъ. Въ странахъ, прилегающихъ къ Сибири, собрано пока около пяти слишкомъ тысячъ номеровъ.

Этнографическій отдѣлъ, за тотъ же періодъ своего существованія, обогатился, кромѣ того, разнообразными и цѣнными пожертвованіями какъ въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ, такъ и цѣнныхъ коллекцій. Среди этихъ пожертвованій первое мѣсто, несомнѣнно, занимаетъ даръ Государя Императора—богатѣйшія коллекціи (2596 предм.), приобрѣтенныя отъ наслѣдницъ г-жи Шабельской, и пожертвованныя лично В. П. и Н. П. Шабельскими коллекціи (1078 предм.); тѣ и другія имѣютъ огромное значеніе для характеристики этнографіи сѣверной и центральной Россіи. По району Сибири и Д.-Востока выдающіяся пожертвованія

*) «Матеріалы по этнографіи Россіи», 1910 г., т. 1, стр. 1—XVII).

**) Въ томъ числѣ считая и вещи (3450 шт.) доставленныя г. Руденко, Сокольниковымъ. Сюда же вошли коллекціи чукчей, эскимосовъ, ороchonъ Г. Борисова, такъ какъ число предметовъ, заключающихся въ нихъ, не приведено пока въ извѣстность за недоставленіемъ, по условіямъ транспортнымъ и военнаго времени, письменныхъ о нихъ свѣдѣній.

***) А именно: отъ Вогуловъ, Остяковъ, Самоѣдовъ, Юраковъ, Тюрковъ сибирскихъ и алтайскихъ, Якутовъ, Бурятъ, Киргизовъ, Тунгусовъ, Долганъ, Ламутовъ, Ороchonъ, Гольдовъ, Гиляковъ, Юкагировъ, Чукчей, Чуванцовъ, Пэковъ, Алеутовъ, Коряковъ, Камчадаловъ.

сдѣланы были Государемъ Императоромъ: приобрѣтенная у кн. Э. Э. Ухтомскаго капитальная коллекція предметовъ (2047) буддійскаго культа, собранія китайскихъ вещей А. И. Верещагина и коллекціи эскимосскихъ, алеутскихъ и тлинкитскихъ вещей, переданныхъ въ отдѣлъ изъ Царскосельскаго арсенала. Собраніе это «имѣетъ чрезвычайную важность, такъ какъ оно даетъ ключъ къ объясненію источника культуры инородцевъ крайняго Востока, обитающихъ по побережью Тихаго океана»^{*)}. Затѣмъ слѣдуютъ пожертвованія: отъ Н. П. Сокольниковъ — костяныя издѣлія чукчей и коряковъ, Гродековскаго музея Приамурскаго отдѣла И. Р. Г. О. — бытовые коллекціи инородцевъ Д. Востока, баки донскихъ Калмыковъ Дамбо Ульянова — тибетскія книги «Ганчжуръ-Данчжуръ», Аргимбоа Кульджина — бытовые вещи Алтайскихъ Калмыковъ и др.

Своеобразное пожертвованіе поступило отъ комитета ликвидированнаго въ Портъ-Артурѣ музея; оно заключается въ видѣ процентныхъ бумагъ и наличныхъ денегъ (въ суммѣ 11688 р. 28 к.) съ указаніемъ спеціальнаго ихъ назначенія, а именно: чтобы собранные на этотъ капиталъ матеріалы были выставлены въ отдѣлѣ особо. Что касается покупокъ частныхъ сборовъ, то обращаетъ на себя вниманіе коллекція инж. Монковскаго, состоящая изъ гольдскихъ и ороchonскихъ одеждъ, выдѣланныхъ изъ рыбьихъ кожъ и прекрасно орнаментированныхъ.

Росла и библіотека этнографическаго отдѣла, имѣя постоянный бюджетъ въ размѣрѣ 5000 р.; въ 1903 г. у нея было 1591 томъ, а въ отчетномъ 1909 г. она обладала уже 12211 томами книгъ, приобрѣтенныхъ и пожертвованныхъ. Продуктивно работала также собственная фотографія отдѣла, снабжавшая, кромѣ того, экскурсантовъ отдѣла фотографическими аппаратами и др. принадлежностями для нуждъ ихъ поѣздокъ.

Въ такомъ порядкѣ и направленіи шла и развивалась дѣятельность этнографическаго отдѣла, и накапливались въ немъ научныя цѣнности при завѣдующемъ Д. А. Клеменцѣ.

«Во всякомъ случаѣ», писалъ Д. А. въ сентябрѣ 1909 года изъ Слагенс'а, «можно съ увѣренностью сказать, что въ

^{*)} Отчетъ, 1907 г., стр. 16.

ближайшемъ будущемъ Россія обогатится новымъ обширнымъ этнографическимъ музеемъ, новымъ источникомъ нагляднаго образованія для лицъ всѣхъ классовъ общества».

Перспективы прекраснаго будущаго роднаго дѣтища не могли, однако, заслонить отъ глазъ Д. А. существенныхъ пробѣловъ. Ближняя Азіатская Россія, по разнообразію этнографическаго состава и различію культуръ, требуетъ, по его мнѣнію, «не мало и усиленныхъ еще работъ». Несмотря на то, что Сибирь сравнительно хорошо представлена инородцами, Д. А. находилъ «необходимымъ въ ближайшемъ будущемъ обратить серьезное вниманіе на Дальній востокъ», чтобы поторопиться «захватить пока не успѣвшіе исчезнуть мелкіе народы и Корею». Его печалилъ Китай, который съ его вассальными землями «почти не затронутъ былъ этнографическими изслѣдованіями». Онъ считалъ задачей первостепенной важности установленіе тѣснаго общенія Всероссійскаго центральнаго этнографическаго музея съ мѣстными областными музеями, по примѣру Франціи. Мечталъ онъ и о многомъ другомъ, стремясь достигнуть наибольшей цѣльности и серьезности научной постановки дѣла музея, что сдѣлало бы его дѣйствительнымъ хранилищемъ культурныхъ памятниковъ народовъ Россіи и прилегающихъ къ ней странъ, «новымъ источникомъ нагляднаго образованія для лицъ всѣхъ классовъ, для массъ народныхъ.»

IV.

Во время завѣдыванія этнографическимъ Отдѣломъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ и по роду своихъ занятій, Дмитрію Александровичу удалось совершить лишь одну научную экспедицію въ Сибирь. Въ 1904 году, въ сопровожденіи неизмѣнной своей спутницы Е. Н. Клеменць*), онъ отправился на Алтай съ цѣлью изученія быта алтай-

*) Покойная Е. Н. Клеменць, содѣйствуя Д. А. во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ, отзывалась также на интересы отдѣла непосредственно. Она принесла ему въ даръ коллекцію бытовыхъ вещей, собранныхъ ею въ Костромской губ., сдѣлала ботаническія опредѣленія коллекціи лекарственныхъ растений, поступившей изъ Сибири.

скихъ Калмыковъ и Теленгитовъ и сбора среди нихъ этнографическихъ коллекцій. Маршрутъ изслѣдованій Д. А. охватилъ часть Бійскаго округа, вдоль лѣваго берега Катуни и рѣки Чуи, по русско-монгольскому тракту. Д. А. встрѣчалъ полное содѣйствіе въ своихъ работахъ и искреннее желаніе помочь дѣлу личнымъ участіемъ и пожертвованіемъ, какъ со стороны чиновъ управленія Кабинета Его Величества, бійскихъ купцовъ, торгующихъ среди инородцевъ и въ Монголіи, такъ и среди мѣстнаго населенія—русскаго и инородческаго. Экспедиція продолжалась полтора мѣсяца и дала въ результатъ, кромѣ цѣнныхъ наблюденій, 465 предметовъ изъ быта и культа упомянутыхъ выше народностей Алтая*).

Выбравшись изъ горныхъ тѣсинъ Алтая, Д. А. Клеменцъ посѣтилъ Красноярскъ и Минусинскъ (Енисейской губ.) и заручился тамъ содѣйствіемъ для музея мѣстныхъ работниковъ. Съ тою же цѣлью онъ останавливался въ г.г. Томскѣ и Омскѣ. Въ свое пребываніе въ Омскѣ Д. А. сдѣлалъ сообщеніе въ засѣданіи Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. на тему: «Кризисъ въ современныхъ шаманскихъ вѣрованіяхъ», составленное подъ свѣжимъ наблюденіемъ религіозныхъ движеній Алтайцевъ. По возвращеніи изъ Сибири, Д. А. прочелъ докладъ въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, подъ заглавіемъ: «Изъ впечатлѣній во время поѣздки на Алтай въ 1904 году»**).

Въ этомъ докладѣ онъ разсказалъ о крупномъ событіи на Алтайѣ, которое выразилось въ религіозномъ движеніи среди тамошнихъ Калмыковъ. Оно вызвано было проповѣдью Четъ-Челпанова, призывавшаго соотечественниковъ порвать связь съ шаманствомъ и его кровавыми жертвоприношеніями. Какъ извѣстно, самъ проповѣдникъ и его сторонники были заподозрѣны мѣстною властью въ стремленіи къ сепаратизму, пресѣчь которое рѣшено было немедленно. Съ этимъ намѣреніемъ, власти, при содѣйствіи вооруженной ими банды крестьянъ, разгромили станъ Четъ-Челпанова, а его самого и десятка два—три его ближайшихъ приверженцевъ отправили въ тюремный замокъ въ г. Бійскѣ. Дѣло о нихъ направлено было затѣмъ въ судебную инстанцію.

*) Отчетъ Рус. Музея И. А. III, 1904 г., стр. 13.

**) «Извѣстія» И. Р. Г. О. 1906 г. Т. XII, в. 1, стр. 155—159.

Вѣроятно, читанные Д. А. Клеменцемъ доклады въ Омскѣ и Петроградѣ о происходившемъ религіозномъ броженіи на Алтаѣ дошли до свѣдѣнія томской губернской власти. Этимъ предположеніемъ только и можно объяснить тотъ весьма рѣдкій фактъ, что, когда назначенъ былъ день судебного разбирательства дѣла Четь-Челпанова и его сподвижниковъ, то Д. А. приглашенъ былъ заблаговременно «въ качествѣ эксперта по языческимъ вѣрованіямъ»^{*)}). Его заключеніе не мало способствовало тому, что Четь-Челпановъ и томившіеся съ нимъ въ тюрьмѣ его послѣдователи освобождены были отъ подсудности и отпущены съ миромъ къ себѣ на родину ^{**)}).

Должно быть, наблюденія надъ распространившимся среди алтайскихъ шаманистовъ новымъ вѣроученіемъ толка Четь-Челпанова и личное участіе въ судебномъ процессѣ оставили у Д. А. Клеменца глубочайшее впечатлѣніе.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Д. А. снова вернулся къ вопросу о шаманствѣ, сближая его «по основнымъ его признакамъ—съ развитымъ политеизмомъ»^{***)}), и къ разсмотрѣнію существа взаимоотношеній между ламаизмомъ и шаманствомъ. Эту идею онъ развилъ въ специальномъ докладѣ: «О взаимныхъ вліяніяхъ между ламаизмомъ и бурятскимъ шаманствомъ»^{****)}).

Иллюстрируя свою мысль цѣлымъ рядомъ примѣровъ, Д. А. показалъ, какъ, съ одной стороны, буддизмъ, вѣдряясь среди монголовъ, тѣснилъ и вытѣснялъ мѣстами окончательно шаманизмъ, съ другой—эта религія сама уснащалась «посторонними ингредиентами и снова попадала въ обстановку первобытнаго шаманизма».

Попутно Д. А. привѣтствуетъ факторъ привлеченія этнографіи къ судебной экспертизѣ, давшей въ процессѣ

^{*)} Отчетъ Р. М. И. А. III, 1906 г., стр. 26.

^{**)} Представитель обвиненія при этомъ заявилъ, что «этнографическая экспертиза достаточно выяснила дѣло, пожалѣлъ о томъ, что не было ея при предварительномъ слѣдствіи, и выразилъ увѣренность, что при этомъ условіи дѣло Чета было бы проведено инымъ порядкомъ». (См. статью Д. Клеменца: «О взаимныхъ вліяніяхъ между ламаизмомъ и бурятскимъ шаманствомъ». —Этнографич. Обзор., 1909, кн. 83, стр. 7).

^{***)} Впечатлѣнія во время лѣтней поѣздки на Алтай въ 1904 г. стр. 1.

^{****)} Докладъ читанъ на засѣданіи подсекціи этнографіи XII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ. «Этнограф. Обзор.», 1909 г., кн. 83.

Чета столь благоприятный результатъ. Въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи—въ дѣлѣ вотяковъ,—это былъ первый случай. Исповѣдуя теоретически мнѣніе о цѣлесообразности участія въ судѣ этнографіи и убѣдившись въ томъ самолично, Д. А. въ заключеніе выражаетъ въ означенномъ докладѣ «скромное пожеланіе о томъ, чтобы русскіе этнографы обратили вниманіе на этнографическую экспертизу въ судахъ» (7).

Погруженный въ организаціонную работу по созданію Этнографическаго Отдѣла, Д. А. Клеменць не прерывалъ своей общественной работы и трудовъ въ области науки*).

Такъ, въ томъ же 1904 г. Д. А., въ качествѣ члена Русскаго Центральнаго Комитета международной Ассоціаціи для изслѣдованія Средней и Восточной Азіи, выработалъ программу для предполагавшейся экспедиціи Комитета за Тянь-Шань въ Турфанскій оазисъ**.)

*) Касаясь этой стороны дѣятельности Д. А., я ограничусь однако лишь простымъ перечнемъ его трудовъ, вышедшихъ за время пребыванія его завѣдующимъ Этнограф. Отдѣломъ.

**) Съ Турфаномъ у Д. А. Клеменца—кровная связь по его научнымъ открытіямъ. Но къ свѣтлому воспоминанію Д. А. объ этомъ оазисѣ примѣшалось и чувство глубокой обиды: 1) Академія Наукъ, по какимъ то причинамъ, ограничилась выпускомъ одного тома со статьею Д. А.: «Турфанъ и его древности»; а опубликованіе детальнаго описанія предметовъ, добытыхъ турфанской экспедиціей въ 1898 г., такъ и замерло; 2) «все его хлопоты по снаряженію въ ту же мѣстность другой экспедиціи на болѣе продолжительное время оказались безплодными». (Д. Анучинъ. Памяти Д. А. Клеменца. —«Рус. Вѣд.», 1914 г., № 7).

Гнѣвался за Турфанъ Д. А. и на «нѣмца». «Судите сами», пишетъ Д. А. своему корреспонденту, «въ 1898 г. мнѣ удалось открыть по слѣдамъ китайскихъ источниковъ остатки буддійскихъ древностей. Эта новость взволновала весь міръ оріенталистовъ. Достаточно, что на Римскѣмъ конгрессѣ оріенталистовъ рѣшено было въ каждой странѣ устроить по Комитету для изслѣдованія Затяньшанья. Мы съ нѣмцами раздѣлили территоріи изслѣдованій. Я передалъ имѣвшіеся у меня матеріалы музею Берлинскому, помогли, чѣмъ только могли. Послѣ первой нѣмецкой экспедиціи направились двѣ—одна отъ насъ, другая—отъ нѣмцевъ; условлено было строго раздѣлить районы; но нѣмецъ просилъ докончить работу въ одномъ храмѣ, который онъ началъ изслѣдовать въ первую экспедицію. Это было ему любезно разрѣшено; но нѣмецъ, посланный пріѣхалъ поздно; а нѣмецъ, докончивши все въ одномъ мѣстѣ, безъ церемоніи принялся обирать матеріалы и въ другихъ. Завелась по этому поводу переписка, въ результатъ которой получился отвѣтъ: что у волка въ зубахъ—Егорій далъ»,

Въ 1905 г. Д. А. написалъ для одного англійскаго изданія статью о вѣрованіяхъ бурятъ-шаманистовъ (Religion of Buriats*); помѣстилъ некрологи: Н. М. Мартыанова («Извѣстія» И. Р. Географ. О-ва, т. XL, 1905 г., стр. 47—50) и Д. А. Корончевскаго («Ежегодникъ» Р. Антропол. О-ва т. I, 1905 г., стр. 256—258) и напечаталъ въ журн. «Русское Богатство» статью: «Бѣглыя замѣтки о желтой опасности» (1905 г., №№ 7 и 9**).

Въ 1906 г. Д. А. принималъ участіе въ комиссіи по изданію карты Россіи И. Р. Географическимъ Обществомъ. Въ то же время редактировалъ и частью закончилъ переводъ съ нѣмецкаго проф. Казанскаго У-та И. Н. Смирновымъ сочиненія Г. Шурца—Urgeschichte der Kultur («Исторія первобытной культуры»); оно вышло въ свѣтъ съ предисловіемъ и дополненіями Д. А.***).

Въ 1907 г. Д. А. написалъ въ сборникѣ статей о Сибири, вышедшемъ подъ редакціей г. Мельника, очеркъ: «Населеніе Сибири» («Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды» СПб. 1908 г. стр. 37—78).

Въ слѣдующемъ (1908) году Д. А. помѣстилъ въ энциклопедическомъ словарѣ Ганса Мейера статью: «О возрастныхъ классахъ, клубахъ и тайныхъ обществахъ у первобытныхъ народовъ» и напечаталъ въ «Запискахъ» И. Р. Г. О-ва замѣтку: «О маршрутѣ китайскаго путешественника, даосскаго монаха Чанъ-Чуня», который, выполняя порученіе знаменитаго Чингисъ-хана, изъ внутренняго Китая проникъ черезъ сѣверную Монголію въ Самаркандъ. Благодаря многократнымъ путешествіямъ своимъ въ Монголію, Д. А. Клеменцъ успѣлъ ближе, чѣмъ его предшественники (Позднѣвъ, Потанинъ и др.), ознакомиться съ мѣстностями Хангайскаго нагорья и юго-востокомъ Пригобійскаго Алтая, что дало ему возможность возстановить въ главныхъ чертахъ направленіе пути даосскаго монаха вплоть до его прибытія на южную сторону Джунгарской Гоби.

*) Отчетъ Р. М. И. А. III, 1905 г., стр. 20.

**) Н. Момлянский: Памяти Д. А. Клеменца (Матер. по этнограф. Россіи. Т. II, 1914 г., стр. VII).

***) Отчетъ, 1906 г., стр. 26.

Дальнѣйшій путь Чанъ-Чуня вплоть до Самарканда уже вполне выясненъ, и Д. А. оставилъ его поэтому безъ описанія*).

Въ томъ же 1908 году Д. А. перепечаталъ въ журн. «Сибирскіе Вопросы» (1908 г., №№ 49—52, стр. 7—57) статью: «Замѣтки о кочевомъ бытѣ», представляющую общую сводку его замѣтокъ о кочевомъ хозяйствѣ, печатавшихся въ 1905 г. въ «СПБ. Вѣдомостяхъ». Въ сотрудничествѣ со мною, Д. А. написалъ (за подписью «Альтерно») и напечаталъ въ «Сибир. Вопр.» (1908 г., №№ 33—34, стр. 15—28) библиографическую замѣтку: «Новый сборникъ о Сибири», посвященную критикѣ статей «Сборника», редактированнаго г. Мельникомъ; перу Д. А. принадлежатъ полностью мѣста, относящіеся къ вопросамъ: «Торговля въ Сибири» (М. Боголѣпова), «Города Сибири» «Нужды Сибири» (статьи Г. Потанина); частично онъ высказался по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, трактуемымъ въ «Сборникѣ», за исключеніемъ темы, имъ самимъ разработанной въ поименованной выше статьѣ («Населеніе Сибири»).

Въ 1909 году Д. А. напечаталъ въ «Сибир. Вопр.» (№ I, стр. 14—17) небольшую статью: «На текущія темы». Въ ней онъ ставитъ на очередь вопросъ о помощи инородцамъ сѣверо-востока Сибири, которые вырождаются и вымираютъ, и объ упроченіи ихъ хозяйства, путемъ обученія, напримѣръ, веденію правильнаго оленнаго хозяйства и искусственному разведенію пушныхъ звѣрей, что, въ свою очередь, способствовало бы сохранности этихъ цѣнныхъ породъ. Въ этомъ же году Д. А. прочиталъ въ засѣданіи подсекціи этнографіи XII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ докладъ «Объ условіяхъ перехода кочевниковъ къ осѣдлости».

Еще въ бытность Д. А. Клеменца завѣдующимъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III, была разработана, при его участіи, программа постояннаго органа Отдѣла, и при немъ еще стали печататься, подъ редакціей хранителя Ѳ. К. Волкова, первый томъ подъ общимъ названіемъ: «Матеріалы по этнографіи Россіи» (СПБ. 1910 г.). Въ этотъ томъ (стр. 117—154) вош-

*) Отчетъ Р. М. И. А. III, 1908 г., стр. 26.

ла и статья Д. А.: «Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ» (Зэгэгэ-аба—охота на росомахъ), написанная по рукописнымъ матеріаламъ сотрудника Отдѣла М. Н. Хангалова.

Научная работа, однако, не отвлекала Д. А. Клеменца отъ повседневныхъ трудовъ и прямыхъ заботъ о судьбѣ Этнографическаго Отдѣла. Его сильно волновалъ вопросъ о планѣ зданія, разработанномъ внѣ сферы его вліянія и подвергавшемся къ тому же частымъ передѣлкамъ; не менѣе его беспокоила медленность постройки зданія для Отдѣла, и озабочивали серьезно вопросы предстоящей мебелировки зданія, практическихъ шаговъ по расположенію музейныхъ матеріаловъ и т. п. Въ дѣлѣ постройки зданія Д. А. удалось лишь настоять на томъ, чтобы косяки оконъ обоихъ этажей были скошены внутрь, чѣмъ достигнуто было пропускъ въ помѣщенія нѣсколько большаго количества наружнаго свѣта. Когда созвана была комиссія для рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ опредѣленію типа мебели для достроеннаго вчернѣ зданія, Д. А. выступилъ въ ней съ схемой расположенія въ помѣщеніи шкафовъ и витринъ, выработанной имъ. При этомъ имъ было принято во вниманіе два основныхъ требованія: 1) наилучшее условіе освѣщенія выставочныхъ предметовъ и 2) возможно большая экономія мѣста, т. е. полученіе максимума пригоднаго для выставки объектовъ пространства. Эта схема была принята шкафной комиссіей; она присоединилась также къ предложенію Д. А. Клеменца—постройкѣ однотипныхъ шкафовъ и витринъ преимущественно изъ желѣза, зеркальнаго стекла и съ герметическими затворами*). Въ слѣдующемъ засѣданіи было признано допустимымъ введеніе въ музейный обстановочный обиходъ нѣкотораго процента деревянной мебели со стекломъ.**)

Въ настоящее время Этнографическій Отдѣлъ снабженъ и желѣзной и деревянной мебелью. Работы по установкѣ въ зданіи желѣзныхъ шкафовъ и витринъ начались при Д. А. Клеменцѣ, а закончились послѣ того, какъ онъ покинулъ службу въ Отдѣлѣ. Безъ Д. А. произведена была дополнительная обстановка деревянной мебелью. Безъ него

*) Протоколъ комиссіи 20-го мая 1908 г., № 1.

**) Протоколъ комиссіи отъ 27-го мая, 1908 г., № 2.

уже «Старый Отдѣлъ» перебрался въ новое зданіе, и, наконецъ, безъ Д. А. установлено было нынѣшнее расположеніе въ Отдѣлѣ музейныхъ экспонатовъ.

У.

Будучи отвѣтственнымъ администраторомъ и духовнымъ руководителемъ всей дѣятельности Этнографическаго Отдѣла, Д. А. Клеменць несъ вдобавокъ особый трудъ въ качествѣ хранителя-этнографа отдѣла Сибири и Дальняго Востока. Тамъ онъ, какъ упоминалось выше, организовалъ планомѣрные сборы этнографическихъ коллекцій; самолично занимался регистраціей коллекцій по своему району; онъ завѣдывалъ инвентарной книгой, тщательно и подробно внося въ нее предметы зарегистрированныхъ коллекцій; былъ одновременно редакторомъ регистраціонныхъ списковъ, стекавшихся къ нему изъ всѣхъ отдѣловъ; на немъ лежалъ трудъ обученія дѣлу регистраціи работающихъ въ Отдѣлѣ по вольному найму, составъ которыхъ часто мѣнялся въ зависимости отъ колебанія поступленій этнографическихъ матеріаловъ. Д. А. входилъ въ многообразныя сношенія съ учеными обществами и учрежденіями, различными фирмами и т. п. Къ нему обращались путешественники, экскурсанты. Его кабинетъ былъ открытъ для каждаго, и каждому самъ Д. А. былъ доступенъ безъ всякихъ формальностей.

Приходя на занятія, можно было часто застать Д. А. уже сидящимъ въ кабинетѣ за исполненіемъ своего дѣла. Не проходило дня, чтобы завѣдующій не обошелъ своихъ коллегъ и другихъ служащихъ. Запросто, бывало, Д. А. подойдетъ къ столу того или иного «регистратора» и тутъ же, по собственному почину, или по запросу перваго, станетъ давать тѣ или иныя объясненія, напр., какъ вести регистрацію предметовъ и пр. Этому дѣлу онъ придавалъ большое значеніе, какъ черновой подготовкѣ матеріаловъ къ научному описанію музейныхъ коллекцій. Д. А. всегда былъ за то, чтобы регистрація коллекцій не только отвѣчала требованію правдиваго описанія внѣшнихъ признаковъ предмета (его формы, размѣра, матеріала и т. д.), но и сообщала бы дополнительныя о немъ свѣдѣнія, относя-

щіяся къ его назначенію, способу употребленія, степени распространенности и пр. Въ разговорѣ онъ усаживался на стулъ, подвернувъ подъ себя ногу, или продолжалъ стоять, иногда опершись ногой о стулъ, всегда съ папирской, которую не выпускалъ изо рта. Къ этому мѣсту подойдетъ то одинъ то другой хранитель, соберутся «регистраторы», кто послушать, кто разспросить. Завяжется общій разговоръ, совмѣстное обсужденіе метода регистраціи, подведенія частнаго случая классификаціи предметовъ подъ общую систему и т. д. И вопросы разрѣшались скоро, но серьезно, обстоятельно. Каждый получалъ не только практическое указаніе съ теоретическимъ обоснованіемъ или съ ссылкой на соотвѣтствующій примѣръ, но и извѣстное моральное удовлетвореніе отъ сознанія, что онъ часть—общей семьи работниковъ въ Отдѣлѣ, трудящихся по общему плану надъ созданіемъ національнаго учрежденія. Работа общая спорелась, а престижъ завѣдующаго Д. А. Клеменца и хранителей отдѣла все росъ въ глазахъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Такимъ-то былъ «Старый Отдѣлъ», такова была рабочая жизнь въ немъ и установившіяся традиціи. Въ «Старый Отдѣлъ» приходили работать,—какъ «въ родной домъ»,—не разъ говорилось. Въ центрѣ его стоялъ Дмитрій Александровичъ, окруженный общимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Какъ-то выходило, что даже служители музея дѣлали Д. А. повѣреннымъ своихъ нуждъ и желаній. По ихъ просьбѣ онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе Августѣйшаго Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III Великаго Князя Георгія Михайловича на устройство для служителей кассы взаимопомощи. Она открыла свои операціи въ 1905 г., имѣя перваго выборнаго предсѣдателя въ лицѣ Д. А. Клеменца.

Можно было бы добавить рядъ другихъ характерныхъ эпизодовъ, гдѣ Д. А. выказалъ, какъ администраторъ, гуманное и справедливое отношеніе къ служительскому персоналу музея,—чѣмъ оставилъ по себѣ въ Отдѣлѣ добрую память.

Тихо и незамѣтно ушелъ Д. А. Клеменцъ изъ Этнографическаго Отдѣла. Такъ же тихо и незамѣтно сошелъ онъ и въ могилу въ Москвѣ. Близкіе друзья и товарищи похоронили его 13 января 1914 года на Ваганьковскомъ кладбищѣ рядомъ съ той, кто любилъ и лелѣялъ его до гробовой доски, кто перевозмогалъ съ нимъ трудности научныхъ путешествій, кто дѣлилъ радости и горе послѣднихъ лѣтъ, --- съ его вѣрной женой Елизаветой Николаевной Клеменцъ.

Русскій Музей Императора Александра III делегировалъ на похороны Клеменца князя Д. Э. Ухтомскаго, который возложилъ на гробъ массивный вѣнокъ и произнесъ на могилѣ весьма прочувствованную рѣчь. Отъ служительскаго персонала музея и нештатныхъ служащихъ также былъ возложенъ вѣнокъ, а представитель ихъ, — авторъ сихъ воспоминаній, — сказалъ у открытой могилы любимаго и незабвеннаго Дмитрія Александровича Клеменца послѣднее прости.

Алексѣй Макаренко.

Коллекціи Д. А. Клеменца въ сибирскихъ музеяхъ.

I.

Значительныя и разнообразныя коллекціи были пожертвованы Д. А. Клеменцемъ въ музей *Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества* въ Иркутскѣ. Эти пожертвованія относятся преимущественно къ 1889—1894 г.г. Въ музей Отдѣла хранится значительная монгольская *геологическая* коллекція Д. А. Клеменца. Въ 1889 г. послѣднимъ были доставлены въ музей 1) геологическая коллекція, собранная въ Ачинскомъ округѣ Енисейской губерніи, и 2) *палеонтологическая*, собранная по р. Чулыму въ той же губерніи (по инвентарной записи „коллекція горныхъ породъ съ отпечаткомъ растений“), 3) *ботаническая* (коллекція растений, собранная въ Канскомъ и Ачинскомъ округахъ въ Енисейской губерніи въ 1888 году), и 4) *этнографическая* (коллекція онгоновъ, собранная среди инородцевъ Минусинскаго округа). Въ 1890 г.—пожертвованы были имъ 1) *этнографическая* коллекція, относящаяся къ быту различныхъ инородческихъ народностей В. Сибири: сойотовъ, кызыльцевъ, забайкальскихъ бурятъ; 2) нѣкоторые *археологическіе* предметы, найденные въ Забайкальской области, и 3) *гербарій*, собранный на пескахъ и каменистыхъ мѣстахъ Верхнеудинскаго и Селенгинскаго округовъ Забайкальской области. Небольшая *этнографическая* коллекція (44 предмета) была доставлена затѣмъ Д. А. Клеменцемъ въ 1891 годахъ. Коллекція эта относится къ быту (преимущественно шаманскому культу) сойотъ, качинскихъ татаръ, остяковъ Нарымскаго края и др.

II.

Въ музей *Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества* въ г. Троицко-

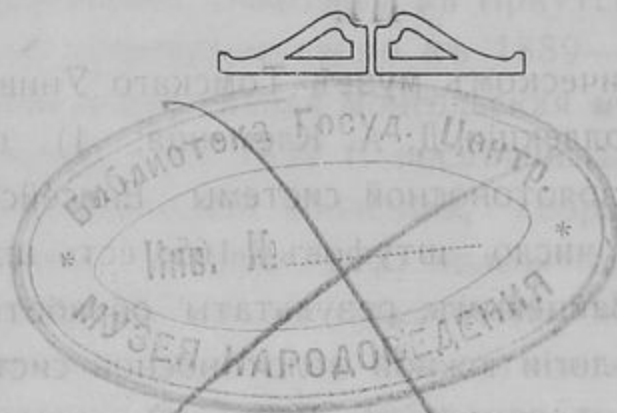
савскѣ Д. А. Клеменцемъ были доставлены слѣдующія коллекціи и предметы. Въ 1896 году—1) образцы отпечатковъ растений на сланцахъ Буколъ-Беренской степи; 2) сростокъ сферосидита изъ пластовъ, содержащихъ отпечатки растений. Въ этомъ же году была доставлена въ музей коллекція растений, собранная Е. Н. Клеменцъ въ 1894 году. (растения опредѣлены Н. М. Мартьяновымъ). Въ 1897 году Д. А. Клеменцъ доставилъ въ Троицкосавскій музей: 1) черепъ кулана изъ сѣверной Монголіи; и 2) „Хунхеинъ-бичикте-чоло“—руническую надпись, найденную въ долинѣ Бургасынъ-ама, системѣ рѣчки Сенкира, лѣваго притока р. Керулена. (Копія съ копіи, уменьшена въ 2 раза, снята Д. А. Клеменцемъ 2 іюня 1895 года).

III.

Въ Минералогическомъ музеѣ Томскаго Университета хранятся слѣдующія коллекціи Д. А. Клеменца: 1) петрографическая, изъ южной золотоносной системы Енисейскаго округа, дост. въ 1889 году; число штуфовъ—165; есть шлифы; обработана проф. А. М. Зайцевымъ; результаты обработки помѣщены въ статьѣ: „Къ геологіи южной золотоносной системы Енисейской губерніи“, помѣщенной въ „Вѣстникъ золотопромышленности и горнаго дѣла“ за 1892 г., №№ 7—10 и 13; 2) петрографическая, съ р. Ангары, въ количествѣ 7 штуфовъ: есть шлифы; обработана проф. А. М. Зайцевымъ; опредѣленія сообщены Д. А. Клеменцу; 3) петрографическая, изъ Минусинскаго округа, въ количествѣ 55 штуфовъ; есть шлифы; обработана А. М. Зайцевымъ, описаніе послано Д. А. Клеменцу въ 1891 году; 4) петрографическая, изъ Монголіи, въ количествѣ 36 штуфовъ; есть шлифы; обработана проф. А. М. Зайцевымъ; описана имъ въ статьѣ „Петрографическій матеріалъ, собранный П. Н. Крыловымъ въ 1892 г. на Саянахъ и въ Урянхайской землѣ“, помѣщенной въ Извѣстіяхъ Томскаго университета за 1896 годъ; при коллекціи есть краткій дневникъ Д. А. Клеменца; 5) палеонтологическая, изъ „Кривой на Енисеѣ“ (обозначеніе Д. А. Клеменца), въ количествѣ 27 штуфовъ; не обработана; 6) палеонтологическая, изъ Минусинскаго округа, оз. Чжемакуль, по правой сторонѣ р. Уйбата; въ количествѣ 21 штуфа,

не обработана; 7) петрографическая, съ системы Абакана, доставлена въ 1884 году въ количествѣ 75 штуфовъ; при коллекціи имѣется собственноручная помѣтка А. М. Зайцева:, прислана изъ Зап. Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва по ошибкѣ, вмѣсто коллекціи съ Верхней Томи, подлежитъ отсылкѣ, удержана по просьбѣ Д. А. Клеменца“ *).

БИБЛИОТЕКА
НИИ музеевѣдѣнія

*) Соотвѣтствующія свѣдѣнія къ настоящей замѣткѣ были получены отъ Правителя Дѣлъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва и отъ завѣдующаго Минералогическимъ музеемъ Томскаго университета, приватъ-доцента г. Пилипенко. Отъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва было получено сообщеніе, что отъ Д. А. Клеменца въ музей Отдѣла никакихъ коллекцій не поступало. Отъ Минусинскаго музея отвѣта на запросъ получить не удалось.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
В. А. Обручевъ.	Обзоръ путешествій Д. А. Клеменца по внутренней Азіи и ихъ географическихъ и геологическ. результатовъ 1
Н. Козьминъ.	Д. А. Клеменцъ и историко-этнографическія изслѣдованія въ Минусинскомъ краѣ 35
И. И. Поповъ.	Дмитрій Александровичъ Клеменцъ (Біографическій очеркъ) 65
Н. Егоровъ.	Поѣздка въ соленосный районъ р. Кемпендяя Якутской области 78
А. В. Адриановъ.	Памяти супруговъ Клеменцъ 103
І. Іоганзенъ.	Замѣтки о птицахъ Иркутской губ. 125
И. Серебренниковъ.	О дѣятельности Д. А. Клеменца въ Вост.-Сиб. Отдѣлѣ Имп. Русск. Географическ. О-ва. Изъ ученой переписки Д. А. Клеменца 140
А. В. Пруссанъ.	Замѣтка о несвободномъ населеніи Восточной Сибири во второй половинѣ XVII вѣка 212
С. Ольденбургъ.	Экспедиція Д. А. Клеменца въ Турфанъ въ 1898 году 219
И. Ларинъ, С. Сизыхъ.	Матеріалъ къ изученію народно-медицинскихъ растений Иркутской губ. 232
А. Мэргень.	Д. А. Клеменцъ и сибирскіе инородцы 241
Д. Н. Мишаринъ.	Свадебныя пѣсни, записанныя въ Верхоленскомъ уѣздѣ, Ирк. губ. 257
А. Адриановъ и И. Серебренниковъ.	Литературные труды Д. А. Клеменца (1884—1910 г. г.) 273
С. А. Григорьевъ.	Краткое сообщеніе объ археологической поѣздкѣ въ долину р. Лены 313
А. Макаренко.	Д. А. Клеменцъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго музея Императора Александра III (1901—1909 г. г.) 316
Коллекціи Д. А. Клеменца въ сибирскихъ музеяхъ	356